

Бестселлер New York Times #1

ДЭВИД

БОЛДАЧЧИ



ГДЕ МОЯ СЕСТРА?

ПЕРВАЯ КНИГА НОВЕЙШЕЙ СЕРИИ АВТОРА

В мире продано более 130 000 000 экземпляров романов автора

Annotation

В памяти у Этли Пайн, словно стальная заноза, засело воспоминание: ей шесть лет, и вторгшийся в их дом мужчина выбирает с помощью детской считалки между ней и Мерси, ее сестрой-близнецом. В итоге он останавливается на Мерси и уносит ее с собой. Больше Этли никогда не видела сестренку...

Теперь, спустя тридцать лет, специальный агент ФБР Пайн едет в тюрьму особо режима, где отбывает пожизненный срок особо опасный убийца-маньяк, признавшийся во многих преступлениях. Этли узнала его. Это он приходил в их дом вечность назад. И теперь она хочет задать ему всего один вопрос: «Где моя сестра?»

- [Дэвид Болдаччи](#)
 -
 -
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)

- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#)
- [Глава 23](#)
- [Глава 24](#)
- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)

- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)
- [Глава 62](#)
- [Глава 63](#)
- [Моя благодарность](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)

- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)



Дэвид Болдаччи Где моя сестра?

*Кристен Уайт,
нашей правой руке и
левой ногой. Я не знаю,
что мы бы без тебя
делали, и надеюсь, что
никогда не узнаем.
Замечательному коллеге
и другу.*

Дэвид Болдаччи – настоящий классик остросюжетного жанра. Он выпустил более 30 произведений, переведенных на 45 языков и вышедших в 80 странах общим тиражом более 130 000 000 экземпляров; при этом каждый его роман становился международным мегабестселлером. Имя Дэвида Болдаччи занесено в Международный зал славы писателей криминального жанра. Его романы называл в числе своих любимых президент США Билл Клинтон. По его книге «Абсолютная власть» был снят одноименный киноблокбастер, режиссером и исполнителем главной роли в котором стал Клинт Иствуд. Также по романам Дэвида сняли популярный телесериал «Кинг и Максвелл» (2013). В довершение ко всему в 1997 г. журнал «Пипл» включил Болдаччи в список 50 самых красивых людей планеты.

Болдаччи по-прежнему не имеет себе равных.

Sunday Times

Один из самых успешных авторов в жанре триллера, Болдаччи попросту не нуждается в представлении.

Daily Mail

Болдаччи словно бы примеряет кожу своих героев –

и поражает нас глубиной своей эмпатии.

Sunday Express

Болдаччи – один из лучших авторов триллеров всех времен.

Ли́за Гарднер

Этли Пайн – героиня, которую я никогда не забуду.

Тесс Герритсен

И снова вы можете произнести слова «Болдаччи», «бестселлер» и «киносценарий», не переводя дыхание.

Chicago Sun

Глава 1

Эни, мини, майни, мо.

Специальный агент ФБР Этли Пайн смотрела на мрачный фасад тюремного комплекса, в котором содержались едва ли не самые опасные люди-хищники на земле.

Сегодня ей предстояла встреча с одним из них.

Исправительная тюрьма максимально строгого режима исполнения наказаний Флоренс, находившаяся в сотне миль к югу от Денвера, была единственной такого рода в федеральной системе. Отделение особо строгого режима являлось одним из четырех в федеральном исправительном комплексе. В целом на этом участке земли содержали более девятистот заключенных.

С высоты птичьего полета Флоренс напоминал россыпь бриллиантов на черном фетре, а люди, охранники и заключенные, были жесткими, как драгоценные камни. Здесь не знали жалости к малодушным или тем, кого легко запугать, однако потерявших рассудок только приветствовали.

В отделении строгого режима, среди прочих, сейчас содержались Унабомбер, Взрывник бостонского марафона, террористы 11 сентября, серийные убийцы, авторы взрывов в Оклахома-Сити и шпионы. А также лидеры белых расистов и боссы мафии и картелей. Многим из заключенных предстояло умереть в федеральной тюрьме, отбывая по несколько пожизненных сроков.

Тюрьма находилась в настоящей глуши, и никому еще не удалось из нее сбежать, но, даже если б кому-то и сопутствовал успех, ему было бы негде спрятаться. Вокруг тюремного комплекса не росло ни единой травинки, ни единого дерева или кустика. Здание по периметру окружала стена высотой в двенадцать футов, поверх которой шла армированная колючая проволока, а вдоль всей длины были установлены датчики движения. Пространство вдоль стен патрулировали охранники с собаками – двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю. Любой заключенный, добравшийся до этого места, будет почти наверняка убит либо клыками, либо пулями. И едва ли многие станут скорбеть о серийных убийцах, террористах или шпионах, похороненных в земле Колорадо.

Из окон в камерах, шириной в четыре дюйма и длиной четыре фута, пробитые в толстом бетоне, заключенные видели лишь кусочек неба и крышу тюрьмы. Флоренс был устроен так, что ни один заключенный не

знал, в какой части комплекса он находится. В камерах, размером семь футов на двенадцать, в буквальном смысле все, кроме самих заключенных, было сделано из уложенного бетона. Душ выключался автоматически, туалеты имели защиту от засоров, надежная изоляция стен не позволяла заключенным контактировать друг с другом, двойные стальные двери открывались и закрывались при помощи механизированной гидравлики, а еду подавали через щели в металле.

Любое общение с внешним миром запрещалось, за исключением комнаты посещения. Для непокорных заключенных или на случай кризисных ситуаций имелся блок Зед, известный также под названием Черная дыра. Там полностью отсутствовало освещение, а в каждую бетонную кровать были встроены ограничители движения.

Одиночное заключение являлось здесь правилом, а не исключением. Тюрьма строгого режима существовала не для того, чтобы узники заводили новых друзей.

Охрана обыскала и тщательно отсканировала автомобиль Этли Пайн специальными устройствами, имя и документы сверили со списком посетителей, после чего ее сопроводили к главному входу и показали стоявшим там охранникам ее документы специального агента ФБР. Из своих тридцати пяти лет жизни последние двенадцать она провела с блестящим значком на бедре. На золотом фоне распростер крылья орел, под ним стоит Юстиция с весами и мечом. Пайн видела определенную справедливость в том, что на значке, представляющем лучший правоохранительный орган в мире, изображена женщина.

Она оставила свой «Глок 23» охранникам, а «Беретту Нано», которую обычно носила в кобуре на лодыжке, – в машине. Пожалуй, единственный случай, когда Этли добровольно отдала оружие. Однако федеральная тюрьма особо строгого режима установила собственные правила, которые ей приходилось соблюдать, если Пайн хотела попасть внутрь, – а она очень хотела.

Этли Пайн была высокой, более пяти футов и одиннадцати дюймов босиком. Такой рост достался ей в наследство от матери, которая могла похвастаться своими шестью футами^[1]. Однако Пайн не отличалась гибкостью и изяществом, и ее никогда не пригласили бы позировать для обложки журнала в качестве худой, как щепка, модели. Она стала крупной и мускулистой благодаря ежедневным фанатичным занятиям культуризмом. Ее бедра, икры и ягодичцы, твердые как камень, а также плечи и дельтовидные мышцы привели бы в восторг любого скульптора; сильные руки представляли собой сплетение мышц, и вся она казалась выкованной

из куска железа. Кроме того, Пайн участвовала в соревнованиях по смешанным единоборствам и кикбоксингу и научилась множеству приемов, позволявших ей одерживать победу над более крупными соперниками.

Эти умения она изучала и оттачивала с единственной целью – чтобы выжить в мире мужчин. Физическая сила, выносливость и уверенность, которые они давали, требовались ей как воздух. Угловатые черты лица делали ее внешность привлекательной и даже завораживающей. Темные волосы спадали до плеч, а будто подернутые дымкой голубые глаза казались удивительно глубокими.

Пайн никогда прежде не бывала во Флоренсе. Ее вели по коридору два дюжих охранника, не сказавших ни единого слова, и первое, что произвело на нее впечатление, – это жутковатая тишина и спокойствие, царившие вокруг. Как федеральному агенту ей довелось посетить множество тюрем, и обычно она сразу погружалась в какофонию шума, криков, свиста, проклятий, оскорблений и угроз; пальцы заключенных сжимали прутья решеток, она видела злобные взгляды в темноте камер. Если ты не был животным, когда попадал в тюрьму, то, покидая ее, обязательно им становился. В противном случае ты умирал.

«Повелитель мух».

Со стальными дверями и унитазами.

Однако она чувствовала себя здесь как в библиотеке. Эта тюрьма произвела на нее сильное впечатление. Немалое достижение для заведения, где содержат мужчин, которые вместе уничтожили тысячи людей при помощи бомб, пистолетов, ножей, ядов или просто кулаков. А в случае шпионов – ценой предательства.

Ухвати за лапу тигра^[2].

Пайн приехала из Сент-Джорджа, штат Юта, где жила и работала, через весь штат Юта и половину Колорадо. Навигатор сообщил, что у нее уйдет немногим более одиннадцати часов, чтобы преодолеть 650 миль. Она сумела сделать это менее чем за десять – ей помогла привычка водить автомобиль на бешеной скорости, а также мощный двигатель внедорожника и определитель радаров, позволявший обойти неминуемые скоростные ловушки.

Этли остановилась лишь один раз, чтобы воспользоваться туалетом и перекусить. А в остальное время мчалась к цели, утопив педаль газа в пол.

Она могла долететь до Денвера и дальше ехать на машине, но у нее было время, и Пайн хотела подумать о том, что будет делать, когда доберется до места. А долгая поездка по огромным пустым пространствам

Америки давала ей такую возможность.

Этли выросла на Востоке и провела большую часть своей профессиональной жизни на открытых пространствах американского Юго-Запада. Она надеялась, что ей никогда не придется оттуда уезжать, потому что любила его высокое небо и бескрайние просторы.

После нескольких лет в Бюро Пайн имела возможность выбирать задания. По единственной причине: она согласилась отправиться в такое место, в котором не хотел оказаться ни один другой агент. Большинство мечтали попасть в одно из шестидесяти шести отделений на местах. Некоторым нравился жаркий климат, и они стремились в Майами, Хьюстон или Феникс. Другие мечтали подняться по карьерной лестнице ФБР, поэтому выбирали Нью-Йорк или Вашингтон, округ Колумбия. Лос-Анджелес пользовался популярностью по множеству причин, как и Бостон. Однако Пайн все это не интересовало. Ее устраивала сравнительная уединенность местного подразделения, находившегося среди пустошей. И до тех пор, пока она давала результат и была готова выполнять свою работу, ее оставляли в покое.

Часто Пайн оказывалась единственным федеральным агентом на сотни миль вокруг, и это ей нравилось. Кое-кто называл ее закрытой, некоторые обвиняли в желании держать все под контролем и считали слишком замкнутой, но это было не так. На самом деле Этли со всеми умела находить общий язык. Впрочем, невозможно быть хорошим агентом ФБР, не обладая искусством общения с людьми. Однако ее вполне устраивала уединенная жизнь.

Пайн заняла должность в местном отделении Бюро в Сент-Джордже, штат Юта. Группа состояла из двух человек, и Этли провела там два года. Когда у нее появилась возможность, она перевелась в офис на одного агента в крошечный городок под названием Шеттерд-Рок, в недавно созданное подразделение, находившееся к западу от Туба-Сити, настолько близко к Национальному парку Гранд-Кэньон, насколько возможно, чтобы не считаться частью парка. Там она наслаждалась обществом своей секретарши, Кэрол Блюм. Ей было около шестидесяти лет, и она проработала в Бюро несколько десятилетий. Блюм называла своим героем бывшего главу ФБР Эдгара Гувера, хотя тот умер задолго до того, как она поступила в ФБР.

Пайн не знала, верить этой женщине или нет.

Часы посещения во Флоренсе давно закончились, но Управление тюрем удовлетворило просьбу коллег Этли из Бюро. Было ровно двенадцать часов дня – самое подходящее время; так считала Пайн, ведь

разве чудовища не появляются только после полуночи?

Ее привели в комнату для посетителей и усадили на металлический стул возле стены из толстого поликарбонатного стекла. Телефон заменяла круглая металлическая труба, обеспечивавшая единственную возможность вербального общения. По другую сторону стекла на таком же стуле, прикрепленном к полу, будет сидеть заключенный. Сиденья были неудобными; вполне осознанное решение.

Если заключенный начнет возмущаться – пусть катится ко всем чертям.

Пайн ждала, положив скрещенные руки на плоскую ламинированную поверхность перед собой. Она прикрепила значок ФБР на лацкан, потому что хотела, чтобы он его увидел. И не спускала взгляда с двери, через которую его введут. Он знал, что она придет. Он согласился на ее визит, воспользовавшись одним из немногих прав, которыми здесь обладал.

Пайн слегка напряглась, когда услышала приближавшиеся шаги нескольких человек. Дверь с тихим гудением открылась, и первым, кого она увидела, был здоровенный охранник без шеи и с такими широкими плечами, что те едва прошли в дверной проем. Вслед за ним появился второй, потом третий; такие же крупные и внушительные.

«Интересно, – подумала Этли, – установлен ли минимальный вес в качестве необходимого условия для работы здесь?» Вероятно, так и было. А также прививка от столбняка.

Она отбросила эти мысли, как только они появились, потому что увидела закованного в кандалы Дэниела Джеймса Тора, все его шесть футов и четыре дюйма^[3]. За ним вошли еще трое охранников, и небольшое помещение по ту сторону стекла оказалось заполненным людьми. Пайн уже знала, что заключенных здесь переводят из одного места в другое лишь в сопровождении трех охранников – как минимум.

Очевидно, для Тора требовалось удвоить это число.

На его голове не осталось ни единого волоса. Он равнодушно смотрел прямо перед собой, пока охранники усаживали его на стул и пропускали стальную цепь через кольцо в полу. Пайн знала, что обычно во время посещений здесь так не поступают.

Однако подобная практика не касалась пятидесятилетнего Тора. Он был в белом комбинезоне и черных ботинках на каучуковой подошве, без шнурков. Глаза смотрели через очки в черной оправе, сделанной из мягкой резины, без единой металлической детали. Линзы из тонкого пластика будет очень непросто превратить в оружие.

В тюрьме необходимо учитывать самые незначительные детали, ведь у

заклученных полно времени, чтобы придумать разные способы причинения вреда себе и другим.

Пайн знала, что тело Тора под комбинезоном полностью покрыто татуировками. По большей части их сделал он сам, но некоторые нанесли его жертвы, которым пришлось стать мастерами татуировок, прежде чем Тор отправил их в небытие. По слухам, каждая картинка рассказывала историю жертвы.

Тор весил около двухсот восьмидесяти фунтов^[4], и, по прикидкам Пайн, лишь десять процентов его веса являлось жиром. Она обратила внимание на выступавшие на предплечьях и шее вены. Вероятно, от нечего делать здесь оставалось только качать мышцы и спать, решила она. А Тор родился с отличными физическими данными и в старших классах был спортсменом и настоящей звездой. Как жаль, что превосходное тело получило безумный, пусть и блестящий ум...

Охранники, удовлетворенные тем, что Тор надежно прикован, вышли, оставив их одних. Однако Этли знала, что они останутся за дверью, – она их слышала. Как и Тор, Пайн в этом не сомневалась.

Она представила, как он каким-то образом разбивает стекло. Сможет ли она устоять перед его натиском? Интригующий, пусть и гипотетический вопрос. Какая-то ее часть хотела, чтобы он попытался.

Его взгляд наконец упал и задержался на Пайн.

Этли смотрела через стекло или между прутьями камеры на огромное количество монстров, многих из которых сама арестовала. Однако Дэниел Джеймс Тор от них отличался. Пожалуй, он был самым жестоким и успешным серийным убийцей своего времени, а может быть, и всех других поколений.

Заклученный положил скованные руки на ламинированную поверхность и наклонил толстую шею направо так, что лопнула петля на рубашке. Затем его взгляд скользнул по значку и снова остановился на Пайн.

Его губы на мгновение презрительно искривились, когда он увидел знак закона и порядка.

– Ну? – спросил Тор негромким безжизненным голосом. – Ты хотела встретиться.

Мгновение, которое она ждала целую вечность, наконец пришло.

Этли Пайн наклонилась вперед, и ее губы оказались в дюйме от толстого стекла.

– Где моя сестра?

Эни, мини, майни, мо.

Глава 2

Мертвый взгляд Тора не изменился после того, как прозвучал вопрос Пайн. Она слышала, как по другую сторону двери шептались и переминались с ноги на ногу охранники, которые изредка постукивали ладонями по рукояткам металлических дубинок. Просто для практики – на случай если их придется прямо сейчас пустить в ход и обрушить на голову заключенного.

Судя по выражению лица Тора, Этли знала, что и он их слышит. Очевидно, он не пропускал ничего из происходившего вокруг, хотя в какой-то момент допустил ошибку, если оказался здесь.

Пайн снова откинулась на спинку стула, сложила руки на груди и стала ждать ответа. Он никуда не мог уйти, а она не спешила, и в ее жизни не было ничего важнее вопроса, который она задала.

Тор окинул ее внимательным взглядом – должно быть, именно так он оценивал своих жертв. Следствие установило имена тридцати четырех. Но это были далеко не все. Предполагалось, что общее число превышает официальное в три раза. Этли пришла сюда ради неустановленной жертвы, единственной, которую следствие даже не рассматривало, чтобы добавить ее к списку преступлений, совершенных этим чудовищным извращенцем.

Тор сумел избежать смертного приговора лишь из-за того, что согласился сотрудничать с властями и сообщил о местонахождении останков трех жертв. Его признание принесло некоторое облегчение трем семьям. И Тору позволили жить дальше, пусть и в клетке, до тех пор, пока он не умрет собственной смертью. Пайн могла без труда представить, как Тор договаривается со следствием, – скорее всего, с самодовольной усмешкой на лице, потому что прекрасно понимает, что совершает выгодную сделку. Его жертвы мертвы. А он – нет. Этот человек признавал только смерть других людей.

Тора арестовали, осудили и вынесли ему приговор в середине девяностых. Он убил двух охранников и одного заключенного уже в тюрьме, в 1998 году. В штате, где это произошло, не было смертной казни, в противном случае его казнили бы. Однако Тора перевели в тюрьму особо строго режима Флоренс. Сейчас он отбывал почти сорок последовательных пожизненных заключений. И если он не окажется Мафусаилом, то умрет здесь.

Впрочем, все это ни в малейшей степени не смущало Тора.

– Имя? – спросил он, словно был клерком, проверяющим заказ.

– Мерси Пайн.

– Место и время?

Он над ней издевался, но Этли решила ему подыграть.

– Андерсонвилль, штат Джорджия, седьмое июня тысяча девятьсот восемьдесят девятого года.

Тор повернул голову в другую сторону. Вытянул длинные пальцы, потрескивая суставами. Казалось, огромный мужчина состоит из множества болевых точек.

– Андерсонвилль, штат Джорджия, – задумчиво повторил он. – Город, где случилось много смертей. Ведь именно там находился лагерь для военнопленных во время Гражданской войны. А ты знала, что начальника лагеря, Генри Вирца, казнили за военные преступления? Казнили за то, что делал свою работу. – Тор улыбнулся. – Он был швейцарцем. Совершенно нейтральным. Его повесили. Вот такая странная справедливость.

Улыбка исчезла так же быстро, как появилась, словно погасла спичка.

– Мерси Пайн, – повторила Этли. – Шесть лет. Исчезла седьмого июня восемьдесят девятого года. Андерсонвилль, юго-западный округ Мейкон, штат Джорджия. Хотите, чтобы я описала дом? Я слышала, что вы обладаете фотографической памятью, когда речь заходит о ваших жертвах, но, быть может, вам требуется помощь... С тех пор прошло много времени.

– Какого цвета были ее волосы? – спросил Тор; его губы слегка приоткрылись, и Пайн увидела крупные прямые зубы.

В ответ Пайн показала ему свои.

– Такого же, как у меня. Мы были близнецами.

Казалось, ее слова вызвали искру интереса у Тора, которой раньше Пайн не замечала. Она ожидала подобной реакции. Она знала об этом человеке все, за исключением одного.

Он наклонился вперед, кандалы звякнули, и Пайн поняла, что задела его за живое.

Тор снова посмотрел на ее значок.

– Близнецы, ФБР, – нетерпеливо сказал он. – Продолжай.

– Известно, что вы совершали преступления в том регионе в восемьдесят девятом году. Атланта, Коламбус, Олбани, центр Мейкона. – Пайн вытащила тюбик оранжево-красной помады из кармана и нарисовала точки на стекле, каждая из которых обозначала упомянутые города. Потом соединила точки и получила знакомую фигуру. – Вы были математически одаренным ребенком. Вам нравились геометрические фигуры. – Она указала на рисунок. – Форма бриллианта. Именно благодаря этому вас в

конце концов удалось поймать.

Вот ошибка, которую допустил Тор. Его подвела созданная им самим модель.

Он поджал губы. Пайн знала, что ни один серийный убийца не признается в том, что кто-то его перехитрил. Очевидно, перед ней сидел психопат, страдавший нарциссизмом. Люди часто считают его сравнительно безобидным отклонением, потому что это понятие вызывает образ самовлюбленного мужчины, жадно разглядывающего свое отражение в воде или зеркале. Однако Пайн знала, что нарциссизм, вероятно, одно из самых опасных свойств, которым может обладать мужчина: такой человек не способен к сопереживанию. Из чего следует, что чужая жизнь не имеет для него никакой ценности, а убийство производит действие фентанила: мгновенная эйфория, вызванная доминированием и уничтожением другой личности.

Вот почему почти все серийные убийцы являются нарциссами.

– Но Андерсонвилль не являлся частью вашей схемы. Вы оказались там случайно? Решили отвлечься? Что заставило вас прийти в мой дом?

– Это ромб, а не бриллиант, – ответил Тор.

Пайн никак не отреагировала на его слова.

– Моя схема являлась ромбом, косоугольником, если вам так больше нравится, четырехугольником, фигурой с четырьмя сторонами равной длины и неравными диагоналями, – продолжал Тор, словно читал лекцию в классе. – Например, воздушный змей становится параллелограммом только в том случае, если он ромб. – Он бросил покровительственный взгляд на рисунок на стекле. – Бриллиант нельзя считать верным или точным математическим термином. Так что не повторяй свою ошибку снова. Это смущает. И к тому же исключительно непрофессионально. Ты вообще готовилась к нашей встрече? – Пренебрежительно взмахнул скованными руками и бросил полный отвращения взгляд на нарисованную на стекле фигуру, словно Пайн изобразила нечто мерзкое.

– Благодарю вас, вы выразились предельно ясно, – сказала Этли, которой было наплевать на параллелограммы в частности и на математику в целом. – Так почему вы изменили свою схему? Прежде этого не случалось.

– Ты предположила, что я изменил схему. И что находился в Андерсонвилле вечером седьмого июня тысяча девятьсот восемьдесят девятого года, – сказал Тор.

– Я не говорила, что это произошло вечером, – ответила Пайн.

Улыбка вновь промелькнула на его губах.

– Но разве бука не приходит только поздно вечером? – спросил он.

Пайн вспомнила, что совсем недавно думала о чудовищах, которые наносят удар ровно в полночь. Чтобы ловить таких убийц, нужно мыслить как они. И это всегда вызывало у нее глубокое внутреннее беспокойство.

– Шесть лет? – продолжал Тор, прежде чем она успела ответить. – Близнец? А где именно это произошло?

– В нашей спальне. Вы забрались в окно, заклеили нам рты лентой, чтобы мы не позвали на помощь. Вы держали нас и не давали подняться.

Она достала из кармана листок бумаги и поднесла его к стеклу, чтобы он увидел, что на нем написано.

Его взгляд переместился к листку, но лицо оставалось невозмутимым, и Пайн не смогла прочитать его выражение, даже несмотря на весь свой опыт.

– Детская считалка в четыре строки? – сказал он и зевнул. – Что дальше? Решила со мной поиграть?

– Вы ударяли нас по лбам, когда читали считалку, – продолжала Пайн, слегка подавшись вперед. – Каждое новое слово соответствовало другому лбу. Вы начали с меня, а закончили на Мерси. Затем вы ее забрали, а со мной сделали это.

Этли отвела волосы в сторону и показала шрам у левого виска.

– У меня нет уверенности в том, чем вы меня ударили, – сказала она. – Все произошло очень быстро. Может быть, просто кулаком. В моем черепе появилась трещина. – Потом добавила: – Вы были крупным мужчиной, а я – маленькой девочкой. – Сделала небольшую паузу. – Но я больше не маленькая девочка.

– Нет, совсем нет. Как насчет пяти футов и одиннадцати дюймов? – предположил Тор.

– Моя сестра также была высокой для шести лет, но худой. Огромный мужчина вроде вас мог легко унести ее на руках. Куда вы ее унесли?

– И снова предположение. Ты сама сказала, что прежде я никогда не менял свою схему. Как ты думаешь, почему я нарушил ее тогда?

Пайн еще ближе наклонилась к стеклу.

– Дело в том, что я вас помню. – Она окинула его взглядом. – Вас практически невозможно забыть.

Тор растянул губы, точно тетиву лука, перед тем как выпустить фатальную стрелу.

– Ты меня запомнила? И появилась только сейчас? Двадцать девять лет спустя?

– Я знала, что вы никуда отсюда не денетесь, – ответила Пайн.

– Слабый выпад и недостойный ответ. – Тор снова посмотрел на ее значок. – ФБР. Где твоя территория? Где-нибудь поблизости? – добавил он с некоторым нетерпением.

– Куда вы ее унесли? Как умерла моя сестра? Где ее останки? – резко спросила Пайн.

Все три вопроса она задала очень быстро, потому что не раз их повторяла, когда ехала сюда.

Однако Тор спокойно продолжал свои рассуждения:

– Очевидно, это не местное отделение. Ты не из тех, кто будет сидеть в главном офисе. Ты носишь одежду свободного покроя, пришла не в часы посещения, что не соответствует инструкциям ФБР. И у тебя нет напарника. Ваша братия любит путешествовать парами, если речь идет об официальных делах. К этому следует добавить личный интерес.

– Что вы имеете в виду? – спросила Пайн.

– Ты потеряла сестру-близнеца и стала одиночкой, как если бы лишилась своей половинки. Ты не можешь ни на кого опереться, не можешь никому доверять с тех пор, как разорвана ваша эмоциональная связь. Ты не замужем, – добавил он, взглянув на ее безымянный палец. – Таким образом, у тебя нет никого, кто мог бы избавить тебя от потери длиной в жизнь, пока ты не умрешь в одиночестве, разочарованная и несчастная. – Тор замолчал, и на его лице появилось любопытство. – Однако произошло какое-то событие, которое привело тебя сюда почти через три десятилетия. Неужели тебе потребовалось так много времени, чтобы набраться мужества для встречи со мной? Агент ФБР... Это наводит на определенные мысли.

– У вас нет никаких причин не отвечать мне, – сказала Пайн. – С вас могут снять одно пожизненное заключение, но из Флоренса вам не выйти.

Его ответ стал для нее неожиданным, однако она могла бы его предвидеть.

– Ты выследила и арестовала не менее полудюжины таких людей, как я, – заявил Тор. – Наименее талантливый из них убил четверых, самый способный отправил в иной мир десятерых.

– Талантливый? – холодно сказала Пайн. – Я не стала бы это так называть.

– Однако без таланта здесь не обошлось, – возразил Тор. – Это совсем непростое дело, и не важно, как к нему относится общество. Тем, кого ты арестовала, конечно, было далеко до меня, но следовало же тебе с чего-то начать. Складывается впечатление, что ты специализируешься на подобных делах. Хочешь выйти на поединок с таким, как я. Замечательно ставить

перед собой высокие цели, но так можно стать чересчур честолюбивой или самоуверенной. Подлететь слишком близко к солнцу, когда перья твоих крыльев связывает лишь воск. Слишком часто все заканчивается смертью. Она может иметь божественный вид, но, полагаю, только не твоя. Однако я бы попытался...

Пайн отбросила этот безумный монолог, в конце которого прозвучала прямая угроза. Но если он думает о том, чтобы ее убить, значит, ей удалось завладеть его вниманием.

– Все они действуют на Западе, – сказала Пайн. – Здесь куча открытых пространств и нет полицейских в каждом квартале. Люди приезжают и уезжают, кто-то пытается спрятаться, другие ищут новых впечатлений, длинные участки изолированных автострад... Миллиард мест, где можно избавиться от останков. Это вдохновляет... таланты вроде вашего.

Тор развел руки в стороны, насколько позволяли цепи.

– Совсем неплохо, – заметил он.

– Было бы лучше, если бы вы ответили на мои вопросы, – сказала Пайн.

– Мне также известно, что тебе не хватило всего одного фунта, чтобы попасть в олимпийскую сборную США по тяжелой атлетике, когда ты училась в колледже. – Когда Пайн ничего не ответила, Тор продолжал: – «Гугл» добрался даже до Флоренса, специальный агент Этли Пайн из Андерсонвилля, штат Джорджия. Я потребовал дополнительную информацию на тебя как условие нашей встречи. У тебя даже имеется собственная страница в «Википедии». Она не такая длинная, как моя, но, следует признать, у тебя еще все впереди. Однако есть ли у тебя гарантия долгой карьеры?

– Один килограмм, а не фунт, – возразила Пайн. – Меня подвел рывок, у меня всегда были с ним проблемы. Моя коронка – толчок.

– Да, килограмм, – Тор усмехнулся. – Моя ошибка. Значит, на самом деле ты слабее, чем я думал. И, конечно, неудачница.

– У вас нет никаких причин не отвечать на мой вопрос, – повторила Пайн. – Никаких.

– Желаете завершения, как все они? – скучным голосом спросил Тор.

Пайн кивнула, но только из-за того, что опасалась сказать лишнего. Вопреки утверждениям Тора, она хорошо подготовилась к встрече. Вот только невозможно быть полностью готовым к встрече с таким человеком, как он.

– А тебе известно, что мне на самом деле очень, очень нравится? – спросил Тор.

Пайн продолжала молча смотреть на него.

– Я в самом деле по-настоящему рад, что сумел определить всю твою жалкую жизнь.

Тор внезапно подался вперед. Его широкие плечи и массивная лысая голова, казалось, заполнили все стекло, словно он проходил мимо окна спальни маленькой девочки. На одно ужасное мгновение Пайн снова стало шесть лет, и демон ударял ее по лбу в ритме с каждым словом, вместе со смертью, которую нес той, кого коснулся последней.

Мерси. Он коснулся Мерси, не Этли.

МЕРСИ.

Не ее.

Затем она сделала едва заметный выдох и невольно прикоснулась к значку на куртке.

Ее пробный камень. Неизменный магнит. Нет, ее розарий.

Однако ее движение не осталось незамеченным Тором. Он не стал триумфально улыбаться; в его взгляде не было даже гнева, лишь разочарование. А потом, через мгновение, взгляд утратил интерес, глаза стали пустыми, он расслабился и откинулся на спинку стула. Плечи опустились, и энергия ушла вместе с оживлением.

Пайн почувствовала, как все клетки ее тела начали закрываться. Она провалила дело. Тор ее испытывал, и она полностью провалила тест. Бука пришел в полночь и обнаружил, что она никуда не годится.

– Охрана! – рявкнул Тор. – Я готов. Мы закончили.

Он злобно ухмыльнулся, и Пайн прекрасно поняла причину.

Это был единственный случай, когда он мог им приказывать.

Они вошли, отстегнули цепь от кольца в полу и повели его к двери. Пайн встала.

– У вас нет причины не говорить мне, – снова сказала она.

Тор даже не соизволил поднять на нее глаза.

– Кроткие никогда не унаследуют землю, Этли Пайн из Андерсонвилля, близнец Мерси. Привыкай к этой мысли. Но если захочешь еще раз излить свои чувства, ты знаешь, где меня найти. И теперь, когда я с тобой познакомился... – Он неожиданно повернулся к ней, и его черты исказило яростное желание; вероятно, это было последнее, что видели его жертвы. – Я тебя никогда не забуду.

Металлический портал закрылся. Пайн прислушивалась к звукам шагов – охранники уводили Тора в его бетонную клетку семь на двенадцать.

Она еще мгновение смотрела на дверь, затем стерла помаду со стекла, и цвет крови перешел на ее ладонь. Потом проделала прежний путь,

получила пистолет и покинула тюрьму особо строгого режима Флоренс, вдыхая свежий воздух на высоте ровно в одну милю над уровнем моря.

Она не станет плакать. Она не пролила ни единой слезинки после исчезновения Мерси. Однако ей хотелось почувствовать хоть *что-нибудь*. Но ничего не было. Она стала невесомой, ничтожной и пустой, словно оказалась на Луне. Он сумел высушить все, что в ней еще оставалось. Нет, он ее не высушил.

Высосал.

И самое ужасное – она так и не узнала, что произошло с ее сестрой.

Этли проехала на запад сотню миль до Салайды и нашла самый дешевый мотель; это путешествие она проделала на свои деньги.

И перед тем как заснуть, вспомнила вопрос, который ей задал Тор.

И ты приехала только сейчас? Двадцать девять лет спустя?

На то была причина – во всяком случае, в сознании Пайн. Но нельзя исключать, что и тут она ошибалась.

Ночью ей не снился Тор. В ее снах не было сестры, исчезнувшей почти три десятилетия назад. Она увидела шестилетнюю Этли Пайн, которая первый раз в жизни шла в школу не сжимая в ладони руку Мерси. Одинокая маленькая девочка с хвостиками, потерявшая свою вторую половинку, как сказал Тор.

«Лучшую половинку», – подумала Пайн, потому что именно с ней происходили самые разные неприятности, а старшая сестра, родившаяся на десять минут раньше, всегда за нее заступалась и прикрывала. Неизменная верность и любовь.

За всю свою последующую жизнь Этли никогда не испытывала ничего подобного.

Может быть, Тор прав относительно ее будущего.

Может быть.

А потом другой его выпад, тот, что прошел сквозь ее защиту и угодил прямо в солнечное сплетение.

Ты определил мою жизнь?

Когда Пайн почувствовала, что у нее задрожали губы, она встала, добрела до ванной комнаты и засунула голову под душ. И стояла так до тех пор, пока холод не стал таким невыносимым, что она едва не закричала от боли. Однако ни одной слезинки не смешалось с ледяной водой.

Этли встала на самом рассвете, приняла душ, оделась и поехала домой. На полпути остановилась, чтобы что-нибудь поесть. Когда снова села в свой внедорожник, она получила эсэмэску.

Пайн написала ответ, захлопнула дверцу, включила двигатель и

вдавила педаль газа в пол.

Глава 3

Гранд-Кэньон является одним из семи природных чудес света и единственным, находящимся в Америке. Это второй по величине каньон после Цангпо в Тибете, который немного длиннее и значительно глубже. Гранд-Кэньон каждый год посещают пять миллионов человек, приезжающих со всего мира. Однако не более одного процента добираются до той точки, где сейчас находилась Этли Пайн: берег реки Колорадо на самом дне каньона.

«Призрачное ранчо» на дне Гранд-Кэньон – не только самое популярное место ночлега под крышей, оно является *единственным*. Добраться сюда можно тремя способами: по воде, на муле или на своих двоих.

Пайн доехала до аэропорта Национального парка Гранд-Кэньон, где села в ожидавший ее вертолет Национального парка, который доставил Этли на дно каньона. После посадки Пайн и ее спутник, рейнджер парковой службы Колсон Ламберт, не теряя времени пошли дальше пешком.

Пайн шагала быстро, пожирая пространство длинными ногами, внимательно глядя по сторонам и прислушиваясь к треску погремушек; одна из причин, по которой природа наделила ими гремучих змей, – чтобы люди оставляли их в покое.

«Где моя погремушка?» – подумала Этли.

– Когда его нашли? – спросила она.

– Сегодня утром, – ответил Ламберт.

Они обошли неровный участок скалы. Пайн увидела синюю парусину, натянутую над жертвой, и двух мужчин. Один был в джинсах; второй, такой же крепкий, как Ламберт, – в форме парковой службы: серая рубашка, светлая шляпа с плоскими полями и черной лентой с буквами СНП^[5]. Пайн его уже встречала. Мужчину звали Гарри Райс.

Другой был высоким и худым, его лицо носило следы многих лет, проведенных под открытым небом в суровых условиях. На густых седеющих волосах остался след широкополой шляпы, которую он держал в руке.

Пайн показала ему значок и спросила:

– Как вас зовут?

– Марк Бреннан. Я один из тех, кто занимается мулами.

– Это вы обнаружили тело? – спросила Пайн.

Бреннан кивнул:

– Перед завтраком. Увидел круживших в воздухе канюков.

– Вы не могли бы уточнить время?

– М-м-м... семь тридцать.

Этли прошла вдоль парусинового навеса, присела на корточки и посмотрела на тело; остальные собрались вокруг нее.

Мул весил более половины тонны, прикинула она, а его рост составлял примерно шестнадцать ладоней. Кобыла, скрещенная с ослом, рождает мула. Они двигаются медленнее лошадей, но более устойчивы, дольше живут, а также необычайно сильны и выносливы.

Пайн натянула перчатки из латекса, которые достала из поясной сумки, затем подняла хлыст, лежавший рядом с несчастным животным. Ковбои называют его *мотиватором* и используют, чтобы убедить мулов не обращать внимания на траву вдоль тропы или отказаться от желания немного вздремнуть на ходу.

Она коснулась им застывшей передней ноги животного.

– Окоченение уже началось. Мул определенно находится здесь довольно давно, – сказала она ковбою. – Вы нашли его в семь тридцать. Он был таким же окоченевшим?

Бреннан покачал головой:

– Нет. Однако мне пришлось отогнать нескольких тварей, которые собрались попировать. Можно увидеть следы здесь и здесь, – добавил он, показывая на места, где были вырваны куски мяса.

Пайн посмотрела на часы. Шесть тридцать вечера. Прошло одиннадцать часов с того момента, как Бреннан обнаружил труп мула. Теперь ей требовалось установить временной промежуток с другой стороны.

Она слегка переместилась и посмотрела на брюхо животного.

– Его выпотрошили. Сначала нанесли удар сверху, а потом сделали разрез вдоль живота. – Посмотрела на Бреннана. – Насколько я поняла, это один из ваших мулов?

Тот кивнул, присел на корточки и печально посмотрел на животное.

– Салли Белль. Надежная, как скала. Ужасно обидно.

Пайн посмотрела на засохшую кровь.

– Ее смерть не была легкой. Никто ничего не слышал? Мулы в состоянии поднять ужасный шум, а каньон представляет собой мощную акустическую систему.

– Отсюда до ранчо несколько миль, – заметил Райс.

- Но здесь находится лесничество, – сказала Этли.
- И все же оно довольно далеко, а дежурный рейнджер ничего не видел и не слышал, – ответил Райс.
- Ладно, но в кемпинге «Сияющий ангел», что возле «Призрачного ранчо», полно пеших туристов и лодочников. Ранчо не может принять всех, и многие отправляются в «Сияющего ангела». И хотя мне известно, что «это очень далеко», мул должен был дойти сюда из загона на ранчо.
- Там *было* много людей, – вмешался Ламберт. – Но никто из тех, с кем мы говорили, ничего не видел и не слышал.
- И еще один важный вопрос, – продолжала Пайн. – У кого хватит смелости наклониться над мулом и начать резать ему живот?
- Верно. – Бреннан кивнул. – Хотите услышать мое мнение? Если ты начнешь свежевать мула, его крик будет слышен в соседнем округе.
- Пайн посмотрела на седло.
- Ладно, и кто же мог быть седоком? – поинтересовалась она.
- Бенджамин Прист, – ответил Райс. – Его нигде нет.
- Он приехал вчера, – продолжал Бреннан. – В составе группы из десяти человек.
- Это максимальное число? – спросила Пайн.
- Да. Мы каждый день приводим две группы, – ответил Бреннан. – Мы прибыли вместе с первой.
- Значит, он приехал сюда, и что потом? – спросила Пайн.
- Мы остановились на ночь на «Призрачном ранчо». И собирались отправиться дальше после завтрака. Через Черный мост и обратно до Южного Края. Всё как обычно.
- То есть пять с половиной часов вниз и примерно столько же обратно? – уточнила Пайн.
- Да, примерно, – подтвердил Бреннан.
- Этли огляделась по сторонам. На дне каньона было около тридцати градусов, а на Южном Краю на двадцать градусов холоднее. Она уже чувствовала, как ручейки пота стекают по ее лицу, собираются под мышками и на спине.
- Когда вы заметили, что Прист исчез? – спросила Пайн.
- Сегодня утром, когда все собрались в холле на завтрак, – ответил Райс.
- А где остановился Прист? – спросила она. – В одном из номеров или в коттедже?
- В коттедже, – ответил Бреннан.
- Расскажите про вчерашний вечер, – попросила Этли.

– Все пообедали в столовой, – сказал Бреннан. – Кто-то стал играть в карты, другие подписывали открытки. Несколько туристов уселись на камнях, чтобы охладить ноги в ручье. Обычное дело. Потом все отправились спать, в том числе и Прист.

– Когда его видели в последний раз?

– Насколько нам удалось выяснить, вчера вечером, в девять часов, – ответил Райс.

– Однако никто не видел его в постели или как он выходил из коттеджа?

– Нет.

– Ну, тогда как сюда попала Салли Белль? – спросила она, глядя на Бреннана.

– Сначала я подумал, что она как-то сумела выбраться из загона, – сказал тот. – Потом заметил, что нет ее седла и упряжи. Значит, кто-то надел на нее седло и все остальное.

Пайн продолжала смотреть на Бреннана.

– Что вы подумали, когда обнаружили, что мул исчез? – спросила она.

– Ну, я подумал, что кто-то решил немного развлечься и покататься до завтрака. – Бреннан покачал головой. – Я не раз видел, как парни вытворяли здесь самые безумные вещи.

– Опишите Приста, – попросила Этли.

– Около пятидесяти. Рост пять футов восемь дюймов. Вес примерно сто восемьдесят фунтов.

– Белый? Черный?

– Белый. Темные волосы.

– В хорошей форме?

– Плотный, но без лишнего веса. Однако и не бегун на марафонские дистанции.

– Всадники на мулах не должны весить более двухсот фунтов? – спросила Пайн.

Бреннан кивнул:

– Верно.

– Вы хотя бы раз с ним разговаривали? – спросила Пайн.

– Немного, когда спускались.

– Он показался вам встревоженным?

– Несколько раз он показался мне бледным, – сказал Бреннан. – У мулов неровные спины, и они часто шагают по краю тропы. Так что они сами, а также всадники оказываются рядом с обрывом. Сначала это может действовать на нервы. Но Прист довольно быстро справился со страхом.

Пайн посмотрела на Ламберта.

– Что у вас на него есть?

Тот достал и открыл блокнот.

– Вот что я получил из Вашингтона. Работает на государственного подрядчика «Белтуэй». Консалтинговая компания «Козерог».

– Семья?

– Не женат. Детей нет. Есть брат, который живет в Мэриленде. Родители умерли.

– Вы поставили брата в известность? – спросила Пайн.

– Он внесен в договор в качестве контакта для связи в экстренных ситуациях. Мы сообщили ему, что его брат исчез.

– Мне нужна контактная информация брата, – сказала Этли.

– Я пришлю ее вам по электронной почте.

– Как повел себя брат?

– Встревожился, – ответил Райс. – Спросил, следует ли ему сюда вылететь. Я сказал, чтобы подождал. С большинством исчезнувших людей все оказывается в порядке.

– Но не со всеми, – заметила Пайн. – Где его вещи?

– Пропали, – ответил Ламберт. – Должно быть, он взял их с собой.

– Брат звонил Присту после того, как я с ним говорил, – сказал Райс. – Также писал ему по электронной почте. Потом связался со мной и сообщил, что не получил ответа. Никакой реакции.

– Какая-то активность в социальных сетях?

– Об этом я не подумал, – признался Райс. – Но могу проверить.

– Как он сюда добирался? На машине? На автобусе?

– Я слышал, что он приехал на поезде, – ответил Бреннан.

– Где остановился?

– Мы проверили «Эль Товар», «Сияющего ангела», «Тандерберд» и все другие возможные варианты, – ответил Райс. – Он не бронировал номер ни в одном из них.

– Но он должен был где-то остановиться, – сказала Пайн.

– Он мог выбрать один из палаточных лагерей либо на территории парка, либо где-то рядом, – заметил Ламберт.

– Ладно, он приехал на поезде. Но если он прибыл из округа Колумбия, то сначала должен был прилететь в Скай-Харбор. И мог остановиться где-то там, пока не отправился в Уильямс, штат Аризона. Ведь именно оттуда уходит поезд, не так ли?

Ламберт кивнул.

– Там есть отель у вокзала, – сказал он. – Возможно, Прист ночевал

там.

– А вы искали его здесь? – спросила Пайн.

– Мы постарались осмотреть максимально большую территорию, – ответил Ламберт. – Пока никаких следов. И скоро станет темно.

Этли огляделась по сторонам. Издалека донесся отрывистый лай койота, за которым эхом последовал треск гремучей змеи. «Возможно, между хищниками установилось шаткое равновесие на то время, когда день уступает место сумеркам», – подумала она. Среди мощных стен каньона существовало множество уязвимых экосистем. Сюда вторглись люди. С природой всегда всё в порядке, пока не появляется человек.

Пайн повернула голову налево, где далеко от них, на границе Аризоны и Невады, находилось озеро Мид. Справа, и тоже довольно далеко, было озеро Пауэлл, в штате Юта. А между двумя водоемами расположился гигантский каньон, глубокая расселина в земле Аризоны, которую можно увидеть не только из самолета с высоты в тридцать пять футов, но даже из космоса.

– Завтра нам нужно организовать спасательную команду и начать поиски по квадратам, – сказала Пайн. – Так далеко, насколько возможно. А что известно о тех, кто ехал верхом на мулах вместе с Пристом? И о туристах?

– Все уже уехали. Некоторые – до того, как исчез Прист, – ответил Ламберт.

– Тем не менее мне потребуются их имена и контактная информация, – сказала Этли. – И будем надеяться, что, если с Пристом действительно что-то случилось, мы не позволили преступнику уйти отсюда пешком, уехать на муле или уплыть.

Ламберт выглядел смущенным и сразу посмотрел на второго рейнджера.

– Кто-нибудь приглядывает за мулами по ночам? – спросила Пайн.

Бреннан покачал головой.

– Прошлой ночью я проверил их примерно в одиннадцать вечера. Все было в порядке. Здесь водятся койоты и пумы, но они не станут нападать на мулов, находящихся в загоне. Их там просто затопчут.

– Верно. И то же самое произошло бы с тем, кто попытался бы ее освежевать, – многозначительно сказала Пайн, глядя на мертвую Салли Белль. – Значит, в одиннадцать вечера она была жива. Дежурный рейнджер ничего не слышал. Как его зовут?

– Сэм Кеттлер.

– Как давно он работает в Службе национальных парков? – спросила

Пайн.

– Пять лет. Из них два – в каньоне. Он хороший парень. Бывший военный.

– Мне нужно с ним поговорить, – сказала Этли, мысленно раскладывая по полочкам полученную информацию.

Потом ее взгляд скользнул над мертвым животным. Что-то здесь было не так.

– Почему кровь натекла около загривка мула? Она должна быть под животом? – спросила Пайн и посмотрела на мужчин, которые ответили ей недоуменными взглядами.

– Мула передвигали, – сказала Пайн. – Помогите мне его перевернуть.

Каждый взялся за ногу, и они перевернули мертвое животное на другой бок.

И там, прямо на шкуре, увидели буквы: дж. и к.

– Проклятье, и что это значит? – спросил Ламберт.

«Проклятье, и что это *значит?*» – подумала Пайн.

Глава 4

– Я привел Сэма Кеттлера, – сказал Колсон Ламберт.

Пайн стояла перед крыльцом столовой «Призрачного ранчо», когда к ней подошел Ламберт с мужчиной в форме рейнджера.

– Он дежурил, когда Прист и мул исчезли.

Пайн бросила на Кеттлера быстрый оценивающий взгляд.

Рост почти шесть футов и два дюйма, мускулистые загорелые предплечья, светло-серые глаза. Когда он снял шляпу, чтобы вытереть со лба пот, Этли увидела коротко подстриженные белокурые волосы. Примерно ее ровесник. «Привлекательный мужик», – подумала Пайн, глядя, как ходят желваки на крепко сжатых челюстях Кеттлера.

– Колсон сказал, что вы ничего не слышали? – спросила она.

Кеттлер покачал головой.

– Вечер выдался довольно тихий. Когда все отправились спать, я обошел лагерь, занялся бумажной работой, проверил мусор, на случай если его не убрали надлежащим образом. В противном случае мелкие хищники устраивают в лагере настоящий хаос. Отогнал их подальше. В остальном же всё как обычно.

– Колсон ввел вас в курс дела?

Кеттлер перенес вес с одной ноги на другую.

– Исчез турист, кто-то зарезал мула. – Он состроил гримасу. – Отвратительная история.

– Вот главные вопросы, на которые я хочу получить ответ: зачем было уводить мула из загона, а потом его убивать? – спросила Пайн. – Сейчас мы не знаем, какова роль Приста в случившемся. Это мог сделать кто-то другой; быть может, Прист его случайно заметил, и убийца мула от него избавился.

– Такое возможно, – согласился Ламберт.

Этли покачала головой. Инстинкт подсказывал ей, что ее предположение неверно. Слишком большое количество совпадений. Слишком много фактов это подтверждало – и так же много опровергало.

Жизнь не похожа на фильмы или книги. Иногда простейший ответ оказывается правильным.

Она бросила быстрый взгляд на Кеттлера.

– Подумайте еще. Вы не заметили ничего необычного?

Тот покачал головой.

– Если б видел, сказал бы.
– Вы не слышали шагов уходящего мула?
– Я совершенно уверен, что услышал бы стук копыт, – заверил Кеттлер. – Как вы думаете, когда это могло произойти?

– Я не уверена, – ответила Пайн. – Но совершенно определенно после одиннадцати.

– Во время обходов я удаляюсь на значительное расстояние от загона. Если мула забрали в это время, я вполне мог не услышать.

– Хорошо, если вспомните что-то еще, дайте мне знать.

– Обязательно. Удачи вам.

Кеттлер зашагал прочь, быстро и легко, и Этли отметила про себя то, как мышцы плеч натягивают его рубашку.

– Что теперь? – спросил Колсон, отвлекая ее внимание от уходившего Кеттлера.

– Если учесть, что завтра нам с самого утра предстоит начать обыскивать каньон, я собираюсь поужинать и отправиться спать.

Через несколько часов Пайн смотрела в потолок комнаты десять на десять в «Призрачном ранчо». Кто-то из местных служащих нашел для нее матрас, простыню и комковатую подушку. Сегодня это был ее дом. Она не испытывала никаких затруднений: ей не раз приходилось проводить ночь, глядя в потолок в местах, которые ей не принадлежали.

«Призрачное ранчо» находилось на территории, которая прежде носила название «Лагерь Рузвельта», в честь президента Теодора Рузвельта. Он останавливался здесь в 1913 году после того, как объявил Гранд-Кэньон национальным памятником. Пайн также узнала, что именно Рузвельт приказал племени хавасупаи покинуть эти земли, чтобы построить здесь парк, тем самым изгнав их из собственного дома. Непокорным хавасупаи потребовалось двадцать пять лет, чтобы уйти отсюда, через много лет после смерти Рузвельта.

Пайн их не винила.

«Призрачное ранчо» построила и дала ему имя Мэри Элизабет Джейн Колтер, знаменитый архитектор каньона, в 1922 году. Оно стояло в тени трехгранных тополей и сикомор, в окружении многочисленных тропинок, крошечный оазис в огромной пасти каньона. В маленькой столовой висел почтовый ящик, куда туристы бросали открытки. Караван мулов забирал их на следующий день. На открытках ставили печать: «Доставлено мулами со дна Гранд-Кэньон». Что гораздо круче, чем мир смартфонов и приборов, названных «Алекса»^[6], которые теперь управляют жизнью, верно?

У Пайн была с собой смена одежды и другие необходимые вещи,

возимые в багажнике вместе с сумкой, в которой лежало то, что требовалось для проведения экспертиз, и она погрузила сумки в вертолет перед тем, как отправиться на дно каньона. Этли не могла рассчитывать на специалистов ФБР, готовых в любой момент прибыть на место преступления, если требовался серьезный анализ произошедшего. Специальным агентам, работавшим в небольших отделениях, приходилось все делать самостоятельно.

Пайн являлась агентом ФБР, в чьи обязанности входило следить за порядком в Гранд-Кэньон, и сейчас она представляла собой кавалерию, состоящую из одного человека. Ее вполне устраивало такое положение вещей.

Пешие туристы и те, кто путешествовали на мулах, еще оставались в своих постелях, либо в спальнях, либо в рубленых домах с косыми крышами. Пайн поужинала с ними в большой столовой с темными потолочными балками, за длинным столом со стульями с деревянными спинками. Никто не знал, кто она такая, и Этли не стала рассказывать о себе и о том, что привело ее в каньон. Она не любила светских разговоров, предпочитая слушать других – так можно многое узнать.

За ужином Пайн выбрала рагу и кукурузный хлеб и выпила три стакана воды. В Гранд-Кэньон требовалось поддерживать водный баланс. Перед тем как лечь спать, она еще раз поговорила с Бреннаном и Ламбертом. Лежа в кровати, взглянула на часы – полночь давно миновала, но термометр показывал, что снаружи двадцать семь градусов, и в комнате было душно. Пайн распахнула окно, чтобы проветрить ее, разделась до нижнего белья и положила оба пистолета так, чтобы без проблем до них дотянуться.

Она понятия не имела, где находится Бенджамин Прист. К этому моменту он вполне мог выбраться из каньона, но кто-то обязательно должен был его увидеть. Описание Приста раздали всем рейнджерам и поместили на сайте Службы национальных парков. И если этот тип по какой-то необъяснимой причине убил и написал две странные буквы на боку Салли Белль, он за это ответит.

Пайн составила отчет, куда внесла все, что ей удалось узнать, и отправила его по электронной почте своему начальству вместе со списком туристов, который получила от парковой полиции. Сведения передадут в различные офисы агентства по всей стране, что позволит проследить за любым из них. Она также сообщила о случившемся в офис во Флагстаффе, и те попросили ее держать их в курсе событий.

Теперь до самого утра ей было нечего делать.

Пайн слушала шум ветра снаружи и журчание воды в реке Брайт-Эйнджел-Крик.

У туши мула поставили двух часовых, в противном случае несчастную Салли Белль обглодали бы ночные хищники. Пайн открыла глаза, и Гранд-Кэньон вместе с мертвым мулом исчезли из ее мыслей.

На их месте возник Дэниел Джеймс Тор.

Можно сказать, что Этли ждала почти всю свою жизнь возможности встретиться лицом к лицу с человеком, который был виновен в исчезновении ее сестры.

Почему она ждала двадцать девять лет?

Шесть месяцев тому Пайн лишь смутно помнила мужчину, который забрался в их спальню почти тридцать лет назад. Доктора называли это по-разному, но все сводилось к тому, что дело тут в амнезии, вызванной молодостью и травмирующими обстоятельствами исчезновения Мерси. Разум Пайн ради ее благополучия заблокировал те воспоминания. У ребенка – и, как выяснилось, у взрослой Этли.

Утром следующего дня мать нашла ее в крови, без сознания, с заклеенным ртом, и сразу вызвала «Скорую помощь». Этли отвезли в больницу. Множество раз во время серии тяжелых операций врачи опасались за ее жизнь. Со временем рана на голове зажила; мозг не получил необратимых повреждений, и в результате она вернулась из больницы домой, а в семье Пайн остался только один ребенок.

Этли не сумела оказать существенную помощь полиции. А к тому времени, когда она вернулась домой, дело практически закрыли.

И Пайн продолжала жить дальше. Ее родители развелись – главным образом из-за того, что произошло той ночью. Им тогда было по двадцать пять лет, оба изрядно выпили и не услышали, как незнакомец влез в их дом; они спали, когда одна их дочь получила серьезные травмы, а другую похитили. Они винули друг друга.

Ко всему прочему главными подозреваемыми являлись именно родители. А один полицейский считал, что отец Пайн, находившийся под воздействием алкоголя и наркотиков, зашел в комнату дочерей, унес с собой Мерси, убил ее и каким-то образом избавился от тела.

И хотя их отец и мать прошли проверку на детекторе лжи, а Этли сказала, что ее отец не был тем мужчиной, который вошел в ее комнату той ночью, полиция ей не поверила. Почти все жители города жестко осуждали Пайнов, и им пришлось уехать.

После развода Этли осталась с матерью, и ее жизнь навсегда изменилась после исчезновения Мерси.

По мере того как она становилась старше, ее существование все больше теряло смысл; у нее полностью отсутствовали амбиции, и она ничего не хотела. Складывалось впечатление, что ее главная задача состояла в том, чтобы ни в чем и никогда не добиться успеха. Этли рано начала пить и курить «травку», устраивала драки, ее не раз задерживала полиция, ей предъявляли обвинения в употреблении алкоголя. Она часто попадалась на кражах в магазинах. Ей было на все плевать. В том числе на себя.

Но как-то раз она отправилась на окружную ярмарку и ни с того ни с сего решила обратиться к предсказательнице будущего. Женщина в маленькой палатке была одета в разноцветную мантию, голову ее украшал тюрбан, а лицо закрывала вуаль. Пайн помнила, как усмехнулась, уверенная, что перед ней мошенница.

Женщина взяла ее за руку и посмотрела на ладонь, но ее взгляд почти сразу вернулся к лицу Этли. А на лице самой предсказательницы появилось недоумение.

– Что? – без особого интереса спросила Пайн.

– Я чувствую два пульса. Два сердца.

Этли напряглась. Она не говорила гадалке, что у нее была сестра-близнец. Она ей вообще ничего не говорила.

Женщина более внимательно посмотрела на линии на ладони Пайн и нахмурилась.

– Что? – снова спросила та, на этот раз с интересом.

– Два биения сердца, совершенно определенно. – Гадалка немного помолчала. – Но только одна душа.

Этли смотрела на женщину, а та не сводила с нее взгляда.

– Два сердца и одна душа? – переспросила Пайн, а когда женщина кивнула, удивленно сказала: – Как такое возможно?

– Я думаю, тебе известно, как такое возможно. Более того, ты знаешь, что это правда.

И с этого момента Этли неустанно добивалась любой поставленной перед собой цели. Как если бы жила две жизни, а не одну. Чтобы добиться того, чего не имела ни единого шанса получить Мерси.

Ее физика, природная сила и атлетизм сделали Этли настоящей звездой спорта в старших классах. Она играла в баскетбол, занималась бегом и была подающей в команде по софтболу, участвовавшей в чемпионате штата.

Однажды Пайн пошла с парнями из футбольной команды в спортивный зал, где выяснилось, что она может поднять более серьезный

вес, чем многие из них. С тех пор вся ее страсть и яростные амбиции были сосредоточены на штанге. Словно ракета, Этли вышла на уровень национальной команды и стала один за другим выигрывать кубки.

Кое-кто считал ее самой сильной женщиной в Америке.

А потом она поступила в колледж, где попыталась попасть в олимпийскую команду – и потерпела неудачу.

Ей не хватило одного килограмма, всего 2,2 фунта.

Эта неудача – не из-за себя, а из-за Мерси – оказала на нее парализующее действие. Но ей оставалось только двигаться дальше.

Так появился мир ФБР и ее карьера; ничего другого Пайн для себя не представляла.

С самого начала она стремилась на Запад, потому что именно здесь, на огромных открытых пространствах, охотились на своих жертв самые опасные хищники на земле. Этли прочитала о них все, что только возможно, изучила каждого, умела так хорошо составлять психологические профили преступников, что ей предложили место в Отделе поведенческого анализа № 3 в Бюро. Этот отдел исследовал преступления против детей.

Пайн отказалась. Она не хотела составлять психологические профили чудовищ, хотя технически такой профессии в ФБР не существовало. Это был миф, увековеченный массовой культурой. Нет, Пайн хотела сама надевать наручники на монстров, зачитывать им права и наблюдать, как судебная система отправляет их в такие места, где они уже никогда и никому не смогут причинить вред.

Такое будущее Этли было предопределено в тот момент, когда ко лбу Мерси в последний раз прикоснулся палец и мужчина с жуткой завершенностью сказал: «Мо».

Именно так она жила, пока шесть месяцев назад не произошло одно событие.

Пряатель Пайн, кое-что знавший о ее прошлом, предложил ей попробовать пройти процедуру восстановления памяти при помощи гипноза.

Она слышала о таких сеансах, Бюро применяло их в ряде случаев, однако результаты получались разные. Использование данной практики вызывало бурные споры; многие ее поддерживали, но многие критиковали. Пайн знала, что иногда они приводили к появлению ложных воспоминаний и страдали невинные люди.

Однако она ничего не теряла, предпринимая такую попытку.

После многочисленных сеансов с гипнотерапевтом из глубин ее подсознания наконец появился Дэниел Джеймс Тор – точно злобный зверь,

выбравшийся из адской дыры на дневной свет.

Проблема состояла в том, что до того, как подвергнуться гипнозу, Пайн многое узнала о Торе. Всякому, кто занимался серийными убийцами, было известно его имя. По сравнению с ним типы вроде Теда Банди казались неумелыми и некомпетентными. Пайн изучила его карьеру, пики активности, прошлое жертв.

Таким образом, возникал очевидный вопрос: возник ли Тор из ее подсознания, потому что действительно влез в окно их комнаты ночью 7 июня 1989 года? Или явился на свет из-за того, что она так хотела? Ведь он находился в их местах как раз в то время? И согласится ли он сказать, где похоронена Мерси, убил он ее или нет?

Отец Пайн уже давно умер. Он проглотил заряд картечи из дробовика после того, как в течение недели пил и принимал наркотики в дешевом мотеле в Луизиане, и закончил свою жизнь в день рождения дочерей. Пайн не считала его смерть совпадением. Возможно, отец пытался показать ей, что он чувствовал свою вину из-за случившегося с ней и Мерси. Но получилось так, что в каждый свой день рождения она вспоминала о том, что именно в этот день ее отец снес себе голову.

Ее мать еще была жива. Пайн знала, где она живет, но они отдалились друг от друга. Зрелость не помогла Этли сблизиться с ней, и дистанция между ними лишь увеличилась, превратившись в подобие Гранд-Кэньон. Быть может, даже больше – ведь Пайн удалось выяснить, что разум способен довести до конца все, что угодно, в особенности когда он играет с тобой в игры. Он может заставить видеть вещи, которых не было, или не видеть того, что смотрит прямо тебе в лицо.

Значит, это был Тор? Или ее гипотеза – полная чепуха?

Правда состояла в том, что она не знала...

Пайн снова закрыла глаза, но они почти сразу открылись. И не в том дело, что она не могла спать. Просто услышала шум снаружи.

Ей потребовалось двадцать секунд, чтобы полностью одеться, засунуть запасную «Беретту» в кобуру на щиколотке и сжать в правой руке «Глок 23».

А потом она поступила, как делала всегда.

Устремилась навстречу неизвестному.

Глава 5

На широких открытых просторах Северной Аризоны, куда почти не попадал другой свет, ярко горели звезды.

Однако на дне Гранд-Кэньон, откуда открывался великолепный вид на небо, звезды будто утратили часть своего сияния, ведь ему приходилось проделывать такой долгий путь до земли. Только теперь Пайн поняла, какие крутые здесь стены, которые, казалось, поглощали весь свет.

Она присела на корточки в темноте и повернулась на полные триста шестьдесят градусов.

И никого нигде не увидела. В темноте не мерцал огонек сигареты – курить здесь запрещалось из-за опасности пожара. Нигде не светился экран телефона. Когда можно рассчитывать только на одного мобильного оператора, прием получается выборочным или вовсе отсутствует. Беспроводного доступа к Интернету здесь не было. На ранчо имелся платный телефон, и, чтобы позвонить по нему, приходилось пользоваться кредитными карточками. Департамент технологии с этой задачей не справился. Любителям «Фейсбука», «Инстаграма» и «Твиттера» приходилось ждать возвращения во внешний мир, чтобы потакать своим привычкам.

Ее взгляд уходил все дальше и дальше, она осматривала все больше темных участков земли.

Вот, снова.

Кто-то крался, стараясь не шуметь, а не просто вышел прогуляться ночью. Пайн встречалась и с тем, и с другим – и инстинктивно чувствовала разницу.

Пригибаясь к земле, с «Глоком» в руке, Этли осторожно двинулась вперед.

В другой руке она сжимала мощный фонарик. Его луч выхватывал скорпионов, и ядовитые существа застывали в потоке белого света.

Пайн услышала крик мула. В лагере имелось два загона – один коммерческий для «Призрачного ранчо»; в другом, находившемся дальше, держали мулов парковой службы. Но второй был на другом берегу реки, рядом с водой. Этли знала, что крик донесся из ближайшего загона.

Может быть, кто-то собрался вывести наружу и прикончить еще одного мула или добавить другие буквы на шкуру? Может быть, явился пропавший Бенджамин Прист, охваченный безумной ненавистью к

крупным животным?

Пайн старалась двигаться максимально быстро и бесшумно, продолжая светить фонариком на землю, – здесь водилось шесть видов гремучих змей, и все выползали по ночам на охоту. Этли не опасалась наступить на змею – они ощущают вибрацию от шагов и наверняка успеют отползти в сторону.

До загона осталось около ста футов. Шаги, которые ее сюда привели, стихли.

Через мгновение послышался новый крик и фыркание.

И тут слева от себя Пайн уловила движение и увидела вышедшего из темноты мужчину.

Сэм Кеттлер приложил палец к губам и указал в сторону загона для мулов. Этли кивнула.

Через мгновение Кеттлер оказался рядом с ней.

– Там кто-то есть, – сказала ему Пайн.

– Знаю. Вероятно, я следил за вами обоими.

– Вы видели, кто это?

– Нет.

– Ну тогда постараемся узнать. Вы вооружены?

Кеттлер похлопал по кобуре.

– Надеюсь, оружие не потребуется, – сказал он. – Я не для того пошел в парковую службу, чтобы стрелять в людей. Мне хватило этого в армии.

Дальше они двинулись вместе, изо всех сил стараясь не шуметь.

Пайн понравилось, как Кеттлер двигался; его силуэт был практически незаметен, а каждый следующий шаг тщательно выверен; казалось, будто он скользит, а не идет по неровной земле.

Этли уже видела загон.

Она вставила фонарик в специальную бороздку поверх «Глока», продолжая всматриваться в загон.

Кеттлер вытащил пистолет и снял его с предохранителя.

Шум доносился с дальней стороны.

Кеттлер показал на себя и свернул влево. Пайн кивнула и двинулась направо.

Через несколько мгновений она перешла на бег, свернула за угол и остановилась, направив луч фонарика и пистолет на стоявшего перед ней человека.

Кеттлер уже занял позицию сбоку, направив оружие на ту же цель.

Человек закричал и отскочил назад.

– ФБР! Поднимите руки, чтобы я могла их видеть, или я буду

стрелять, – приказала Пайн.

В следующее мгновение она слегка расслабилась, когда поняла, на кого смотрит.

– Вот дерьмо, – воскликнула девочка-подросток, одетая в шорты, длинные носки, шлепанцы и футболку с короткими рукавами. Она расплакалась. – Пожалуйста, не трогайте меня... Господи, пожалуйста, не стреляйте...

Этли опустила пистолет на сорок пять градусов, глядя на длинный предмет, который девочка держала в правой руке. Потом сделала еще один шаг вперед и направила пистолет в землю.

Это был не нож. Девочка держала в руке морковь.

Кеттлер также подошел ближе и опустил пистолет.

– Проклятье, какого дьявола ты здесь делаешь? – резко спросила Пайн. Девочка показала морковь.

– Я пришла покормить Жасмин. Это мул, на котором я приехала.

– Тебе известно, что вчера утром одного из мулов нашли мертвым?

Она кивнула.

– Наверное, именно поэтому я сюда пришла. Мне хотелось проверить, всё ли с ними в порядке.

Этли убрала пистолет в кобуру.

– Как тебя зовут?

– Шелби Фостер.

– Ладно, Шелби... Ты здесь с родителями?

– С отцом и братом.

– Откуда ты?

– Из Висконсина. Там нет ничего подобного. Здесь так красиво...

– Да, верно, – Пайн кивнула. – Хорошо, Шелби, покорми Жасмин морковкой, а потом мы проводим тебя обратно.

Кеттлер также убрал пистолет, а потом посмотрел на тонкие шлепанцы девочки.

– Здесь полно гремучих змей и скорпионов, мисс. У вас совсем неподходящая обувь.

– В домике у меня есть сапоги. Мне просто не хотелось снова надевать их. У меня распухли ноги от езды верхом.

Кеттлер доброжелательно улыбнулся.

– Да, такое случается. Но в следующий раз думайте перед тем, как выходить из дома, ладно?

Позднее, когда они уже подходили к одному из домиков, Шелби спросила у Пайн:

– Значит, вы агент ФБР?

– Да, – ответила та.

– Я думала, агентами обычно бывают мужчины.

– Так и есть. Но я женщина.

– Но это же круто, – восхитилась Шелби.

– Вы правы, – согласился Кеттлер, что заставило Пайн посмотреть на него.

– Вам удалось узнать, кто убил мула? – спросила Шелби.

– Пока нет, но мы обязательно это выясним.

– Но кто мог совершить такую ужасную вещь?

– К несчастью, поблизости есть ужасные люди, Шелби. Так что будь максимально осторожна. Не смотри на экран своего телефона двадцать четыре часа в сутки. И не носи постоянно наушники. Это сразу делает тебя легкой мишенью. Будь начеку. Хорошо? – Когда девочка с тоской посмотрела на нее, Пайн улыбнулась и добавила: – Девочки должны присматривать друг за другом, ведь так?

Шелби улыбнулась в ответ и кивнула. Этли проводила ее взглядом, когда она входила в домик.

– Ну, пожалуй, мне лучше вернуться, – заметил Кеттлер.

– Спасибо за помощь, мистер Кеттлер.

– Моего отца зовут мистер Кеттлер. А я Сэм.

– Этли.

Кеттлер огляделся по сторонам.

– Вы знаете, я перебрался сюда, чтобы обрести мир и покой. Никак не ожидал, что здесь может случиться нечто подобное... Все сильно напряжены.

– Ну, у вас и прежде пропадали люди.

– Да, но никогда не убивали мулов. Почему-то это встревожило меня больше, чем пропажа человека. – Он кивнул ей. – Дайте мне знать, если вам потребуется какая-либо помощь.

Пайн достала визитную карточку и протянула ее Кеттлеру.

– Номера сотовых телефонов на обороте, – сказала она. – Если вы что-нибудь вспомните или просто захотите поговорить, позвоните мне.

Он приподнял шляпу.

– Может быть, как-нибудь мы выпьем пива. Колсон сказал, что вы живете в Шеттерд-Рок.

– Я живу в Тусаяне, это недалеко.

– Вы правы. – Кеттлер убрал визитку в карман рубашки. – Ну, тогда до встречи.

Он улыбнулся и пошел прочь. Пайн смотрела ему вслед, размышляя о том, что ей удалось узнать.

Если девочка-подросток сумела выбраться из домика и практически незаметно попасть к загону, значит, Бенджамин Прист мог проделать то же самое. Мул мертв. Возможно, такая же участь постигла и Приста.

Несмотря на огромные размеры каньона, едва ли тело здесь сможет долго оставаться незамеченным. В любом случае летающие или наземные хищники обратят на него свое внимание. Но Этли хотелось отыскать живого Приста. У нее были к нему вопросы, и Пайн надеялась, что он на них ответит. Ей не нравилось, когда кто-то убивал животных – из-за того, что потом он иногда начинал убивать людей.

Она посмотрела на часы. Примерно через шесть часов начнутся серьезные поиски мистера Приста. Но у нее появилось чувство, что вне зависимости от того, найдут они его живым или мертвым, вопросов станет только больше. И очень может быть, что все это окажется лишь верхушкой пресловутого айсберга.

Глава 6

Пайн вытерла пот со лба, чтобы не заливал глаза. Она сидела на валуне и смотрела в сторону реки Колорадо. Поиски шли уже восемь часов, начавшись сразу после завтрака.

Семь рейнджеров и она. Им предстояло освоить огромное пространство, которое вместе с находившимся наверху парком превышало размеры штата Род-Айленд. Даже вертолет не давал никаких гарантий на успех. И нигде не было видно круживших в небе канюков, которые могли бы им помочь.

Итак, они ничего не нашли. Никаких следов Бенджамина Приста. И по-прежнему не знали, где и как он сумел выбраться из каньона.

Этли еще раз внимательно огляделась по сторонам. Если бы Прист попытался взобраться вверх по склону вчера утром, ему потребовались бы часы. По опыту она знала, что подъем занимает в два раза больше времени, чем спуск.

Пайн недоуменно покачала головой. Но если Прист хотел покинуть каньон, зачем он взял мула из загона? От Бреннана она знала, что Прист не собирался ехать на муле в темноте и в одиночку. Он с трудом спустился в каньон при дневном свете, когда рядом находился опытный ковбой.

Труп Салли Белль забрал вертолет при помощи лебедки и упряжи, приспособленной для перевозки крупных животных. Эксперт сделает вскрытие. У Пайн появилось предчувствие... вскрытие покажет, права она или нет. Этли воспользовалась набором своих инструментов, насколько это было разумно при данных обстоятельствах, но ее исследования ни к чему не привели, и ответов она не получила.

К ней подошел Ламберт.

– Когда я отправил вам сообщение о том, что здесь произошло, вы ответили, что уехали из города по личному делу. У вас всё в порядке? – спросил он.

Пайн посмотрела на него.

– Я просто отдыхала и расслаблялась. Бюро иногда предоставляет мне такую возможность, – ответила она.

– Значит, отдыхали?.. Я не стал бы к вам обращаться, если б знал.

– Расслабьтесь, Колсон, у меня был отпуск, а теперь он закончился. – Этли глянула на землю перед собой.

– Вы уже получили какую-то информацию из Флагстаффа?

- Пока нет. И я не знаю, каков приоритет нашего запроса.
- Посмотрев по сторонам, Ламберт произнес:
- Не думаю, что мы найдем его здесь.
- Может быть, он мертв. Так что нам нужны поисковые собаки.
- Будет сделано.
- Сегодня ночью девочка-подросток выбралась из своего домика, прихватив морковку для Жасмин, мула, на котором она приехала, – сказала Пайн.
- Она дошла до загона мулов? И что произошло дальше? – спросил Ламберт.
- Мы проводили ее до домика, и я попросила ее быть в дальнейшем более осторожной.
- Мы?
- Там был Кеттлер. Он также ее услышал.
- Меня это не удивляет. Сэм всегда настороже.
- Кеттлер сказал, что служил в армии. И вы об этом упоминали...
- Ламберт кивнул.
- Спецназ. Один его сослуживец рассказал мне, что у Кеттлера множество медалей, в том числе «Пурпурное сердце»^[7]. Но он никогда об этом не говорит.
- Солдаты, которые делают больше всех, не склонны распространяться о своих подвигах, – заметила Этли.
- Согласен. И он прекрасный спортсмен. Участвовал в двадцатичетырехчасовом супермарафоне. А также в забеге от одного края Гранд-Кэньон до другого и обратно. Ему совсем немного не хватило до рекорда.
- Пайн знала, что рекорд принадлежит человеку, который сумел преодолеть всю дистанцию менее чем за шесть часов. Путь в сорок две мили при перепаде высот двадцать две тысячи футов^[8].
- Это впечатляет. – Она немного помолчала. – Вы сказали ему, что я живу в Шеттерд-Рок.
- Ну, он расспрашивал про вас после того, как вы встретились, – признался Ламберт.
- Он сказал, почему я его заинтересовала? – осведомилась Пайн.
- Рейнджер удивленно посмотрел на нее.
- Может быть, вы понравились ему, Этли.
- Моя работа такова, что я не думаю о подобных вещах.
- Ну, у всех есть личная жизнь. Но, с другой стороны, у меня дома три

подростка. Вот почему сейчас я не знаю, насколько личной является *моя* жизнь.

– Наверное, ее попросту нет...

Ламберт усмехнулся и снова огляделся по сторонам.

– Ну, и что мы будем делать теперь?

– Пока совсем не стемнело, я намерена улететь отсюда на вашем вертолете, – заявила Пайн.

– И что предпримете? – спросил Ламберт.

– Проведу дьявольски серьезное исследование.

– Надеюсь, я вызвал вас не только ради мертвого мула. Мне известно, что у вас есть и другие дела.

– Никаких проблем. Я – агент ФБР *и* женщина в одном лице. Поэтому способна заниматься сразу несколькими вещами одновременно, наравне с лучшими.

Глава 7

Пайн бросила большую сумку на пол и оглядела свою спартанскую двухкомнатную квартиру на окраине Шеттерд-Рок, городке таком маленьком, что его предместья и крошечный центр напоминали целующихся кузенов. Дом был трехэтажным, и квартиры в нем арендовали самые разные люди. В городе имелось лишь еще одно «высотное» здание в три этажа – отель, где останавливались туристы, направлявшиеся в Гранд-Кэньон.

С тех пор как Пайн покинула дом, она никогда не жила в квартире, где было больше двух комнат. А родилась и провела детство на ранчо на три комнаты в сельской части штата Джорджия.

Она слышала, что писательница Маргарет Митчелл неизменно жила в двухкомнатных квартирах по очень простой причине: она не хотела, чтобы у нее кто-то останавливался на ночь. Пайн не знала, правда это или анекдот, но вполне разделяла ее чувства. Она также была женщиной с одной спальней и совершенно не переносила гостей.

В ее квартире не было домашних животных и цветов в горшках, а в жизни – никаких хобби, к которым она могла обратиться после окончания расследования. Пайн слышала, что работа не должна становиться жизнью. Но не знала другой жизни, кроме работы. И ее это вполне устраивало.

После исчезновения сестры Этли посещала психотерапевта. Шестилетний ребенок, перенесший тяжелую утрату, не получил от общения с врачом никакой помощи. Она лишь испытывала смущение и страх.

Четыре года назад Пайн предприняла еще одну попытку. С аналогичным результатом. Она сидела на сеансах групповой терапии и слушала, как участники расхаживали по комнате и обсуждали друг с другом самые интимные подробности своей жизни. Когда пришел ее черед, Пайн, в которую стреляли, ранили ножом и атаковали множество раз во время исполнения профессиональных обязанностей, начала отчаянно потеть и в итоге выбрала путь труса – отказалась что-либо говорить и больше никогда не посещала подобных собраний.

По какой-то причине она испытывала отвращение к имуществу и хотела пройти по жизни, обладая минимально необходимым количеством вещей. В список входили и люди. Некоторые психиатры могли бы интерпретировать это как страх перед новыми тяжелыми потерями.

Возможно, они были бы недалеко от истины. Но Пайн никогда не давала себе шанс глубоко заглядывать в свою психику, чтобы доказать истинность или ошибочность данной теории.

Она приняла душ, чтобы смыть грязь и пот Гранд-Кэньон, потом надела чистую одежду и села за сучковатый кухонный стол из древесины сосны, который стоял в квартире, когда она ее сняла, и теперь служил домашним офисом. Проверила электронную почту, телефонные и текстовые сообщения.

Среди них было письмо от ее прямого начальника, находившегося во Флагстаффе. Он хотел знать, каков прогресс в ее расследовании. Когда Пайн изучала электронную почту, она отметила около дюжины человек, которым также отправили письма. Двое из списка рассылок занимали более высокое положение в субординационной цепочке, чем ее непосредственный начальник; остальных она не знала.

Ее привлекли к расследованию по единственной причине: Гранд-Кэньон являлся федеральной собственностью и имел особое значение в глазах правительства США. И Шеттерд-Рок существовал именно благодаря ему. Этли немедленно взялась за дело, как только получила назначение сюда, и затратила немало усилий, чтобы добиться хороших отношений со Службой национальных парков, местной полицией и индейскими племенами на близлежащих территориях. Это оказалось непростой задачей, но Пайн старалась изо всех сил, и ее искренность и напряженная работа принесли ей симпатии всех местных служб.

Этли сделала себе чашку кофе, уселась перед ноутбуком и начала поиск консалтинговой компании «Козерог». Она получила множество ссылок, но ни одна из них не имела ничего общего с оборонной промышленностью.

Пайн отправила сообщение Колсону Ламберту, чтобы тот уточнил название фирмы, и спросила, от кого он получил эту информацию.

Ламберт ответил через несколько минут, что название фирмы и сферу ее деятельности сообщил ему брат Приста.

Этли взглянула на часы. На Восточном побережье было больше одиннадцати вечера, и она подумала, что, вероятно, уже слишком поздно звонить брату Приста.

Затем снова пролиставала сообщения, полученные по электронной почте, – и у нее неожиданно возникла новая идея. Пайн вошла в персональную базу данных ФБР и посмотрела все незнакомые имена из списка рассылки.

И удивленно заморгала, когда на мониторе появилась фотография и краткие биографические сведения.

Пайн смотрела на одно из имен в списке рассылки. Его там не должно было быть.

Питер Стьюбен. Исполнительный помощник директора Службы национальной безопасности ФБР, из чего следовало, что он здесь главный. СНБ, одно из шести отделений ФБР, создана в 2005 году после событий 11 сентября в связи с резко возросшей опасностью терроризма. В некотором смысле чуть ли не самое важное отделение, которое занималось предотвращением угроз против Соединенных Штатов.

Имя одного из самых высокопоставленных функционеров ФБР стояло в списке рассылки, касающейся мертвого мула. И, быть может, исчезнувшего туриста, связанного с несуществующей компанией, хотя Пайн вполне могла допустить, что военные подрядчики стараются не оставлять следов на публичных сайтах.

Прежде Пайн работала в ФБР на Восточном побережье – и заметила, что персонал Бюро, находящийся по другую сторону Миссисипи, консервативен, его сотрудники строго придерживаются правил и процедур и не понимают, почему нельзя эти самые правила и процедуры, принятые в Нью-Йорке или округе Колумбия, установить на Юго-Западе как гигантский шаблон правоохранительных протоколов. Пайн прекрасно понимала, почему эти правила здесь не годятся – главным образом из-за огромного количества особенностей, которые требуют и заслуживают внимания и уважения. Тут практически у всех имелось самое разное оружие, а также здоровый скептицизм относительно федерального правительства. Здесь ты мог ехать целый день и не встретить ни одного человеческого существа на территории, напоминающей поверхность необитаемой планеты.

Однако Пайн давно перестала сражаться с парнями с Восточного побережья, старалась не выделяться, делала свою работу и никогда не просила помощи, пока в ней не возникало острой необходимости.

Но если СНБ заинтересовалась ее делами, она не знала, насколько успешной будет такая стратегия. Ей не составило никакого труда представить вертолет, набитый надменными агентами ФБР с акцентом Нью-Джерси, которые появятся в разгар ее расследования и вежливо, но твердо предложат ей отправиться к дьяволу.

Раззадоренная этими мыслями, Пайн снова посмотрела на часы – и решила рискнуть.

Она набрала номер, который ей прислал Ламберт, и дождалась первого длинного гудка. После второго услышала встревоженный голос:

– Да?

– Мистер Прист?

– Да?

– Эдвард Прист?

– Да, с кем я говорю?

– Я специальный агент Этли Пайн, ФБР, штат Аризона.

– О господи... Вы звоните из-за Бена? Он мертв. О дерьмо. О господи! Пайн услышала, как мужчина разрыдался.

– Нет, мистер Прист, – твердо сказала она. – Нет, я звоню вам по другой причине. Я расследую исчезновение вашего брата, но пока нам не удалось его найти. Насколько мы знаем, он еще жив.

Она услышала, как дыхание в трубке постепенно успокаивается.

– Вы до смерти меня напугали, – наконец рявкнул он. – Почему вы позвонили так поздно?

– Я приношу вам свои извинения, но мы не можем терять времени. Вы сказали одному из моих коллег, что ваш брат работает в консалтинговой компании «Козерог».

– Верно. Так и есть.

– Эта фирма относится к «Белтуэй»?

– Да.

– У вас есть их адрес и телефон для связи?

Прист явно колебался.

– Телефон для связи? – уточнил он.

– Или адрес.

– Я... у меня нет такой информации. Я лишь помню, как брат говорил мне, что работает там.

– Когда? – спросила Пайн.

Теперь в его голосе появилось подозрение.

– А какое это имеет значение? Он исчез в Гранд-Кэньон, а не на кольцевой дороге в округе Колумбия.

– Дело в том, что я попыталась найти эту компанию, но в округе Колумбия ее нет.

Молчание.

– Я... я думаю, он сказал мне это около шести месяцев назад, – сказал Прист после долгой паузы.

– Значит, вы никогда не бывали в его офисе?

– Нет.

– Он что-то говорил вам о своей работе?

– Он... он часто повторял шутку, ну, вы знаете... обычные приколы, когда речь заходит об округе Колумбия.

– Вы хотите сказать, что-то вроде: «Я тебе расскажу, но тогда мне придется тебя убить»?

– Совершенно верно.

– Ладно.

– Агент Пайн, что происходит?

– Сейчас мне сложно делать выводы. Вы не могли бы рассказать о прошлом вашего брата? Образование, детство, семья... ну, вы понимаете.

– Я все уже рассказывал вашему коллеге.

– Если вы повторите мне еще раз, это может помочь.

Он тяжело вздохнул.

– Мы росли в основном на Восточном побережье, но нам пришлось много переезжать. Наш отец служил в военно-морском флоте. Ушел в отставку в статусе «ноль-семь».

– Контр-адмирал.

– Да, вы правы. Вы из семьи военных моряков?

– Нет, но у меня были друзья... Что еще?

– Бен был... я хотел сказать, *есть* мой младший брат. У нас еще две старших сестры. Бен живет в Старом городе Александрии, штат Вирджиния. Одна сестра во Флориде, другая в Сиракузах.

– Насколько я поняла, ваш брат не женат.

– Нет, он так и не отважился. Работа – вся его жизнь.

– Образование?

– Джорджтаун. Студент и выпускник.

– Политология?

– Да. Но откуда вы знаете?

– Удачная догадка. Вы можете дать мне его домашний адрес? – спросила Пайн.

– Послушайте, я хочу сотрудничать с вами, но сейчас мне пришло в голову, что я ничего про вас не знаю – даже то, действительно ли вы агент ФБР.

– С вами уже связывался Колсон Ламберт из Парковой службы США. Я могу сообщить вам номер моего значка и телефонный номер в Бюро; там подтвердят, что я работаю в ФБР. А завтра, если захотите, можете позвонить мне по этому номеру.

Прист не стал отвечать сразу.

– Нет, я думаю, всё в порядке, – заговорил он после небольшой паузы. – Зачем вам звонить мне, если вы не работаете в ФБР, не так ли?

«Я могу назвать сразу несколько причин», – подумала Пайн. Однако озвучивать их Присту не стала.

Он дал ей домашний адрес брата.

– Значит, Бен с вами не связывался? – спросила Пайн.

– Нет. Послушайте, я спросил у того парня, Ламберта, следует ли мне к вам вылететь.

– Я считаю, что будет лучше, если вы останетесь дома. Когда появятся новости, я немедленно с вами свяжусь. И вы можете позвонить мне с любыми вопросами или тревогами. Или если у вас возникнут мысли, которые могут оказаться полезными.

– Вы думаете, исчезновение Бена как-то связано с его работой?

– Я не стану утверждать, что это не так. Во всяком случае, на данный момент.

– Вы думаете, он мертв?

– Я ничего не думаю. Мы слишком мало знаем. Но нам следует уточнить очевидные моменты. У вашего брата были враги?

– Мне о них ничего не известно.

– Хорошо, – сказала Пайн. – А вы говорили с сестрами?

– Нет. А почему я должен был с ними говорить?

– Ну, на случай, если он входил в контакт с кем-то из них.

– Да, вы правы. Я не подумал... Но я полагаю, что он сначала позвонил бы мне, а не сестрам. Мы живем рядом.

– И все же на всякий случай вам лучше не говорить им, что он пропал. Просто спросите, не связывался ли он с ними.

– Ладно, я им позвоню. И сообщу вам о результатах наших разговоров.

– Благодарю, мистер Прист. Я рада, что вы согласились помочь.

– Как вы думаете, вам удастся найти Бена?

– Я буду стараться изо всех сил. И еще одно. У вас есть недавние фотографии вашего брата, которые вы могли бы мне прислать?

– Да, есть. Со дня рождения моей жены в прошлом месяце. На них я, моя жена и Бен. Я пришлю вам снимки по электронной почте.

– Отлично. – Этли продиктовала свой адрес и повесила трубку.

Прошла минута. Она получила письмо, открыла его, посмотрела на фотографию и увидела высокого стройного мужчину ростом шесть футов и три дюйма. Очевидно, Эдвард Прист. В центре стояла его жена. С другой стороны – невысокий коренастый мужчина в очках. Бен Прист.

Тут ей в голову пришло еще несколько вопросов, и Пайн решила перезвонить Эдварду.

– Я получила фотографию, благодарю вас. У меня появилось еще несколько простых вопросов. На фотографии ваш брат в очках. А он носит контактные линзы?

Ответ Эдварда Приста сильно удивил Пайн, и ее мысли устремились совсем в другом направлении.

– Нет, агент Пайн, вы неправильно поняли. Это я ношу очки, а не Бен. Мой брат заметно выше меня, и он стоит слева.

Глава 8

– Доброе утро, специальный агент Пайн.

Этли едва успела отпереть дверь офиса ФБР в Шеттерд-Рок. Мощная дверь с надежным замком, защищенным от взлома, интерком и видеочамера. Это могло показаться избыточным в таком месте, но для усиленного протокола безопасности всегда имелись веские причины. В конце семидесятых два агента ФБР в Эль-Сентро, штат Калифорния, были убиты из дробовика в своем незащищенном офисе. Убийцей оказался социальный работник, находившийся под следствием за растрату фондов. С тех пор Бюро существенно улучшило охрану всех своих подразделений, начиная от крупных и заканчивая самыми маленькими.

Кэрол Блум приветствовала Пайн из-за своего письменного стола в приемной офиса, состоявшего из двух комнат. Кроме того, в здании находились юридическая фирма, кабинет дантиста, строительная и страховая компании.

И еще одно федеральное правоохранительное учреждение.

Пайн закрыла за собой дверь.

– Знаете, Кэрол, мы уже довольно давно работаем вместе. Вы можете называть меня Этли.

– Я люблю, чтобы все делалось профессионально. Насколько мне известно, именно таким хотел видеть Бюро мистер Гувер.

– Тем не менее мое предложение остается в силе. И *мистер* Гувер работал очень давно.

Пайн пришла на работу в джинсах с широким кожаным ремнем и большой медной пряжкой квадратной формы, пыльных сапогах, белой рубашке и ветровке. Блум выглядела исключительно официально: темно-синий пиджак, белая плиссированная юбка, туфли на низком каблуке и нейлоновые чулки; густые золотисто-каштановые волосы собраны в аккуратный пучок. Она почти не пользовалась косметикой, и Пайн подумала, что макияж ей не помешал бы. Кэрол Блум была замечательной женщиной, которая старательно поддерживала форму, а огромные изумрудные глаза отлично сочетались с рыжеватыми волосами, острым подбородком и высокими скулами, что придавало ей экзотический вид, каким бы глупым и вышедшим из моды этот термин ни казался сейчас. Однако к ней отлично подходило и другое слово: профессионализм.

– Я положила папки с текущими делами на ваш письменный стол.

Днем вам будут звонить из Флагстаффа, чтобы вы ввели руководство в курс последних новостей. Напоминание в вашем календаре.

– Благодарю вас, – сказала Пайн.

– Знаете, мне нравится, что вы никогда не пишете лишних бумаг и не устраиваете показухи.

Этли внимательно посмотрела на Блюм.

– Я работала в других офисах, – продолжала секретарша, – где, перед тем как появлялось начальство, начиналась бурная деятельность и возникали бумаги с новыми серийными номерами.

– Я понимаю, о чем вы говорите, Кэрол.

– Но вы никогда так не делаете.

– Не вижу смысла. Я работаю, чтобы доводить расследования до конца, а не устраивать фокусы с документами.

– Как прошел ваш отпуск?

– Всё в порядке.

– И чем вы занимались?

– Путешествовала.

– В какое-то необычное место?

– Нет, не особенно.

Огромные глаза секретарши стали еще больше.

– Хотите об этом поговорить?

– На самом деле нет, – сказала Пайн.

Глаза затуманились.

– Выпьете кофе? Я только что купила для офиса новую кофеварку.

– Должно быть, вам пришлось заполнить целую тонну бумаг...

– Так и было бы, но я купила ее на собственные деньги.

– Вы храбрая женщина. Я бы охотно выпила кофе, спасибо.

– Черный?

– Как всегда.

Пайн вошла в свой кабинет и закрыла за собой дверь.

Ей казалось странным и немного лицемерным то, что Блюм хотела, чтобы их отношения оставались сугубо профессиональными, однако неизменно интересовалась всеми аспектами личной жизни своего босса. Впрочем, нельзя исключать, что она просто старалась вести себя дружелюбно. Несмотря на то что они работали вместе уже год, Этли не слишком хорошо знала свою секретаршу.

Вероятно, обо мне она думает то же самое. Быть может, это к лучшему.

Пайн повесила ветровку в маленький шкаф, села за потрепанный

стандартный письменный стол из серой латуни, из тех, что ФБР покупало огромными партиями, и включила компьютер.

Бюро все еще отставало в том, что касалось технологий, и компьютеру Пайн было уже восемь лет. Когда ей требовалось решить какую-то серьезную задачу, она обращалась к собственному лэптопу или телефону. Иногда ее даже удивляло, что для входа в Интернет не приходится использовать модем.

Постучав в дверь, с чашкой горячего кофе вошла Блюм.

– Вы завтракали? – спросила она.

– Нет.

– Хотите есть? Я могу сходить в булочную. Мне совсем не трудно.

– Со мной всё в порядке, благодарю.

– Завтрак – самая важная трапеза, – не унималась секретарша. – У меня шестеро детей, и я знаю это совершенно точно.

Пайн оторвалась от файла, который только что открыла.

– Я буду иметь это в виду.

– Что-нибудь еще?

Этли понимала, что Блюм просто хочет чем-нибудь заняться, но проблема состояла в том, что она могла все сделать сама. Рано или поздно Бюро поймет это, и Блюм может потерять работу. Впрочем, колеса бюрократической машины вращаются медленно; сначала она выйдет на пенсию.

– Нет, я... – Пайн замолчала, и Блюм продолжала вопросительно смотреть на нее. – Да, есть кое-что. Вы можете выяснить, имеют ли буквы дж. и к. какой-то специальный смысл? Не просто как буквы алфавита.

– В связи с чем? – спросила Блюм.

– Они были вырезаны на шкуре мертвого мула, которого нашли на дне Гранд-Кэньон. Я понимаю, что информации слишком мало, и не особенно рассчитываю, что вы сумеете что-то выяснить.

Однако на лице секретарши появилось задумчивое выражение.

– Ну, кое-что пришло мне в голову... но сначала я должна провести небольшое расследование.

Она вышла. Пайн проводила ее удивленным взглядом.

В течение следующего часа она просматривала остальные дела, чтобы подготовиться к ежемесячной беседе с начальством. Этли потратила немало сил на то, чтобы изучить местные законы. Кроме того, множество раз побывала в индейских племенах, оказывавших заметное влияние на происходившие в регионе события. С ними невозможно установить добрые отношения за несколько недель. Но за проведенное здесь время Пайн

поймала грабителя банков, покончила с опиатной торговой цепочкой, отыскала серийного насильника, нападавшего на индейских женщин, и это помогло ей заручиться доверием местных жителей, без которого она не могла хорошо делать свою работу.

Пайн закрыла файлы и допила кофе, оказавшийся крепким и слишком резким. Потом посмотрела на противоположную стену, где остался отпечаток кулака.

Тут она была ни при чем – один из подозреваемых, потеряв терпение, решил напасть на агента ФБР.

Второй след на стене находился ниже и был заметно больше. Он остался от головы подозреваемого, которого Пайн отшвырнула от себя, после чего их конфликт пришел к быстрому разрешению.

Она надевала на почти потерявшего сознание подозреваемого наручники, когда Блюм, услышавшая шум, спокойно открыла дверь и спросила, не требуется ли вызвать полицию, чтобы та увезла отсюда этого дебила.

Именно она предложила Пайн оставить следы на стене.

– Некоторым людям требуется визуальная стимуляция, – сказала тогда Блюм. – Иногда картина стоит тысячи слов.

Это была блестящая идея, Пайн оценила ее, и следы на стене не стали убирать. Подозреваемый подал на Этли жалобу, заявив, что та напала на него без всякой причины. С тех пор Пайн установила в кабинете скрытую камеру, которая также записывала звук. Кнопка включения съемки находилась у нее под столом на уровне колена. Камера была нужна не для физической защиты – речь шла о психологическом спокойствии. Она находилась здесь на тот случай, если другой «дебил» солжет относительно того, кто кого атаковал.

Зазвонил ее сотовый телефон; она посмотрела на номер и нахмурилась. И сделала еще один глоток кофе.

Звонили из Флагстаффа. Слишком рано. Плохой знак.

– Пайн, – сказала она.

– Пожалуйста, подождите, с вами будет говорить Роджер Эйвери.

Роджер Эйвери?

Он не являлся непосредственным начальником Пайн, и она не ожидала звонка от него. К тому же Эйвери находился на два уровня выше ее босса. Он проработал в ФБР шесть лет, менее половины ее срока, но теперь агенты занимали командные посты через три или четыре года. Пайн никогда не заполняла нужных бумаг, чтобы получить подобную должность; более того, изо всех сил боролась за то, чтобы остаться на полевой работе, а

не торчать на постоянной основе в офисе. У нее имелось вполне определенное мнение о должности контролера ФБР: они весь день сидят за письменным столом, дают указания агентам, как вести дела, и при любой возможности играют роль «квотербека в понедельник утром»^[9].

Пайн легко переносила контакты с непосредственным начальством, но ей никогда не нравилось разговаривать с Эйвери. Она скорее предпочла бы перенести колоноскопию без пропофола^[10].

Через мгновение она услышала в трубке его голос.

– Пайн?

– Да, сэр, – ответила Этли.

– Вы удивлены моим звонком?

– Ну, я ожидала звонка, чтобы отчитаться по своим расследованиям, но не от вас, сэр.

– Я люблю держать руку на пульсе, так что на этой неделе сам разговариваю с агентами.

Руку на пульсе. Этот человек провалит любой тест на полиграфе.

– У меня в календаре помечено, что звонок состоится днем, – сказала Пайн.

– Я решил позвонить вам раньше. Знаю, что вы не любите сидеть за письменным столом. Но если вы заняты...

Как и любой другой контролер, он вовсе не имел это в виду. Если б Этли сказала ему, чтобы проваливал куда подальше, поскольку ей нужно работать, она могла бы сразу попрощаться со своей карьерой.

– Нет, всё в порядке. – Пайн потянулась, чтобы открыть нужные файлы, но его следующие слова заставили ее остановиться.

– Я не сомневаюсь, что вы прекрасно справляетесь с текущими проблемами, – заявил Эйвери. – У меня никогда не возникало необходимости предъявлять вам какие-то претензии в этом отношении.

Смысл его слов не вызывал сомнений. У него *имелись* претензии к ней за то, что иногда она слишком рьяно делала свою работу. Однако Пайн никогда не считала, что оскорбленные чувства или сломанная рука являются достаточным поводом, чтобы не узнать правду. «Дебил», которого она швырнула на стену, не только написал на нее жалобу, он также подал в суд. Позднее выяснилось, что этот тип уже несколько раз нападал на полицейских и обычных граждан, так что Пайн никак не пострадала и дело в суде закрыли.

– Хорошо, – сказала Этли. – Вас интересует что-то еще? Дело в том, что я собиралась уходить.

– Давайте поговорим о Гранд-Кэньон.

Пайн подалась вперед на дешевом стуле, отвратительном предмете мебели, купленном на мелкой распродаже, у которого даже не было удобной спинки. С тем же успехом можно сидеть на желатине во время землетрясения. Она уже собиралась приобрести новый стул на средства агентства, а потом принять удар за то, что не заполнила необходимые для такого случая документы. А если кто-то из администрации Бюро пожелает явиться в Шеттерд-Рок, чтобы сделать ей выговор за то, что она обзавелась удобным стулом, пусть приезжают.

– Каньон? – спросила она.

– Мертвый мул.

– Верно.

– И как продвигается расследование? – спросил Эйвери.

– Я работаю над ним. Прошло еще слишком мало времени.

– Это так. Но меня интересуют некоторые детали...

– Я отправила вам предварительный отчет, – сказала Пайн.

– Я его читал. Сейчас меня интересует, что вам удалось выяснить после этого.

– Я не знаю, кто убил мула, почему и как и где сейчас злоумышленник, – сказала Пайн. – А в остальном все хорошо.

Эйвери проигнорировал ее сарказм, что удивляло.

– Бенджамин Прист?

До сих пор Этли никому не говорила, что человек, называвший себя Бенджамин Прист, на самом деле им не был.

– Вчера вечером я говорила с его братом, – сказала она.

– И каковы результаты разговора? – терпеливо спросил Эйвери.

Похоже, он знает ответ и хочет получить подтверждение. Или нет.

– Его брат ничего не знает о консалтинговой компании «Козерог». Ни адреса, ни телефонов. Бенджамин Прист никогда не рассказывал ему о своей работе. И на данный момент я не нашла свидетельств существования этой компании. – И пока Эйвери никак не успел отреагировать на ее слова, Пайн решила перехватить инициативу: – А вам удалось что-нибудь выяснить, сэр?

– Но не я провожу расследование, Пайн. Оно ваше.

– Да, сэр.

– Что-то еще?

Этли решила сбросить атомную бомбу.

– Складывается впечатление, что нашим расследованием заинтересовалась Служба национальной безопасности. Вам об этом что-

нибудь известно?

Несколько секунд Эйвери ничего не отвечал, но Пайн показалось, что прошло гораздо больше времени. Она слышала лишь дыхание контролера. Как ей показалось, оно немного участилось.

Неужели я только что пустила собственную карьеру под откос?

– Продолжайте расследование, Пайн, – наконец сказал Эйвери. – И если вам потребуется помощь, сделайте запрос.

– Есть, сэр.

– И... Этли?

Теперь «Этли»? Все страньше и страньше...

– Слушаю?

– Позаботьтесь о том, чтобы у вас были глаза на затылке.

И он повесил трубку.

Пайн получила такой же совет ровно один раз за все время своей работы в ФБР.

Когда она проводила расследование и выяснилось, что Бюро следило за ней.

Через мгновение Блум открыла дверь. Должно быть, слышала телефонный звонок и отголоски ее разговора.

– Всё в порядке, агент Пайн?

Этли посмотрела на нее.

– Все хорошо, миссис Блум.

Глава 9

Чу-чу-поезд. Или Хутервилльский экспресс. Выберите наименьшее из зол.

Пайн стояла перед железнодорожным вокзалом в Уильямсе, штат Аризона. Именно отсюда каждый день отправлялся поезд в Гранд-Кэньон, а потом возвращался обратно. Путешествие к южному краю каньона составляло шестьдесят пять миль в каждую сторону и занимало неспешные два часа и пятнадцать минут. За меньшее время она могла бы долететь от Феникса до Сиэтла.

Пайн только что поговорила с людьми из персонала поезда и показала фотографию настоящего Бенджамина Приста. Никто не вспомнил, чтобы он ехал в поезде. Затем она дала описание фальшивого Приста, но ей сказали, что совсем немногие джентльмены под него подходят.

На имя Бенджамина Приста был выписан билет туда и обратно, и кто-то воспользовался им, чтобы добраться до южного края каньона. Однако обратный билет до Уильямса так никто и не предъявил. Его покупали за наличные – и никаких следов кредитной карты. «Очень интересно, – подумала Пайн, – билет достаточно дорогой... Возможно, кто-то хотел скрыть свою личность? Наверное, так и было».

Затем она отправилась в железнодорожный отель – камин с каменной облицовкой, ковер, в котором тонули ноги, полированные деревянные балконы и колонны; все вместе производило впечатление гостеприимства высшего класса. Жизнедеятельность отеля зависела от пассажиров поезда. Вот почему персонал старался произвести хорошее впечатление на гостей и убедить их здесь остановиться, прежде чем двигаться дальше.

Пайн подошла к стойке регистрации, показала молодой женщине-портье фотографию настоящего Приста и рассказала ей, когда тот мог у них останавливаться. Потом дала описание мошенника. Женщина покачала головой.

- Я не узнаю ни того ни другого, – сказала она.
- А вы тогда дежурили?
- Да, обычно я работаю в дневную смену.
- Кто-нибудь еще находился у стойки регистрации? – спросила Пайн.
- Нет, только я.
- Хорошо, а вы не регистрировали гостя по имени Бенджамин Прист в тот день, о котором я спросила?

Дежурная нажала на несколько клавиш, посмотрела на монитор и покачала головой.

– Нет, у нас не было гостей с таким именем. Значит, он здесь не останавливался.

Пайн знала, что это вовсе не обязательно так. Он мог использовать вымышленное имя, фальшивое удостоверение личности или изменить внешность. Она поблагодарила дежурную и вышла из отеля, размышляя о том, что путешествие сюда оказалось совершенно бесполезным. Затем села в свой внедорожник и включила двигатель.

В этот момент ей позвонила Кэрол Блюм.

– Я отправила вам статью с новостями из «Аризона газетт».

– О чем она?

– Об исследовании, которое якобы имело место в Гранд-Кэньон.

– А когда оно якобы имело место? – уточнила Пайн.

– В тысяча девятьсот девятом году.

– И какое оно имеет отношение к моему расследованию через сто с лишним лет?

– Просто прочитайте, – предложила Блюм. – Кроме того, я послала вам более позднюю статью, в которой препарируется сообщение девятьсот девятого года. Вместе они помогут вам оценить их.

– Хорошо, – сказала Пайн. – Но вы можете хоть намекнуть?

– Буквы *дж.* и *к.* уже появлялись в Гранд-Кэньон.

– Что? – удивилась Этли.

– Прочитайте статью, потом поговорим.

Пайн посидела несколько минут, подставив лицо под кондиционер. Термометр снаружи показывал почти 32 градуса. И несмотря на сухой воздух, было невероятно жарко.

Ее телефон звякнул, и она открыла электронную почту. Очевидно, Блюм увеличила текст, чтобы его было удобно читать, и Пайн потребовалось всего несколько минут, чтобы пробежать статью глазами.

В 1909 году два исследователя по имени Джордан и Кинкейд, которые работали в Смитсоновском институте, предположительно, наткнулись на пещеру, расположенную довольно высоко, на одном из утесов Гранд-Кэньон.

Джордан и Кинкейд? *Дж.* и *К.*

Пайн стала читать дальше.

Они вошли в пещеру и нашли свидетельства существования древней цивилизации, которая могла быть, как говорилось в статье, используя давно отброшенный презрительный термин, «азиатской» или даже египетской.

Предположительно, ученые обнаружили в подземной цитадели, состоявшей из множества помещений, всё – от погребальных урн с мумиями до статуй, напоминавших Будду.

Во второй статье, написанной всего несколько лет назад, сообщалось множество дополнительных подробностей. Пайн потребовалось десять минут, чтобы прочитать ее. Автор статьи был настроен так же скептически, как и она, относительно мнимой экспедиции. В документах Смитсоновского центра не нашлось упоминаний об исследователях по имени Джордан и Кинкейд, которые, как утверждалось в первой статье, имели первоклассную камеру, но не сделали ни одной фотографии открытия столетия. Автор попытался угадать, где могла находиться пещера, и предполагал, что, скорее всего, между реками Найнти-Фор-Майл и Тринити.

Пайн знала, что там есть места с египетскими названиями: Башня Сета, Храм Изиды и Храм Озириса. Согласно более поздней статье, в те времена, когда они появились, Египет стал местом, куда отправлялось множество крупных экспедиций, о которых часто сообщали в новостях. В Каньоне Призраков встречались азиатские имена, такие, как Пирамида Хеопса, Монастырь Будды и Храм Шивы. А кроме того, не остались без внимания древние боги из египетских, греческих, индуистских, китайских и скандинавских мифов.

В заключение автор статьи написал, что в каньоне есть множество пещер, многие из которых обнаружены в разные годы туристами и исследователями. Судя по всему, автор считал, что в пещере, найденной Джорданом и Кинкейдом, на самом деле обитали анасази, первые люди, поселившиеся в долине. Именно они создали стиль жизни пуэбло и вырубили пещеры в горах, как и многие другие древние культуры.

Навахо являлись потомками анасази, имя которых на языке навахо означает «древние». Более того, в Кэньон-де-Шей есть так называемая Пещера Мумий, где жили анасази. Она находится на высоте в триста футов над дном Гранд-Кэньон и состоит из двух смежных пещер, насчитывающих более пятидесяти помещений и круглых церемониальных сооружений, чей возраст превышает тысячу лет.

Затем Пайн прочитала последний абзац более поздней статьи. Очевидно, предположил автор, Джордан и Кинкейд высекли буквы дж. и к. на скале над входом в пещеру. Почему автор сделал такой вывод, Этли не знала, больше в статье ничего сказано не было.

Она позвонила Блюм.

– Как вам удалось так быстро это отыскать?

– Я выросла в Аризоне и знала о статье в «Газетт» девятьсот девятого года, которая является частью местного фольклора. Когда я была подростком, мы с отцом, историком-любителем, отправились путешествовать по дну каньона. Он рассказал мне о легенде и отвел в места с египетскими названиями. Я подумала, что это обычная газетная мистификация, хотя мой отец считал, что тут все не так просто. Но египтяне в Аризоне? Я вас умоляю. Однако буквы дж. и к... Джордан и Кинкейд. Вот что я вспомнила, когда вы утром попросили меня провести небольшое расследование. Возможно, это не имеет ни малейшего отношения к вашему делу, но больше ничего, даже отдаленно связанного с буквами дж. и к., мне найти не удалось.

– Ну что ж, хорошая работа, благодарю, – сказала Пайн. – Значит, вы спускались на дно каньона?

– О, много раз, когда была моложе. И, кстати, я ездила туда на муле, много лет назад.

– Хорошо, что вы рассказали мне.

– Вы еще вернетесь в офис?

– Может быть. – Пайн посмотрела на часы. – Я знаю, что вы уходите через час.

– Я останусь и поработаю, – сказала Блюм. – Сегодня у меня нет других дел.

– В таком случае я попрошу выписать вам сверхурочные.

– Вам не следует беспокоиться, агент Пайн. Приятно чувствовать себя полезной.

– Спасибо. Может быть, мы еще встретимся сегодня.

Этли поехала дальше, размышляя о том, какое отношение экспедиция, которая, возможно, проходила более века назад, может иметь к мертвому мулу и национальной безопасности.

Может быть, я не хочу этого знать.

Глава 10

По дороге домой Пайн миновала место, давшее имя городу – Шеттерд-Рок. Оно находилось всего в миле от него – и на самом деле было единственной причиной его появления.

Местная легенда, позднее подтвержденная реальными фактами, обеспеченными НАСА и учеными федерального уровня, гласила, что несчетное количество лет назад здесь упал метеор размером со старый «Фольксваген-жук». Когда-то тут находилось небольшое место обнажения породы, но метеор превратил ее в пыль, оставив после себя кратер и крупные осколки скалы, которые были разбросаны по обширному плоскому участку земли.

И в местный лексикон вошло название Шеттерд-Рок^[11]. Город под таким именем появился около сотни лет назад, когда предприимчивый молодой человек по имени Элмер Ланкастер покинул родную Пенсильванию, чтобы сколотить себе состояние на Западе. Вероятно, он наткнулся на осколки скал, услышал местную легенду и решил пустить здесь корни. Начал продавать метеориты с прилавка, который поставил на обочине единственной дороги, и даже нанял в помощь индейцев. В национальных одеждах те танцевали на дороге, держа в руках «камни с небес», как они их прозвали, и за скромную сумму в пять долларов любой желающий мог стать владельцем одного из них.

Бизнес оказался прибыльным – ведь вокруг валялись миллионы осколков, и даже если бы они закончились, можно было сделать еще.

Ланкастер использовал часть заработанных денег, чтобы проложить новые улицы и построить дома и необходимую для жизни инфраструктуру. Кроме того, он заявил, что его новый город, названный Шеттерд-Рок, является самой важной геологической локацией на планете Земля и открыт для новых поселенцев и бизнеса. Люди из других мест, склонные к доверчивости и не имевшие в достатке здравого смысла, купились на его обещания – так родился Шеттерд-Рок.

Тем не менее в течение следующего столетия здесь не наблюдалось значительного роста населения, но все же в городке проживало около тысячи душ, которые зарабатывали себе на жизнь разными способами, как бывает в маленьких городках. В том числе и одна женщина с пистолетом и значком ФБР.

Метеоритами до сих пор торговали в большом фанерном здании, но

инфляция сделала свое дело, и теперь один осколок стоил пятьдесят долларов. Индейцы поумнели и перестали работать на других. Предприимчивый хопи и его партнер навахо купили метеоритную франшизу, и их дела со всех точек зрения шли превосходно. Кроме того, они торговали кофе, холодным пивом и необыкновенно вкусными ячменными лепешками. Пайн также купила камень, но лишь для того, чтобы поддержать местную экономику.

Она свернула на парковку своего многоквартирного дома: оштукатуренные стены, крыша с красной черепицей, всё в юго-западном стиле. Дверные рамы из кованого железа, штукатурка приглушенного желтого цвета. Здесь росли местные растения, из чего следовало, что им не требовалось много воды. На Юго-Западе много хорошего, но регулярные дожди в данную категорию не попадают.

Когда сапоги Пайн застучали по асфальту, она почувствовала, как жар проникает сквозь подошвы и носки до самых стоп. На такой высоте солнце палило нещадно, как в Денвере. И сейчас наносило мощные удары по Этли.

Она застряла в пробке из-за столкновения на дороге и поэтому вернулась в офис слишком поздно. Однако Блум прислала ей новое сообщение по электронной почте. Пайн собиралась прочитать его, потягивая холодное пиво у себя в квартире. Таким было ее представление о том, как следует проводить свободный вечер – и не нужно выходить на улицу.

По пути от парковки к дому Этли прошла мимо двоих парней двадцати с небольшим лет. Они сидели в вишнево-красном «Форде F150» с высоким кузовом и мощными задними колесами. Машина выглядела вполне подготовленной для шоу «Битва автомобильных монстров». Парни курили «травку» и пили пиво. Один – индеец с длинными черными волосами, завязанными сзади кожаным шнурком, в грязных джинсах, разноцветной рубашке с короткими рукавами и покрытой пятнами широкополой шляпе; на поясе у него висел нож в кожаных ножнах. Второй – белый; от солнца кожа у него сильно шелушилась, и это сразу бросалось в глаза, потому что он был в майке. На поясе у него висела кобура с пистолетом «ЗИГ-Зауэр».

В штате Аризона было позволено носить оружие всеми возможными способами, открыто и скрытно; для этого не требовалось специального разрешения, обучения или мозгов.

Пайн посмотрела на подставку для ружья в кузове «Форда» – и увидела изящный «Браунинг», дробовик двенадцатого калибра и «АР-15», из которого можно убить очень много людей за весьма короткое время.

Одного из парней она узнала – и кивнула ему на ходу.

– Я слышал, ты работаешь на федералов? – заявил тип с обгоревшей кожей.

– А кто спрашивает?

Обгоревший кинул банку от пива в кузов «Форда».

– Когда-то я был федералом. Армия. Они меня трахнули, – негромко сказал он, с угрозой глядя на Пайн.

Она не сумела определить, под кайфом он или же просто мерзкий тип. Или и то и другое.

– Сожалею, если так.

– Так ты федеральный агент или нет? – спросил он, подходя ближе.

– Да, я федеральный агент.

– Они и тебя трахнут.

– Не сейчас, – ответила Пайн.

Он сделал затяжку.

– Может, тебе стоит бросить это, чтобы у тебя прояснилось в голове? – сказала Этли, не спуская с него взгляда. – В особенности если ты за рулем. Ты ведь не хочешь новых проблем с властями, верно?

– Мы в свободной стране, не так ли? Я *сражался* за это дерьмо.

– У тебя есть карточка, разрешающая медицинское использование марихуаны? В противном случае хранить ее и курить в Аризоне противозаконно. Кроме того, по федеральным законам ты не должен носить оружие, когда куришь «травку», хотя штат Аризона считает иначе.

– У меня ПТСР^[12]. Я оставил карточку дома. Можешь арестовать меня, если хочешь.

– Если у тебя нет карточки, я могу тебя арестовать. Это серьезное уголовное преступление.

– Как я уже говорил, у меня *есть* карточка. Просто я ее забыл. Я воевал в Ираке, леди. Если б ты оказалась в Ираке, тоже стала бы курить «травку».

Пайн перевела взгляд на его приятеля, которого, казалось, не интересовала их беседа.

– А как насчет тебя?

– Моя карточка также осталась дома.

Пайн покачала головой. Она не станет арестовывать этих парней. И все же...

Этли посмотрела на «АР-15» и сказала типу со сгоревшей кожей:

– Полагаю, твоя «АР» в полном порядке.

– Это не моя винтовка, – ответил тот.

– Конечно, – сказала Пайн, которой изрядно надоел этот разговор. –

Ладно, парни, хорошего вам вечера. Только не принимайте наркотики, не пейте и не садитесь за руль, ладно? И поосторожнее с оружием.

Она собралась уйти, но Обгоревший встал у нее на пути.

– Я с тобой еще не закончил.

– А я закончила.

Когда Этли проходила мимо него, он грубо схватил ее за руку.

Пайн перехватила его запястье, резко завела назад и сильно толкнула наглеца головой вперед на «Форд». Он ударился лбом о металлический капот и медленно сполз на асфальт.

Свободной рукой Пайн выхватила из кобуры «Глок» и направила на его приятеля, который потянулся за ножом.

– Не делай этого, если не хочешь умереть прямо здесь! – рывкнула она. – Положи нож на землю и отбрось его ногой в сторону. Сейчас же.

Парень быстро выполнил ее приказ, положив нож на землю, после чего отбросил его в сторону на два фута.

Обгоревший негромко застонал и перевернулся на спину. Пайн наклонилась и вытащила его «ЗИГ» из кобуры.

– Эй, ты не имеешь права забирать мой пистолет! – запротестовал он.

Она направила на него «Глок».

– Если ты еще раз ко мне прикоснешься, то уже никогда не очухаешься. Понял?

Обгоревший не ответил, и Пайн ткнула его сапогом.

– Я спросила, ты меня понял?

– Ладно, я понял... Дерьмо!

– И скажи спасибо за то, что я не хочу тратить минуты своей жизни на таких идиотов, как вы. А теперь проваливайте отсюда.

Обгоревший с трудом поднялся на ноги и при помощи приятеля забрался на пассажирское место «Форда».

Когда индеец подошел, чтобы забрать нож, Пайн поставила на него ногу.

– Это вряд ли. – Она помолчала, внимательно разглядывая парня. – Я тебя знаю. Твоего старика зовут Джо Ядзи, верно? Ты его сын, Джо-младший. Ему известно, что ты водишься с такими ублюдками?

– Мне двадцать четыре года. И я могу гулять с кем пожелаю.

Пайн продолжала краем глаза наблюдать за Обгоревшим – вдруг тот потянется к «Браунингу» или «АР».

– Тогда думай головой, – сказала она, обращаясь к индейцу. – Что ты здесь делаешь?

– Тут живет наш приятель. Кайл Чавес.

Пайн кивнула. Она знала семью Чавес. Родители были нелегальными иммигрантами, но много работали, каждое воскресенье ходили к мессе, и у них никогда не возникало проблем. Однако их сын, Кайл, был источником самых разнообразных неприятностей. Пару раз он едва не попался Пайн.

– Как я уже сказала, думай головой.

– Думаешь, ты крутая? – закричал Обгоревший из машины.

– Увези его отсюда, пока я не передумала и не арестовала вас обоих, – сказала Пайн.

Ядзи быстро сел в «Форд», завел двигатель и уехал.

Пайн смотрела им вслед, пока машина не скрылась из виду.

Потом она подняла нож, засунула «ЗИГ» Обгоревшего в карман и стала подниматься по лестнице в свою квартиру.

Ей очень хотелось пива.

Глава 11

В электронном послании Блюм содержалась информация о сайте, на котором она нашла две исходные статьи. Если буквы, вырезанные на муле, указывали на Джордана и Кинкейда, то оставивший их человек мог иметь доступ к этой информации.

Всякий раз, заходя на цифровой сайт, ты оставляешь электронные отпечатки в виде собственного IP-адреса. Бюро арестовало множество мошенников, которые этого не знали. Пайн понимала, что шансов очень мало, но Блюм рассказала ей, что существует совсем немного сайтов, имеющих отношение к данной теме, так что им могло повезти. При обычных обстоятельствах Этли переправила бы информацию специалистам по информационным технологиям Бюро, которые проверили бы сетевой трафик.

Однако сейчас ей совсем не хотелось так поступать.

Глаза на затылке.

Так ей сказал Эйвери, однако он не был ее союзником. Тем не менее оставался начальником, и не исключено, что решил помочь по какой-то пока неизвестной ей причине. Или просто предоставил действовать самостоятельно. Лишь время покажет, какая из версий верна.

Пайн допила пиво и достала из холодильника две свиных сосиски. Она уже разожгла стоявшую на балконе маленькую жаровню, которая досталась ей вместе с квартирой, – предыдущий жилец не стал ее забирать. Оставалось лишь добавить новую порцию угля. Этли не слишком хорошо готовила, но каждый день есть вне дома было для нее слишком дорогим удовольствием, к тому же следовало заботиться о здоровье.

Она бросила плоские сосиски на горячий гриль, и ее тут же окутал аромат мяса со специями.

Потом Пайн достала из холодильника бутылку с водой, откупорила ее и сделала несколько больших глотков. Обезвоживание становилось здесь серьезной проблемой. Многие из тех, кто отправлялся в Гранд-Кэньон, всякий раз об этом забывали, несмотря на предупреждающие знаки, развешенные повсюду; в них говорилось, сколько воды и соли следует взять с собой и какое количество нужно употреблять во время путешествия. Обезвоживание несло смертельную угрозу. Артериальное давление падало до опасно низких значений, сердце билось медленнее, и некоторые органы могли отказаться. Тогда тебе конец. И все из-за недостатка воды.

Пайн сделала немного салата – помидоры, огурцы, сахарный горох и свекла, – полила его лимонной заправкой домашнего изготовления и поставила тарелку на кухонный стол. Потом проверила сосиски. Они были готовы брызнуть соком, а еще на них остались следы горячего гриля.

Как раз как она любила.

Этли села за стол и поела, одновременно изучая сайт, адрес которого ей прислала Блюм. Его авторы были явно помешаны на теории заговора. Вся страна, а быть может, и весь мир погружались в паранойю. И никто не знал, чего больше – вреда или пользы – приносит Интернет.

Пайн написала сообщение другу, работавшему в дополнительном офисе «Гугла», расположенном в Солт-Лейк-Сити, рассказала ему о сайте и попросила отследить IP-адреса тех, кто туда заходил в течение последних нескольких недель. Она не представляла, насколько велик входящий трафик, и решила, что будет правильно ввести ограничение по времени, чтобы понять, сколько человек придется проверить.

Затем закончила ужин и сложила посуду в посудомоечную машину.

Было почти девять часов, но Этли не чувствовала усталости.

Вскоре пришел ответ от ее друга из Солт-Лейк-Сити. Он получил всю нужную информацию и завтра постарается сообщить ей, что ему удастся узнать.

Пайн откинулась на спинку стула и стала обдумывать то, что ей было известно. Но надо сказать, что в голове у нее царил изрядный мешанина. Как мул с вырезанными на шкуре буквами связан со старой легендой и исчезнувшим военным подрядчиком, а еще с человеком, который выдавал себя за него?

Нет, тут она ошибалась. Пока у нее не имелось доказательств, что Бенджамин Прист был военным подрядчиком. Он мог быть кем-то совершенно другим. К тому же Бенджамин Приста даже нельзя назвать пропавшим – исчез человек, который назвался его именем.

И почему этим делом заинтересовалась Служба национальной безопасности?

Пайн даже не могла доказать, что настоящий Бенджамин Прист когда-либо посещал Гранд-Кэньон. Она знала лишь, что кто-то, выдававший себя за него, спустился на дно каньона, а потом исчез, оставив тело изувеченного мула.

Сбежал ли самозванец ночью? Некоторые туристы проходят по тропе от одного края до другого по ночам, спасаясь от дневной жары, – ведь с мая по сентябрь воздух там как в сауне.

Этли множество раз проделывала этот путь по ночам, несколько часов

спала на берегу реки Колорадо, потом поднималась на противоположную сторону, чтобы увидеть рассвет. Однако она находилась в превосходной физической форме, хорошо знала маршрут, и у нее было необходимое снаряжение, в том числе налобный фонарик. Идти в темноте по неровным скалистым тропинкам без освещения – настоящее самоубийство.

Значит, парень, который заметно нервничал, когда спускался в каньон на муле, совершил путешествие пешком ночью, да еще в одиночку? Пайн не могла объяснить такое явно нелепое предположение. Но она понимала, что едва ли ей удастся сегодня вечером разобраться с этой загадкой.

Она разделась, приняла душ и надела спортивные шорты и белую майку. Сидела на кровати и рассматривала свои покрытые жесткими мозолями руки. Ей пришлось сильно скрести пальцы, чтобы избавиться от мелких частичек мела, оставшихся после работы со штангой.

Когда не уезжала из города, чтобы провести расследование, она три раза в неделю ходила в спортивный зал в центре Шеттерд-Рок. Раньше в здании находился китайский ресторан, но оказалось, что жители города предпочитают тягать железо, а не есть курицу «гунбао». Рядом расположился зал смешанных боевых единоборств, где Пайн занималась кикбоксингом другие три раза в неделю.

Однако на седьмой день, в отличие от Бога, она не отдыхала. Надевала кроссовки «Найк» и бегала по плоским сухим равнинам, позволяя безжалостному солнцу прожаривать ее тело. Не получивший статуса города Туба-Сити находился на востоке от Шеттерд-Рок и примыкал к западной части территории навахо, совсем как вводное слово. Шеттерд-Рок вырос за пределами границ владений навахо, внутри Пейнтед-Дезерт. Лето здесь стояло жаркое и сухое, зима была холодной и столь же сухой из-за служивших барьером гор на юге.

После первой проведенной здесь зимы Пайн думала, что ее кожа в буквальном смысле начнет слезать. Она извела тонну смягчающих кремов, а в ее квартире и офисе с ноября по апрель работали увлажнители воздуха. Тем не менее ей приходилось коробками покупать бальзам для губ и крем «Авино».

Этли улеглась в постель, положив одну руку на лоб и продолжая смотреть в темный потолок. Было немногим больше десяти, и даже через закрытое окно до нее доносился злобный вой койота.

В сельских районах Джорджии также водились койоты. Однажды у нее на глазах отец пристрелил одного из них, когда тот попытался украсть их цыплят. Однако он был не лучшим стрелком, и койот умер не сразу. Пайн помнила, как она плакала, когда смотрела на несчастное животное,

корчившееся от боли. Должно быть, пуля попала в спину, и у него отказали задние ноги. Отец подошел к нему и хладнокровно выстрелил в голову, избавив от страданий. Затем вернулся к единственной оставшейся дочери, вытащил изо рта тлеющую сигарету и засунул все еще дымившийся пистолет за пояс.

– Послушай меня, Ли: нельзя заставлять живых существ страдать. Они, как и мы, созданы Богом, и нам следует избавлять их от мучений, понимаешь? Ты меня слышишь, девочка? Боль – это плохо. Неправильно. Ты меня слышишь?

Это случилось уже после того, как у них отняли Мерси. Все они изменились, побывав на краю; их жизнь стала другой. Боль... да, они были уверены, что Мерси испытывала боль.

Этли вытерла глаза и кивнула отцу, но не могла оторвать глаз от мертвого животного, чей застывший взгляд был направлен, как ей казалось, исключительно на нее, пока кровь вытекала из изуродованной головы. И она знала, что не забудет его жалобный вой, когда в него попала первая пуля. Его убили за то, что он просто охотился, чтобы поесть. Она не забудет, как он корчился на земле с изуродованной спиной, не понимая, что случилось, но инстинктивно чувствуя, что его жизнь подходит к концу, отчаянно пытаясь встать и убежать.

И выжить.

Эта мысль заставила Пайн вспомнить о сестре.

И о том, что Мерси могли оставить примерно в таком же состоянии, когда ее унесли из единственного дома, который она знала. Какая-то неизвестная сила отняла у нее жизнь. Без всякой на то причины, если не считать прихоти жестокого безумца.

Избавил ли кто-то тебя от мучений?

Забрал ли твою боль, Мерси?

Я надеюсь, что так и было. Я молюсь об этом.

И тут Пайн наконец захотела выпустить то, что слишком долго находилось у нее внутри. Она превратилась в перегороженную плотиной реку, мучительно пытавшуюся вырваться на свободу.

Но у нее не получилось. Слезы не приходили.

Впечатляющий образ Дэниела Джеймса Тора промелькнул перед ее мысленным взором.

Если он забрал Мерси, Пайн молилась, чтобы ее конец был быстрым. Но она слишком хорошо знала историю Тора, чтобы поверить в это.

Так и заснула, думая о сестре. И сон ее был тревожным.

Впрочем, так бывало почти всегда.

Глава 12

Поисковые собаки – нулевой результат.

«И что тут удивительного?» – подумала Пайн.

В длину каньон достигал 280 миль и в ширину – почти 18, с огромным количеством укромных уголков и расщелин, которых не сосчитать за всю жизнь. Поэтому не стоило удивляться, что тело найти не удалось. Однако не следовало исключать, что труп не удалось обнаружить по той простой причине, что в каньоне его не было.

Рано утром Ламберт прислал Этли сообщение о результатах поисков – точнее, об их полном отсутствии.

У Пайн не было ресурсов, чтобы проверить весь каньон, как и ни у кого другого. Не говоря уже о могучей реке Колорадо, действующей на твердый и мягкий камень, из которого состоял Гранд-Кэньон, одновременно как отбойный молоток и скальпель. Именно по этой причине он и существовал. Если мистер Мошенник упал в ледяные быстрые воды Колорадо, его тело могло сейчас находиться в Мексике.

Пайн надела спортивный костюм, захватила сумку со сменой одежды, которую приготовила с вечера, села во внедорожник и уехала.

Путь до спортивного зала занимал десять минут. Впрочем, за это время можно доехать до любого места в Шеттерд-Рок. Час пик наступал в тот момент, когда тебе удавалось увидеть две едущих машины одновременно. Пайн припарковалась на пустой улице.

Было еще рано и совсем нежарко. Но солнце уже взошло, и очень скоро станет теплее, а потом всякий, кто окажется под открытым небом, будет потеть, если начнет двигаться чуть быстрее, чем очень медленным шагом.

Пройдет еще два месяца, прежде чем погоду можно будет назвать прохладной или освежающей.

Но сейчас Пайн собиралась вспотеть *изнутри*.

Она вошла в зал и кивнула владельцу.

Его звали Кенни Куни, уроженец острова Мауи. Рост пять футов и восемь дюймов, вес 240 фунтов, мощные плечи.

Он занимался у стойки, и на грифе его штанги было столько блинов, что тот выгибался под их тяжестью. Куни кивнул в ответ и сделал очередной подход. Его футболка пропиталась потом в процессе битвы со штангой, а шорты сильно натянулись на мощных загорелых бедрах с

выступающими венами.

Его спортивный зал принадлежал к традиционной школе – здесь отсутствовали модные излишества, имелся лишь необходимый минимум для серьезного любителя тяжелой атлетики.

И еще одно: Кенни не верил в кондиционеры во время занятий спортом. В зале стояли лишь два напольных вентилятора, неспешно гонявших теплый воздух слева направо и обратно. Если ты не начинал здесь потеть, тебе следовало проверить свои железы и поры.

В зале находились еще два человека. Оба бывали здесь постоянно. Один, высокий черный мужчина лет пятидесяти с великолепным прессом, другой – коренастый белый лет сорока, который разрабатывал поврежденное колено. Пайн не знала их имен, более того, никогда не спрашивала. Ей было лишь известно, чем они обычно тут занимались. Вероятно, и им про нее – ничуть не больше. Постоянные посетители приходят сюда не для разговоров, а для того, чтобы поднять как можно больше железа. И они берегут дыхание – ведь, если все делать правильно, у тебя не остается сил на болтовню.

Пайн сняла толстовку, под которой была надета майка, и стали видны все четыре татуировки. На дельтовидной мышце астрологический символ Близнецов. Римская цифра два, похожая на символ «пи», но с дополнительной черточкой внизу. Другую дельтовидную мышцу украшал астрологический символ планеты Меркурий, управляющей миром близнецов. Он состоял из креста внизу, круга в верхней его части и направленного вверх полумесяца в верхней части круга.

Вдоль обеих длинных рук Пайн, начинаясь на предплечьях и заканчиваясь на дельтовидных мышцах, шли слова: «Без Пощады»^[13].

Близнецы, общность, сестры. Пайн сделала татуировки еще в колледже. Когда она участвовала в соревнованиях по тяжелой атлетике, многие про них спрашивали, потому что она их не прятала, но Этли никогда не отвечала на подобные вопросы. Они предназначались только для нее и сестры и ни для кого другого.

Она размялась и начала яростно поднимать штангу, направляя на железо разочарование от бесплодного расследования.

Многочисленные приседания со штангой, затем упражнения для пресса, стойка, становая тяга, рывок, отжимания от пола на одной ноге, подтягивания на перекладине, отжимания на брусьях, броски медицинского мяча, маятниковые подъемы с тридцатифунтовыми гирями, а потом с сорокафунтовыми.

Затем несколько статических упражнений, так что пот лил с нее

градом, пока Пайн стояла неподвижно; затем бесконечная серия выпадов с гирями, отжимания с гирями и поднятыми ногами, скручивания брюшного пресса, приседы сумо с гантелями, а напоследок еще десять минут скакалки со скрещиваниями на каждом пятом прыжке.

И вот наступил последний и главный номер программы. Все остальное было просто разминкой. Репетицией перед решающим шоу. Этли хотела это делать на фоне усталости; в противном случае оно не имело ни малейшего смысла.

Пайн надела диски на гриф, намазала мелом руки и склонилась над штангой.

Она была высокой для женщины, занимающейся тяжелой атлетикой. В этом имелись как плюсы, так и минусы. С точки зрения физики низким людям приходится поднимать вес на меньшую высоту. К тому же короткие мышцы лучше подходят для взрывных нагрузок, все по тем же законам. Однако более длинные мышцы Пайн давали ей огромный рычаг, недоступный для более коротких.

Она закрыла глаза и полностью сосредоточилась на своей задаче, как способны лишь тренированные атлеты. Разум готов; теперь необходимо совершить так называемый «динамический старт», который позволит отделить вес от пола. Сделав неожиданное резкое движение и одновременно присев на корточки, Пайн чисто выполнила первую часть подъема, и гриф оказался у нее под подбородком. Затем выпрямила ноги и поднялась вместе со штангой, завершив первую фазу упражнения. Резко выдохнув, вскинула штангу над головой, одновременно исполнив разножку. Осталось лишь поставить ноги параллельно и удерживать вес.

Быстро и четко. Вес взят.

Выполнение олимпийских упражнений – это больше, чем считают обычные люди. Речь идет не только о грубой силе. Пайн видела огромных мужчин, намного более мускулистых и жилистых, чем она, которые не могли сделать толчок или рывок с весом, вполне доступным для нее. Да, конечно, необходимо быть сильным, но твоя техника должна быть безупречной. Вот почему такие термины, как *разножка*, *подъем на грудь*, *присед*, *динамический старт* и *второй рывок* навсегда поселились в ее сознании и мышечной памяти. Необходимо проделать все этапы в определенном порядке, с использованием переднего и верхнего моментов движения, чтобы у тебя появился шанс сдвинуть двойные колонны массивных дисков, находящихся по обе стороны грифа.

Пайн бросила штангу и остановила ее движением руки, когда та подпрыгнула вверх, после чего огромный вес остался лежать на полу.

Великолепно отработанное движение, которое она делала тысячи раз.

Она сняла несколько дисков, вновь поставила фиксирующие кольца и приготовилась, восстанавливая дыхание, расслабляя ноги и еще раз натирая мелом руки. Для этого упражнения Этли надела кожаные кистевые лямки на запястья, потому что нагрузка на суставы будет огромной. А так она получала гарантии, что ее руки и металл не пойдут в разные стороны.

Ладно, а это за «золото». Или хотя бы за место в проклятой команде. В мечтах.

Пайн наклонилась, установила кистевые лямки, широко расставила руки так, что те касались дисков, и крепко сжала гриф. И снова сосредоточилась. Данное упражнение требовало не только физических, но и интеллектуальных усилий. Возможно, интеллектуальных даже в большей степени. Она представила выброс силы и точный рывок, требовавшиеся для того, чтобы оторвать вес от пола и поднять его над головой одним плавным движением. Гриф на несколько мгновений окажется на уровне талии, затем последует мощный рывок, и она взметнет штангу над головой – прямые руки, зад в нескольких дюймах от пола. Не самое естественное движение, оно требует огромной внутренней силы и концентрации. И здесь нельзя допустить даже минимальную ошибку.

В этом суть рывка.

«Тот, кто придумал это движение, был больным ублюдком», – подумала Пайн.

Рывок всегда получался у нее хуже; он был ее заклятым врагом, ее Ватерлоо, причиной, по которой Этли не попала на Олимпийские игры в Афинах 2004 года, где когда-то давным-давно началось олимпийское движение. Насколько особенной была та Олимпиада? Ну, Пайн так и не узнала...

Она выровняла дыхание, постепенно увеличивая продолжительность вдохов и выдохов. Теперь ей оставалось выбрать оптимальный момент для последнего вдоха и выдоха, чтобы приступить к первой фазе рывка. Сейчас все упиралось во время, технику и уровень взрывной силы, которую не в состоянии осознать большинство мужчин и женщин.

Этли провела первую часть безупречно, сидя на корточках с разведенными в стороны руками в виде буквы V и штангой точно над головой, а ее зад почти касался покрытого резиной пола. Тяга, приложенная сила, исполнение получились едва ли не самыми лучшими за все время.

Однако она еще не закончила упражнение.

Ладно, Этли, это же ради денег. Просто встань. Что может быть проще. Просто встань. Один... два... три...

Но когда она попыталась встать, все пошло не так – дрожание бедра, судорога подколенного сухожилия, слегка подался в сторону левый трицепс – и ей пришлось бросить штангу, а самой упасть назад.

Она так и осталась сидеть, тяжело дыша; с ее лица на грудь стекал пот, взгляд был устремлен в пол.

Поражение.

Мужчины, занимавшиеся в зале в начале ее тренировки, давно ушли.

Но Кенни Куни оставался рядом.

– С вами всё в порядке? – небрежно спросил он, отрываясь от бумажной работы, которой занимался у стойки.

Пайн кивнула и выставила вверх большой палец.

Такое с ней случалось не в первый раз.

Куни вернулся к работе.

– Дерьмо, – пробормотала Этли.

Она была не на высоте. Несмотря на безупречно выполненную первую часть попытки, допустила ошибку в финале, а все остальное не имело значения. Ее ментальная механика полностью разрушена. Запугали. Она боялась.

Дерьмо.

Наконец Пайн поднялась на ноги, выполнила несколько упражнений из йоги и пилатеса, что было необходимо, чтобы правильно закончить тренировку. Все ее мышцы чувствовали себя хорошо; сухожилия, связки и хрящи благодарили за облегчение после безжалостной работы с железом.

Она приняла душ, переделалась в одежду для работы и вышла из зала с еще мокрыми волосами.

Это было ее личное время. А теперь до конца дня ею завладеет ФБР.

Глава 13

Пайн подъехала к своему офису и свернула на подземную парковку. Там сидел дежурный, а когда рабочий день закончится, верхнюю дверь опустят, и потребуется ключ для доступа на парковку.

Такой уровень безопасности не имел отношения к Пайн.

Просто в том же здании находился еще один орган юстиции.

ИТС. Иммиграционная таможенная служба.

Сейчас оно больше известно как иммиграционная служба. Ее сотрудники активно действовали в Аризоне, выявляя и депортируя большое количество людей, превратив свою деятельность в настоящий политический футбол. В результате им стали угрожать, и все здание могло стать мишенью для террористического акта. Отсюда охрана и дополнительный замок с карточкой-ключом.

Пайн периодически встречала в здании парней из ИТС. Она знала всех работавших здесь агентов, но редко разговаривала с ними, потому что они держались особняком. Этли представляла ФБР под началом Управления юстиции. ИТС входило в состав Министерства внутренней безопасности. Таким образом, имело место некоторое соперничество на федеральном уровне, но обычно их интересы не пересекались. Однако они также являлись федеральными агентами, и Пайн была готова прикрыть им спину.

Подземный гараж днем защищал машины от солнца. Здесь это было необходимо, в особенности летом. В противном случае ей пришлось бы на несколько минут включать кондиционер на полную мощность, прежде чем сесть в машину. И даже после этого, оказавшись внутри, она сразу вспотела бы.

Пайн припарковалась рядом с автомобилем, накрытым брезентом.

Эта машина когда-то принадлежала агенту-ветерану ФБР по имени Фрэнк Старк, который был ее наставником во время второго назначения после Куантико^[14]. Все агенты ФБР получают документы, значки и *первое* назначение после окончания учебы. Его цель – выяснить, способны ли они работать в поле. Через год испытательный срок заканчивается, и их отправляют на новое место.

Пайн выпало ехать в Кливленд, который в кругах ФБР иногда называют «ошибка на озере».

Именно там она познакомилась со Старком.

Этли подняла брезент и посмотрела на кабриолет «Форд Мустанг»

1967 года с внутренней отделкой из кожи и таким же верхом, классического бирюзового цвета. Старк с помощью молодого агента Пайн старательно восстановил этот автомобиль.

Они работали в гараже-мастерской Старка за его домом, построенным в пятидесятых годах двадцатого века, одним из множества точно таких же коттеджей, которые тянулись до самого горизонта.

Когда Старк спросил, хочет ли Пайн помочь, в первый момент она собралась отказаться. Ни для кого не являлось секретом, что это последнее назначение Старка, который просто ждал момента, когда можно будет выйти на пенсию. У него было хобби: он восстанавливал старые автомобили. Но что-то в просьбе пожилого агента задело тайную струну в душе Этли, и она согласилась помочь. Во всяком случае, на некоторое время.

Они начали с того, что разобрали машину на мелкие детали, тщательно описав каждую и складывая их в коробки с соответствующими этикетками. Кое-что оставили, что-то пришлось заменить. В процессе они сделали множество фотографий. Раздевая машину до металлических костей, использовали скорлупу грецких орехов и пескоструйную обработку, чтобы полностью убрать всю краску и при этом не оставить следов на металле. Существуют специальные инструменты для полной разборки машины, хотя иногда они импровизировали, пуская в дело открывалку для бутылок, чтобы снять водосточный желобок. Усилили панель пола в багажнике, чтобы переделать обычный глушитель на два.

Шасси пришлось заново отполировать и покрыть специальной серебряной грунтовкой. Внешнюю обшивку установили заново после тщательной шлифовки и ремонта, а в тех случаях, когда это было невозможно, поставили новые металлические панели, сделанные по исходным спецификациям местной компанией, найденной Старком. Затем покрасили внешнюю обшивку в тот же оттенок бирюзы, что и на оригинале. Кроме того, полностью переделали электрику, покупая новые болты и гайки либо приводя в порядок старые.

Завершив покраску, они установили «Динамат», который отправлял шум и жар от выхлопных газов под машину, где им было самое место. Изначально на машине стоял восьмицилиндровый двигатель мощностью в 289 лошадиных сил, но на данную модель поставили всего несколько сотен таких движков. В 1967 году был сделан новый шаг в конструкции «Мустанга», и появилась возможность устанавливать более мощный двигатель. Они решили, что мощность в 390 лошадиных сил, как на большинстве «Мустангов», выпущенных в том году, будет в самый раз, но

это привело к необходимости двойного выхлопа, поскольку одна выхлопная труба не выдерживала нагрузок. В результате их восьмицилиндровый мотор с исходной мощностью в 390 лошадиных сил выдавал 320, что очень хорошо для автомобиля такого размера.

Откидной верх не подлежал восстановлению, но Старк нашел компанию, занимавшуюся подобным ремонтом, и они установили его на место. Потом пришел черед новых шин и ободов, хромированных передних и задних бамперов, совершенно новых сигнальных фонарей, передних и задних сидений, обитых кожей, а также огромного количества ручной работы и чрезмерных сумм денег, которые Старк поначалу тратить не собирался.

Однако Пайн чувствовала, что агент-ветеран, бездетный вдовец, просто хотел чем-то заполнить свое одиночество, и понимала, что жизнь его станет и вовсе пустой после того, как он сдаст значок. А так как Пайн была столь же одинока, они оказались идеальной парой. Могли часами и даже днями работать вместе, обмениваясь лишь короткими фразами вроде: «Передай мне тот ключ» или «Принеси холодного пива».

Добровольная помощь Этли растянулась на два года. Старк вышел на пенсию через месяц после того, как они закончили свой грандиозный проект. Одновременно Пайн перевели на новое место. Но перед этим они совершили долгую поездку на полностью восстановленном «Мустанге». Старк разрешил ей сесть за руль на обратном пути, и на автостраде она опустила верх, позволив мощному выхлопу могучего двигателя пронестись над асфальтом, когда они, как ракета, мчались вперед.

Они заранее решили, что в том случае, если их остановят полицейские, покажут свои значки агентов ФБР, чтобы избежать неприятностей. Федеральные агенты решили, что они заслуживают такого послабления.

Они мчались со скоростью сто двадцать миль в час, с опущенным верхом; ветер разметал волосы Пайн, и она подумала, что не испытывала ничего лучше за многие годы. Она действительно чувствовала себя великолепно. И если б Старк не был на тридцать лет старше ее и дьявольски капризным, она могла бы, в приступе эйфории, его поцеловать.

К несчастью, через месяц после того, как Пайн перевели в другое место, Старк умер от сердечного приступа. Его нашли в гараже; он сидел на стуле, рядом валялся выпавший из его руки гаечный ключ.

Этли была ошеломлена, когда узнала, что Старк написал завещание, в котором оставил ей права на «Мустанг». Она приехала, чтобы забрать его, и с тех пор он сопровождал ее на каждое новое назначение.

Когда Пайн перебралась на новое место на Запад, она перегнала «Мустанг», но не стала держать его возле своего дома после перевода в Шеттерд-Рок, а поставила здесь, где он был защищен от солнца и двуногих хищников. Ей до сих пор снились кошмары о том, как кто-то угоняет уникальный автомобиль, а потом разбивает его.

Пожалуй, это единственное, чем она владела. Всякий раз, садясь за руль «Мустанга», вспоминала, как много работы вложено в его восстановление. Он олицетворял два года ее жизни и самую длинную личную связь, какая у нее была, длиннее, чем отношения с мужчинами.

Пайн провела ладонью по крылу и подумала о Старке, наделенном удивительной мудростью. Он, вне всякого сомнения, мечтал о дочери, которой у него уже быть не могло, пока среди его коллег не появилась Пайн, всего лишь год назад закончившая обучение в Куантико.

Он был хорошим другом, быть может, единственным настоящим другом в Бюро, да и в любом другом месте.

Однажды, когда они устанавливали четырехкамерный карбюратор «Холли», Старк сказал, что Бюро было его жизнью. И единственным исключением явилось восстановление старых автомобилей.

Он вытер руки старой тряпкой, глотнул пива из пластикового стаканчика и, глянув на нее из-под клочковатых седых бровей, прорычал:

– Не повторяй мою ошибку, Пайн. Пусть для тебя все будет иначе.

Она подтянула последний болт на карбюраторе и посмотрела на своего наставника.

– Откуда вы знаете, что это было ошибкой?

– Если ты задаешь такой вопрос, значит, ничего не извлекла из этой истории.

Как если бы восстановление «Мустанга» являлось *серьезным делом*, а не обычным ремонтом старого автомобиля.

Но, кто знает, быть может, так оно и было... Возможно, Пайн что-то поняла. Но из этого еще не следовало, что она попытается что-то изменить.

Этли опустила брезент и направилась к лестнице, которая вела к ее офису, когда зазвонил сотовый телефон.

Это был ее приятель, специалист по информационным технологиям из Солт-Лейк-Сити.

– Что-нибудь нашел? – спросила она, входя в коридор, в конце которого находился ее кабинет.

– Да, нашел, но как-то все странно.

– Это расследование вообще очень странное... Что ты обнаружил?

– За последние несколько месяцев на сайт заходило много народа. Я не

смог отследить всех, но один заметно выделяется.

– И кто же он?

– Я узнал один из IP-адресов, – последовал неожиданный ответ.

– И как ты смог это сделать?

– Потому что он принадлежал тебе, Этли.

– Ну, это я и так знаю, – нетерпеливо сказала она. – Я недавно заходила на сайт, чтобы проверить его. Кстати, моя секретарша тоже. Именно она рассказала мне о нем.

– Я узнал твой адрес после того, как ты вошла со мной в контакт. Но когда стал проверять дальше, на глаза мне попались странные строчки кода, поэтому тебе стоит попросить ваших компьютерных спецов из ФБР проверить твой лэптоп.

– Зачем?

– Я думаю, что его взломали.

Глава 14

– Кофе, агент Пайн?

Этли вошла в офис, где ее приветствовала Блюм. Немолодая женщина, как всегда, была одета как истинный профессионал: юбка, пиджак, туфли-лодочки, чулки, минимум украшений и чуть меньше макияжа, чем обычно.

Пайн рассеянно кивнула и вошла в свой кабинет. Закрыла дверь, села за стол и посмотрела на компьютер.

Взломан?

Кем и почему?

Приятель рассказал ей кое-что еще. Тот, кто взломал ее компьютер, мог сделать это удаленно. Иными словами, взять компьютер под контроль и заставить его делать все, что пожелает злоумышленник, даже не входя в здание.

– Если он сумел проникнуть в твой компьютер, – добавил ее приятель, – тогда он может видеть, как ты нажимаешь на клавиши.

Пайн выдернула из сети провод питания в тот самый момент, когда Блюм вошла в кабинет с чашкой кофе.

– Проблемы? – спросила секретарша.

– Мой компьютер взломали, – ответила Этли.

– Следует ли мне выключить из сети и мой?

– Вероятно, да.

– Я немедленно свяжусь со службой поддержки во Флагстаффе, – сказала Блюм. – Они кого-нибудь пришлют.

– Благодарю.

– Это как-то связано с сайтом, который я вам показала? – спросила Блюм.

– Не знаю. Может быть.

Секретарша вышла и закрыла за собой дверь.

Пайн взяла телефон и посмотрела на него. Возможно, с ним тоже что-то не так?

Она бросила взгляд на стационарный телефон, стоявший на письменном столе. Чтобы подслушивать разговоры по нему, злоумышленнику пришлось бы пробраться в ее кабинет или к распределительному щитку, находящемуся в подземном гараже, в запертом помещении с видеонаблюдением, благодаря присутствию здесь коллег из ИТС. Пайн сомневалась, что кто-то способен это сделать.

Когда из Флагстаффа приедут специалисты, она попросит их проверить всё. А до тех пор Этли решила ни с кем не входить в контакт – ни из кабинета, ни по личному телефону.

Она оставила чашку с кофе на столе и вышла из кабинета, миновав Блюм на такой скорости, что та лишь успела сказать:

– Агент Па...

Но Пайн уже закрыла за собой дверь. Затем сбежала вниз по лестнице в гараж, села в свой внедорожник и выехала на улицу.

В трех кварталах находился дежурный магазин, где имелось то, что ей сейчас было нужно и что стало почти невозможно найти.

Пайн припарковалась на свободном месте перед магазином, выскочила из машины и по прямой направилась к таксофону, который стоял рядом с автоматом, продававшим пакеты со льдом. В Шеттерд-Рок имелось несколько телефонов-автоматов по двум причинам: далеко не у всех были мобильники, хотя в это трудно поверить, и мобильная связь здесь не отличалась надежностью.

Она скормила телефону несколько монет и набрала номер.

Парковый рейнджер Ламберт поднял трубку после второго гудка.

– Алло?

– Колсон, это Этли.

– С какого номера вы звоните? – спросил он.

– Не имеет значения. Послушайте, у вас произошло что-то необычное в связи с исчезновением Приста?

Пайн так и не сказала Ламберту или кому-то еще, что человек, называвший себя Бенджамином Пристом, на самом деле им не являлся.

– Что вы имеете в виду под словом «необычное»?

– Все, что выходит за рамки нормального. Например, делал ли кто-то из верхней части пищевой цепочки о нем запрос?

– Нет, ничего похожего не было.

– Есть ли что-то новое в расследовании?

– Собаки ничего не нашли, как я уже докладывал. Мы проверили все возможные варианты.

– Приступят ли теперь к расследованию агенты парковой службы?

– Это выходит за пределы моей компетенции.

Пайн нахмурилась, глядя на таксофон. Совсем не похоже на Колсона Ламберта, которого она знала.

– Эдвард Прист прислал вам фотографию брата?

– Послушайте, Этли, не хочется показаться грубым, но мне пора идти. У меня дела в офисе. До встречи.

И он отключил телефон.

Пайн медленно повесила трубку на рычаг. Ну, косвенно он ответил на ее вопрос. С его стороны *происходили* странные вещи.

Этли бросила в автомат еще несколько монет и набрала следующий номер. Серия длинных гудков, затем включился автоответчик. Однако его память была переполнена, и она не смогла оставить сообщение.

Разочарованная Пайн вернулась в свой внедорожник и уехала. На всякий случай проверила в зеркале заднего вида, не следует ли за ней какой-то автомобиль.

На обратном пути в офис она размышляла о том, что делать дальше.

Ламберт намерен ее игнорировать, это очевидно. Автоответчик Эдварда Приста переполнен сообщениями. Ее компьютер и, возможно, сотовый телефон подверглись атаке хакеров. Отделение национальной безопасности Бюро каким-то образом вовлечено в расследование. Босс ее начальника позвонил ей, задавал вопросы только об одном деле и практически прямо предупредил о необходимости соблюдать осторожность.

Ко всему прочему она расследует исчезновение человека, который предположительно является кем-то другим, вот только это не так. Где он может быть? И где настоящий Бенджамин Прист?

Кто убил и изуродовал несчастного мула? Зачем? И какое отношение ко всему этому может иметь, скорее всего, фальшивая история более чем столетней давности о египтянах в Гранд-Кэньон?

Пайн провела ладонью по еще влажным волосам и решила, что сейчас самый подходящий момент вернуться на место преступления.

Она развернулась и поехала на запад.

Тридцать минут спустя Этли уже находилась возле южного края каньона. Ее федеральный значок давал ей доступ в парк в любое время. Она поставила внедорожник на свободное место возле здания Главного управления парка, на участке, зарезервированном для парковой полиции. На ее внедорожнике стояли федеральные номера, и Пайн сомневалась, что у нее могут возникнуть проблемы.

Она вышла из машины и огляделась по сторонам. Вокруг было полно туристов. Большинство просто разгуливали возле края каньона, наслаждаясь видом и делая фотографии. Некоторые останавливались на ночь в мотелях. Другие возвращались обратно. Кто-то брал в аренду мулов, чтобы спуститься в каньон, или делали это на своих двоих.

Несмотря на огромную популярность среди туристов, Гранд-Кэньон считался экстремальной средой. Каждый год здесь умирали люди.

Причины были самыми разными: сердечные приступы, падения с высоты, столкновения с животными, обезвоживание, гипонатриемия, дисбаланс электролитов, когда человеческий мозг раздувается из-за избытка жидкости. Кроме того, гибли любители прогулок на плотках в опасных стремнинах реки Колорадо.

Пайн увидела мужчину в спортивных шортах, майке и беговых кроссовках, бежавшего по дорожке к парковке. Он остановился, сделал несколько растяжек и направился к грязному «Джипу» с опущенным брезентовым кузовом. На переднем бампере стояла приводная лебедка. На заднем красовалась наклейка: АРМИЯ СИЛЬНА.

– Привет, Сэм.

Сэм Кеттлер повернулся, услышав голос Пайн.

Она подошла к нему.

– Разве вы не работаете здесь вечерами?

– Обычно, но не сегодня, – ответил Сэм.

Она окинула его внимательным взглядом. Майка и шорты открывали то, что пряталось под формой. У Сэма Кеттлера была превосходная мускулатура, и каждая мышца идеально переходила в соседнюю. Но, в отличие от многих парней с раздутой грудью и опухшими руками, имевшими совершенно неразвитую нижнюю часть тела, его бедра, живот и икры производили даже более сильное впечатление, чем все остальное.

– И что же вы здесь делаете? – спросила Этли.

– Бегаю по дорожкам. Только что закончил.

Пайн оглянулась через плечо.

– И какую вы выбрали? Уже довольно жарко.

– С юга на север и обратно.

– Вы проходите весь маршрут от одного края до другого и обратно?

Сэм кивнул, сунул руку в салон машины и вытащил полотенце, чтобы вытереть лицо.

– Сколько времени у вас уходит на всю дистанцию? – спросила Пайн.

– Шесть часов пятьдесят восемь минут. Я начал очень рано.

Пайн была поражена.

– Пробежать сорок две мили с двадцатью двумя тысячами футов вертикального снижения и подъема, в том числе пять тысяч футов подъема на южный край?

Кеттлер закончил вытираться и достал бутылку с водой из сумки, привязанной к поясу.

– Да, так и есть, – ответил он. – Правда, до рекорда мне еще очень далеко. Я никогда его не побью.

– Но едва ли найдется один человек на миллион, способный пробежать эту дистанцию так же быстро, как вы.

Сэм допил воду из бутылки.

– А вы что здесь делаете? – спросил он.

– Приехала кое-что проверить.

– Вам удалось выяснить, что случилось с мулом?

– Нет, я продолжаю над этим работать.

– Я уверен, вы во всем разберетесь. – Кеттлер отвернулся, и Пайн показалось, что он напрягся, когда отвел взгляд в сторону.

Она немного подождала, но тот молчал.

– Ну, тогда до встречи, – сказала Этли, уже собравшись отойти.

– Послушайте...

Она повернулась.

– Да?

– У вас найдется время выпить пива и, быть может, поужинать сегодня вечером? – спросил Сэм.

– Значит, вечером вы также не работаете?

– Еще одна причина, по которой я сегодня бегал. – По его губам промелькнула озорная улыбка. – Мне уже не двадцать, и требуется время, чтобы прийти в себя.

Она ненадолго задумалась. Наконец ответила:

– Звучит неплохо.

– Есть одно местечко в Шеттерд-Рок, – сказал Кеттлер.

Пайн улыбнулась.

– «Пицца Тони», – предположила она.

– Как вы догадались?

– Ну, это практически *единственное* место в Шеттерд-Рок, где можно выпить пива.

– Семь часов подходит?

– Встретимся там.

Пайн вошла в здание управления и спросила, как ей найти... не Колсона Ламберта, а другого рейнджера, Гарри Райса.

Тот находился в амбаре с мулами вместе с Марком Бреннаном, который за них отвечал.

– Вы сегодня сопровождаете группу вниз? – спросила Этли у Бреннана.

Райс посмотрел на нее – как ей показалось – с некоторой не вполне понятной тревогой. Впрочем, кто знает, что ему рассказало о ней начальство...

Бреннан втирал целебную мазь в переднюю ногу мула.

– Сегодня мы должны доставить туда припасы. Этим буду заниматься я. Группу поведут два других ковбоя.

Пайн кивнула и повернулась к Райсу.

– Я разговаривала с вашим приятелем, Колсоном, и у меня сложилось впечатление, что расследование ведется без особого старания.

– Мы повсюду искали того парня, – сказал Райс, глядя в точку, расположенную за левым плечом Пайн. – Но ничего не нашли.

С полминуты все молчали.

– Колсон больше не кажется заинтересованным в проведении расследования. Вы разделяете его позицию, Гарри?

Райс по-прежнему не смотрел ей в глаза.

– Я – парковый рейнджер, а не полицейский.

– А что по поводу СНБ? Они взяли на себя это расследование? Я спросила у Колсона, но он повесил трубку.

Райс пожал плечами.

– Ваш вопрос находится за пределами моей компетенции.

– Похоже, эта фраза теперь у всех на устах, – ответила Этли, размышляя о том, что Райсу и Ламберту могли дать прямые указания.

Бреннан перевел взгляд с Пайн на Райса.

– Происходит что-то такое, о чем я не знаю? – спросил он.

– Скорее всего, – ответила Пайн. – Марк, вы видели Приста. Я хочу, чтобы вы поговорили с художницей-криминалистом, с которой я сотрудничаю, чтобы та составила его портрет.

– Зачем? – спросил Райс. – Обычно художников-криминалистов используют для того, чтобы идентифицировать кого-то. Но нам известна личность исчезнувшего человека.

– Неужели? – сказала Пайн.

Райс заметно удивился.

– Нам рассказал его брат. Это Бенджамин Прист.

– Я спросила у Колсона, получил ли тот фотографию Приста от его брата. Он мне не ответил.

– Подождите минутку. Вы утверждаете, что исчезнувший мужчина *вовсе* не Бен Прист?

– Я люблю все проверять. И не строю предположений. – Пайн посмотрела на Райса. – Так вы, парни, просто сделали вывод или получили подтверждение?

– Мне не нравится ваш тон, Этли, – заявил Райс.

– А мне не нравится, когда со мной играют, *Гарри*.

Бреннан продолжал переводить взгляд с одного федерала на другого, и недоумение в его взгляде усиливалось.

– Вот почему, Марк, мне нужно, чтобы вы сходили со мной к художнице.

– Но у меня есть работа здесь, – возразил он.

– Значит, найдите того, кто сделает ее за вас.

– Что здесь происходит, агент Пайн? – негромко спросил Бреннан, когда они вышли из здания. – Ведь вы с Райсом работаете на федеральное правительство, не так ли?

– Верно, – ответила она. – Однако федеральное правительство иногда бывает большим неповоротливым зверем. А я двигаюсь в собственном направлении. – Она достала из кармана телефон и показала Бреннану фотографию Бенджамина Приста, которую ей прислал его брат Эдвард. – Видите высокого парня на снимке? Вы его узнаете? Мог он быть в группе из десяти человек вместе с Пристом?

– Нет, исключено. В группе не было таких высоких мужчин. И никого похожего на этого парня.

– Вы делали групповую фотографию? Кто-то вообще снимал туристов? – спросила Пайн.

– Возможно, кто-то и фотографировал. Но, насколько мне известно, групповых фото никто не делал.

Этти убрала телефон.

– Ладно, пойдем пообщаемся с художницей.

Глава 15

Дженнифер Ядзи была замужем за Джо Ядзи-старшим, который служил в Национальной полиции навахо. Он входил в две сотни принявших присягу полицейских, занимался патрулированием участка Туба-Сити, расположенного в западной части резервации навахо, ездил на «Шевроле Трейлблейзер», принадлежавшем департаменту, и в одиночку отвечал за территорию площадью в семьдесят квадратных миль. Пайн знала, что Джо нес службу, вооружившись «Глоком 22», перцовым баллончиком, «АР-15», дробовиком, бронежилетом, телескопической дубинкой и самыми важными инструментами копа: спокойной манерой поведения и пониманием людей, живущих в этих местах, которое приходит, только если ты здесь вырос.

Дженнифер Ядзи являлась одной из трехсот вспомогательных служащих Национальной полиции. И хотя большая часть ее обязанностей требовала присутствия в отделе информационных технологий, она была отличным художником и продавала свои картины по всему Юго-Западу; кроме того, ее нередко приглашали принять участие в самых разных выставках. А еще она неофициально исполняла обязанности художника-криминалиста.

Ядзи также работала в полицейском участке Туба-Сити. Именно туда и направились Пайн и Бреннан.

Хотя ее сыну уже исполнилось двадцать два года, самой Ядзи было всего сорок пять лет. Пять футов и пять дюймов роста, длинные черные волосы, непринужденная улыбка, небольшие морщины вокруг глаз и рта. Коллегам казалось, что любое занятие доставляет Дженнифер удовольствие.

Пайн познакомилась с ней через месяц после переезда в Шеттерд-Рок. Она постаралась узнать всех работников правоохранительных органов города, помогала им ресурсами и советами в расследованиях. И провела немало времени с ними за барной стойкой, стараясь поскорее понять местные реалии. На самом деле Бюро высоко ценило способность своих агентов устанавливать добрые отношения с местной полицией и даже входило в непосредственный контакт с другими агентствами, чтобы выяснить, насколько хорошо конкретный агент ФБР с ними сотрудничает.

Однажды, когда они с Ядзи зашли в бар, Дженнифер пошутила, что женщины все еще огромная редкость в правоохранительных органах и им следует поддерживать друг друга. Пайн с ней согласилась. В большинстве

регионов страны женщины не часто становились полицейскими офицерами или представителями правоохранительных органов. Ну а здесь, на провинциальном Юго-Западе, их практически не было.

После того как Пайн представила Бреннана и рассказала, что ей требуется, Ядзи отвела их в малый зал для совещаний, где стоял лэптоп. Она не пользовалась бумагой, карандашами и красками.

– Как почти все остальное, – с улыбкой сказала Ядзи, – искусство полицейского портрета перешло на цифру.

Пайн и Бреннан сели напротив, а Дженнифер нажала на несколько клавиш, запустила компьютерную программу и посмотрела на Бреннана.

– Вы готовы? – спросила художница.

Он кивнул. Пайн показалось, что Бреннан выглядит нервным и неуверенным, как перед болезненным медицинским исследованием или полиграфом, а вовсе не перед обычным описанием по памяти виденного ранее человека, чтобы Ядзи смогла воссоздать его образ на экране компьютера.

Дженнифер задала серию вопросов, и каждый последующий был немного более детальным, чем предыдущий. Начиная с базовых – мужчина или женщина, форма носа, кривая подбородка, морщины на шее и вокруг глаз, строение и цвет волос.

Примерно через час диалога Ядзи развернула компьютер, чтобы они смогли увидеть, что у нее получилось.

– Ну как? – спросила она.

Пайн посмотрела на Бреннана, который разинул рот от удивления.

– Проклятье, мэ, это он! – воскликнул он.

– Приятно получать позитивную обратную связь, – с улыбкой ответила Ядзи.

– Джен, ты можешь распечатать портрет и прислать его мне по электронной почте? – спросила Этли.

– Сейчас все будет.

Когда они уходили, Пайн отвела Ядзи в сторону, предложив Бреннану встретиться возле ее внедорожника.

– Вчера вечером я видела твоего сына возле своего дома, – сказала она.

Улыбка Ядзи исчезла, и она нахмурилась.

– Джо-младшего?

Пайн кивнула.

– Он был с одним обгоревшим на солнце придурком, у которого какие-то проблемы с федералами, – продолжала Пайн. – Мне пришлось немного сбить с него спесь.

– Тим Мэллори. Его вышибли из армии за алкоголь и наркотики, – сказала Ядзи. – В прошлом году он перебрался сюда из Филадельфии, и Джо стал проводить с ним довольно много времени.

– Мэллори оказывает на него плохое влияние. И еще Джо сказал, что он приехал, чтобы встретиться с Кайлом Чавесом. Едва ли его влияние лучше.

– Я не знала, что он связался с Кайлом, – призналась Ядзи.

– Они курили «травку» и пили. Послушай, я знаю, что такое случается с молодыми парнями, но не хочу, чтобы у Джо были неприятности, которые приведут к серьезным последствиям.

– Отец предложил ему попытаться поступить в полицию, но Джо сказал, что ему неинтересно.

– И чем он сейчас занимается? – спросила Пайн.

– Всякой ерундой. Берется за случайную работу. Иногда не возвращается домой. Я готовлю ему еду, пытаюсь говорить о будущем. Однако у меня ничего не получается.

– А его братья?

– Томас в колледже, в Портленде, штат Орегон. Мэтт в старших классах средней школы, собирается поступать в Уэст-Пойнт.

– Замечательно, это впечатляет.

– Но не Джо. Его отец недоволен. Он только о нем и думает. Ведь ты же знаешь, что Джо назвали в его честь.

– У меня нет детей, – сказала Пайн. – Но могу представить, как сильно это вас с Джо беспокоит.

– Муж не понимает, что делать. Никакие его слова не доходят до сына. – Ядзи пожалала плечами и печально улыбнулась. – На языке навахо имя моего сына Ахига. Знаешь, что это значит?

Этли отрицательно покачала головой.

Ядзи безнадежно вздохнула.

– «Он сражается», так это переводится с навахо. Джо живет в соответствии со своим именем. Во всяком случае, когда возвращается к родителям.

– Я лишь хотела тебя предупредить, – сказала Пайн.

– Спасибо, Этли. Я дам знать мужу. И удачи тебе в расследовании с исчезнувшим Пристом.

Пайн вышла на солнце, размышляя о том, что ей потребуется нечто более весомое, чем удача. И еще она подумала, что материнство не для нее.

Она довезла Бреннана до парка, развернулась и поехала обратно в Шеттерд-Рок.

Кэрол Блюм встала из-за письменного стола, когда Пайн вошла в офис.

– Парни из отдела информационных технологий осмотрели наши компьютеры, удаленно. Они обнаружили на них вещи, которых там быть не должно, и изъяли их.

– Значит, наши компьютеры действительно кто-то взломал?

– Да. Сейчас они выясняют, кто мог это сделать. Возможно, виноват тот сайт, на который я заходила. В таком случае я очень сожалею, агент Пайн.

– Всё в порядке, – сказала Этли. – Я думаю, такое вполне могло случиться и без того.

– Они также проверили наши телефоны, – доложила Блюм. – Сотовые и стационарные. С ними всё в порядке.

– Это хорошо. Потому что у меня закончились четвертаки.

– Пришел отчет из криминалистической лаборатории во Флагстаффе, – сказала Блюм. – Они хотят, чтобы вы им позвонили. У меня есть номер их телефона.

Пайн взяла листок с номером, вошла в свой кабинет, закрыла за собой дверь и набрала номер. После второго гудка ей ответила Марджери Робертс, помощник судебно-медицинского эксперта ФБР. Пайн уже работала с ней.

– Должна признаться, Этли, что никогда прежде не делала вскрытие мула. Точнее, если речь идет о животном, следует использовать слово «аутопсия». Наверное, мне следует поблагодарить вас за новый опыт.

– Да. У меня это также первый случай. Что вам удалось узнать?

– Смертельный удар нанесен ножом с длинным лезвием, направленным вверх; по форме он немного напоминает косу.

– А буквы на шкуре? – спросила Пайн.

– Они также вырезаны ножом. У вас есть какие-то мысли о том, что они могут означать?

– Мы провели расследование, и у нас появилась ниточка.

– Удачи вам.

– И какой наркотик дали Салли Белль?

– Кто вам об этом рассказал? – удивленно спросила Паркс. – Я припасла информацию про наркотик напоследок.

– Невозможно начать резать полутонного мула, предварительно не оглушив его.

– Несомненно... Ладно, тесты показали, что преступник использовал ромифидин. Это успокоительное средство, используемое в ветеринарной медицине, когда они имеют дело с крупными животными вроде лошадей и

мулов.

– Хорошо, теперь мы знаем как. Осталось выяснить, кто и почему, – сказала Пайн.

– Всегда самые трудные вопросы.

– Вот почему мне платят так много.

Глава 16

По непонятной причине Пайн никак не могла решить, что надеть на встречу с Кеттлером.

– Ты ведь далеко не в первый раз отправляешься на свидание, – сказала она себе, стоя перед зеркалом на внутренней стороне шкафа и разглядывая один предмет одежды за другим. – Хотя с тех пор прошло уже немало времени...

В конце концов Этли выбрала летнее платье с джемпером и сандалии. «Глок» она решила положить в сумочку, а «Беретту» оставить дома, рассчитывая, что на свидании ей не потребуется дополнительное оружие.

На поездку до ресторана у нее ушло несколько минут. Она увидела припаркованный возле тротуара «Джип» и посмотрела на часы. Без одной минуты семь. Мистер Кеттлер, очевидно, предпочитает приходить раньше.

Она припарковалась, вошла внутрь и сразу увидела Сэма, устроившегося в задней части совсем крошечного заведения. Он встал и помахал ей рукой.

Кеттлер был одет в джинсы и белую рубашку навыпуск, что лишь подчеркивало его загар. Верхняя пуговица рубашки расстегнута, открывая гладкую бронзовую кожу, короткие волосы слегка растрепаны, словно их по дороге взъерошил ветер.

«Но это лишь прибавило ему привлекательности», – подумала Пайн.

Вместо формального рукопожатия они быстро обнялись.

– Вы выглядите иначе без формы, – сказал Сэм, когда они сели за столик. – Ну, я хотел сказать, иначе и намного лучше.

И смущенно замолчал.

Этли, помедлив несколько секунд, пришла ему на помощь:

– Благодарю. Однако я не уверена, что мне нравится больше – когда вы в шортах и майке или так, как сейчас.

Оба рассмеялись. Лед наконец был сломан.

Они заказали пиво, а потом салат и пиццу. Чокнувшись бутылками, каждый сделал по большому глотку.

Кеттлер посмотрел в окно.

– Вам нравится здесь жить?

Пайн пожала плечами.

– Близко от работы. Мой офис находится чуть дальше на той же улице.

– В том же здании, что и ИТП, не так ли?

– Откуда вы знаете? – спросила Этли.

– Они часто появляются в парке. Ищут незаконных иммигрантов. Мне приходилось пару раз бывать в их офисе, чтобы обеспечить ребят информацией. А иногда рейнджеры должны участвовать в конференциях, которые там проходят.

– Конференции? О чем?

– Ну, лучше всего я могу это описать так: они напоминают нам о долге федеральных офицеров ставить их в известность о нелегальных иммигрантах, чтобы ИТП могла их забрать, – ответил Кеттлер.

– Но в парковой службе не могут работать нелегалы, – сказала Пайн. – Они не пройдут проверку при приеме.

– Верно, но у нас есть подрядчики, специалисты по ландшафту, люди, работающие в магазинчиках сувениров и ресторанах, водители грузовиков, доставляющие разные грузы, и тому подобное.

– И вы многих сдаете?

– Пока нет. Ну, если они станут нарушать закон, то я их задержу. Но тех, кто хорошо работает и не лезет на рожон, я не трогаю.

– Подобная философия представляется мне разумной... Кстати, как долго вы спали после сегодняшней пробежки? – На ее лице появилась озорная улыбка.

– Примерно столько же, сколько ушло на забег. Я не становлюсь моложе.

– Из спецназа в парковую службу. Плавный переход, – заметила Пайн.

– А кто рассказал вам про спецназ?

– Колсон. Он узнал об этом от вашего сослуживца. Полная грудь медалей, в том числе «Пурпурное сердце». Впечатляет.

– В особенности на словах, – заметил Кеттлер.

– Интересно, почему? Вы служили своей стране и сражались на войне. Сэм допил пиво и помахал официантке, чтобы та принесла еще. Получив свою бутылку, сделал глоток.

– Это не было войной, Этли, – сказал он после паузы.

– Но чем тогда?

– Я не подписывался стрелять... – Кеттлер замолчал и отвернулся.

– Во что стрелять, Сэм?

– Ни во что. – Он немного помолчал. – Послушайте, давайте сменим тему. Я не для того пригласил вас, чтобы беседовать о глупой войне. Несколько мгновений она изучающе смотрела на него.

– Вы делали свою работу, Сэм. Делали то, что должно. Не больше и не меньше. И это все, что может каждый из нас.

Он поднял голову.

– Ответу на ваш вопрос: я поступил в парковые рейнджеры, чтобы защитить тех, кого стоит защищать здесь, в нашей стране. Я не достаю пистолет. Я помогаю людям получать удовольствие от каньона. И каждый день просыпаюсь, поставив перед собой лишь эту цель. Гранд-Кэньон – замечательное место. Я смотрю на него, и всякий раз на моем лице появляется улыбка.

– А в свободное время играете в Супермена и бегаєте по тропинкам, – с улыбкой сказала Пайн.

Кеттлер улыбнулся в ответ.

– Я уверен, что и вы так не раз поступали.

– Я часто путешествую по горам, но никогда там не бегаю – во всяком случае, как вы.

– Меня невероятно воодушевляет бег. Я начинаю чувствовать себя живым. Буду рад разделить с вами это ощущение.

– Ну, ваше желание вполне может исполниться, – весело ответила Этли.

Принесли их салаты и пиццу, и они прервались на несколько минут на еду, а потом продолжали беседовать о местной политике и отношениях с индейскими племенами, и о том, как огромная дыра в земле может оказаться едва ли не самым потрясающим зрелищем в мире.

Покончив с едой, допили по второй бутылке пива и отправились погулять.

Мимо проехал грузовичок с мороженым, позвякивая колокольчиком, и, повинувшись импульсу, Пайн купила два ванильных стаканчика.

Они шли дальше, лакомясь мороженым, а вечерняя жара окутывала их со всех сторон. Пайн даже решила снять джемпер и повязать его вокруг талии.

– Вот уж не ожидал, что у вас есть татуировки, – сказал Кеттлер, глядя на ее руки и предплечья.

– Я люблю удивлять.

– Близнецы и Меркурий.

– Вы интересуетесь астрологией?

– Только когда читаю свой гороскоп. А что означает «Без пощады»?

– Это личное, – коротко ответила она.

– Все нормально, – поспешно сказал Сэм, заметив ее недовольный взгляд.

– Извините, я веду себя странно, когда речь заходит о подобных вещах, – заметила Пайн.

- Не беспокойтесь. Со мной тоже так бывает.
- А я не видела у вас никаких татуировок.
- У меня есть одна, но в таком месте, что ее не видно.
- Интересно, и где же? – игриво спросила Этли.

В ответ Сэм сдвинул пояс джинсов, открыв верхнюю часть бедра. Ей пришлось нагнуться – татуировка была совсем маленькой.

- Подождите минутку, это Хоббс?
- Да, из «Келвина и Хоббса».
- Да, ладно, бывший спецназовец с мультяшным тигром на бедре...

Считайте, что вы меня поразили.

- Что я могу сказать? В детстве я обожал эти комиксы.

Он вернул на место джинсы и показал на ее мускулистые руки:

- Вы атлет олимпийского калибра, не так ли?

– Хорошо, для протокола. Я не имею ни малейшего отношения к странице в «Википедии», – ответила Пайн и с любопытством посмотрела на него. – Значит, вы решили проверить меня перед сегодняшней встречей?

Вопрос был задан с легкой флиртующей улыбкой.

- Если честно, я проверил вас в тот момент, когда впервые увидел.

Она рассмеялась.

– Полагаю, работа не оставляет вам много свободного времени, – сказал Сэм.

- Да, обычно так и есть.
- Ну, тогда я рад, что сегодня у вас выдался свободный вечер.

Она прикоснулась к его плечу.

- Да, и я. Это было весело.

Он посмотрел на ее открытую икру.

- Из чего в вас стреляли?
- Большинство людей думает, что это родинка.

Кеттлер пожал плечами.

– Я – не большинство. Мне довелось видеть множество входных отверстий от пуль.

– К счастью, двадцать второй калибр. Пуля осталась внутри, в противном случае выходное отверстие было бы уродливым.

- Как это случилось?

– Неудачный арест. Я совершила ошибку. Но с тех пор усвоила урок. Такое больше не повторится. – Она сделала паузу. – Ладно, это моя история. А куда вас ранили, когда вы получили медаль?

Сэм покачал головой, улыбнулся и доел мороженое.

- Это не то место, которое я мог бы показать вам на первом, втором

или даже десятом свидании. Я в некотором роде старомоден.

Эти взяла его под руку.

– Это хорошо. Потому что я в некотором роде также старомодна.

Глава 17

Пайн зашевелилась и переместилась сначала вправо по своей постели, потом влево. Она медленно выходила из какого-то смутного сна, и что-то металось в ее ухе, словно туда залетел надоедливый москит.

Наконец Этли открыла глаза и посмотрела на звонивший телефон, который лежал на тумбочке у кровати.

Электронный москит, покоривший весь мир.

Взяв его, она невнятно произнесла:

– Пайн...

– Агент Пайн, это Эд Прист.

Этли резко села. Она сразу проснулась, словно выпила полный кофейник кофе, а потом кто-то вылил ей на голову еще одну чашку.

– Я пыталась связаться с вами, но ваш автоответчик переполнен, и я не смогла оставить сообщение.

– Происходит нечто странное, – сказал Прист.

– Расскажите как можно подробнее.

– Я не уверен, что это следует делать по телефону.

– Я могу с вами встретиться, – предложила Этли. – Вылечу к вам утром.

– Вам не придется. Я в Аризоне.

Пайн посмотрела на часы на своем телефоне. Было почти одиннадцать вечера.

– Вы в Скай-Харбор?

– Нет. Я вылетел в Феникс с Восточного побережья, потом на легком самолете добрался до Флагстаффа. Я только что приземлился.

– Оставайтесь там. Я за вами приеду. Дайте мне пару часов.

– Они закрываются. Похоже, мой рейс был последним.

– Во Флагстаффе есть кафе, где подают блины, – Этли назвала адрес. – Оно открыто двадцать четыре часа семь дней в неделю. Вы можете взять машину напрокат?

– Нет, но здесь есть стоянка такси.

– До города всего четыре мили, – сказала Пайн. – Встретимся в кафе.

Она быстро оделась, подхватила оба своих пистолета и вышла из дома.

В такое позднее время поездка получилась одинокой. На небе было полно звезд, изредка она видела пролетающий спутник. Для Пайн именно в этом состояла кардинальная разница между рассеянным светом,

наполнявшим все вокруг на Восточном побережье, и тем, что она неизменно видела здесь.

Небо.

Ты видел его полностью, каждый миллиметр, его огромность и недоступность. Оно становилось частью повседневной жизни, свободным взглядом, брошенным в космос. Каждую ночь это небо показывало тебе, каким незначительным ты являешься. И со временем ты начинал в это верить. А некоторая доза смирения еще никому не мешала.

Пока внедорожник с ревом летел на юг, разум Пайн двигался сразу в нескольких направлениях. Перед тем как ее разбудил звонок Приста, она размышляла о том, как ей добраться до Эда Приста, поскольку тот оставался единственной возможностью связаться с его братом. И вот ее желание исполнилось.

Она въехала на парковку кафе, выскочила из внедорожника, в два длинных шага оказалась у входа, распахнула дверь и огляделась по сторонам. В зале находились около пятнадцати посетителей, расположившихся за столиками и в кабинках, но она тут же обнаружила Эда Приста. Он выглядел в точности как на фотографии, которую прислал ей ранее.

Прист сидел в самой дальней кабинке и старался не привлекать к себе внимания, спрятавшись за большим меню и все время поглядывая по сторонам. Рядом с ним на полу стоял чемодан на колесиках и с кучей наклеек. Этли поспешно подошла к нему, скользнув взглядом по чемодану, и села напротив.

– Агент Пайн?

Она достала документы и значок и показала ему.

Прист с облегчением откинулся на спинку стула.

– Не думайте, что у меня паранойя, но я хотела бы взглянуть на какой-нибудь документ, удостоверяющий вашу личность, – попросила Пайн.

Он достал права штата Мэриленд и показал ей.

– Так почему вы решили прилететь сюда?

– Потому что я не знаю, где Бен. Он так со мной и не связался. И никто не может сказать, куда подевался мой брат. Складывается впечатление, что он исчез.

Этли вытащила из сумочки телефон и показала ему копию рисунка, сделанного Дженнифер Ядзи.

– Вы узнаете этого человека?

– Нет. А должен?

– Это компьютерный набросок мужчины, который называл себя

Бенджамином Пристом. Он спустился на муле на дно каньона, после чего исчез. Как видите, этот человек не имеет ничего общего с вашим братом. Более того, он больше похож на вас; я подумала, что Бен – это вы, когда получила присланную вами фотографию.

Эд Прист положил на столик меню и принялся пристально вглядываться в портрет на экране телефона.

– Я... я не понимаю. Зачем этому человеку называть себя Бенджамином Пристом? Проклятье, где мой брат?

– Когда вы видели его в последний раз?

Когда подошла официантка, Пайн заказала кофе, а Прист – полный завтрак.

– Я не ел весь день, – объяснил он, когда официантка отошла. – Я всегда нервничаю во время полета и не могу есть.

– Так даже лучше. В самолетах кормят просто ужасно... Ну, так что относительно вашего брата?

– Я видел его около двух недель назад. Он заезжал к нам домой.

– У него была для этого какая-то причина? – спросила Пайн.

– Пожалуй, нет. Он позвонил и спросил, может ли приехать на обед. Сказал, что у него появилось свободное время и он хочет повидаться с семьей.

– Какое впечатление он на вас произвел?

Прист откинулся назад и принялся тереть бумажную салфетку.

– Вы должны понимать, что мой младший брат был звездой в нашей семье. Лучший выпускник школы, квотербек футбольной команды, основной снайпер баскетбольной команды, хотя он ненавидел баскетбол. Но Бен знал, что является превосходным игроком. Он закончил лучшим в классе в Джорджтауне, а я учился в Университете Мэриленда.

– Но это хорошие учебные заведения, оба, – возразила Пайн.

– Да, однако Бен всегда находился на другом уровне. Мне оставалось радоваться, что я старше. Идти по его стопам – едва ли я справился бы. Он добивался успеха во всем, чем занимался, он высокий и привлекательный... Вы же видели его фотографию. А у меня ничего этого не было.

– Однако он так и не женился? И у него нет детей?

– Верно. У него были девушки в старших классах и в колледже, но после того, как закончил учиться, Бен полностью сосредоточился на карьере.

– И какова она? – спросила Пайн.

Они немного помолчали, пока официантка разливала кофе.

– Карьера вашего брата? – повторила Этли, сделав глоток кофе.

– В данный момент вам об этом известно не меньше, чем мне, – со вздохом ответил Эд Прист. – Я лишь знаю, что он много путешествовал. Проклятье, два года назад я ездил с детьми в Диснейленд, и он пожелал мне счастливого дня рождения. Я спросил, где он; Бен ответил: «Где-то на Среднем Востоке». В другой раз он оказался в богом забытом Казахстане. Мои дети получали по праздникам от него подарки с иностранными наклейками на коробках, а внутри лежали необычные вещи. Иногда мне приходилось платить таможене, чтобы они отдали мне его посылки.

– И вы никогда не спрашивали у него, чем он зарабатывает на жизнь?

– Я уже говорил, что спросил один раз, и он так странно пошутил... Я не хотел на него давить. Просто подумал, что он должен хранить свою работу в секрете. В округе Колумбия он не один такой.

– Консалтинговая компания «Козерог»?

– Однажды Бен заговорил об этом, когда я спросил, как у него дела. Он сказал, что основал собственную компанию. Я спросил, чем она будет заниматься, и брат ответил: «Помогать людям, которые в этом нуждаются».

– Однако я не смогла найти в округе Колумбия компанию с таким названием.

– Знаю. – Эд Прист кивнул. – Я и сам проверял. Моя профессия – бухгалтер. Я работаю в аудиторской фирме в Мэриленде. Заглянул в правительственные документы – и ничего не нашел.

– Вы не рассказали, как выглядел ваш брат, когда две недели назад зашел к вам на обед.

– Понимаете, Бен может производить сильное впечатление, к тому же он необыкновенно умен. Знает все и обо всем. Я часто шутил, что он обязательно победил бы в шоу «Своя игра». Но в тот вечер Бен выглядел более расслабленным, чем обычно, и был непривычно открытым.

– О чем он говорил?

– О политике. О событиях в мире. О бейсболе. Он – болельщик «Вашингтон нэшнлс».

– Он вас о чем-нибудь просил? Что-то вам дал? Хотел, чтобы вы что-то для него сделали?

– Нет, ничего такого не было.

Принесли заказ Приста; он посыпал яйца солью и перцем и полил блины сиропом. Потом посмотрел на Пайн, не сводившей с него глаз, и заметил:

– Вы не похожи на человека, который ест такие вещи.

– Я могла бы вас удивить. – Она сделала еще один глоток кофе. – С

какими ожиданиями вы сюда приехали?

– Не уверен, что у меня есть какие-то ожидания. Но я очень беспокоюсь за брата. Прежде, всякий раз когда я пытался с ним связаться, он неизменно отвечал мне. Но не сейчас. Я думаю, с ним что-то случилось. А теперь вы говорите, что в Гранд-Кэньон находился не он и кто-то воспользовался его именем... Как вы думаете, тот человек что-то с ним сделал? Украл его личность?

– Я не знаю, – ответила Пайн. – Но что именно заставило вас прилететь сюда?

Прист бросил на нее смущенный взгляд.

– Ваш автоответчик полон непрочитанных сообщений, – продолжала Этли. – Вы – бухгалтер и производите впечатление человека, который склонен придерживаться правил. Если вы перестанете отвечать на звонки, клиенты будут недовольны. – Она помолчала. – Так кто же столько раз звонил вам, а вы не хотели отвечать?

Прист положил вилку и принялся вертеть в руках кофейную чашку.

– Я – обычный человек. У меня есть жена и дети. Как уже говорил, в отпуск я езжу в Диснейленд. Я тренирую бейсбольную команду сына. И не готов участвовать в безумных международных заговорах.

– В международных заговорах? Не хотите объяснить?

– Просто у меня такое чувство...

– Вы считаете, что ваш брат – шпион?

– Средний Восток, Казахстан... Несуществующая компания... А теперь еще и это? Мне трудно такое признать, но, очевидно, я совсем не знаю своего брата. Во всяком случае, профессиональную сторону его жизни.

– Но вам было известно, что ваш брат собирался отправиться в Гранд-Кэньон?

– Да, он позвонил мне и рассказал о предстоящей поездке. Никогда прежде Бен не ездил на муле. Заявил мне, что такое путешествие всегда значилось в его списке неосуществленных желаний. Он казался взволнованным. И все подготовил заранее. Наверное, так полагается.

– Верно. А вы не представляете, как мужчина, которого я показала вам в своем телефоне, мог оказаться на месте вашего брата?

– Нет... Вы уверены, что Бена не было в группе, которая спустилась в каньон?

– Я показала фотографию вашего брата, которую вы прислали мне по телефону, рейнджеру, спускавшемуся в каньон в тот день. Он сказал, что такого человека в его группе совершенно определенно не было. И еще

добавил, что в ней не было никого, имевшего хотя бы отдаленное с ним сходство, даже если б он захотел замаскироваться. Рост вашего брата составляет около шести футов и трех дюймов, а вес – около ста восьмидесяти фунтов?

– Это верно. Он самый высокий в нашей семье, – нервно добавил Эд Прист, посмотрев на значок ФБР. – Но мой брат – хороший человек. Я уверен, что он не стал бы участвовать в чем-то плохом.

– Вы же сами сказали, что совсем не знаете его, – во всяком случае, с профессиональной стороны. – Этли откинулась назад.

– Да, я так сказал, – со вздохом ответил Эд Прист.

– И какие же сообщения были на вашем автоответчике?

– Кто-то вешал трубку. В конце концов я проверил их. Все звонки были сделаны с одного номера. Когда я перезвонил на него, никто не ответил.

– Вы можете назвать мне номер? Я его проверю.

Прист достал сотовый телефон и продиктовал цифры.

– Каковы ваши планы на пребывание здесь? – спросила Пайн.

– У меня их нет. Я был в панике, когда принял решение лететь сюда. Потом решил позвонить вам и послушать, что вы можете предложить.

– Я не уверена, что у меня есть для вас хорошие предложения. Но вы должны понять, мистер Прист, что ваш брат вовлечен в нечто очень серьезное, так что и вам может грозить опасность.

– Мне! Но почему?

– Кто-то может подумать, что ваш брат сообщил вам нечто важное. Или, увидев, что вы прилетели сюда, они решат, что брат с вами связался и вы намерены с ним встретиться.

– Но никто не знает о том, что я здесь, кроме вас, – растеряно сказал Прист.

– Вы бронировали ваш билет при помощи кредитной карты?

– Ну да. Конечно, а как иначе?

– Тогда вы в системе. И люди, имеющие к ней доступ, теперь могут отслеживать ваши передвижения. Например, наблюдать за нами прямо сейчас.

Прист оглядел ресторан и только после этого посмотрел на Пайн.

– Вот дерьмо... Вы серьезно? – пробормотал он.

– Совершенно.

– У меня такое ощущение, что я оказался в каком-то извращенном фильме... Что мне теперь делать? Должен ли я поселиться в каком-нибудь отеле? Или, может быть, лучше остановиться у вас?

Этли некоторое время обдумывала его вопрос.

– Сегодня вы можете переночевать у меня... во всяком случае, провести в моей квартире то время, что осталось от ночи, пока мы не придумаем что-то другое.

– Вы уверены? Я не хочу навязываться. И если вы правы и за мной следят, значит, опасность может грозить и вам.

– Я приняла подобные вещи в тот момент, когда согласилась на службу в Бюро, мистер Прист.

– Пожалуйста, называйте меня Эд. Могу я зайти в туалет перед уходом? Происходящее оказывает пагубное действие на мой желудок.

– Конечно. А я пока расплачусь.

Направляясь к стойке, чтобы расплатиться, Пайн искоса наблюдала за Пристом, который шел к туалету. Затем она отвела его к своему внедорожнику и положила чемодан в багажник.

Они выехали на дорогу и покатали обратно на север.

Этли посмотрела на часы. Было почти два часа ночи. Но она была уверена в одном: сегодня ей едва ли удастся выспаться.

Глава 18

Пайн уступила Присту свою спальню, а сама отправилась на диван в гостиной. Она на этом настояла.

Легла и закрыла глаза. До рассвета оставалось совсем немного.

Примерно через полчаса Этли услышала шум в первый раз. Глухой удар, шаг, скрип двери или окна. Или чего-то еще.

Ее пальцы сомкнулись на рукояти пистолета, и она принялась моргать, чтобы глаза быстрее приспособились к темноте.

Тиканье кухонных часов эхом отзывалось у нее в голове. Она дожидалась новых звуков. И когда это случилось, тихо скатилась с дивана и положила на него две подушки в длину, а сверху накрыла их одеялом. Затем скользнула вдоль двери из твердых пород древесины в дальний угол комнаты, присела там на корточки и навела пистолет на дверь. Свободной рукой потянулась влево.

Тик-так, тик-так.

Потом скрип и шаги.

Этли продолжала держать под прицелом определенную точку комнаты.

В дверном проеме появился человек, который тут же направился к дивану, наставив на него пистолет.

Так продолжалось несколько секунд. Сжимавшая оружие рука отчаянно дрожала. Потом пистолет опустился, человек отступил назад и начал отворачиваться от дивана.

Свободной рукой Пайн нажала на выключатель.

Человек отпрыгнул назад.

– Положи пистолет и ляг на пол лицом вниз, руки на голову, пальцы переплетены, ноги расставлены в стороны. Немедленно, или я тебя пристрелю.

Эд Прист послушно выполнил приказ Пайн. Медленно опустил дрожащими руками пистолет на пол, лег, положил руки на голову, ноги широко расставил в стороны. И расплакался.

Пайн встала, подошла к нему, взяла пистолет и положила его на кофейный столик. Потом села на диван и посмотрела на лежавшего на полу мужчину.

– Откуда... как вы узнали? – спросил Прист, по щекам которого текли слезы.

– Ты сам облегчил мне задачу. Во-первых, ты плохой лжец. Меня

учили в ФБР распознавать вранье. Но мне мои умения даже не потребовались. Когда я спросила, кто звонил тебе столько раз, что на твоём автоответчике не осталось свободного места, ты ответил, что набрал номер, но тебе никто не ответил, и я поняла, что ты врешь. Я тоже позвонила по номеру, который ты мне назвал. Он не обслуживается. А взгляды, которые ты бросал на меня украдкой в кафе? И твой чемодан. Тут ты себя сразу выдал.

– Мой чемодан!..

– Я заметила на нем наклейку ПИЗ – «проверка и защита», – говорящую о том, что в чемодане лежит что-то ценное или хрупкое. Такие же используют и в тех случаях, когда в багаже находится огнестрельное оружие. Кроме того, я поняла, что у тебя в чемодане пистолет, потому что на авиалиниях на оружие ставят кабельную стяжку до пункта назначения. Это стали делать после стрельбы в Форт-Лодердейле. Одна стяжка для пистолета, две – для ружья. В твоём случае была только одна, значит – пистолет. К тому же у тебя маленький чемодан, его можно взять в салон как ручную кладь, но тебе пришлось получать его из багажа, о чем свидетельствовала наклейка на ручке. Естественно, ты не мог пронести пистолет в самолет... Ну, и зачем кроткому на вид дипломированному бухгалтеру возить с собой огнестрельное оружие? Разве что для того человека, с которым он намеревался первым делом встретиться в Аризоне. Ну, а когда ты предложил остановиться у меня, я уже не сомневалась, что не ошиблась.

– Если вы это знали, то почему сразу меня не арестовали?

– Все просто. Ты не совершил никаких противозаконных действий. Ты имеешь право держать пистолет в чемодане. В Аризоне это разрешено. Я хотела выяснить, как ты собираешься его использовать. А когда поняла, что ты задумал, решила тебе подыграть. – Она сделала небольшую паузу. – Вопрос лишь один: почему? Ты действительно Эд Прист, бухгалтер, у тебя есть семья, и ты едешь в отпуск в Диснейленд. Ты не правительственный убийца и не палач мафии.

– Значит, вы меня проверяли?

– Конечно, проверяла. Я никому не верю до тех пор, пока не получу подтверждение того, что мне говорят. Не пора ли тебе встать с пола, сесть на стул и рассказать, зачем ты пытался меня убить?

Прист осторожно поднялся на ноги и тяжело опустился на стул напротив нее. Он так и не переоделся с дороги.

– Я не врал, когда сказал, что позвонил по тому номеру. Но солгал, что мне не ответили. Должно быть, они отключили телефон после разговора со

мною.

– Что тебе сказали?

– Что, если я не прилечу сюда и не убью вас, моей жене и детям конец.

– И ты им поверил?

– Они прислали мне фотографии жены, когда та делала покупки в магазине, и детей в школе. Очевидно, они за ними следили.

Пайн обдумала его слова. «Зачем отправлять сюда Эда Приста, чтобы он сделал грязную работу? Неужели тот, кто за этим стоит, не мог прислать профессионала, чтобы меня убить?»

– А они объяснили, почему необходимо это сделать?

– Вы расследуете исчезновение моего брата.

– А они сказали, почему твой брат исчез?

Прист колебался.

– Нет, но я понял, что все очень серьезно.

– Настолько серьезно, чтобы убить федерального агента? Это могло привести тебя к смертной казни.

– Семья значит для меня больше, чем собственная жизнь! – рявкнул Прист, который медленно успокаивался. – Но я не смог спустить курок. Я... наверное, я не убийца.

– Очевидно, нет. Я за тобой наблюдала.

– Ну и что теперь со мной будет? Я сяду в тюрьму?

– Я видела, что ты не собирался меня убивать. Но когда те люди узнают, что ты не стрелял, то будут тобой очень недовольны.

Прист закрыл лицо руками и разрыдался.

– О господи, моя семья... Я убил свою семью...

– Об этом мы можем позаботиться. Мы поместим их под защиту, пока не разберемся с безобразиями, которые происходят.

Прист перестал плакать и посмотрел на нее.

– Вы... вы можете это сделать?

– Однако мне потребуется твоя помощь.

– Но как я могу помочь? Я ничего не знаю.

– Возможно, ты знаешь больше, чем тебе кажется. В настоящий момент ты – моя лучшая ниточка, ведущая к преступникам.

– И как же мы будем действовать? – спросил Прист.

– Я позвоню, чтобы о твоей семье позаботились. И хотя уже раннее утро, нам стоит попытаться немного поспать. Впереди у нас много работы.

– Я очень сожалею, агент Пайн.

– Ты не первый, кто хотел меня убить.

Прист втянул в себя воздух.

- Господи, я не представляю, как вы можете выполнять такую работу.
- Забавно, но это единственная работа, к которой я всегда стремилась.

Глава 19

– Твоя семья находится на конспиративной квартире в Мэриленде, – сказала Пайн Присту, когда они утром пили кофе на кухне.

– Как вы им объяснили, что происходит?

– Тебя интересует, что я сказала про твою роль?

– Да, наверное, – Прист кивнул.

– Я знаю, как вести себя в подобных ситуациях, Эд. Можешь вздохнуть с облегчением – по крайней мере сейчас.

– И что мы будем делать?

– Для начала нам необходимо найти твоего брата.

– Но как?

– У тебя есть его контактные данные?

– Конечно. И я оставил ему дюжину сообщений. Однако он ни разу не ответил.

– Может быть, нам следует сформулировать их иначе...

Прист удивленно на нее посмотрел.

– Что вы имеете в виду?

– Позвони ему и оставь сообщение, в котором говорится, что твоей семье угрожают, а тебя шантажируют и заставляют убить федерального агента. Тебе отчаянно нужна его помощь, поскольку ты не знаешь, что делать, но всерьез подумываешь о том, чтобы нажать на спусковой крючок. Скажи, что у него есть полчаса, чтобы связаться с тобой до того, как ты на это решишься.

Несколько мгновений Прист молча смотрел на Пайн.

– Неужели вы серьезно? – наконец спросил он.

– Настолько, что, если ты не сделаешь этого прямо сейчас, пока я сижу рядом с тобой, я арестую тебя за покушение на убийство.

– А я думал, вы пытаетесь мне помочь...

Этли покачала головой.

– Я ничего подобного не говорила. Моя работа состоит в том, чтобы отыскать правду. И я готова перешагнуть через тебя и твоего брата, чтобы добиться результата.

Прист закрыл глаза и трясущейся рукой потер лоб, закрыв лицо. Пайн отвела его руку в сторону.

– Пора принимать решение, Эд. Времени прятаться нет. Доставай телефон и звони.

Он набрал номер.

– Включай громкую связь.

– Вы мне не верите?

– Тебе нужен ответ? Ты пришел, чтобы всадить пулю мне в голову.

Прист включил громкую связь.

«Это Бен. Оставьте сообщение. Я постараюсь вам перезвонить», – слышался голос из трубки.

Пайн кивнула Присту, и тот оставил сообщение, тщательно следуя ее инструкциям. Потом она отключила телефон и посмотрела на него.

– И что теперь? – спросил Прист.

– Подождем тридцать минут.

– А если он не перезвонит?

– В таком случае ты перешел Рубикон. Я буду вынуждена тебя арестовать.

Прист нахмурился.

– Но это лишь ваше слово против моего, у вас нет никаких улик.

Пайн достала телефон и нажала на несколько кнопок. Раздался голос Приста, объяснявшего, почему тот собирался убить Пайн.

– Вы записали наш разговор? – спросил он.

– Конечно. Ты попал в высшую лигу, Эд. Если хочешь выжить, тебе следует играть лучше.

– Я не просил о том, чтобы это дерьмо на меня выплеснулось, – резко сказал он.

– Не стоит винить меня, вини брата. Если он позвонит тебе в течение получаса, договорись с ним о встрече. Я пойду с тобой.

– Но мы понятия не имеем, где он сейчас, – возразил Прист.

– Именно по этой причине мы ждем его звонка.

Пайн замолчала и откинулась назад. Прист выглядел сильно озабоченным. Но и он молчал.

До тех пор, пока двадцать восемь минут спустя не зазвонил телефон.

Прист посмотрел на Этли, и та кивнула.

– Не включай громкую связь, у него могут возникнуть подозрения.

– Что я должен сказать?

– Веди себя естественно. Ты рассержен и смущен и хочешь знать правду.

Прист ответил на звонок и поднес телефон к уху, а Пайн наклонилась к нему поближе, чтобы слышать их разговор.

– Алло?

– Эдди?

– Проклятье, Бен, где тебя носит? – выпалил Прист. – Что происходит? Вся моя жизнь пошла под откос!

– Просто успокойся, братишка. Все будет в порядке. Но, пожалуйста, скажи мне, что ты не убил федерального агента.

– Пока нет. Но Мэри и дети...

– С ними все будет в порядке.

– Ты не можешь знать!

Пайн коснулась его руки, поднесла палец к губам и безмолвно произнесла: *«Пусть говорит»*.

Прист смолк. Через мгновение его брат начал говорить.

– Ты не должен был оказаться вовлеченным в эти дела, Эдди. Мне очень жаль. Но все вышло из-под контроля.

– Что именно? – спросил Эд.

– Я не могу говорить об этом по телефону.

Этли снова коснулась плеча Приста, указала на него, потом на телефон.

– Тогда давай встретимся, – предложил Эд. – И ты мне все расскажешь.

– Где ты сейчас находишься?

– В Аризоне. Рядом с Гранд-Кэньон, где ты предположительно исчез. Вот почему я сюда прилетел. А ты где?

– На самом деле не слишком далеко.

– Где ты хочешь встретиться?

– На южном краю Гранд-Кэньон есть отель. «Эль Товар».

Пайн посмотрела на Приста и кивнула.

– Хорошо, я уверен, что сумею его найти.

– Мы можем встретиться там сегодня вечером и поужинать. Забронируй столик на свое имя. Но не слишком рано; например, на девять часов. Только мы с тобой. Я... я не буду похож на себя.

– Ты ранен? – спросил Эд.

– Нет, но я изменю внешность, – ответил Бен.

– Ладно.

– Кто-нибудь знает, что ты здесь?

– Нет, я никому не говорил.

– В девять часов в «Эль Товаре». Там я объясню тебе, что смогу.

И прежде чем Эд успел что-то ответить, его брат повесил трубку.

Прист отключил телефон и положил его на стол. И, как будто задерживал дыхание все время разговора, выдохнул и опустил голову.

Пайн встала и налила себе еще кофе.

- Значит, до вечера мы ничего не будем делать? – спросил он.
- Ты ничего не будешь делать до вечера. А я позову своего приятеля, чтобы тот за тобой присмотрел.
- Иными словами, позаботитесь о том, чтобы я не сбежал.
- Можно сказать и так. Он – вышедший в отставку полицейский-хопи, ныне полицейский рейнджер. Хопи традиционно уважают землю и любят мир. Но если ты попытаешься что-то сделать с моим другом, он так быстро надерет тебе задницу, что ты даже не поймешь, как это случилось.
- Большое вам спасибо, – пробормотал Прист.
- Большое тебе пожалуйста.

Глава 20

«Эль Товар» открылся в 1905 году на южном краю Гранд-Кэньон, получил свое имя в честь испанского путешественника и входил в сеть отелей, которой владела компания Фреда Харви. Здание отеля расположилось всего в двадцати футах от края каньона и было выстроено в деревенском стиле с использованием орегонской сосны и местного известняка – пирамидальная крыша, башенки, веранды и щипцы. Но внутренняя отделка представляла собой смешение самых разных стилей, от искусства юго-западных индейцев до швейцарских деревянных изделий. Из зала в задней части отеля открывался великолепный вид на каньон.

Эд Прист поднялся в отель по широким деревянным ступенькам. Часы показывали одну минуту десятого, но снаружи было еще тепло, хотя солнце давно растворилось на западе.

Эд быстро прошел через вестибюль в ресторан, назвал свое имя метрдотелю, и его проводили к находившему в дальнем конце зала столику. Время ужина прошло, и посетителей почти не было.

За столиком, накрытом на двоих, никто не сидел.

Прист сел и огляделся по сторонам.

Потом посмотрел на часы и принялся вертеть в руках салфетку.

К нему подошла официантка с винной картой, чтобы принять заказ, но Эд отказался, сославшись на то, что ждет гостя.

Прошло минут десять, и Прист уже едва справлялся с беспокойством. Он принялся кусать ногти, без конца вертел головой и даже рассеянно стучал ножом о вилку.

– Эдди?

Он поднял глаза и увидел высокую женщину.

Сначала на его лице появилось недоумение, потом он оглядел женщину более внимательно и разинул рот.

– Бен?!

– Не так громко, Эдди. У меня превосходный слух.

Бенджамин Прист был одет в синие брюки, белую блузку с длинным рукавом, бежевый полотняный пиджак и туфли на низких каблуках. На голове темный парик, лицо скрывали солнечные очки и легкий макияж.

Он сел и положил сумочку на соседний стул.

– Когда ты сказал про маскировку, я даже подумать не мог, что ты имел в виду *это*, – прошипел Эд.

– Такова моя задача – быть непредсказуемым.

– Я надеялась, что вы так и скажете, – вмешалась Пайн, усаживаясь на стул напротив Бена.

Тот дернулся и попытался встать, но Этли выложила на стол значок ФБР и сдвинула в сторону полу пиджака, показывая пистолет в кобуре.

– Давайте не будем устраивать сцену, Бен, – предложила она, и тот медленно опустился на стул.

– Проклятье, кто вы такая?

– Ваш дружелюбный сосед, агент ФБР. Ну, а теперь, когда мы представились друг другу, вам следует рассказать, какого дьявола здесь происходит.

– Я не могу. У вас нет допуска.

– Если у меня нет допуска, то его наверняка нет у вашего брата. И если вы не можете ничего ему рассказать, тогда зачем вы здесь?

– Это сложно.

– Ни секунды не сомневаюсь.

– Послушайте, я не могу ничего рассказать вам здесь, – заявил Бен Прист.

– Тогда где? Вы же сами предложили это место.

Он нервно огляделся по сторонам.

– Снаружи. У меня есть пикап. Но вы должны знать, что понятия не имеете о том, во что ввязываетесь.

– Полностью с вами согласна. Именно по этой причине я здесь. Чтобы понять.

– Вы действительно работаете в ФБР?

Этли еще раз показала ему значок, а другой рукой подтолкнула к нему удостоверение личности. Бен внимательно изучил и то и другое.

– Выходим, – наконец сказал он.

Пока они шли к выходу из отеля, взгляды Бена и Этли постоянно находились в движении. Пайн старалась отыскать тех, кто обращал бы на них хоть какое-то внимание. Но в ресторане отеля было совсем мало посетителей и несколько человек обслуживающего персонала. Эд Прист, наоборот, смотрел прямо перед собой.

Они подошли к двери, Пайн шагнула вперед, распахнула ее, вышла, огляделась по сторонам и только после этого кивнула братьям.

– Где ваша машина? – спросила она у Бена.

– На парковке. Светло-зеленый «Эксплорер».

– Мы уедем на вашей машине, а потом вернемся за моей. Дайте ключи, я поведу.

- И куда мы поедем? – спросил Бен.
- На небольшую прогулку для долгого рассказа. Вашего рассказа. Бен уселся на пассажирское сиденье, Эд устроился сзади.
- Давайте с самого начала, – потребовала Этли, когда они выезжали с парковки на дорогу, ведущую в парк. – Консалтинговая компания «Козерог»?
- Ее не существует, – сказал Бен.
- Но, Бен, ты же говорил мне, что работаешь там, – вмешался Эд. Бен повернулся, чтобы посмотреть на старшего брата.
- Я сожалею, Эдди. Издержки профессии.
- И с чем она связана? – спросила Пайн. – Вы работаете в разведке?
- Раньше работал.
- На нашу сторону?
- Не все так просто.
- Для меня предельно просто. Если вы шпионите на другую страну, то у нас появляется очень серьезная проблема.
- Дерьмо, Бен... пожалуйста, скажи мне, что это ложь! – воскликнул Эд.
- Я могу действовать в интересах другой страны, не работая *против* своей. Но союзники остаются союзниками, пока не превращаются во врагов. А иногда враги становятся союзниками. Все постоянно меняется.
- Вы работаете на одного из наших союзников или на одного из врагов? – спросила Пайн.
- Я работаю на себя – после того, как довольно долго трудился на Дядю Сэма и других. И делаю это хорошо и честно.
- Ладно, продолжайте, – подтолкнула его Этли.
- Я открыл собственный бизнес.
- И чем вы занимаетесь?
- Помогаю в устройстве самых разных вещей.
- Например? Парень на муле, делающий вид, что является вами?
- Несомненно, вы слышали об отмывании денег?
- Я не только об этом слышала. Я расследовала несколько таких дел.
- Ну так вот, отмывать можно не только деньги. Отмывают еще и *людей*.
- Вы имеете в виду смену личности? Вы делаете так, что люди исчезают?
- Вроде того.
- Пайн чувствовала, что он лжет, но решила продолжать.
- Кстати, о том парне, что ехал на муле. Он исчез, оставив мертвое

животное с вырезанными на боку буквами Дж. и К.

Бен тяжело вздохнул.

– Я не знаю, что это значит, – признался он.

Этли решила, что в данном случае он, скорее всего, говорит правду.

– Этот мужчина должен был уехать на муле ночью? – спросила она.

– Да.

– Ладно, и в чем состоял план?

Бен покачал головой.

– Я не могу вам сказать.

– Вы знаете, где он сейчас?

Бен снова покачал головой.

– Он не вышел на связь.

– Известно ли нашему правительству, чем он занимается?

Прист не ответил.

– А вы знаете, что Отдел национальной безопасности ФБР *очень* заинтересован в этой истории?

Бен снял очки и протер стекла.

– Не стану утверждать, что я в *неведении*.

– Просто великолепная двусмысленность, – резко заявила Этли. – Вы практически ничего мне не рассказали, и я начинаю терять терпение.

– Бен, ты должен работать с агентом Пайн, – умоляюще сказал Эд. – Она переправила мою семью в безопасное место. Нам угрожают.

– Я знаю, Эдди. Ты мне все рассказал, но я ничего не могу сделать.

– Чепуха! – взорвался Эд. – Именно *ты* – причина того, что нам угрожает опасность.

– Нет, – резко возразил Бен, – ты сам во всем виноват. Тебе следовало держаться подальше от этого дела. Тогда они никогда не пришли бы за тобой.

– Я лишь пытался войти с тобой в контакт, когда ты исчез. Что я, по-твоему, должен был сделать?

Бен указал на Пайн:

– Ты говорил с ней. Ты говорил с ФБР. *Они* это знают.

– Кто знает? – быстро спросила Этли.

И вновь Бен ничего не ответил.

– Она мне позвонила; что мне было делать? – спросил Эд.

– Послушай, этот разговор нас никуда не приведет, – сказал Бен. – Мне нужно возвращаться.

– Вы никуда не пойдете, – вмешалась Пайн. – Либо вы начнете работать со мной, либо я вас арестую.

– На каком основании? – спросил Бен.

– Препятствие отправлению правосудия и напрасная трата времени полиции. На ваши поиски ушли тысячи долларов и многие часы времени полицейских, которые могли помогать другим людям.

– Чушь, и вы сами это прекрасно знаете, – заявил Бен.

– Ну, решать будет судья, – спокойно сказала Этли. – Но я бы предпочла, чтобы вы ответили на мои вопросы и мы добрались бы до сути происходящего.

– А кто вам сказал, что я хочу добраться до сути? – холодно спросил Бен. – Или чтобы вы до нее добрались?

– Вы подвергли опасности вашего брата и его семью. Вы должны помочь это исправить.

– Нет, на самом деле не должен, – заявил Бен.

– Бен! – вскричал Эд. – Мы же семья.

– В данном вопросе моя семья на втором месте. Все слишком серьезно. Мне очень жаль, Эдди, но дело обстоит именно так.

– Ах ты, сукин сын! – крикнул Эдди. – Все считали тебя золотым мальчиком, но на самом деле ты эгоистичный ублюдок!

Пайн не обращала внимания на их перепалку. Они находились на пустом участке дороги. Стало уже совсем темно, и Этли не видела огней за спиной.

И все же ее профессиональное чувство опасности сходило с ума.

– Прекратите, – сказала она.

В этот миг что-то ударило их сзади с такой силой, что колеса «Эксплорера» оторвались от асфальта. В следующее мгновение машина рухнула на жесткое покрытие, их подбросило вверх, и лишь ремни безопасности помешали им удариться о потолок головами. Одновременно сработали подушки безопасности.

Машину занесло, и она оказалась на обочине – небольшой полосе травы шириной в шесть футов. Дальше начиналась стена могучих деревьев.

Пайн не пыталась изменить направление движения машины. Она выглядывала из-за подушки, стараясь справиться с управлением, чтобы избежать бортового удара о деревья, находившиеся с ее стороны. В результате они врезались в дерево левым углом переднего бампера.

Несмотря на сработавшие подушки безопасности, Этли ударилась головой об окно.

В следующее мгновение поврежденный бензобак треснул, и в пролившийся бензин попала искра. Язык пламени облизнул бок внедорожника.

Пайн, остававшаяся внутри, застонала и потеряла сознание.

Глава 21

Маленькая девочка. Манит ее.

Маленькая рука тянется, чтобы помочь.

Напряженный шепот.

Поспеши, Ли. Пойдем. Ты в беде. Пойдем. Быстрее, Ли.

Пайн пришла в себя так же быстро, как и потеряла сознание. Она оттолкнула сдувающую подушку и в зеркале заднего вида увидела подкрадывавшееся к ней пламя.

Смешанный запах горящего пластика и обивки вызывал тошноту.

Этли ощущала тяжелую вонь пролившегося бензина и понимала, что от удара бензобак потерял герметичность.

Образ сестры, которая ее звала, постепенно тускнел.

Ли, а не *Этли*. Так называла ее Мерси. Сокращенное имя, которое надолго к ней пристало. Она была Ли Пайн, пока не поступила в колледж.

Почему-то она не возражала снова стать *Этли*. Имя Ли символизировало прошлое. А прямо сейчас Пайн не была уверена, что у нее есть будущее.

Она отстегнула ремень и посмотрела на пассажирское сиденье.

Бен Прист привалился к двери; по лбу его стекала тонкая струйка крови.

На заднем сиденье Эд Прист держался за плечо и стонал.

Этли попыталась открыть дверь, но та не поддавалась. Ее заклинило после удара. Тогда она перебралась на заднее сиденье, протянула руку через Эда и распахнула заднюю дверцу, потом отстегнула ремень безопасности и вытолкнула его из машины – пламя подбиралось все ближе.

Пайн чувствовала жар каждой клеточкой кожи. Раскаленные пары в бензобаке могли взорваться в любой момент. Вспышка пламени, все будет кончено, и копы соберут ее обугленные останки в мешок для трупов.

Ее сапоги коснулись земли, и она оттащила Эда от машины. Затем, не обращая внимания на опасность, побежала к пылавшему внедорожнику, распахнула дверцу со стороны пассажира, отстегнула ремень Бена и вытащила его наружу. Ввалила крупного мужчину на плечо и быстро отнесла подальше от пылающей машины к брату.

Достав пистолет, огляделась по сторонам. То, что в них врезалось, должно быть, еще находилось где-то рядом. Она вытерла рукой кровь со лба, вынула из кармана телефон, позвонила в 911 и попросила помощи,

постаравшись указать место катастрофы как можно точнее.

Посмотрев на часы, обнаружила, что уже почти десять. Пайн не знала, как быстро здесь появятся местные полицейские.

Взрыв озарил ночь, и Этли бросилась на землю, когда осколки «Форда» полетели в разные стороны. Рядом падали раскаленные детали.

Неожиданно вскрикнул Эд Прист.

Пайн бросилась к нему и увидела, что из его предплечья торчит кусок металла. Осколок металлической отделки «Эксплорера» пронзил кожу, точно огненная стрела, и рана сильно кровоточила.

Этли не стала пытаться вытащить кусок металла – просто сняла куртку и крепко стянула рану, которая могла стать причиной сильного кровотечения, если осколок рассек артерию.

– Помощь скоро придет, – сказала она.

Эд кивнул и со стоном опустился на землю.

И тут Пайн увидела огни.

Но не на земле.

В воздухе.

Вертолет быстро спускался; прожектор аккуратно обследовал землю, точно язык змеи, прежде чем остановился на Эде и Пайн. Затем луч отыскал неподвижное тело Бена Приста и застыл.

«Вертушка» приземлилась в пятидесяти футах, и на них обрушился мощный поток воздуха от винта, обеспечив дополнительный кислород горящую машину, отчего пламя стало сильнее и повалил черный дым. Раздался еще один мини-взрыв, заставивший Пайн снова припасть к земле, но через мгновение она посмотрела на вертолет, пытаясь оценить его силуэт и конфигурацию винта.

– Что случилось? – простонал Эд.

– Просто лежи и молчи, – прошептала в ответ Пайн, не сводя глаз с вертолета.

Потом засунула руку в маленькое отделение в кобуре, достала оттуда лазерный прицел, прикрепила его к планке Пикатинни на пистолете и направила на место крепления винта вертолета. А затем изменила решение и сдвинула прицел на дверь.

Та распахнулась, и на землю прыгнули два солдата в бронежилетах и боевых шлемах. Оба держали в руках «М16» с лазерными прицелами. Парни были готовы к боевым действиям.

Как только Пайн их увидела, она сразу опустилась на землю, стараясь максимально укрыть свой силуэт, прекрасно понимая при этом, что схватка пойдет уже не на равных. Ее «Глок» и резервная «Беретта» не давали ей

шансов против оружия, обладающего максимальной боевой мощностью на поле боя. Попадание в корпус или голову в такой ситуации будет смертельным. «M16» не наносит ран – после выстрела внутренние органы просто исчезают.

Вот почему Этли решила провести переговоры.

– ФБР. Представьтесь, или я открою огонь! – крикнула она.

Ни один из боевиков никак не показал, что намерен ей отвечать. Вместо этого один из них что-то бросил в ее сторону.

Она прижалась головой к земле и сказала себе, что все будет кончено через секунду. Никакой боли. Просто... ничто.

Какая-то часть ее сознания попрощалась с жизнью. Другая проклинала тот факт, что она умрет, так и не узнав причины собственной гибели.

Что-то упало на землю, последовала ослепительная вспышка, потом взрыв.

И вновь мир Этли Пайн окутал мрак.

Глава 22

– Специальный агент Пайн?

Этли сделала глубокий вдох, и в нос ей ударил запах антисептиков.

Интересно, царит ли на Небесах идеальная чистота?

В том, что ад не станет об этом беспокоиться, она не сомневалась.

– Специальный агент Пайн?

Ее веки затрепетали и снова опустились.

Потом она открыла глаза и больше не стала их закрывать.

На нее с тревогой смотрела Кэрол Блюм.

Секретарша облегченно вздохнула, когда увидела, что ее босс открыла глаза.

Пайн повертела головой из стороны в сторону и обнаружила, что лежит на койке.

– Где я? – спросила она.

– В приемном покое.

Этли коснулась лба и обнаружила марлевую повязку.

– Как я сюда попала?

– Вас привезла машина «Скорой помощи».

– А что с остальными?

– С остальными?

Пайн попыталась сесть, но Блюм положила ей руку на плечо и мягко уложила обратно.

– Я была с двумя мужчинами, – сказала Этли.

– Про мужчин я ничего не знаю. Мне позвонили и сообщили, что с вами произошел несчастный случай и вас доставили сюда.

– Кто позвонил?

– Кто-то из персонала больницы.

– А почему они связались с вами?

– На самом деле они позвонили в офис. Должно быть, увидели ваш значок и прислали сообщение мне. Я сразу приехала сюда.

– Я успела позвонить в полицию. Нас ударили сзади. Кто-то пытался нас убить.

Блюм покачала головой.

– Могу лишь повторить, что мне никто ничего не рассказал.

В этот момент появился доктор в белом халате и светло-голубых брюках и с планшетом в руках. Возраст – под пятьдесят, редеющие волосы

и спокойный, почти скучающий взгляд.

– Как вы себя чувствуете, мэм? – весело спросил он.

– Я в порядке, – ответила Пайн. – А как дела у двух мужчин, которые были со мной? Они также получили ранения. Один из них серьезное.

Спокойствие доктора моментально исчезло.

– Другие люди? С вами никого не было, – заявил он. – У вас сотрясение мозга. Я полагаю, вы не можете сейчас ясно мыслить.

– Я могу мыслить с *предельной* ясностью, – холодно ответила Пайн. – В машине со мной находились еще два человека.

Он покачал головой.

– Послушайте, я всего лишь дежурный доктор в приемном покое. Вчера вечером к нам приехала одна машина «Скорой помощи», которая привезла вас. Автомобильная катастрофа. Вы сумели отбежать от дороги и получили ранение.

– Кто вам это рассказал?

– Команда «Скорой помощи».

– А полицейские? – спросила Пайн.

– Я не видел полицейских.

– Дерьмо... – Пайн села и оттолкнула доктора, который попытался ее остановить. – Где моя одежда и пистолеты?

– Они надежно заперты, – ответил врач.

– Принесите. Мне нужно уйти.

– Мы оставим вас здесь, чтобы понаблюдать за вашим состоянием.

– Нет, я ухожу.

– Я врач, и говорю вам...

Пайн спустила ноги с кровати и сняла прикрепленные к руке медицинские приборы.

– Я – агент ФБР. И говорю вам, чтобы вы принесли мне мои вещи; в противном случае я арестую вас за вмешательство в работу федерального офицера.

Врач посмотрел на Блюм, пока Этли стояла в легком больничном халатике. Даже босиком она возвышалась над ним. Выражение ее лица и окровавленная повязка на голове ясно говорили о том, что с этой женщиной лучше не спорить.

Врач повернулся к Блюм:

– Она это серьезно?

– Ну, я никогда не видела, чтобы она шутила... Можете не сомневаться: вы отправитесь в тюрьму, если не сделаете, как она сказала, и я вам советую ее послушаться.

Двадцать минут спустя Пайн, полностью одетая и вооруженная, вышла из больницы вместе с Блюм.

Совсем недавно наступил рассвет.

– А как вы получили сообщение из офиса? – спросила Этли.

– Я получила его рано утром, когда проверяла почту.

– В какое время вы это делаете?

– В пять часов утра, каждый день. На всякий случай. Я сожалею, что не посмотрела раньше.

– Там было двое мужчин, – сказала Пайн, снимая с головы повязку и выбрасывая ее в урну. – Нас сознательно столкнули с дороги, а потом рядом приземлился вертолет. Из него вышли двое в бронежилетах и с боевым оружием. Один из них бросил светошумовую гранату, и я потеряла сознание. Свои раны я получила после столкновения на шоссе, и это объясняет то, что со мной в результате произошло. – Пайн посмотрела на небо, чтобы проверить положение солнца. Ее часы разбились при столкновении, а телефон разрядился. – Я оставалась без сознания в течение восьми часов. – Она посмотрела на Блюм. – Вы мне верите?

– Я надеялась, что вы не станете задавать этот вопрос, специальный агент Пайн. Конечно, я вам верю. Значит, люди из вертолета забрали обоих мужчин?

– Или увезли их на машине, которая в нас врезалась... Но да, их забрали.

– Это как-то связано с делом убитого мула и исчезнувшего Бена Приста?

Пайн кивнула. Тем временем они подошли к стоявшему на парковке светло-зеленому «Приусу» Блюм.

– Вот только исчезнувший Бен Прист – вовсе не настоящий Бен Прист, – добавила Этли.

Они сели в машину, и Блюм завела двигатель.

– А где настоящий? – спросила секретарша.

– Он был одним из двух мужчин, которые находились со мной в машине. Он и его брат, Эд, который прилетел с Восточного побережья и позвонил мне. Я заехала за ним в кафе во Флагстаффе и отвезла к себе домой. Он пытался убить меня, думая, что я сплю.

Блюм совершенно хладнокровно отреагировала на ошеломляющий рассказ Пайн.

– Он действительно попытался? И как сильно вы его отделали?

– Мне не пришлось. В последний момент он испугался. На самом деле Эд – неплохой парень. Какие-то люди угрожали его семье. Ему пришлось

выбирать: либо они, либо я. Поэтому он прилетел сюда, чтобы покончить со мной, но не смог. Через него мне удалось связаться с настоящим Беном Пристом. Вчера вечером мы встретились в «Эль Товаре», потом сели в «Эксплорер» Бена Приста и поехали на юг. На нас напали на шоссе.

– Похоже, ночь у вас выдалась оживленной, – заметила Блюм.

– Нам нужно съездить на место катастрофы. Я хочу кое-что проверить.

Пайн объяснила секретарше, куда ехать, и примерно через час они затормозили в нужном месте.

Но там ничего не оказалось.

Сожженный остов «Эксплорера» исчез. Следы шин и обломки убрали.

Блюм остановила машину на обочине. Они вышли и направились к тому месту, где сгорел «Эксплорер».

– Они неплохо потрудились, – заметила Пайн. – Но недостаточно тщательно.

Она указала на упавшее дерево.

– Кто-то спилил дерево цепной пилой, на стволе остались следы от зубчиков. Потом они при помощи той же пилы вырезали часть ствола, в которую врезался «Эксплорер». Но если покопаться в земле, мы найдем зеленую краску и мелкие обломки машины. – Затем она показала на траву на обочине: – Им пришлось срезать траву, потому что та сгорела. Могу спорить, что если мы принесем сюда металлодетектор, то найдем целую кучу деталей «Эксплорера». Машина взорвалась, и я уверена, что какие-то ее части остались в лесу.

– Тем не менее кто-то потратил немало времени, чтобы навести здесь порядок, – заметила Блюм.

– Я вытащила двух мужчин из машины. Когда она взорвалась, металлический обломок попал Эду в руку. Вот почему нет моего пиджака – я замотала им рану. – Этли показала на рукав рубашки, где остались следы крови. – И они не заметили вот это. *Его* кровь. Она попала на меня, когда я перевязывала рану.

– Вы сказали, что вызвали полицию? – напомнила Блюм.

Пайн кивнула.

– И думаю, что в какой-то момент она сюда приехала. Но никто не успел бы избавиться к этому моменту от всех улик.

– Я могу проверить, – предложила секретарша. – Посмотрим, что произошло. – Она помолчала, глядя на место нападения. – Вы никому не рассказывали про фальшивого Бена Приста?

Этли посмотрела на нее.

– Нет, никому.

- Что-то показалось вам странными?
- Верно. – Пайн кивнула.
- Ну, с вертолетами, солдатами в бронежилетах, с боевым оружием и светошумовыми гранатами это выглядит более чем странно.
- С каждой минутой все больше и больше.
- А мне эта история с самого начала казалась немного необычной. Ведь не каждый день видишь мертвого мула с вырезанными на шкуре буквами.

Они вошли в офис, когда зазвонил сотовый телефон Пайн, который она зарядила в автомобиле Блум, и ей совсем не понравилось имя, загоревшееся на экране телефона.

Секретарша посмотрела на нее.

– Позвольте я угадаю. Звонит начальство.

Пайн состроила гримасу.

– Точно.

– Вопрос в том, насколько высокое...

– Дьявольски высокое.

Глава 23

Специальный агент Клинт Доббс возглавлял офис в Фениксе. Он командовал всеми отделениями ФБР на территории штата Аризона, и в его распоряжении находился легион агентов. Но складывалось впечатление, что прямо сейчас все его внимание было сосредоточено на одном из них, отвечавшим за самый новый отдел, который состоял всего из одного человека.

Этли Пайн.

– Твоя работа как единственного агента в отделе состоит в том, чтобы делать все, Пайн, – резко сказал Доббс, когда та уселась за письменный стол с телефоном в руке. – Но по правилам. Ошибки недопустимы.

– Да, сэр. Мне это известно, сэр, я так и делаю.

– О, ты так все и делала в данном расследовании? – скептически спросил он.

– Да, сэр.

– Тогда почему семья из Мэриленда, которая находится на конспиративной квартире по твоему требованию, звонит в Бюро и спрашивает, где их муж и отец? А этот человек оказывается братом недавно исчезнувшего в Гранд-Кэньон мужчины? И ты как раз ведешь это дело... Я только что беседовал с твоим непосредственным начальством, и оно не в курсе последних событий, Пайн. Так что не пора ли тебе иначе сформулировать ответ на вопрос о том, все ли ты делаешь в полном соответствии с правилами?

– Ситуация требовала немедленных действий, сэр. У меня не было времени, чтобы доложить. Однако все будет занесено в мой следующий отчет.

– Только не надо вешать мне лапшу на уши. У меня есть куда более важные дела, чем звонить в восьмое и самое маленькое подразделение под моим началом. Я рассчитывал на большее от тебя, Пайн. Ты превосходно себя показала в агентстве, но подобные поступки могут уничтожить хорошую карьеру.

– Да, сэр.

– Я пытаюсь тебя по-дружески предупредить, Пайн.

– Да, сэр. И я это ценю, сэр.

– А вот я не уверен. Пойми, твои ошибки негативно ударяют по мне. Такова цена за должность СРА [\[15\]](#).

– Я прекрасно вас понимаю, сэр.

– Нет, я так не думаю; в противном случае ты вела бы себя иначе. Как думаешь, зачем я тебе звоню? Мне необходимо заниматься куда более важными вещами. Но мой сотовый телефон разрывается с пяти утра. Мне звонили из Вашингтона. Заместитель директора. Проклятье, я удивился, что твоим делом не заинтересовался сам директор...

– И как поживает заместитель директора?

– Вот только дисциплину нарушать не нужно, Пайн. Я это терпеть не стану.

– Я даже помыслить о таком не могу, сэр.

– Короче, заместитель директора был очень взволнован. Я даже не уверен, что правильно все понял. Это совершенно невозможно, Пайн. Неприемлемо. Ты меня поняла?

– Да, сэр.

– Насколько мне известно, ты попала в автомобильную катастрофу?

– Да, попала. Но я в порядке. Только немного понервничала. Меня выписали из больницы, и я вернулась на работу.

– Ты разбила автомобиль Бюро?

– Нет, я находилась в другом внедорожнике, сэр.

– И каков статус этого автомобиля?

– Он разбит. Но расходы лягут на меня. У меня есть страховка. Бюро не о чем беспокоиться, сэр. Я не была на службе.

– Молись о том, чтобы все оказалось именно так.

– Да, сэр.

– И, Пайн, возьми небольшой отпуск. Как я понял, поиски пропавшего мужчины зашли в тупик. А тебе прекрасно известно, что люди в Гранд-Кэньон постоянно теряются. Некоторых находят, а иногда удается отыскать их тела. Но я не считаю, что правильно тратить деньги налогоплательщиков и твое время на это дело. Пока что у нас есть только мертвый мул. Местная полиция разберется. Так что возьми небольшой отпуск, приведи голову в порядок, займись страховыми документами и постарайся избежать новых неприятностей. Ты меня поняла?

– Все предельно ясно, сэр.

Но Доббс уже повесил трубку.

Этли положила телефон на стол и подняла голову, когда в дверь постучали. В кабинет заглянула Блюм.

– Гроза миновала? – спросила она.

Пайн кивнула.

– Мне надрали задницу из самого Феникса.

– Попробую угадать: Клинт Доббс?

Пайн снова кивнула.

– Единственный и неповторимый.

– Однажды я на него работала, когда он еще пробивал себе путь вверх по лестнице. Уже тогда было очевидно, что он мечтает стать СРА. Некоторые агенты хотят работать в поле, другие предпочитают письменный стол. Доббс относится к последней категории.

Пайн молчала.

– Тогда он был совершенно никчемным и злобным. Говорят, теперь смягчился, – сказала Блюм, внимательно глядя на Пайн.

– Он практически приказал мне взять отпуск, – сказала она.

– И вы возьмете?

Этли посмотрела на свою секретаршу.

– Я – агент ФБР. Мне нельзя нарушать правила.

– Но вы не удовлетворены?

– Меня едва не прикончили люди, которые, как мне кажется, имеют прямое отношение к моему собственному правительству. Тот человек, что стоит во главе Службы национальной безопасности, отслеживает электронную почту. Мой главный босс минуту назад сказал, что заместитель директора звонил ему и сделал выговор, в результате чего мне было предложено взять отпуск.

– Значит, вопрос в том, станете ли вы работать на свой страх и риск – или пойдете в ногу со всеми?

Пайн не стала отвечать сразу.

– Они могли легко покончить со мной прошлой ночью, – наконец заговорила она. – Меня вывели из строя. Однако они забрали Бена и Эда Пристов. И не забрали меня.

– Ну и почему они этого не сделали?

– Убивая агента ФБР, ты пробиваешь дырку в осином гнезде.

Блюм кивнула.

– Я кое-что узнала, пока вы беседовали по телефону с Доббсом. Во-первых, местная полиция приняла ваш звонок, но ее отозвали до того, как они прибыли на место. По их словам, вы перезвонили им и сказали, что произошла ошибка.

– Что еще?

– Участок дороги, на котором это случилось.

– Что о нем известно?

– Я позвонила своему другу, работающему в полиции штата. Эта территория находится под их юрисдикцией. Прошлой ночью там нес

дежурство его приятель. Он видел, как дорожная бригада блокировала участок на автостраде.

– Дорожная бригада? – повторила Пайн.

– Да. Но я точно знаю, что недавно они закончили ремонт автострады. Им там было совершенно нечего делать.

– Они занимались тем, что забирали Бена Приста, – заключила Этли. – Именно по этой причине я не видела других машин.

Она напортичила. Встреча с Пристом на людях казалась ей самым безопасным вариантом. Но она недооценила своих противников. И ее ошибка могла стоить братьям жизни.

Блюм прервала ее размышления:

– Требуется немалые усилия, чтобы перекрыть дорогу, агент Пайн.

– Да, верно.

– Как вы думаете, ФБР в курсе происходящего? Я хочу сказать, что они знают о вчерашних событиях и отзывают вас из-за того, что не хотят, чтобы вы пострадали?

– Или до того, как я узнаю правду, – сказала Этли.

Блюм сердито покачала головой.

– Я всегда могла опереться на Бюро, даже если не каждый раз соглашалась со всем, что оно делало. Я хотела сказать, что мы – «хорошие парни».

– Я пошла в ФБР по двум причинам: защищать хороших людей и наказывать плохих. Предельно просто. Но тогда все видится только в черном и белом цвете.

– Очевидно, эту ситуацию нельзя отнести *ни* к белой, *ни* к черной, – сказала Блюм. – И что теперь будет?

– Я не могу продолжать данное расследование внутри обычных границ.

– В таком случае ваши возможности ограничены. Что мы будем делать?

– *Мы?* – Пайн бросила на нее быстрый взгляд. – Нет, не так. Если я это сделаю, а потом меня поймут за руку и выяснят, что вы мне помогли, то и вам конец.

– Но я ваша секретарша. Моя работа состоит в том, чтобы помогать вам.

– Кэрол, это не входит в ваши прямые обязанности. Я намерена уйти с экранов радаров. И не могу позволить вам следовать за мной по весьма сомнительному пути.

– Почему? Я уже достаточно взрослая, чтобы принимать

самостоятельные решения.

– Но это может стать для вас карьерным самоубийством, – сказала Пайн.

– Ну, я уже думала о том, чтобы сменить работу. Мой муж развелся со мной ради какой-то шлюхи. Дети выросли, разъехались по стране и теперь живут далеко от меня. Я не очень хорошо понимаю, что происходит, но уже достигла такого возраста, что не слишком беспокоюсь о последствиях.

– И чем вы собирались заняться?

– Стать частным детективом, – ответила Блум. – За десятилетия, проведенные на работе в Бюро, я видела всё – от архивов суда до вскрытий и заключений судебной экспертизы, хорошо проведенные расследования и безобразно выполненную работу. Проклятье, я написала достаточное количество отчетов, которые положено делать агентам, чтобы понять, как все устроено. Я помогала множеству новичков, когда они пытались разобраться в странностях деятельности Бюро. Я слушала и запоминала. И я идеально подхожу физически для данной роли. Вы только взгляните на меня. Никто не увидит во мне угрозы. Я смогу слушать и наблюдать столько, сколько захочу.

– Теперь я вижу ту вашу сторону, о которой прежде не подозревала, миссис Блум.

Секретарша бросила на нее недоверчивый взгляд.

– Ну, теперь самое время увидеть ее, специальный агент Пайн... Если честно, я думала, что вы всё быстрее схватываете.

Глава 24

Этли причесывалась, глядя в зеркало в своей ванной комнате.

Она приняла душ и смыла кровь с раны возле виска. Голова у нее все еще болела после удара об окно внедорожника и действия светошумовой гранаты.

Пайн заклеила рану пластырем и прикрыла его и синяки черными волосами. Но потом приподняла волосы и посмотрела на другой шрам, которому было много лет.

Постоянный след. Знак внимания от человека, забравшего ее сестру.

Снаружи уже стемнело. Блюм довезла Этли до Гранд-Кэньон, чтобы та забрала свой внедорожник. Они вернулись в офис на двух машинах и работали там до конца дня.

Пайн отвела взгляд от зеркала и отражения шрама, взяла телефон и посмотрела на маленький экран. Там была копия рисунка, сделанного для нее Дженнифер Ядзи. Изображение исчезнувшего мужчины, выдававшего себя за Бена Приста, – во всяком случае, так утверждал Марк Бреннан.

В ФБР существовала база данных для распознавания лиц, но Пайн понимала, что, если обратится к ней, используя свой код доступа, они сразу узнают, чем она занимается. И если Клинт Доббс будет верен своему слову, она перестанет быть агентом ФБР. Таким образом, этот рисунок и ниточка были для нее бесполезны, пока она не найдет способ обойти запреты. И Этли собиралась сделать это как можно быстрее.

Она положила телефон и провела пальцем по старому шраму.

Когда-то под ним находилась трещина в черепе. Это было серьезное ранение; она потеряла сознание и пролежала всю ночь, истекая кровью, с сотрясением мозга.

Однако она никогда не жаловалась. Ей повезло.

В отличие от Мерси.

Этли хотела знать наверняка, что именно Дэниел Джеймс Тор забрал ее сестру, – только так она могла выяснить, что произошло с сестрой после ее исчезновения.

Пайн разделась и собралась лечь в постель, когда зазвонил телефон.

Это был Сэм Кеттлер.

– Извини за поздний звонок, – сказал он.

– Нет, всё в порядке. Что-то случилось?

– Просто хотел спросить, не найдется ли у тебя времени, чтобы выпить

пива?

– Не думаю, что «Тони» сейчас открыт.

– Знаю. Но я в двадцати минутах от твоего дома, ну и подумал, может, ты не против немного погулять... Вечер сегодня отличный.

Пайн не ответила. Она собиралась начать путешествие, которое, весьма вероятно, станет концом ее карьеры в ФБР.

Кто бы говорил о неудачном выборе времени...

– Послушай, Этли, все нормально. Я выступил как болван, когда позвонил тебе так поздно. Сам не знаю, о чем думал. Просто я...

– Нет, всё в порядке. Приезжай. Мысль о пиве мне очень нравится.

На самом деле так и есть. К тому же кто знает, когда у меня появится другой шанс?

– Послушай, ты уверена? Мне не хочется навязываться, но у меня появилось ощущение, что так и происходит.

– Ты приедешь и увидишь, что у меня иммунитет к давлению. Но давай выпьем в твоём «Джипе». У меня дома жуткий беспорядок.

– Да, конечно. У меня и в мыслях не было приходить без приглашения. Я думал, мы просто посидим на ступеньках или что-нибудь в таком роде...

Этли улыбнулась.

– Да, ты старомоден, я помню.

Она дала ему свой адрес, надела шорты и футболку и стала смотреть в окно, дожидаясь, когда он приедет. Увидев его «Джип», спустилась вниз босиком. Плохая идея – асфальт все еще был горячим после жаркого дня.

Они сидели в его открытой машине с бутылками холодного пива в руках. На улице было все еще жарко, хотя часы показывали почти одиннадцать.

– Проклятье, как же приятно, – сказала Пайн, выпив сразу половину бутылки.

Сэм улыбнулся и посмотрел сквозь ветровое стекло.

– Простые вещи в жизни, верно? – Потом взглянул на нее и нахмурился. – Что случилось? – он указал на ее висок, который приоткрылся, когда она повернула голову.

Пайн прикоснулась к пластырю.

– Неловкое движение, – ответила она.

– Неловкость тебе не свойственна, – заметил Кеттлер.

– Ну, здесь тебя могут ждать сюрпризы... Но на самом деле это ерунда, Сэм.

Он кивнул и заерзал на сиденье. Этли это заметила.

– Что такое?

– Завтра вечером в Фениксе будет концерт Сантаны, – сказал он, опустив глаза на руль. – Я поменялся сменами. Хочешь пойти?

И посмотрел на нее.

Пайн вдруг почувствовала смущение.

– Хм-м-м... спасибо за приглашение. Но я не смогу. Извини.

Он быстро отвел взгляд.

– Ну, ничего страшного. Слишком поздно предупредил. Я и сам не знаю, о чем думал. – Рассмеялся. – Всегда хотел играть на гитаре, как Карлос. Я и миллион других парней. Проблема в том, что я даже подпеваю фальшиво.

– В другой раз?

– Да, конечно.

Несколько мгновений они молчали, глядя вперед сквозь ветровое стекло.

Этли чувствовала себя неловко и как-то странно. Какая-то ее часть думала о парне, сидевшем рядом. Другая размышляла о деталях завтрашнего путешествия.

Кеттлер, в свою очередь, замкнулся после того, как она отклонила его приглашение.

Пайн откашлялась.

– Так что же заставило тебя пойти работать в Гранд-Кэньон? – спросила она.

Он поднял голову.

– Проклятье, это завораживающее место. И дело не только в геологических формациях, местности, туристах и всем остальном. У каньона поразительная история. Здесь многое началось.

– Например?

– Ты когда-нибудь слышала про Масау?

– Нет.

– Бог смерти у хопи. Говорят, он живет в каньоне. На берегах реки Нанковип есть родовые зернохранилища пуэбло. А еще Игл-Рок в Игл-Пойнте, на западном краю каньона. Уалапаи^[16] считают его священным. Часть племен хопи верит, что каньон – это *сипану*, портал, благодаря которому они вскарабкались по тростнику в небо, чтобы попасть в Четвертый мир.

– И ты во все это веришь? – спросила Пайн, приподняв брови.

На лице Сэма появилось смущенное выражение.

– Ну, я бы с радостью поверил в какие-то из легенд... Для меня каньон – вовсе не достопримечательность, которую стремятся увидеть туристы.

Это живое, дышащее место. Там есть дюжина растений, которые можно встретить только в Гранд-Кэньон. И он постоянно эволюционирует. Морские водоросли в реке привели к появлению ракообразных, из-за них пришла форель, что, в свою очередь, привлекло лысого орла, одного из немногих видов птиц, использующих речной коридор в качестве зимнего ареала. – Кеттлер постучал себя по виску. – Понимаешь, это умное существо. Ну разве не круто?

Этли улыбнулась.

– Ну, тебя послушать, так очень круто. И я увидела твою другую сторону, мистер Кеттлер.

– На работе я держу рюкзак с необходимым снаряжением. Иногда, когда не на дежурстве, я брожу или бегаю по каньону. И лазаю по горам.

– По горам? – переспросила Пайн.

– Да, я был армейским рейнджером, а для этого необходимо овладеть альпинистскими навыками. Я проходил обучение в Джорджии. И теперь ношу с собой веревки и прочее снаряжение. Знаешь, я уже облазил весь каньон. – Он посмотрел на нее. – Тебе бы понравилось.

– Может быть. В подходящей компании. – Этли улыбнулась и слегка толкнула его в плечо.

Сэм наморщил лоб.

– Что-то не так? – спросила она.

– Послушай, полное признание. Есть еще одна причина, по которой я пришел к тебе сегодня.

Пайн выпрямилась.

– Что?

– Колсон Ламберт и Гарри Райс.

– И что с ними?

– Их перевели в другое место.

– Неужели! Куда?

– В Национальный парк Сион, штат Юта. Прямо сейчас. Что чертовски неудобно – ведь у обоих семьи и дети, которые учатся в местных школах. Гарри и Колсон уезжают, оставляя семьи здесь, пока не найдут на новом месте жилье и школы. – Он посмотрел на нее. – Судя по твоей реакции, ты не знала.

– Понятия не имела.

– Это имеет какое-то отношение к мулу? Просто я не понимаю, как такое может быть... Но больше ничего необычного не произошло. Я хотел сказать... – Он смолк.

– Может быть, Сэм. Пожалуй, так и есть.

- Ладно. Полагаю, ты ничего не можешь мне рассказать?
- Действительно не могу.
- Понимаю. Однако я хотел, чтобы ты знала про Ламберта и Райса.
- Спасибо, я ценю то, что ты меня предупредил. Честное слово.

Они немного помолчали.

- Если ты хочешь поговорить о... – начала Пайн.
- О чем, например?
- О твоей службе в армии?
- Я больше не служу в армии. Она осталась в прошлом. Я хочу смотреть вперед.

Этли подумала о себе.

– Иногда невозможно двигаться вперед, пока не разберешься с прошлым, – сказала она.

– Наверное, ты права. Но я был солдатом, как и многие другие парни. И я в порядке. Правда. Никаких проблем.

– Хорошо.

Они попрощались и даже обнялись – и на этот раз объятие продлилось чуть дольше, чем в пиццерии Тони.

Этли почувствовала, какие у Кеттлера сильные пальцы, сквозь тонкую ткань футболки, когда он положил руки ей на плечи. И еще его запах – пот, смешанный с мылом и шампунем. Голова у нее слегка закружилась. И тут то, что она намеревалась сделать завтра, обрушилось на нее, точно кусок бетона.

Она отодвинулась и быстро поцеловала его в щеку.

– Спасибо за пиво. И приглашение на Сантану. Оно много для меня значит.

– В любое время, – ответил Сэм, и его рука скользнула по ее голому предплечью. – Жду момента, когда мы снова сможем встретиться.

Пайн направилась к своей квартире, и для этого ей пришлось еще раз наступить на горячий асфальт, пока она не оказалась на более прохладном тротуаре. Повернулась и увидела, что Кеттлер улыбается.

Этли посмотрела на свои босые ноги.

– Я знаю, это глупо, верно? – сказала она.

– Ну, ничего такого глупого, если смотреть с моего места... Проклятье, выглядит очень даже красиво.

Две минуты спустя, после того как она бросила последний взгляд в сторону отъезжавшего «Джипа» Кеттлера, Пайн рухнула на свою постель.

Проклятье, выглядит очень даже красиво, ха?

Она поняла, что улыбается, вспоминая время, проведенное с Сэмом.

Но потом подумала о том, что ждало ее завтра, и улыбка потускнела.

Каковы были шансы на то, что именно в Гранд-Кэньон она наконец найдет человека, с которым ей нравится проводить время? Но между ними встанет ее работа...

Ты ведь именно на это подписалась, Этли, когда надела значок.

Она проснулась на следующее утро в семь часов, взяла телефон и позвонила Кэрол Блюм.

– Встретимся в офисе через час.

– Я там буду, – ответила та. – Вы правы – перед началом вашего отпуска нам стоит привести в порядок старые дела.

– Тогда договорились.

– Куда вы собираетесь?

– Я намерена совершить восхождение на гору Нибо, в штате Юта. Мне требуется немного проветриться. Возьму с собой все свои вещи и уеду прямо из офиса. Меня не будет пару недель. Флагстафф займется моими текущими делами. Я договорилась. И пока меня нет, офис официально считается закрытым. Так что у вас также получится небольшой отпуск.

– Ну, тогда я отправлюсь в Лос-Анджелес, навестить дочку. У меня есть внук, которого я не успела избаловать.

Пайн надела солнечные очки, поехала в офис, припарковалась в подземном гараже и по лестнице поднялась к лифту.

Блюм ее опередила. Она даже успела приготовить кофе.

В восемь часов вечера того же дня дверь гаража поднялась. Из него выехал черный внедорожник Пайн, свернул направо и покатил по автостраде на север. Следом за ним из гаража появился «Приус» Блюм, который выбрал противоположное направление.

Заработали двигатели двух внедорожников. Один следовал за машиной Пайн, другой за «Приусом» Блюм.

В полночь дверь гаража открылась снова.

Наружу выехал «Мустанг» 1967 года, с поднятым верхом и закрытыми окнами.

За рулем сидела Пайн. Блюм устроилась на пассажирском сиденье. Этли надела джинсы, хлопковую рубашку с длинным рукавом и ветровку. Блюм сменила юбку, пиджак и «лодочки» на брюки, светло-синий свитер и туфли без каблуков.

Они сняли наличные со своих банковских счетов, поскольку теперь им не следовало пользоваться кредитными картами.

В гараже осталась накрытая брезентом машина, занявшая место «Мустанга».

Пайн свернула налево и поехала на юг по автомагистрали 89.
Они только что «официально» перешли на нелегальное положение.

Глава 25

– Вы уверены, что они не смогут отследить эту машину? – спросила Блюм, когда они ехали на восток по 40-й федеральной автостраде.

– Я поставила ее в подземном гараже поздно вечером, когда перебралась в Шеттерд-Рок, – ответила Этли. – И езжу на ней только по ночам, но в последнее время довольно редко. Именно по этой причине я установила там зарядное устройство, в противном случае аккумулятор уже давно бы сел.

– Но они могут отслеживать номера машин.

– Если и так, у них нет данных о том, что машина принадлежит мне, потому что я не стала записывать ее на свое имя.

– Почему?

– Потому что ее хозяин *все еще* остается таковым, хотя он мертв. С точки зрения закона он владелец «Мустанга».

– Сколько времени это у нас займет?

– Нам нужно проехать около двух тысяч двухсот миль, – ответила Пайн. – Тридцать три часа, если мы не будем останавливаться.

– Я уже не так молода, как мне хотелось бы, – заявила Блюм. – Нам придется остановиться, чтобы немного прийти в себя.

– Мой мочевой пузырь не так велик. Но нам почти все время нужно будет ехать по сороковой автостраде, а к западу от Миссисипи мы сможем почти лететь. Так что дорога займет два дня. Если вы сможете сесть за руль.

– Амбициозный план. Но я в игре. Кстати, о полетах: самолет исключался?

– Кредитные карты, удостоверения личности... Мы сразу бы попали в систему. Да, это исключено. Вот почему только наличные. У меня есть дебетовая карта на крайний случай, но она привязана к счету моего друга. Потом я просто верну ему деньги, если возникнет необходимость взять их оттуда. И по возможности мы не должны использовать наши настоящие имена. Иначе можем попасться. И нам не следует распаковывать вещи – вдруг придется быстро уносить ноги.

– Принято. А куда ваш друг отведет мой «Приус»?

– Достаточно далеко, чтобы всякий, кто отслеживает ваши передвижения, поверил, что вы уехали в Лос-Анджелес. Не беспокойтесь, он будет хорошо заботиться о вашем автомобиле.

– А внедорожник?

– Я выбрала гору Нибо не просто так. Моя подруга, которая на нем уехала, и в самом деле намерена уйти в горы на две недели. И я сомневаюсь, что за ней будут следить до самого конца, – они вернутся, как только убедятся, что внедорожник едет в нужном направлении.

– А ваш телефон? – спросила Блюм.

– Остался во внедорожнике. На случай, если они его отслеживают, я в обозримом будущем нахожусь в Юте. Ваш телефон я положила в «Приус». И взяла с собой несколько одноразовых. Они лежат в сумке за вашим сиденьем. Я загрузила в каждый все важные номера, а также портрет фальшивого Бена Приста.

– А они могут отследить покупку одноразовых телефонов и сим-карт?

– Могли бы, если б я их покупала. Но это сделал для меня другой человек в качестве одолжения. Шесть месяцев назад.

– Еще до того, как вы узнали, что они вам потребуются? – удивилась Блюм.

– Я предпочитаю быть готовой к любым неожиданностям и иметь возможность уйти с радаров, но при этом оставаться на связи. – Этли посмотрела на свою спутницу. – Нам нужно быть на высоте, верно? Мы теперь играем в высшей лиге.

– Я поняла это, как только начала работать на ФБР. – Блюм посмотрела на часы. – Уже почти час ночи. Вы готовы дальше вести машину?

– Я спала на полу своего кабинета восемь часов. Меня хватит по меньшей мере до Оклахома-Сити.

– Но ведь до него довольно далеко?

– Примерно тринадцать часов, если вдавить педаль газа в пол. И мы можем остановиться для позднего ланча.

– Ваша выносливость впечатляет, – сказала Блюм.

– Я добралась на этом автомобиле от Восточного побережья до Юты за два с половиной дня и останавливалась только для того, чтобы воспользоваться туалетом и немного подремать на парковках, а ела на ходу. – Пайн похлопала ладонью по приборной доске. – В нем есть что-то особенное. Когда сидишь за рулем, хочется ехать все дальше и дальше.

Прошло некоторое время.

– Вы не верите, что Джордан и Кинкейд нашли в Гранд-Кэньон тайную пещеру с египетскими артефактами? – нарушила молчание Пайн.

– Нет, не верю.

– А ваш отец?

Блюм ответила не сразу.

– Я думаю, мой отец *хотел* в это верить. Мы не раз спускались в каньон и искали. Конечно, ничего не нашли.

– Даже с учетом букв дж. и к. на входной двери? – спросила Пайн.

Блюм улыбнулась.

– Мой отец всю жизнь ненавидел свою работу. И мечтал стать искателем приключений вроде Индианы Джонса.

– Он еще жив?

– Нет, мои родители умерли. А у вас?

– Моя мать жива.

– Где она живет?

– Вам лучше немного поспать, чтобы иметь возможность сменить меня, когда я устану.

Пайн ехала вперед.

В Оклахома-Сити они поели барбекю. Потом Блюм, которая бóльшую часть пути проспала и чувствовала себя превосходно, села за руль, а Пайн перебралась на пассажирское сиденье, отодвинула его максимально назад, чтобы вытянуть длинные ноги, и мгновенно заснула.

Блюм ехала дальше, делая лишь короткие остановки, чтобы сходить в туалет и размять ноги, а один раз час поспала на парковке. Когда они приближались к Нэшвиллу, свернула на заправку и разбудила Этли.

– Небольшой отдых, – сказала она. – И нам пора меняться. Я устала.

Пайн кивнула. Было совсем темно, но до рассвета оставалась еще пара часов. На пустой парковке горел только один довольно слабый фонарь.

Этли зевнула, потянулась, потерла шею и пошла за Блюм к туалетам.

Не успели они закрыть дверь, как та снова распахнулась.

Внутри вошли трое парней.

Высокие, худые, немногим старше двадцати, все модно и дорого одеты, хотя они постарались сделать так, чтобы их одежда казалась совсем простой. Двое были в шортах цвета хаки, открывавших загорелые мускулистые ноги, разноцветных рубашках с коротким рукавом от «Роберта Грэма» и мокасынах. Третий – в мешковатых джинсах, сильно выцветших, белой рубашке с длинным рукавом навыпуск и мягких туфлях от «Гуччи».

Один из них смял банку от пива и бросил в пустую мусорную корзину. Они стояли и молча разглядывали двух женщин.

Блюм повернулась и посмотрела на них.

– Вы перепутали туалет, – сказала она. – Мужской находится рядом.

Парень в джинсах шагнул вперед, взглянул на приятелей и усмехнулся, показав превосходные белые зубы.

– Нет, это именно *то* место, куда мы хотели попасть, потому что *вы* здесь, – сказал он.

– Должно быть, ты издеваешься, – недоверчиво сказала Этли. – Парни, вы что, пришли прямо со студенческой вечеринки?

Парень улыбнулся и из заднего кармана вытащил бутылку «Мэйкерс Марк»^[17].

– Тут ключевое слово – *вечеринка*, леди.

Блюм посмотрела на Пайн, которая не сводила взгляда с полупустой бутылки. Затем произнесла:

– Этого не будет.

– Перестаньте; мы искали как раз таких, как вы двое, – сказал мужчина. – Зрелые женщины, что может быть лучше? И поверьте: вам понравится то, что вы получите.

Он откупорил бутылку, сделал глоток виски, передал ее своим приятелям, и каждый из них немного выпил из горлышка.

Пайн изучила каждого.

– Неужели для вас это единственная возможность потрахаться? – спросила она.

– Проклятье, мы можем получить любую телку, какую только захотим. Я вполне могу положиться на собственное очарование. И деньги моей семьи. – Он указал на своих спутников. – Кстати, мои друзья тоже.

– В таком случае зачем сидеть в засаде возле женского туалета?

Парень ухмыльнулся.

– Потому что мы *можем* и мы *хотим*.

– С нами не получится, – резко сказала Блюм.

Усмешка исчезла с губ парня.

– Не думаю, что у вас есть выбор.

– В таком случае вы не слишком хорошо продумали свой план.

Парень вытащил из кармана небольшой нож.

– Я не люблю насилие, но тут уж как получится... А теперь просто делайте то, что мы скажем, и никто не пострадает.

– О, кто-то совершенно определенно пострадает, – ответила Пайн.

Она шагнула вперед и обезоружила парня, сломав ему запястье. Когда тот взвыл от боли и согнулся, она схватила его за шиворот, нагнула голову вниз и мощным апперкотом, который нанесла коленом, вышибла пару идеальных передних зубов. А затем, используя его вес, швырнула на зеркальную стену над раковиной и разбила его головой зеркало. Парень упал на раковину лицом вниз; его развернуло, он рухнул на пол и так и остался лежать, подвывая от боли.

– Эй, эй! – крикнул второй парень и бросился в бой, но тут же отлетел назад после того, как Пайн пнула его ногой в горло; он ударился спиной о стену и сполз на пол, пытаясь втянуть в себя воздух.

Этли подошла и окончательно вырубил его, ударив предплечьем – и его голова с глухим стуком ударилась о выложенную кафелем стену.

Последний зарычал!

– Тебе конец, сука. У меня черный пояс.

Однако он прекратил рычать и отпрыгнул назад, когда Пайн вытащила и направила на него пистолет. Другой рукой она достала значок ФБР.

– Теперь ты свое получишь, мистер Дебил.

– О, дерьмо! – воскликнул парень. – Черт тебя побери...

– На пол лицом вниз, – приказала Пайн. – Давай!

Парень послушно лег, но не сдержался и выпалил:

– И почему вы не вытащили свой проклятый пистолет сразу? Зачем было надирать им задницы?

– Потому что она *могла* и *хотела*, – сказала Блюм.

Этли вытащила из кармана пластиковые наручники и сковала троих парней вместе, руки и ноги, спина к спине, так что они не могли пошевелиться. После того как Пайн и Блюм воспользовались кабинками и вымыли руки, Этли набрала 911. Она рассказала диспетчеру, что произошло, и сообщила, где они находятся.

– Я не могу остаться, чтобы предъявить им обвинение; просто посадите их на пару лет за глупость.

Когда Пайн села за руль «Мустанга», Блюм повернулась к ней.

– Круто! – сказала она с восхищением.

– У меня был неплохой мотив.

– Ага, я поняла. Нам угрожали.

– Нет, просто я хотела срочно попасть в туалет.

Этли свернула на 81-ю автостраду и нажала на газ.

Шоссе носило название «Магистраль Тракера», и по дороге, которая вилась между горами, они проехали мимо множества буровых вышек. Остановились, чтобы купить еду навынос в кафе возле Роанока, штат Вирджиния, работавшем круглосуточно. Когда покатали дальше, Пайн положила пакет с картошкой фри на колени, а сама принялась за двойной чизбургер, в то время как Блюм неспешно ела свой сэндвич, лишь изредка прихватывая картофель.

– Вы не любите бургеры и картошку фри? – спросила Пайн.

– Очень люблю. Но в моем возрасте они перестали отвечать мне взаимностью, как прежде. В этом смысле они похожи на мужчин.

Закончив есть, она откинулась на сиденье и заснула.

Через несколько часов Пайн свернула на 66-ю автостраду и поехала на восток, в сторону Вашингтона. Примерно в это же время проснулась Блюм.

– Где мы сейчас? – спросила она, потягиваясь.

– В двух часах от округа Колумбия.

– Я никогда не была в округе Колумбия.

– Учитывая то, как вы восхищаетесь мистером Гувером, меня это удивляет.

– Ну, он был уже мертв, когда я начала работать в ФБР, поэтому...

– Но ведь есть Здание Гувера. Кстати, оно разваливается на части.

– Вы там никогда не работали. Вы были в ВПО, – добавила Блюм, имея в виду Вашингтонский полевой офис.

Пайн бросила на нее быстрый взгляд.

– Вы изучали мою биографию?

– Конечно. А вы хотели бы иметь идиотку в качестве секретарши?

– Я часто бывала в Здании Гувера, – сказала Пайн. – Они ищут новый дом, но Конгресс, очевидно, не дает им денег.

– Ну, сейчас самое время прекратить разбазаривать деньги налогоплательщиков.

– Верно, чтобы Пентагон мог потратить их на постройку туалетов стоимостью десять тысяч долларов каждый.

– Где мы остановимся, когда доберемся до места? – спросила Блюм.

– У меня есть приятель. Сейчас он в командировке за океаном. Мы остановимся у него, в Северной Вирджинии.

– Для одинокой женщины у вас очень много приятелей.

– Пока они держат дистанцию, я веду себя хорошо.

Они ехали дальше. Их путешествие подходило к концу.

Глава 26

Дом, в котором жил «приятель», находился в Арлингтоне, штат Вирджиния, в районе, носившем название Болстон. Курт Феррис был следователем УУР^[18] в армии, и недавно его перевели за океан на шесть месяцев для расследования преступлений, совершенных теми, кто носит военную форму за границами США. Пайн познакомилась с ним, когда они вместе работали над делом шайки контрабандистов в Форт-Белвуаре, имевшей интернациональные связи.

Они раскрыли дело и расстались друзьями, и Этли решила обратиться к нему с просьбой посоветовать место, где можно остановиться в Вирджинии. В ответ он сразу предложил свою квартиру, пока она ему не нужна. И поклялся, что будет держать рот на замке, после того как Пайн сказала, что работает под прикрытием над делом Бюро.

Дом находился рядом с торговым центром Болстон-Молл. В районе провели широкомасштабную реновацию, и он стал одним из самых популярных среди образованных и состоятельных представителей миллениалов^[19], селившихся здесь, чтобы работать и развлекаться. Тогда Пайн удивилась, что Феррис мог позволить себе такое жилье на доход армейского офицера, но вспомнила, что его родители оставили своему единственному ребенку значительное наследство, когда погибли в автомобильной катастрофе.

Дом был новым, и все двери открывались не ключами, а при помощи кодов доступа, которые Феррис ей сообщил. Что оказалось очень полезным, потому что Пайн не хотела никому называть свое имя или показывать удостоверение личности обслуживающему персоналу дома.

Блум оставила сумку в своей спальне, но не стала распаковывать ее, на случай если им придется поспешно покидать дом, как ей посоветовала Пайн.

Она прошла по квартире с тремя спальнями, высокими потолками и маленьким балконом, выходящим на прямоугольник парка. Комнаты были обставлены со вкусом и изяществом, кухня оборудована по последнему слову техники.

После того как Блум проверила все, в том числе кладовую и многочисленные кухонные принадлежности, Пайн вышла из своей комнаты.

– Красивое место. Ваш друг холостяк? – спросила Блум.

– Да, он не женат.

Блюм взяла снимок с комода. На ней был сфотографирован высокий красивый мужчина в военной форме рядом с двумя пожилыми людьми.

– Это он? – спросила Блюм.

– Да, Курт с родителями.

– Настоящий красавец и хороший друг, если разрешил вам здесь остановиться. Должно быть, у вас близкие отношения.

И она выжидающе посмотрела на Пайн.

– Я не люблю девчачьей болтовни, – ответила та.

– Как и я. Ведь мы обе уже не девочки.

Этли вздохнула.

– Я думаю, Курт хочет больше, чем просто дружбы. Нет, он совершенно *определенно* этого хочет. Но не думаю, что жизнь с ним будет хорошей идеей.

– Мешает карьера, – сказала Блюм. – Он на востоке, вы на западе?

– Да, частично дело в этом.

– А еще?

– Возможно, я сама до конца не разобралась.

– По крайней мере, честно. Мужчины могут быть простыми, а отношения – нет. По крайней мере, с точки зрения женщины.

– Однако я кое-кого встретила, я хочу сказать... парковый рейнджер.

– Правда? И как его зовут?

– Неужели вы знаете много парковых рейнджеров? – удивилась Пайн.

– На самом деле да.

– Сэм Кеттлер.

– А вот его я не знаю.

– Он работает в Гранд-Кэньон всего пару лет и был на дежурстве в «Призраке», когда исчез мужчина, выдававший себя за Приста.

– Вот как? Вы познакомились и начали встречаться? Довольно быстро.

– Я бы не сказала, что мы начали встречаться. Один раз съели вместе пиццу и выпили пива. А потом он привез пиво к моему дому – в последний вечер перед нашим отъездом. Мы посидели в его «Джипе» и поговорили.

– Должно быть, он вас заинтриговал, – сказала Блюм.

– Почему вы так решили?

– Вы только что сказали, что сели в его машину и выпили с ним пива перед тем, как отправиться в эту поездку. А ведь вы были озабочены происходящим. И легко могли отклонить его предложение. Но вы согласились. В общем, я сделала очевидный вывод.

– Ну, пожалуй, я действительно заинтригована.

– Хороший парень?

– Да.

– И на чем вы расстались?

– На самом деле ни на чем. Думаю, он захочет, чтобы мы еще раз встретились.

– А вы?

Пайн, вздохнув, потерла губы.

– Это сложно.

– Но и вы сложнее многих.

– С чего вы взяли? – резко спросила Этли.

– Я знаю о вашем прошлом, агент Пайн. О том, что произошло в вашем детстве.

– Но это не имеет ни малейшего отношения ко всему остальному.

– Вы уверены? Такой опыт оставил бы тяжелую психологическую травму у любого человека.

– У меня *нет* никаких травм. В противном случае я не работала бы в ФБР. Я провалила бы психологический тест.

Блюм кивнула.

– Ладно. Ко всему прочему мне известно, что вы побывали в тюрьме особого режима в Фениксе, чтобы кое-что выяснить.

Пайн холодно посмотрела на нее.

– Я никому не рассказывала о своей поездке.

– Но вы получили специальное разрешение на посещение вне приемных часов. И запрос прошел через бюрократическую машину ФБР. Я видела его след. Вы узнали то, что вас интересовало?

– Нет, не узнала, – сказала Этли тоном, который ясно давал понять, что разговор на эту тему закончен.

Блюм поставила фотографию на место.

– Что теперь? – спросила она.

– Я приму душ. От меня все еще воняет теми тремя извращенцами из женского туалета. Предлагаю вам сделать то же самое.

Пайн разделась в спальне и взглянула на свое отражение в вертикальном зеркале, висевшем на стене. Сначала на многочисленные шрамы, которые остались после самых разных схваток во время работы в ФБР. Пулевое ранение на задней части икры, которое заметил Кеттлер. Арест прошел неудачно. Ей повезло, что она тогда не погибла, но на память получила уродливую, хоть и маленькую, рану. Пуля действительно застряла в ноге, и только при помощи скальпеля хирург сумел ее извлечь. Тут ей повезло – если б пуля вышла, оказалась бы порванной артерия. Теперь

ранение выглядело как маленькая, покрытая волдырями меланома.

Шрам от удара ножом был следствием ошибки агента, с которым она работала, когда они следили за подозреваемым. К счастью, Этли сумела прийти в себя и вырубить его, так что ей и ее напарнику не пришлось заплатить максимальную цену. Шрам напоминал сороконожку.

Пайн обернулась и посмотрела на нижнюю часть спины. Этот след не имел отношения к Бюро. Виновата была штанга. Спортсменам олимпийского калибра, которые занимаются тяжелой атлетикой, нередко приходится делать операции на пояснице.

Она не сумела заставить себя посмотреть на татуировки на дельтовидных мышцах: Близнецы и Меркурий. И не стала поднимать руки, чтобы увидеть надписи на каждой: «Без Мерси» или «Без пощады», это как посмотреть.

Нет, не слова тут были главными. Имя.

Она приняла душ, позволив воде и мылу смыть последствия встречи в женском туалете, вытерлась, надела свежую одежду и руками привела в порядок волосы.

Когда Пайн зашла на кухню, она обнаружила, что Блум жарит овощи в масле.

– Что вы делаете? – спросила Этли.

– Нам обеим требуется домашняя еда. А ваш приятель оставил полный холодильник продуктов. Я полагаю, мы можем их использовать?

– Он так сказал. Я оставлю ему чек за продукты, которые мы съедим. Значит, вы готовите?

– Мне приходилось кормить шестерых детей. Так что я научилась. Хотя на самом деле в большинстве случаев это были гамбургеры, сэндвичи и сыр. Когда у тебя шестеро детей, приготовить нормальную еду довольно сложно. Кроме того, я ходила на работу. Ваша мать готовила?

Пайн не стала отвечать на вопрос. Вместо этого села на кухонный стол и взяла лэптоп.

– Продолжаете работать? – сказала Блум, посыпая перцем овощи. – Мы только что проехали почти через всю страну. Вы могли бы часок отдохнуть.

Этли напечатала несколько слов и теперь ждала, когда закончится поиск.

– Если честно, я давно уже не спала так хорошо, пока вы вели машину, – призналась она.

– У вас замечательная машина. У моего бывшего была похожая. Но до вашей ей далеко. К несчастью, он ничего не понимал в автомобилях. В

конце концов ее пришлось отправить на свалку.

– Человек, который владел этим «Мустангом», был особенным. Он очень много помогал мне, когда я начинала работать в Бюро. Если б не он, я не стала бы такой общительной.

По губам Пайн промелькнула быстрая улыбка, словно чтобы превратить в факт то, что было лишь предположением для большинства людей, которые знали ее.

– Аллилуйя за друзей, – сказала Блюм.

– Что вы готовите?

– Курицу по-милански. У меня очень неплохо получается, и не важно, что я это сама говорю. Я нашла булочки чабатта, которые намерена разогреть в духовке. Хотите сделать салат? Все нужное лежит в холодильнике. Только не берите рукколу, она для курицы.

Этли встала, вымыла руки и вытерла их кухонным полотенцем. Потом достала из шкафчика большую миску, распахнула дверцу холодильника и взяла все, что нужно для салата.

– Должна признаться, я даже представить не могла, что мы будем готовить себе ужин на Восточном побережье или в любом другом месте.

– Жизнь непредсказуема, – ответила Пайн, разрезая помидоры и огурцы на доске, взятой в шкафчике.

Блюм подготовила котлеты из куриных грудок, которые сначала смазала простым греческим йогуртом, а потом обваляла в панировочных сухарях с майораном, базиликом и тимьяном. Затем полила сковороду оливковым маслом первого отжима и поджарила котлеты по три минуты с каждой стороны.

Закончив делать салат, Пайн накрыла на стол и поставила тарелку с зеленью.

Блюм выжала лимон на готовые котлеты и выложила их на рукколу. Затем достала из духовки булочки и отправила их в корзинку, в которую предварительно постелила салфетку.

– Я заметила, что у вашего друга есть винный шкаф, – сказала она, махнув рукой в сторону кухонной стойки. – Я предпочитаю красное вино, но «Шардонне» или, еще того лучше, «Пино Гриджио» больше подойдут к курице. Хотите проверить, пока я все разложу по тарелкам?

Через минуту Пайн принесла откупоренную бутылку «Пино» и бокал в одной руке, а бельгийский эль – в другой.

– Вот лучшее белое вино для меня, – сказала она, показывая пиво.

Налила вино в бокал для Блюм и поставила его перед ней, после чего села за стол.

Секретарша чокнулась своим бокалом с бутылкой пива Этли.

Некоторое время они ели молча.

– Очень вкусно, – наконец сказала Пайн.

– Я могу показать вам, как это делается.

Сначала Этли никак не отреагировала на ее предложение.

– Вы знаете, было бы замечательно. Если честно, я не слишком хорошо готовлю.

– Чем проще, тем лучше. И нужны свежие продукты.

– Верно. Думаю, вы могли бы научить меня готовить несколько блюд. – Пайн отвела взгляд и сделала глоток пива.

Блюм внимательно посмотрела на нее.

– Для Сэма Кеттлера?

– Вы о чем?

– О, да бросьте, агент Пайн. Я слишком стара, чтобы мной манипулировать.

Этли улыбнулась.

– Ладно, он мне *нравится*. Кажется, мы подходим друг другу.

– Ну, благодарение богу; нет такого закона, который это запрещает. Вы сказали, что нравитесь ему, и после того, что рассказали мне, я тоже так думаю. И не важно, считаете вы, что это сложно или нет, – вам следует с ним встретиться, когда вы вернетесь.

– *Если* мы вернемся, – сказала Пайн, вновь став серьезной.

– Признаю свою ошибку. Ну, и каким будет наш следующий шаг?

Пайн положила нож и вилку и взяла бутылку пива.

– Брат Бена Приста дал мне его домашний адрес. Это в Старом городе, в Александрии. Я предполагаю, что за домом следят, поэтому мы будем наблюдать за наблюдателями – и одновременно проведем небольшую разведку.

– Хорошо.

– Затем – семья Эда Приста. Мне нужно войти с ними в контакт так, чтобы никто не узнал.

– Но разве они не находятся сейчас под охраной?

– Я не знаю. У меня не получилось поселить их на настоящей конспиративной квартире. Но мне сообщили, что ФБР за ними следит. Возможно, охрану отозвали после того, как заместитель директора позвонил Доббсу.

– Кроме того, есть еще люди из вертолета, которые забрали братьев Прист. Как вы думаете, где они могут сейчас находиться?

– Ну, я могу выдвинуть кое-какие предположения...

Блум сделала глоток вина и задумчиво посмотрела на своего босса.

– Кто они такие? И, что еще важнее, где их база?

– Я узнала тип вертолета.

– И?..

– «UH-72А Лакота». Мне доводилось на них летать.

– А кто их использует? – спросила Блум.

– Главным образом армия Соединенных Штатов.

Глава 27

Курт Феррис также оставил для Пайн свой автомобиль – «Киа Соул». Перед тем как перебраться в округ Колумбия из дикого Форт-Брэгга, в штате Техас, он ездил на «Додже Рэм» с открытым кузовом и двойными задними колесами. Однако «Рэм» оказался слишком большим для улиц и парковок Болстона, и Курт сменил его на «Киа». Пайн знала, что ему это не нравилось, потому что он сам рассказал ей об этом. Он говорил, что чувствует себя слабаком на колесах.

Она припарковалась на обочине Ли-стрит в Старом городе Александрии, штат Вирджиния, в пяти коттеджах от дома Бена Приста, построенного в девятнадцатом веке. Это был престижный исторический район, растянувшийся вдоль берега реки Потомак.

С помощью «Гугла» Пайн узнала, что дом Приста стоил более двух миллионов долларов. Интересно, какого рода работой он занимался, чтобы обеспечить себя таким жилищем? Например, позволил другому человеку занять его место и спуститься на муле на дно Гранд-Кэньон, а потом исчезнуть? Прист говорил про «отмывание» людей, но она ему не поверила. Быть может, ей следует еще подумать над теми его словами.

Прист сказал ей, что служил в американской разведке до того, как завести собственное дело. Если бы Пайн могла использовать возможности Бюро, она сумела бы заглянуть поглубже в прошлое этого человека, отыскать, на какое агентство он работал и какого рода задания выполнял. Однако сейчас Этли делала то, чего делать не следовало, поэтому официальные ресурсы были ей недоступны.

Некоторое время она наблюдала за домом – и вскоре поняла, что никто, кроме них, им не интересуется.

И тут у нее появилась возможность сделать следующий ход.

Пайн уже видела эту женщину раньше, когда та выходила из своего дома. Она была соседкой Приста, и не просто соседкой – их дома стояли совсем рядом. Этли проверила их со стороны заднего входа и обнаружила, что дворы разделяет лишь невысокая ограда. Возможно, Прист и эта женщина общались друг с другом.

Женщине было за шестьдесят; редущие седые волосы уложены так, что сразу становилось понятно: у нее есть деньги и она любит себя побаловать. Такой же вывод Пайн сделала, глядя на ее одежду от дорогих дизайнеров, туфли и солнечные очки. Загорелая кожа и хорошая

физическая форма; еще она производила впечатление человека, привыкшего отдавать приказы, а не выполнять их. Ее наблюдения подтвердила горничная или домоправительница в форме, которая относила в дом многочисленные сумки из бордового «Ягуара» последней модели, с опускающимся верхом.

Со своего наблюдательного пункта Пайн в бинокль сумела прочесть названия магазинов на сумках и пакетах: «Гуччи», «Диор», «Луи Виттон» и «Эрмес». Зал славы моды.

У Пайн не было ни одной вещи прославленных брендов. Ее выбором скорее был «Андер армор»^[20], но даже если б у нее и появилось желание приобрести что-то в этих магазинах, она не могла бы позволить себе ничего из того, чем они торговали. Этли сомневалась, что ей по карману даже *пакеты*, в которые они складывали покупки. Ко всему прочему ее размеры не подходили под стандарты высокой моды. Она была большой в тех местах, которые по общественным нормам должны быть маленькими, и маленькой там, где следовало быть большой.

Когда женщина повернулась и зашагала по улице, осторожно переставляя ноги в туфлях на очень высоких каблуках по неровно уложенным плиткам тротуара и одновременно проверяя свой телефон, Пайн выбралась из «Киа» и пошла по улице параллельно женщине. Она рассчитала все так, чтобы встретиться с ней в начале следующего квартала.

– Прошу меня простить, мэмм...

Женщина остановилась и неодобрительно посмотрела на Пайн, одетую в джинсы, ветровку и сапоги.

– Мне не нужно то, что вы продаете, – тут же заявила она низким, хорошо поставленным голосом.

– Дело не в этом.

– И у меня нет наличных, если вы просите милостыню.

Женщина двинулась дальше, и Этли последовала за ней.

Та остановилась и достала телефон в золотом футляре.

– Я позвоню в полицию, если вы не оставите меня в покое.

– Я и *есть* полиция, – сказала Пайн, доставая значок ФБР.

Женщина медленно опустила телефон.

– Вы из ФБР? Не может быть.

– Но это так, – сказала Пайн.

Женщина сурово оглядела ее с головы до ног.

– Вы не так выглядите, – наконец заявила она.

– В этом весь смысл, когда ведешь наблюдение, – объяснила Пайн.

– Вы за кем-то следите? – На лице женщины появился ужас, а потом

она выпалила: – Что натворил Джеффри?

– Джеффри?

– Мой муж. Он инвестиционный менеджер. Они постоянно делают что-то незаконное. Он мой *второй* муж, – добавила она, словно это освобождало ее от любой ответственности. Потом ее рука метнулась к груди. – Слава богу, я держу свои активы отдельно. Маленький подлец...

– Я здесь не из-за Джеффри. Меня интересует ваш сосед.

– Мой сосед? Какой именно?

– Бен Прист.

Женщина совсем иначе взглянула на Пайн, и в ее глазах появилось понимание.

– Да, он любопытный тип, этот Прист.

– Как вас зовут?

– Мелани Ренфро.

– Вы давно здесь живете?

– Да. Двадцать лет. Джеффри переехал ко мне после свадьбы. Он жил в округе Колумбия. Капитолий. Но я ни за что не согласилась бы туда перебраться, даже если б мне приплатили. Налоги там в два раза больше, чем в Вирджинии. Так что у него было только два варианта: либо он переезжает сюда, либо свадьбы не будет.

– Вы не хотите выпить кофе?

– На самом деле именно туда я и направляюсь.

Пайн последовала за Ренфро в кафе на Кинг-стрит, главной улице, которая пересекала Старый город и реку Потомак. Они сделали заказ, получили кофе и, взяв чашки, направились к столикам. Больше в кафе никого не было, хотя мимо по улице проходили люди – главным образом матери с колясками, а также мужчины и женщины в деловых костюмах и с портфелями.

Ренфро сделала глоток кофе и промокнула губы бумажной салфеткой.

– Что натворил Бен?

– Вы сказали, что он любопытный тип.

Женщина кивнула и огляделась по сторонам, словно являлась героиней фильма и проверяла, не подслушивает ли их кто-то. Перехватив взгляд Пайн, усмехнулась.

– Это так волнующе... – сказала она. – А я думала, что самым интересным событием сегодняшнего дня будет окраска волос и восковая депиляция. Но *это* намного лучше. И куда менее болезненно, чем депиляция.

– Рада, что могу доставить вам удовольствие. Итак, Прист...

– Верно. Он перебрался сюда около... семи лет назад. Тогда я еще была замужем за Паркером, моим первым мужем. Он умер от сердечного приступа четыре года назад. Два года спустя я вышла за Джеффри. Некоторые мои друзья посчитали, что слишком рано. Но в моем возрасте нельзя знать, сколько тебе осталось. Нужно сжечь свечу до конца, ведь так?

– Верно. Значит, вы знакомы с Пристом?

– О да. Мы встречались на обедах, вечеринках и барбекю. Кстати, у меня есть превосходный поставщик продуктов, обеспечивающий крупные мероприятия, если вам потребуется.

– И какое он производил на вас впечатление?

– О, он был повсюду и занимался буквально всем. Может легко и красиво поддержать разговор на любую тему. Прист знает несколько языков. А еще он высокий и красивый. Я часто его приглашаю, потому что он неизменно вызывает интерес у моих гостей и нравится подругам. Он с ними флиртует, ничего серьезного, но они довольны. Казалось, он умеет играть роль и знает, как оказаться в центре внимания.

– Он вам рассказывал, чем зарабатывает на жизнь? – спросила Пайн.

– Он говорил, что преподавал в Англии, в Кембридже или в Оксфорде, ну, в одном из них. А потом заработал деньги на удачных инвестициях и стал путешествовать по миру. Я думаю, у него приличное состояние. Но он ведет странный образ жизни. Надолго исчезает, а потом в два часа ночи к его дому подъезжает такси.

– Он никогда не упоминал о том, что работает на правительство?

– Послушайте, если вы из ФБР, я готова вам помочь. Но я совсем вас не знаю. А в наши дни так легко подделать значки и документы...

– Прекрасно вас понимаю. Я разыскиваю Бена Приста, потому что он исчез в Аризоне. Именно там находится офис, в котором я работаю.

– О господи, – воскликнула Ренфро. – А вам известно, что с ним случилось?

Этли убрала в сторону волосы, чтобы показать рану, которую получила, когда «Эксплорер» врезался в дерево.

– Я была с ним, когда его похитили. Меня едва не убили. Я не люблю, когда похищают людей. И еще меньше, когда меня пытаются убить.

Кровь отхлынула от лица Ренфро.

– О господи, бедняжка...

– Вот почему мне важна любая ваша помощь, – продолжала Пайн.

– Конечно. Иногда я думала, что Бен – шпион. Ну, он такой умный и легко говорит на разных языках... А еще он похож на Джеймса Бонда, верно? Я видела его в смокинге. Проклятье, будь я на двадцать лет моложе,

могла бы с ним сбежать. Джеффри великолепен и зарабатывает кучу денег, но он точная копия Дона Риклса^[21].

– Хорошо... А он когда-нибудь приглашал вас к себе в гости?

Ренфро выглядела удивленной.

– Теперь, когда вы сказали, я поняла, что не приглашал... Нет, подождите, я ошиблась. Один раз мы выпивали у него на заднем дворе.

– Но в доме вам бывать не доводилось?

– Нет. Наверное, я об этом никогда не задумывалась... Ну, он же мужчина. А я люблю устраивать вечеринки у себя дома. Возможно, у него там беспорядок... Не стоит забывать: Бен холостяк. – Она немного помолчала. – Подождите, он голубой? Если так, четыре мои подруги будут сильно расстроены. И если честно, я тоже.

– Нам об этом ничего не известно, – ответила Пайн. – А он никогда не говорил ничего странного?

Ренфро сделала несколько глотков кофе, размышляя над новым вопросом.

– В каком смысле странного?

– Ничего конкретного. Просто ваши впечатления.

– Ну, кое-что *было*... Я устроила вечеринку под открытым небом. Совсем недавно.

– И что произошло?

– Ну, Бен, как всегда, был обаятелен и развлекал гостей рассказами о своих путешествиях за океаном...

– Вы не запомнили, где именно?

– Пожалуй, нет. Дайте-ка подумать... Он что-то говорил о том, как случайно перешел границу, и ему ужасно повезло, что он сумел вернуться обратно целым и невредимым.

– Продолжайте.

– Теперь я припоминаю. Он сказал «Станы». Я не совсем поняла, что он имел в виду...

– Один из «станов». Узбекистан, Казахстан... Республики, которые входили в Советский Союз. Центральная Азия.

– О, тогда понятно, – продолжала Ренфро. – Звучит разумно. Ну, что я могу сказать? Я пошла в колледж, чтобы найти мужа... Бен сказал: мир непредсказуем, и никогда не знаешь, что может случиться. А я спросила у него, имеет ли он в виду что-то конкретное.

– И что он ответил?

– Он сказал: «Мне придется подождать, чтобы узнать ответ».

– И как вы отнеслись к его словам?

– Ну, он рассмеялся, выпил вина, игриво похлопал меня по руке и сказал, чтобы я его не слушала и что он просто шутит. Слишком много спиртного. Однако дело в том, что вечеринка тогда только началась. И это был второй его бокал.

– А он когда-нибудь еще вел себя подобным образом?

– Ну, нет, пожалуй... Во всяком случае, именно так. Он показался мне встревоженным. Я помню, что обратила внимание на то, как Бен отрешенно смотрит в пространство. Прежде он никогда так не вел себя на моих вечеринках. Он всегда находился в центре внимания, развлекал гостей... И это показалось мне странным.

Пайн достала телефон и показала Ренфро рисунок, который сделала Дженнифер Ядзи.

– Вы видели этого человека здесь? С Пристом?

Ренфро внимательно посмотрела на экран.

– Вы знаете, лицо кажется мне знакомым...

– В каком смысле?

Ренфро откинулась на спинку стула и позволила солнечному свету упасть на свое лицо.

– Я не слишком хорошо сплю, и так было всегда, – призналась она. – Моя мать страдала от бессонницы; наверное, я унаследовала это от нее. – Она наклонилась вперед и взяла чашку с кофе двумя руками. – Я находилась наверху. Вернулась из кухни с чашкой чая и выглянула из окна на улицу. Было что-то около часа ночи, но светло как днем, из-за полнолуния. По улице проехала машина и остановилась перед домом Бена.

– Какая машина? Такси?

– Нет, обычный автомобиль. Но в наши дни это мог быть «Убер» или что-то в таком же роде... Из машины появился мужчина, подошел к ней сзади, водитель открыл багажник и достал из него чемодан. А когда мужчина поднял голову, я смогла его разглядеть. – Ренфро постучала по экрану телефона Пайн. – Он был очень похож на этого человека.

– Он вошел в дом Приста?

– Дверь открылась, мужчина вошел, и дверь тут же захлопнулась.

– Вы думаете, дверь открыл Прист? – спросила Пайн.

– Я не видела его, но кто еще это мог быть?

– Вы потом видели того мужчину?

– Нет.

– Когда это было?

– Я могу сказать совершенно точно, потому что Джеффри уехал в командировку. Десять дней назад. – Ренфро посмотрела на Пайн, которая

уоставилась в пустоту. – Это вам поможет?

– Да, наверное.

– Если он шпион, может быть... ну, я даже не знаю... наши враги его поймали, – взволнованно предположила Ренфро.

«Или его поймали мы», – подумала Пайн.

Глава 28

Кэрол Блюм поправила зеркало в «Мустанге», чтобы удобнее было наблюдать за домом Эда Приста.

Она пришла к выводу, что он очень неплохо устроился. Эд Прист жил с семьей в престижном районе Бетесда, штат Мэриленд, в двухэтажном кирпичном доме, выкрашенном в белый цвет, с боковым гаражом на три машины. Двор находился в идеальном состоянии – как водолюбивые цветы, так и лужайки, что показалось Блюм необычным. А еще мульчирование!.. Она содрогнулась.

Слегка напряглась, когда из гаража на улицу выехала машина.

За рулем сидела Мэри Прист, на заднем сиденье устроились два маленьких мальчика.

Когда кроссовер «Лексус» проезжал мимо нее, Блюм успела разглядеть профиль Мэри Прист через открытое окно. Бледное, измученное лицо, лихорадочно-красные щеки. Очевидно, женщина переживала тяжелые времена и явно не рассчитывала на изменения к лучшему, хотя ее с сыновьями отпустили из конспиративной квартиры, проживание в которой организовала Пайн.

Блюм направилась вслед за Прист, и обе машины выехали на одну из главных улиц, ведущих в центр Бетесды. Мальчики были школьного возраста, но после того, что произошло, Мэри, вероятно, решила не отпускать их пока на занятия.

Блюм следовала за ними на значительном расстоянии – машин на улицах было совсем немного, и «Мустанг», конечно, привлекал внимание.

«Лексус» остановился возле дома на одной из небольших улиц Бетесды. Над входом висела табличка – образовательный центр, где дети углубленно изучали математику, английский и другие предметы. Прист вышла из машины и повела сыновей внутрь, а Блюм удалось найти свободное место, чтобы припарковаться на противоположной стороне улицы.

Через пять минут Мэри Прист вышла, но не стала садиться в машину, а зашагала по улице. Блюм выбралась из «Мустанга» и последовала за ней.

Приближался полдень, и Блюм предположила, что Прист решила сходить в магазины, пока дети на занятиях. Но она свернула в сторону кинотеатра, купила билет, и Блюм последовала ее примеру.

Они вошли в пустой зал. Прист заняла место в центре, Блюм села

через несколько рядов за ней.

Теперь оставалось только ждать. Сначала она подумала, что у Прист с кем-то назначена встреча, но женщина не проверяла телефон, не смотрела на часы и не поглядывала в сторону входа. Она не сводила глаз со сложенных на коленях рук.

Когда начали показывать рекламный ролик, Блюм решила рискнуть. Она встала, прошла по ряду, где сидела Прист, и уселась рядом с ней.

Та даже не повернула головы в ее сторону, полностью погруженная в собственные мысли.

Теперь у Блюм появилась возможность изучить ее более внимательно. Возраст не более сорока, миниатюрная, темно-русые волосы до плеч. Аккуратная одежда, отсутствие лишнего веса, кремовые брюки, туфли без каблучков, легкая синяя рубашка без рукавов открывает изящные загорелые руки. Сумочка от «Кейт Спейд» на соседнем сиденье.

И тут Прист попыталась смахнуть слезы с глаз, а потом расплакалась по-настоящему и закрыла лицо руками.

Блюм раскрыла сумочку, вытщила упаковку салфеток и протянула ее соседке.

Та увидела ее, вздрогнула и посмотрела на Блюм. Но заметив, что рядом сидит немолодая женщина, сразу расслабилась, улыбнулась и поблагодарила ее. Вытащив несколько салфеток, вернула упаковку, вытерла глаза и высморкалась.

– Я... я думаю, это аллергия, – сказала она, не глядя в глаза Блюм.

– Я думаю, это жизнь. Я не раз сидела в кинотеатрах, и у меня тоже возникали проблемы с «аллергией».

Прист негромко рассмеялась – и тут же немного смутилась.

– Я даже не хотела смотреть этот фильм и купила билет только из-за того, что он идет именно сейчас.

– Я поступила так же, – ответила Блюм. – Просто хотела уйти из дома и немного отвлечься.

– Меня зовут Мэри.

– Кэрол, – представилась Блюм. Они пожали друг другу руки. – Время ланча уже почти наступило, если вы не против. В моем возрасте я начала ждать момент, когда можно будет поесть. Да и вам, судя по вашему виду, самое время перекусить.

– Я уже и не помню, когда ела в последний раз. Вы живете... где-то здесь?

– Нет, я приехала из другой части страны. У меня тут друзья, но сегодня они работают. Вы знаете хорошее кафе где-нибудь поблизости?

– Да.

– Может быть, сходим туда? – предложила Блюм.

Прист рассмеялась.

– Мне нужно убить время, так какого черта, почему бы и нет?

Они вышли из кинотеатра, и Мэри повела Блюм на другую улицу.

– Это французское кафе. У них хорошее меню, пусть и немного выходящее за рамки правильного питания, но мне сейчас не помешало бы выпить вина.

Блюм одобрительно кивнула.

– Звучит привлекательно. Я давно перестала считать калории или ограничивать себя в алкоголе.

– Я с нетерпением жду этого времени, – с тоской ответила Прист.

Официант провел их к столику.

– Конечно, звучит как клише, но я умею слушать, – сказала Блюм, когда они сели и принялись изучать меню. – У меня шестеро детей, и я в разводе, который, приходится признать, получился не слишком мирным. У меня полно внуков, часть из них я даже не видела. Я много путешествовала и обладаю большим жизненным опытом, так что если хотите выговориться, я готова предоставить вам превосходный анализ диванного эксперта.

Прист улыбнулась и потерла глаза.

– Господи, такое впечатление, что мне вас послали небеса.

– Пути Господни неисповедимы, – сказала Блюм.

Они заказали по бокалу «Мерло», и каждая сделала по глотку, прежде чем Прист приступила к рассказу.

– Моя история может показаться безумной, даже для такой опытной женщины, как вы.

– Ладно.

– Дело в моем муже.

– Ну, *это* не кажется мне безумным.

– Нет, нет, вы не понимаете. Он меня не обманывает, ничего такого. Эд хороший человек.

– Тогда что, Мэри?

Прист покачала головой.

– Вы мне не поверите.

– Не беспокойтесь, просто расскажите.

– Мой муж... Ну, все началось с его брата.

– Что именно?

– Он занимается чем-то странным, но я толком ничего не знаю. И мы оказались вовлечены в его дела.

- Чем-то странным? Вы имеете в виду что-то криминальное?
- В том-то и дело, что я не имею ни малейшего понятия. Могу лишь сказать, что мой муж уехал, даже не сообщив мне куда. Он никогда прежде так не поступал... Господи, он самый обычный дипломированный бухгалтер.
- Ваш муж до сих пор не вернулся?
- Нет, возникли новые обстоятельства. В наш дом пришло проклятое ФБР и заявило, что они будут нас защищать.
- Боже мой! И вы думаете, что это связано с братом вашего мужа?
- Должно быть. Я хочу сказать, что ничего подобного прежде не случалось.
- А вы говорили с мужем?
- Нет, с тех пор, как он уехал. Я в ужасе. Я даже не знаю, всё ли с ним в порядке.
- Но вас больше не охраняют? Ну, я хочу сказать, что рядом не видно агентов ФБР.
- Это еще одна странность. Они просто взяли и ушли. И сказали, что всё хорошо. Мол, ложная тревога.
- И что вы стали делать?
- Я поступила, как любая другая жена, – к дьяволу слетела с катушек, извините за выражение.
- Ну, я на вашем месте вела бы себя так же.
- Я стала кричать парням: «Где мой муж? Что все это значит? Какое вы имеете отношение к тому, что происходит?»
- И что они ответили?
- А ничего. Просто ушли. Я взяла телефон и начала обзванивать друзей и коллег по работе Эда. Но никто из них ничего о нем не слышал.
- И брат?
- Я и ему позвонила, но он не ответил. Я оставила несколько сообщений. Ничего. Ублюдок... Он с нами практически никак не связан. А теперь такое!..
- Но у вас нет уверенности, что он имеет к происходящему отношение?
- Почему он в таком случае не перезвонил?
- А далеко он живет?
- В Старом городе. Старый город Александрии. Это в Северной Вирджинии, на противоположном берегу реки.
- Вы бывали у него дома?
- Я отправилась к нему в тот день, когда агенты ФБР уехали. Я стучала

и стучала. Никакого ответа.

– Полагаю, у вас нет ключа от его дома? Вы могли бы проверить, всё ли с ним в порядке. Быть может, он получил ранение или ему стало плохо...

В ответ Мэри порылась в сумочке и вытащила ключ.

– Ключ у меня есть. У Эда он появился довольно давно. Брат, наверное, о нем забыл. Он ему дал ключ, когда надолго уехал из города, хотел, чтобы Эд заезжал к нему и проверял, всё ли там в норме.

– И вы зашли туда? – спросила Блюм.

– Я побоялась. Кроме того, там стоит сигнализация, а код знает только Эд. И он никогда не входил туда без брата.

– Да, впечатляющая история... Я хотела дать вам какой-то совет, но никак не ожидала услышать нечто подобное. Мне показалось, что у вас домашние неприятности или проблемы на работе, может, у кого-то из родственников...

– Понимаю. Но мне стало намного легче от того, что я все вам рассказала. Мне казалось, я схожу с ума. Так и было. А потом появились вы, точно ангел небесный...

Блюм почувствовала укол совести, но ее лояльность была отдана не Мэри Прист. На кону стояли очень серьезные вещи.

– Я рада, что наши пути пересеклись, – искренне сказала она.

Женщины сделали заказ и продолжали беседовать после того, как принесли еду.

– Я думаю, вам следует продолжать звонить мужу, – сказала Блюм, – но не возвращайтесь в дом его брата. Если к происходящему имеет отношение ФБР, там может происходить что-то опасное. Вы должны думать о собственной безопасности и безопасности ваших детей. На данном этапе, я полагаю, лучше ничего не предпринимать. Если брат вашего мужа вовлечен в преступную деятельность, разумно держаться от него подальше.

– А мне следует сообщить о том, что Эд пропал? Он ведь действительно исчез. Боже мой, я не могу поверить, что произношу эти слова. Мой бедный муж...

Блюм задумчиво посмотрела на нее.

– Подождите еще день. А потом можете всерьез подумать о том, чтобы обратиться в полицию. Я сожалею, что вы втянуты в этот кошмар. Вы показались мне хорошим, заботливым человеком. И не вызывает сомнений, что вы не имеете к происходящему никакого отношения.

На глазах Прист снова появились слезы.

– Я знаю. Понимаете, моя жизнь и без этого дерьма совсем непростая. Мне нужно вырастить двух сыновей. Эд обеспечивает нам высокий уровень жизни, но ему приходится очень много работать. По большей части я одна с детьми. До настоящего момента все было нормально. Но сейчас я просто не могу представить, где может находиться мой муж.

Они заговорили о своих семьях, а когда закончили есть, Блюм спросила:

– Почему бы вам не зайти в туалет, чтобы освежиться? Ваш макияж не потек, о нем можно не беспокоиться, но глаза покраснели и припухли. – Она достала бутылочку «Визина» из сумочки и протянула ее Прист. – Я пригляжу за вашими вещами. И заплачу за ланч; я настаиваю.

– О нет, не стоит...

– Это то небольшое, что я могу для вас сделать после того, как вы столько страдали.

Потом они дошли до образовательного центра, где и расстались.

– Огромное вам спасибо, Кэрол.

– На самом деле я ничего такого не сделала.

– Нет, сделали. Вы меня выслушали и поверили. Этого достаточно.

Они пожали друг другу руки, и Блюм направилась к своей машине.

Забравшись внутрь, она открыла сумочку и достала ключ от дома Бена Приста, который вытащила из сумочки Мэри Прист, пока та находилась в туалетной комнате.

Блюм не зря оплатила ужин.

И, может быть, они с Пайн сумеют найти мужа Мэри Прист. Лучше живого.

Глава 29

Два часа ночи – отличное время для проникновения в чужой дом.

Так думала Пайн, которая сидела на корточках на заднем дворе Бена Приста и выводила из строя систему охранной сигнализации и телефонную линию. Несколько отрезанных участков проволоки, изменение внутренней цепи... теперь она сможет войти внутрь, и система безопасности ничего не заметит.

Этот фокус не входил в курс подготовки агентов ФБР, но Этли улучшала свои навыки постоянным самообразованием. Секрет ей раскрыл владелец компании, которая занималась установкой систем безопасности в частных домах. Люди и организации с глубокими карманами могли защитить себя от того, что делала Пайн, заказав более мощную трубу для проводов и усложнив систему. Однако большинство владельцев домов, даже такие, как Бен Прист, не могли себе этого позволить – или делали это недостаточно эффективно.

Этли встала, развернулась на триста шестьдесят градусов, чтобы проверить, все ли спокойно, и быстро направилась к задней двери. Она старалась держаться в тени, поскольку знала, что Мелани Ренфро страдает от бессонницы, а одно из ее окон выходит на задний двор дома Приста.

Вставила ключ, который дала ей Блум, в замок, повернула его и уже через несколько секунд вошла в дом и закрыла за собой двери – как раз в тот момент, когда на кирпичные ступеньки крыльца упали первые капли дождя.

Пайн прислушалась и убедилась, что нет никаких новых звуков, – она отлично справилась с охранной системой. Затем достала фонарик и посветила им вокруг себя, одновременно отметив, что в воздухе пахнет затхлостью. Но это ее не удивило – в старых домах, как бы тщательно за ними ни ухаживали, такое бывает.

Задняя дверь выходила в прихожую с встроенными полками, в углу стояли резиновые сапоги. Этли сразу направилась в соседнее помещение – кухню. Та оказалась маленькой и не слишком хорошо оборудованной. Рассмотрев ее в свете фонарика, Пайн увидела, что техника давно устарела, мебель куплена несколько десятилетий назад, на полу линолеум. Она открыла холодильник и увидела, что тот совершенно пустой и не слишком чистый.

Этли проверила все ящики и шкафы. По большей части они также

были пустыми. Всего несколько тарелок и кухонных принадлежностей, причем у нее появилось ощущение, что они здесь для вида или принадлежали прежним владельцам.

Дождь заметно усилился, и Пайн слышала, как он стучит по крыше и барабанит в окна. Потом вспышка молнии озарила внутреннюю часть дома, и почти сразу последовал оглушительный удар грома.

Она перешла из кухни в маленькую столовую; впрочем, мебели здесь не было никакой, и эта комната только называлась столовой. Вдоль стен шла изящная рейка для защиты от спинок стульев, покрытая толстым слоем пыли; ее давно следовало покрасить. С потолка свисала старомодная люстра в форме ананаса.

Пайн рассчитывала, что у Приста есть кабинет в доме, и поняла, что не ошиблась, когда распахнула дверь напротив столовой, по другую сторону коридора. Она направила внутрь луч фонарика – и увидела большой прямоугольный стол для двоих, кожаное кресло и стенной стеллаж, заполненный книгами, а также настольный компьютер и маленький деревянный картотечный шкаф. Этли сразу поняла, что этой комнатой совершенно определенно никто не пользовался.

Она все тщательно проверила. Картотечный шкаф оказался пустым.

Ящики письменного стола – тоже.

Пайн открыла и потрясла каждую книгу, но наружу ничего не выпало. Ничего.

Она села за компьютер, не сомневаясь, что тот защищен паролем. Но ей его даже не предложили ввести. Все было стерто. Жесткий диск либо изъяли, либо уничтожили.

Дерьмо.

Оставался один вопрос: это сделал Бен Прист или кто-то другой?

Пайн вышла из кабинета и по узкой лестнице поднялась на второй этаж.

Там обнаружили три спальни и смежные с ними ваннные комнаты.

Этли проверила каждую, закончив обыск в спальне Приста. Она не сомневалась, что не ошиблась, поскольку лишь эта комната была обставлена. Судя по всему, Прист, как и Маргарет Митчелл, не любил принимать гостей. Переднюю спинку кровати украшала изящная резьба, в старом шкафу она нашла немного одежды, и больше ничего.

Бен очевидным образом являлся сторонником минимализма. Ванная комната была маленькой, а аптечка – пустой, как холодильник на первом этаже.

У Пайн появились сомнения в том, что Прист здесь жил.

*Или забрал все свои вещи перед отъездом на Запад.
Возможно, это сделал кто-то другой.*

Мелани Ренфро не говорила про фургоны; мебель осталась в доме, хотя ее было совсем немного.

Этли посмотрела на кровать, а потом поступила самым естественным образом – заглянула под нее.

Луч фонарика на что-то натолкнулся. Под довольно высокой кроватью было достаточно свободного места. Пайн протянула длинную руку и вытащила наружу старую картонную коробку.

Она сидела на корточках и изучала ее содержимое.

Старая баскетбольная фуфайка и древний кубок. Этли проверила дату. С тех пор прошло более двадцати лет. Она прочитала надпись: «Самому ценному игроку – футбол, Бен Прист».

Бен получил кубок в школе.

Там же лежали носки с синими полосками и без пятки.

И старый, сдувшийся баскетбольный мяч.

Зачем он сохранил эти вещи? Или просто забыл про них?

Она села на кровать и снова принялась изучать свои находки.

Фуфайка, носки, кубок, баскетбольный мяч.

Баскетбольный мяч?

Что сказал Эд Прист?

Мой брат не любил баскетбол, но знал, что он хороший игрок.

Тогда зачем он сохранил баскетбольный мяч? К тому же старый и сдувшийся?

Пайн тщательно, дюйм за дюймом, осмотрела мяч в луче фонарика.

А потом принялась ощупывать его пальцами.

Из-за роста ее пригласили играть в баскетбольную команду в старших классах, и она участвовала в соревнованиях Любительского спортивного союза. Ей довелось держать в руках тысячи баскетбольных мячей. Пальцы на уровне инстинкта знали, какой должна быть поверхность, хотя каждый был немного другим.

И Этли нашла.

Она нащупала на поверхности крошечный шов. Направила на него луч фонарика, который высветил его, идущий вдоль черной полоски всего на два дюйма. Она его не заметила бы, если бы прежде не нащупала. Пайн провела вдоль него пальцами и обнаружила выступ. Застывший клей. Этого не мог сделать производитель; кто-то что-то спрятал внутри.

Пайн достала швейцарский армейский нож, который всегда носила с собой, и разрезала шов. Кожа легко разошлась под лезвием, из

образовавшегося отверстия вышел воздух, и она разрежала мяч на две половинки.

Внутри не оказалось резиновой камеры, лишь черная подкладка под внешней кожаной оболочкой.

Этли принялась внимательно ее разглядывать и увидела флешку, приклеенную к внутренней поверхности. Именно приклеенную, а не просто засунутую через дырку. В противном случае она стучала бы, выдавая свою тайну, если б кто-то взял мяч в руки.

Пайн аккуратно отрезала флешку от подкладки, положила ее в карман, вернула мяч обратно в коробку и убрала ее под кровать.

Поднявшись на ноги, она услышала, как открылась дверь внизу.

Глава 30

Этли вытащила пистолет.

Она знала: стоит ей сдвинуться с места, и старая половица заскрипит, оповестив того, кто появился, о ее присутствии.

Посмотрела на окно, которое находилось в футе от нее. Сможет ли она до него добраться, не наступая на скрипучие половицы?

Пайн сомневалась, что у нее получится, а потому осталась стоять на месте.

Однако она понимала, что очень скоро такая стратегия станет неприемлемой.

При обычных обстоятельствах Этли заявила бы о своем присутствии и предложила «гостям» представиться. Однако она забралась в чужой дом как частное лицо и в данный момент не исполняла обязанности федерального агента. И если здесь появится полиция, у нее будут серьезные неприятности.

Но даже если это не полиция, у нее по-прежнему серьезные неприятности.

Поэтому Пайн застыла на месте и продолжала ждать.

Если это копы, они предложат тем, кто находится в доме, сообщить о своем присутствии.

Она повернула голову и посмотрела на улицу. За окном царила ночь; значит, там не было полицейской машины с зажженными сигнальными огнями.

Этли услышала шаги – кто-то прошел по половицам на первом этаже и остановился.

Она прекрасно знала, о чем он думает.

Шаг. Остановка. Оценка ситуации. Еще пара шагов. Остановка. Оценка.

Шаги стали приближаться; кто-то поднимался по лестнице.

Ситуация становилась все более рискованной; ведь она стояла на открытом месте – и ее сразу увидят, как только откроют дверь спальни.

Внезапно небо за окном озарила вспышка молнии.

Жди удара грома, жди.

От последовавшего за вспышкой грохота дом содрогнулся.

Пайн воспользовалась моментом и переместилась за дверь.

Снова шаги. Потом ей показалось, что она слышит разговор. Слов ей

разобрать не удавалось, но зато Этли поняла, что в доме больше чем один человек.

Пайн все еще считала, что на ее стороне будет преимущество, если она сумеет застать их врасплох. Если же нет, преимущество сразу перейдет на сторону противника.

Шум шагов мешался с голосами – незваные гости уже добрались до верхней площадки лестницы. Они двигались, как и она, от одной спальни к другой, пока не оказались перед последней.

Пайн следила за их продвижением по скрипу половиц.

Она застыла на месте, когда шаги послышались у самой двери в спальню.

Дверь приоткрылась на дюйм, потом резко распахнулась, но наткнулась на неровность пола и застыла, не задев Пайн.

В спальню вошли двое мужчин.

Этли осторожно выглянула из-за двери. Это были не копы, если только полиция не начала носить черные лыжные маски.

Оба мужчины были вооружены; оба слегка присели, оглядывая комнату.

Пайн надеялась, что они не повернутся в ее сторону.

Однако ее надеждам не суждено было осуществиться.

Как только один из мужчин ее заметил, Пайн ударила ногой дверь, и ее край врезался ему в лицо. Он застонал и упал назад, налетев на своего напарника. В результате дуло его пистолета дернулось вверх и палец рефлекторно нажал на спусковой крючок. Пуля угодила в потолок, и на них посыпались куски штукатурки и пыль.

Первый мужчина плюхнулся на задницу. Прежде чем он успел прийти в себя, Этли надолго вывела его из игры, с разворота врезав ему ногой в голову, при этом вложив в удар весь свой немалый вес. Он беззвучно упал на спину.

Второй громила вскочил на ноги, но прежде, чем он поднял пистолет и выстрелил, левый кулак Пайн обрушился на его челюсть; в момент удара она разогнула ноги, постаравшись максимально использовать кинетическую энергию. Затрещала кость, тип в маске уронил пистолет и застонал от боли, а Этли, не теряя времени, провела боковую подсечку, и он рухнул на пол. И сразу, не давая ему возможности прийти в себя, наклонилась над ним и ткнула указательным пальцем в глаз. Когда он взвыл и закрыл лицо ладонями, она с силой ударила его каблуком по голове.

Мужчина тихо застонал и потерял сознание, оставшись неподвижно

лежать рядом со своим напарником.

Пайн быстро обыскала их, но у них не оказалось с собой никаких документов. Тогда она сняла с лиц маски и сфотографировала обоих на телефон. Затем осмотрела оружие и также сфотографировала его.

А еще через мгновение быстро сбежала вниз по лестнице.

Она покинула дом так же, как и проникла в него. Потом обогнула кирпичную стену и заднюю часть сада и оказалась на улице уже в следующем квартале. Добежала до следующего перекрестка, свернула налево, снова вышла на улицу, где находился дом Приста, и посмотрела из-за угла, стоит ли кто-то возле него.

Она никого не увидела. Впрочем, кто-то мог сидеть в одной из машин, припаркованных у тротуара, но было слишком темно, чтобы разглядеть, кто там в них сидит.

Пайн потеряла костяшки пальцев левой руки.

Позднее нужно будет приложить к ним лед.

Это были не полицейские. И не федеральные агенты. Двое парней в лыжных масках, вооруженных пистолетами. Кто они такие? И, что еще важнее, на кого работают? И почему их заинтересовал Прист?

Этли сомневалась, что они забрались в дом из-за нее. Если б они видели, как она туда входила, то вели бы себя гораздо осторожнее перед тем, как шагнуть в единственную комнату, где она могла прятаться. Один из них вошел бы первым, чтобы выманить ее, а другой разобрался бы с ней.

Во всяком случае, она поступила бы именно так.

Пайн напряженно размышляла над тем, что произошло, и даже не обратила внимания на сильный дождь. Только после очередной вспышки молнии заметила, что стоит под одним из множества больших деревьев, росших вдоль улиц Старого города, чьи могучие корни в нескольких местах пробили кирпичные тротуары.

Она повернулась спиной к дому Приста и зашагала в сторону припаркованной «Киа».

Часы показывали начало четвертого, до рассвета осталось не так уж много времени. Пайн хотелось побыстрее добраться до дома и изучить содержимое флешки.

Но когда она подходила к машине, она заметила какое-то движение слева.

Направлявшийся к ней человек не пытался действовать скрытно.

– Мы можем поговорить?

Она обернулась – мужчина, невысокий, аккуратный, азиат, немногим старше сорока лет; в плаще, очках и шляпе из мягкого фетра с опущенными

полями. В руке он сжимал зонтик, но странным образом держал его не за рукоять.

Пайн ответила на предложение азиата, наставив на него пистолет.

Он даже не дрогнул, увидев оружие.

– Я искренне рассчитываю, что вы умный человек. Мне представляется, что наша встреча может оказаться полезной для нас обоих.

Он говорил с легким акцентом, но его английский был безупречным, пусть и немного формальным.

– Кто вы такой?

– Быть может, я сумею – хотя бы частично – объяснить деликатное положение, в котором вы оказались.

– Я вас слушаю.

– Не здесь. Нам будет удобнее в другом месте.

– Я с вами никуда не пойду.

– Однако я настаиваю, – сказал азиат.

Пайн указала на пистолет.

– Полагаю, что все козыри у меня на руках.

Он двигался так быстро, что Этли даже не сумела заметить, как зонтик зацепил пистолет и вырвал его из ее руки. Пайн внезапно оказалась безоружной, что никогда ей не нравилось.

Она присела и сделала вид, что занимает боевую стойку, затем приподняла брючину и выхватила «Беретту». Но прежде чем она успела ее поднять, азиат прыгнул вперед и аккуратным ударом выбил второй пистолет из ее руки.

Пайн выпрямилась и посмотрела на него.

– Кто вы такой? – спросила она.

Мужчина положил зонтик на капот машины, припаркованной у тротуара.

– Я настаиваю на том, чтобы вы поехали со мной. Моя машина стоит неподалеку.

– Я не поеду.

И вновь он переместился так быстро, что Пайн едва успела заблокировать его удар ногой. Однако ее отбросило на капот, и она перекатилась на противоположную сторону.

Сразу вскочила на ноги, но оказалось, что недостаточно быстро – следующая атака сбила ее с ног, и Этли ударилась о ствол дерева, проросший сквозь кирпичный тротуар.

Она встала, вытерла кровь с губ и приняла защитную стойку.

– Вы весьма упрямы, – сказал мужчина.

Пайн ничего не ответила. Он берегла дыхание. Ей никогда не приходилось драться с таким быстрым противником, даже ее инструкторы по боевым единоборствам ему уступали. Он был на пять дюймов ниже Пайн и на тридцать фунтов легче, однако ей еще не доводилось пропускать такие сильные удары.

Она сделала обманный выпад ногой, который азиат с легкостью блокировал. Это движение позволило ей оказаться в глубоком приседе, к чему она и стремилась. Пайн вышла из него с мощным ударом локтя, направленным противнику в горло. Это был умный ход, однако азиат легко ушел в сторону и ударом ноги в спину опрокинул ее на мокрый тротуар.

Пайн медленно поднялась, стряхнула грязь с брюк и подула на оцарапанные ладони.

– Я полагаю, мы оба можем признать, что ситуация становится смешной.

Этли видела только один выход.

Она бросилась вперед – и получила жестокий удар в голову, а сразу вслед за ним второй, в область живота.

Оба удара потрясли ее, но череп у Пайн был весьма прочным, а долгие годы работы с тяжестями сделали живот практически неуязвимым.

Она покачнулась, словно вот-вот потеряет сознание.

Но в самый последний момент метнулась вперед, обхватила ногами торс мужчины и его левую руку, а правую рванула вверх, сделав захват рычагом.

Момент силы ее движения был так велик, что оба рухнули на мостовую, и с головы мужчины слетела шляпа.

Пайн сжала мускулистыми ногами торс противника, одновременно стараясь завести его правую руку за голову, чтобы вывернуть плечевой сустав. Слыша его тяжелое дыхание, еще сильнее сжала торс, чтобы помешать диафрагме двигаться. Ни один человек, оказавшийся в таком положении, не сможет остаться в сознании.

Пайн подумала, что ее противник начинает слабеть.

Она ошибалась.

Указательным пальцем прижатой к боку левой руки он сильно ткнул ее во внутреннюю часть бедра, постепенно усиливая давление. Вскоре Пайн перестала чувствовать ногу, а затем через все мышцы и суставы левой стороны ее тела прошла судорога боли.

Она вскрикнула, чувствуя себя совершенно беспомощной, а он отбросил ее бесполезную левую ногу в сторону.

Еще через мгновение его правый локоть с силой ударил Пайн в

челюсть, что позволило ему полностью вырваться из ее захвата. Еще один удар локтем – он высвободил правую руку и откатился влево. Затем вскочил на ноги и нанес сокрушительный удар носком ботинка Этли в живот.

Ее вырвало тем немногим, что еще оставалось в желудке.

Она лежала на мостовой, настолько ошеломленная, что едва видела маленького мужчину, который над ней склонился.

– Я составил о вас ошибочное мнение, – сказал он, сжимая правую руку в кулак. – Вы не так умны, как мне показалось вначале.

И тут тишину ночи нарушил вой сирены.

К ним быстро приближалась полицейская машина.

Мужчина посмотрел в ту сторону, откуда доносился пронзительный вой, и это дало Пайн столь необходимый шанс.

Несмотря на то что азиат превзошел ее на всех этапах схватки и оказался более сильным бойцом, он совершил единственную ошибку: неправильно оценил длину ее ног.

Этли выбросила правую ногу вверх и носком ботинка ударила его в пах.

Противник вскрикнул, согнулся и сделал неуверенный шаг назад.

Продолжая лежать на мостовой, Пайн наблюдала, как он, все еще сгорбившись, подхватил шляпу и, спотыкаясь, скрылся в темноте под приближавшийся вой сирены.

Она медленно поднялась, подволакивая все еще плохо слушающуюся левую ногу, подняла пистолеты, отперла машину, упала на водительское сиденье и несколько секунд просто сидела, дожидаясь, когда полицейский автомобиль промчится мимо.

Должно быть, кто-то услышал выстрел и вызвал копов.

Пайн опустила стекло, выплюнула кровь вместе с частью зуба, завела двигатель и медленно отъехала от тротуара.

Оставалось надеяться, что проклятая флешка того стоила.

Глава 31

– Вам нужен еще лед, агент Пайн?

Блюм стояла перед дверью в ванную комнату.

Обнаженная Этли сидела в ванне, которую наполовину наполнила льдом из морозильника и шкафа для вина.

– Нет, достаточно! – крикнула она.

– Вы так и не рассказали мне, что произошло, – продолжала секретарша.

Пайн осторожно переместила руки и ноги в засыпанной льдом ванне.

– Я все расскажу, только дайте мне немного времени.

Чувствительность возвращалась к ее левой ноге, и теперь та пульсировала от боли.

– Принести вам чего-нибудь поесть или выпить?

– Я выпью пива.

– Сейчас семь утра.

– Тогда пусть будет два пива. И спасибо.

Пайн услышала, что Блюм ушла, и снова опустилась на лед.

Она сможет просидеть здесь еще несколько минут. За последние три часа Этли постоянно влезала в ванну со льдом и выбиралась наружу. Лед требовался, чтобы снять боль и предотвратить появление опухолей, но ее терпение не было беспредельным.

К тому моменту когда Блюм вернулась и постучала, Пайн медленно поднималась с ледяного ложа. Она завернулась в полотенце, открыла дверь и взяла одну из бутылок, принесенных Блюм.

– Вы выглядите ужасно, – сказала та. – Челюсть распухла, губы рассечены, а под левым глазом синяк. И двигаетесь вы так, словно вам сто лет. Вы с кем-то подрались или свалились с большой высоты?

– Ощущение такое, словно случилось и то и другое, – пробормотала в ответ Этли, усаживаясь на закрытую крышку унитаза и делая большой глоток пива. Потом взяла кусок льда из ванны, завернула его в полотенце и приложила к лицу.

– Я готова обменять вторую бутылку на всю историю, – предложила Блюм, продолжавшая держать в руке пиво.

Пайн посмотрела на нее и кивнула.

– Присаживайтесь, это займет некоторое время, – предложила она.

Блюм с чопорным видом уселась на край ванны и выжидательно

посмотрела на своего босса.

Этли рассказала, что произошло, начиная с момента, как она вошла в дом Приста, до неудачной схватки с азиатом и возвращения домой.

– Никого лучше я прежде не встречала, – сказала Пайн. – А я дралась с очень серьезными противниками. Но этот парень из другой лиги.

– Однако в конце концов вы одержали победу, – заметила Блюм.

Этли закашлялась, поставила пиво на пол и схватилась за бок.

– Ну, чувствую я себя совсем не как победитель...

Она встала, открыла аптечку, взяла бутылочку «Адвила», проглотила четыре таблетки, запив их водой из-под крана, и опустилась на прежнее место.

– А вы уже пробовали посмотреть, что на флешке? – спросила Блюм.

Пайн покачала головой.

– Я очень надеюсь, что там есть то, что нам поможет.

– Должно быть, Прист считал эту информацию очень важной, если так тщательно ее спрятал.

– На это я и рассчитываю. Больше в доме не оказалось ничего, что представляло бы хоть какой-то интерес.

– Могу я сделать вам что-нибудь поесть?

– Я в порядке. Просто нужно посмотреть, что на флешке, а потом мне необходимо немного поспать. Лед сделал свое дело. Я чувствую, как опухоль спадает.

Пайн пустила в ванну, освободившуюся ото льда, горячую воду, надела спортивные брюки и носки и перешла на кухню с ноутбуком и флешкой в руках. Полотенце со льдом она продолжала прижимать к лицу.

Блюм поставила перед ней стакан горячего чая.

– Перечная мята. Должна помочь от всех ваших проблем.

– От перечной мяты не запьянеешь, – проворчала Этли.

– Это совсем другое лекарство. Пейте.

Пайн положила на стол лед, сделала несколько глотков из чашки, потом открыла ноутбук, вставила флешку в порт USB, нажала на нужные клавиши – и содержимое флешки стало загружаться. На экране появилось предложение ввести пароль.

– Дерьмо! – воскликнула Пайн. – Конечно, он поставил защиту. – Она покачала головой. – И за это я позволила надрать себе задницу?

– А вы не сможете угадать пароль?

– Возможно. Если он является чем-то личным для Приста. Но если это случайно сгенерированное компьютером слово, необходимы серьезные мощности, чтобы его подобрать.

– Ну, нам что-нибудь да придет в голову, – сказала Блюм. – А у вас есть какие-то идеи относительно двух типов, которые забрались к Присту вслед за вами?

– Нет, но у меня есть возможность их проверить.

Этли взяла телефон и вывела на экран фотографии оружия.

– Не думаю, что мне доводилось видеть такие пистолеты раньше, – сказала она. – Подождите, сейчас я проверю в Интернете...

– Однажды они уже вышли на нас, – предупредила Блюм. – Разве они не могут отследить нас через ваш компьютер?

– Они смогут, если я не воспользуюсь одним из вариантов ВЧС.

– ВЧС?

– Виртуальная частная сеть. Она позволяет спрятать онлайн-отпечатки в надежно защищенных туннелях. Та сеть, которой я пользуюсь, – продолжала Пайн, – одна из самых надежных. Она позволяет входить в Интернет практически анонимно.

Этли нашла базу данных пистолетов и принялась просматривать одну страницу за другой, периодически переводя взгляд на фотографии в телефоне. В какой-то момент она остановилась.

– Проклятье, – пробормотала она.

– Что?

– Подождите.

Пайн продолжала изучать базу данных, пока не нашла фотографию второго пистолета. Она посмотрела на Блюм.

– Вот почему я их не узнала.

– И почему?

– Один – это «МП-443 Грач». А другой – «ГШ-18».

– Не вызывает сомнений, что это не американские пистолеты. Я никогда о них не слышала, – призналась Блюм.

– Верно. Они *русские*. «Грач» использует полиция, а «ГШ» – военные.

Некоторое время женщины смотрели друг на друга.

– Ну, конечно, тут замешаны русские, – наконец будничным тоном заявила Блюм. – Они всегда оказываются плохими парнями.

– Но почему? Какое отношение может иметь Москва к мертвому мулу в Гранд-Кэньон?

Ни одна из них не находила ответа на этот вопрос.

– Вы должны немного поспать, агент Пайн. Вам необходимо отдохнуть и восстановить силы. Интуиция подсказывает мне, что скоро вам потребуются все ваши умения.

– Я думаю, они понадобятся нам обеим, – ответила Этли.

Она зашла в свою спальню и разделась, потому что даже легкая ткань причиняла боль ее избитому телу. Взглянула на свой живот. В том месте, куда ее ударил азиат, остался желто-пурпурный синяк. Провела ладонью по ноге, чтобы отыскать точку, на которую надавил ее противник, чтобы избавиться от захвата. Ногу все еще покалывало. Должно быть, он нажал на нерв, о существовании которого Пайн не подозревала.

Она осторожно опустилась на постель, продолжая левой рукой держать лед у лица, а в другой сжимая «Глок». Сделала несколько глубоких вдохов, и ее пострадавшие ребра выразили свое глубокое неудовольствие.

Этли закрыла глаза и позволила мыслям вернуться к двум мужчинам в доме.

К русским.

А потом – к мастеру зонтика, столь легко надрвавшему ей задницу.

Он хотел, чтобы она куда-то с ним поехала. Сказал, что объяснит некоторые вещи и ей станет понятно затруднительное положение, в которое она попала.

Пайн хотела понять, как азиат ее нашел. Наблюдал ли он за домом Приста и видел, как она туда вошла? Или как она выходила – и просто последовал за ней?

Такой сценарий выглядел самым вероятным, потому что она постаралась войти в дом незаметно.

Связан ли азиат с двумя мужчинами, проникшими в дом? Пайн так не думала.

Значит, он их противник?

Очевидно, русские были обычными наемниками. Азиат казался чем-то большим.

Этли отложила пакет со льдом, протянула руку и взяла с тумбочки значок.

Она знала каждую грань прочеканенного металла. После того как получила его после окончания академии в Куантико, она провела всю ночь, ощупывая значок, словно читала его при помощи азбуки Брайля.

В некотором смысле – нет, в единственном смысле – фигура Юстиции олицетворяла все, из чего состоял мир Пайн. Правосудие. Речь не шла о всеобщем благе. Только о том, что правильно, а что нет, на индивидуальной основе. Для каждого человека. Потому что, если ты пренебрегаешь людьми, идея всеобщего блага становится несбыточной мечтой, созданной теми, чье представление о нем почти всегда является предпочтениями для себя и им подобным.

Пайн скрестила руки на груди. Значок в одной, «Глок» в другой.

Два ключевых компонента не только ее работы, но и, возможно, ее личности.

Кто она без них?

Потерянная, понесшая тяжелую утрату девочка из Андерсонвилля, штат Джорджия?

Пайн закрыла глаза и, уже засыпая, произнесла слова, которые повторяла уже почти тридцать лет:

Я никогда тебя не забуду, Мерси. Никогда.

Глава 32

За окном все еще бушевала непогода, когда Этли проснулась в начале вечера того же дня. Она повернулась и застонала – на нее обрушилась боль от всех ее ушибов и синяков.

Пайн побрела в ванную комнату и приняла обжигающе горячий душ, позволив воде ослабить боль, потом вытерлась, оделась и отправилась на кухню, где Блюм сидела с ее ноутбуком и чашкой кофе.

– Ваше лицо выглядит намного лучше, – заметила секретарша.

– Внешний вид бывает обманчивым.

– Налить вам кофе? Я только что сварила свежий.

– Со мной всё в порядке.

– Хотите чего-нибудь съесть?

– Я возьму сама.

Пайн открыла холодильник, достала йогурт, взяла чайную ложечку из ящика, села за стол и принялась есть.

– Так вы не восполните недостаток энергии, – заметила Блюм.

– Это в самый раз для того, кого ударили в лицо молотком, сделанным из плоти и крови. Я еще не готова что-то жевать. Или к горячим напиткам. Чай, который вы мне вчера сделали, оказал крайне неприятное воздействие на внутреннюю полость моего рта.

– Ну, ладно...

Пайн посмотрела на экран ноутбука.

– Удалось подобрать пароль? – спросила она.

– Даже близко подойти не вышло. И как мы сможем это сделать, не опираясь на ресурсы Бюро?

Этли отложила ложечку.

– Давайте попробуем учесть ситуацию, – предложила она. – Я нашла флешку в баскетбольном мяче. Вместе со старым футбольным кубком. Кроме того, там лежали спортивные носки и баскетбольная фуфайка. – Пайн помолчала и постаралась вспомнить остальное. – На фуфайке была надпись «Лига католической церкви».

– У католической церкви есть баскетбольные лиги?

– Видимо, да.

– Какой пароль у беспроводного доступа в Интернет вашего друга?

– *Semper Primus*, – ответила Пайн, а когда Блюм вопросительно на нее посмотрела, объяснила: – «Всегда первый» – это латынь. Армейский девиз.

Секретарша вышла в Интернет и принялась искать католические церкви, расположенные рядом с домом Приста.

– В Старом городе Александрии есть католическая базилика Святой Марии, совсем рядом с домом Приста.

Этли встала и взяла висевшую на спинке стула куртку.

– Вы куда?

– В церковь.

– Пойти с вами?

– Нет. Вам лучше оставаться здесь.

– Ну, раз уж вы собираетесь в храм, я вознесу за вас молитву, – обещала Блюм.

– Ну, это не причинит вреда, – бросила Пайн через плечо.

* * *

Базилика Святой Марии, с готическим фасадом из серого камня, самая старая католическая церковь в Вирджинии, находилась на Южной Ройял-стрит. Строгий вид слегка смягчали четыре пары двойных деревянных дверей с медными защитными накладками.

Дождь начал стихать, когда Пайн остановилась на противоположной стороне улицы и огляделась по сторонам. По тротуару шли какие-то люди; мимо медленно проехал пикап, чьи габаритные огни вскоре исчезли в темноте.

Табличка перед входом сообщала, что костел основан в 1795 году. Белая статуя давшей ему имя святой Марии стояла в нише, высоко над входной дверью.

Пайн вышла из машины и зашагала по улице. Дойдя до базилики и внимательно оглядевшись, стала подниматься по ступенькам.

К счастью, дверь была открыта. Этли вошла внутрь и закрыла ее за собой.

Она миновала еще одни двери и оказалась в зале богослужений с огромными окнами из цветного витражного стекла. Над алтарем с мраморным полом висел распятый Иисус. По обе стороны широкого нефа шли ряды скамеек.

Пайн и сама не понимала, зачем пришла сюда. Быть может, из-за упоминания церковной баскетбольной лиги? Сомнительная связь, если она вообще существовала. С другой стороны, больше никаких подсказок у нее

не было.

Она села в первом ряду и продолжала смотреть по сторонам, пытаясь найти то, что могло бы ей помочь.

Через некоторое время из-за двери за алтарем вышел мужчина.

Белый воротничок-колоратка указывал на то, что он священник. Высокий, почти шесть футов и шесть дюймов, достаточно молодой, явно меньше сорока, с рыжими волосами и множеством веснушек.

«Должно быть, классический ирландский священник, – подумала Пайн. – Интересно, сколько их еще осталось?»

– Привет, – сказал он. – Боюсь, вы опоздали на последнюю мессу.

– Я зашла, чтобы немного подумать. Надеюсь, я не нарушила никаких правил?

– Конечно, нет, – ответил священник. – Мы открыты для всех, кто ищет спокойное место, где можно подумать и исповедовать свои верования. – Подойдя ближе и взглянув на ее разбитое лицо, он спросил: – С вами всё в порядке?

– Я попала в автомобильную аварию несколько дней назад. Еще не все зажило.

Священник с сомнением произнес:

– Ко мне не раз приходили женщины и говорили такие же слова. Если дела у вас дома складываются не слишком хорошо, я здесь для того, чтобы выслушать. Никто не должен подвергаться дурному обращению. Я могу помочь и предложить убежище. Не исключено, что вам стоит обратиться к властям.

В качестве ответа Пайн улыбнулась и показала руку, на которой отсутствовало кольцо.

– Я не замужем. При этом занимаюсь боевыми единоборствами. На свете не так уж много мужчин, способных со мной справиться. Виноват действительно несчастный случай.

– О, я сожалею. Стоит ли удивляться – люди безответственно водят машины и пишут сообщения за рулем... – Он протянул руку. – Я – отец Пол.

– Меня зовут Ли, – ответила Пайн, пожимая его руку.

– Вы живете где-то рядом?

– Нет, я здесь в гостях. Живу на Западе.

– Широкие открытые пространства, верно?

– Да, намного более открытые, чем здесь. Святой отец, могу я задать вам вопрос?

– Конечно. Священникам задают много вопросов. Но не

рассчитывайте, что мой ответ обязательно будет правильным. – Он усмехнулся.

Пайн тепло улыбнулась в ответ.

– Я думаю, что один из моих друзей является вашим прихожанином.

– В самом деле?

– По иронии судьбы, его зовут Бен Прист^[22].

– О, Бен... Да, да, так и есть. Хотя я уже довольно давно его не видел.

– Он говорил мне, что играл в церковной баскетбольной лиге.

Отец Пол улыбнулся.

– Да, но это неформальная лига. Я основал ее примерно два года назад. Как вы, наверное, догадываетесь по моему росту, я и сам играл в баскетбол. Но Бен, хотя он и старше меня на несколько лет, исключительный игрок. Легкий форвард. Мы проводим матчи между командами церкви нашего региона. Ничего официального, но это отличные соревнования.

– Вы сказали, что давно его не видели?

– Верно. Более того, на прошлой неделе у нас была игра, но он не пришел. Я позвонил ему, однако он не ответил. Правда, Бен довольно часто уезжает... Я уверен, что он вернется. – Священник немного помолчал. – Так вы друзья с Беном?

– Да. И с его братом Эдом и его семьей.

Отец Пол наморщил лоб.

– Как странно... Бен никогда не упоминал брата.

– Эд Прист. Он живет в Мэриленде с женой и детьми.

– Хм-м-м... Ну, если подумать, Бен всегда неохотно говорит о себе. Он предпочитает слушать других.

– Да, он такой, – согласилась Пайн.

– Откуда вы его знаете?

– Через общих друзей. И знакомы мы не так давно. Я рассчитывала встретиться с ним во время этого визита. Однако он перестал отвечать на мои телефонные звонки.

– Вы заходили к нему домой? – спросил священник.

– Да. Но мне никто не открыл.

– А он знал, что вы приедете?

– Да. Мы даже строили планы, как будем проводить время.

Теперь отец Пол выглядел встревоженным.

– Надеюсь, с ним ничего не случилось.

– Я уверена, что с ним всё в порядке. Вы же знаете, он часто уезжает. – После небольшой паузы она добавила: – Вот только я не знаю куда.

Отец Пол уселся на скамейку рядом с ней.

– Вы сказали, что познакомились с Беном через его друзей. Насколько хорошо вы его знаете?

– Странно... Он производит впечатление человека, не склонного рассказывать о себе, как вы и говорили. А вы что о нем знаете?

– Вероятно, не больше, чем вы.

– Я даже не знаю, чем Бен зарабатывает на жизнь. Он как-то упоминал политику и правительство, ну, что-то в таком роде... Полагаю, многие люди здесь заняты подобными вещами.

– Да, вы правы. – Священник кивнул. – Вероятно, половина моих прихожан как-то связана по работе с федеральным правительством.

Пайн попыталась улыбнуться.

– Я знаю, это прозвучит глупо...

– Что?

– Мне всегда казалось, что Бен может быть... ну... шпионом.

Тут улыбка Пайн стала шире, словно она считала свое предположение смешным, хотя рассчитывала, что отец Пол проглотит наживку.

– По правде, я и сам так думал, – сказал он.

Этли сделала вид, что удивлена.

– Правда? И почему?

– Миллион незначительных причин, каждая из которых сама по себе ничего не значит. Но вместе они подвели меня к мысли, что он находится на *нелегальном* положении, если можно так выразиться.

– Мне очень хотелось бы его найти. Вы знаете кого-то из его друзей?

Отец Пол задумался.

– Ну, есть один человек, Саймон Рассел. Он также играет в нашей лиге. Так уж получилось, что его привел Бен. Мы сделали для него исключение, ведь он не принадлежит к нашему приходу. Насколько я понял, они вместе работали. Во всяком случае, раньше.

– И чем он зарабатывает на жизнь?

Отец Пол улыбнулся.

– Похоже, он такой же, как Бен. Ничего про себя не рассказывает. Однако у него великолепный трехочковый бросок.

– А как он выглядит?

Священник удивился.

– Вы говорите как полицейский.

– Нет, но мне хотелось бы его узнать, если мы случайно встретимся.

– Немного выше, чем я, и очень худой. У него почти не осталось волос. Небольшая бородка. Такого же возраста, как Бен... ну, может быть, чуть старше.

– Вы знаете, как с ним связаться?

– На самом деле да. Однажды я заходил к нему домой выпить с Беном и несколькими другими игроками. Мы заняли первое место в лиге в прошлом году, одержав победу в ответном матче, и Саймон под влиянием момента пригласил нас отпраздновать. Я подумал, что это очень мило с его стороны. Бен живет рядом, но он никогда нас к себе не приглашал.

– Он держится особняком, – заметила Этли.

– И это еще слабо сказано.

Отец Пол написал адрес на листке бумаги и отдал его Пайн.

– Если вы найдете Бена, – сказал он, когда провожал ее к выходу, – попросите его позвонить мне. Я хочу знать, что с ним всё в порядке.

– Я так и сделаю, – обещала Этли, оглядывая внутреннее убранство церкви. – У вас тут красиво.

– Так и есть. Но это лишь внешние атрибуты. Главная сила любой церкви, я надеюсь, прихожане. Иисус был бедняком. Вера являлась его истинным сокровищем. Вы католичка?

– Нет. Мои родители не водили нас в церковь. И, боюсь, теперь, когда я стала взрослой, у меня уже не появится такой привычки.

– Ну, это никогда не поздно.

Она печально посмотрела на него.

– Вы действительно так думаете?

Глава 33

Пайн остановила «Мустанг» у тротуара напротив дома, в котором жил Саймон Рассел, расположенного рядом с Капитолийским холмом. Как и Старый город Александрии, этот район был одним из самых дорогих и престижных. Пайн два года работала в округе Колумбия в Вашингтонском офисе ФБР. Единственное жилье, которое она могла себе позволить на оклад GS-13^[23], – дешевая двухкомнатная квартира в полутора часах езды от центра.

Чем бы Рассел ни зарабатывал на жизнь, платили ему хорошо. «Интересно, – подумала Пайн, – как выглядит его жилище внутри – такой же у него спартанский вид, как у Приста?» Впрочем, возможно, сегодня она ничего не сумеет выяснить. Несмотря на то что в доме было много окон, ни в одном не горел свет; во всяком случае, Этли его не увидела.

Она выбралась из машины, перешла улицу, свернула налево, в следующем квартале направо, оказалась в переулке и решительно направилась дальше. Еще один поворот направо, и Пайн остановилась у задней части дома Рассела. Здесь также находился гараж на одну машину, похожий на старомодные конюшни, которые она видела в Англии.

Кирпичная стена с высокими деревянными воротами окружала заднюю часть дома Рассела. Пайн проверила ворота – заперты.

Она осмотрелась, схватилась за верхнюю часть стены и подтянулась, чтобы заглянуть на другую сторону. Это простое движение едва не заставило ее закричать от боли – каждая клеточка избитого тела отчаянно протестовала против дополнительных усилий.

Продолжая держаться за верх стены, Этли окинула взглядом небольшой садик – маленький фонтан с фигурой льва посередине, несколько стульев, столик из кованого железа и надежная деревянная дверь в заднюю часть дома. Успокаивающее, хорошо организованное пространство, не представлявшее для нее никакого интереса.

С этой стороны в доме также не горел свет.

Пайн спрыгнула на тротуар и вернулась обратно, решив попытаться войти в дом с главного входа. Она подошла к двери и постучала.

Никакой реакции.

Этли снова постучала, оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, что никто не обращает на нее внимания. А также проверить, не появился ли ниндзя с зонтиком.

И постучала в третий раз.

К двери никто не подошел. Она заглянула внутрь через боковое окно. Слишком темно, чтобы что-то увидеть.

Ладно. Каков план Б?

Ей совсем не хотелось забираться еще в один дом. В прошлый раз удача ей едва не изменила. И она решила заняться самой скучной и утомительной полицейской работой, которая иногда приносила огромную пользу.

Наблюдением.

Пайн устроилась поудобнее на водительском сиденье так, чтобы постоянно видеть дом Рассела.

Вскоре после полуночи ее бдительность принесла плоды.

Со стороны Капитолия на улице появился высокий мужчина, одетый в короткий макинтош и фетровую шляпу; в руке кожаный портфель. Он поднялся по ступенькам к входной двери своего дома и достал из кармана ключи.

Мужчина уже вставлял ключ в замочную скважину, когда к нему подошла Этли.

– Мистер Рассел...

Он резко повернулся и посмотрел на нее.

– Кто вы такая? И что вам нужно?

Обычная паранойя или нечто большее?

Пайн достала значок.

– Я работаю в ФБР и пришла поговорить о вашем друге Бене Присте.

Его взгляд стал еще более подозрительным.

– Бен? Что с ним случилось? Почему им заинтересовалось ФБР?

– Мы можем войти и поговорить внутри?

После короткого колебания Рассел кивнул.

– Хорошо.

Он впустил ее в дом, отключил сигнализацию, закрыл и запер дверь. Сняв шляпу и макинтош, оставил их на вешалке в маленькой прихожей.

Этли заметила, что волосы у него действительно сильно поредели, а те немногие, что остались, продолжали расти, как хотели, – и Рассел им не препятствовал. Аккуратная бородка и усы, казалось, компенсировали недостаток волос на макушке. Он был довольно стройным, и Пайн решила, что у него пятнадцатый размер обуви, что вполне подходило для человека ростом в шесть футов и семь дюймов^[24]. Дополняли портрет длинный тонкий нос и быстрые карие глаза. Над ними на компактном лбу выделялись брови, также не знавшие, что такое порядок.

Пайн осмотрелась по сторонам. Квартира Рассела производила куда более приятное впечатление, чем жилище Приста. Мебель явно была антикварной, далеко не новой и уютной. Справа от прихожей находилась комната с камином, отделанным известняковыми панелями с изображением церкви. На стенах висели картины, написанные маслом, и Этли решила, что это подлинники.

Ковру, на котором она стояла, было не менее ста лет. Кроме того, Пайн успела заметить дорогие обои на стенах коридора и оштукатуренные потолок и стены. Чуть раньше она обратила внимание на медные водосточные трубы снаружи и покрытую шифером крышу. Теперь так уже не строят. Разве что у тебя есть достаточно денег, чтобы заплатить за такой дом.

Рассел прервал ее размышления.

– Хотите что-нибудь выпить? Или вы на работе? – спросил он.

– А что будете пить вы?

– Джин с тоником. «Бомбей сапфир» – мой любимый выбор оружия.

– Я буду только тоник, благодарю.

Рассел провел ее по коридору к большой овальной резной деревянной двери – такие обычно бывают в церквях, – распахнул ее, и они вошли в просторную комнату, обставленную как библиотека или кабинет.

Вдоль трех стен шли шкафы, заполненные книгами. Посреди комнаты стоял огромный письменный стол, под которым лежал потускневший восточный ковер. Здесь также имелся камин, а еще удобный кожаный диван и стулья. И небольшой комод, на котором стояли бутылки и стаканы.

– Со льдом? – спросил Рассел, взяв два стакана. – Для вашего тоника?

– Да, спасибо.

Он открыл филенчатую дверь шкафа, за которой оказался морозильник, разрезал лайм, лежавший в вазочке на комод, положил по ломтику в каждый стакан, затем налил джин с тоником себе и только тоник ей. Она наблюдала за ним.

Слегка встряхнув стаканы, Рассел протянул один Пайн, взял пульт управления и навел его на камин; раздался щелчок, свист загоревшегося газа, и в камине запылало голубое пламя. Хозяин дома сел на диван и указал на один из стульев.

– Приятная комната, – сказала Пайн, усаживаясь на стул и оглядываясь по сторонам.

– На самом деле я люблю здесь работать и провожу тут довольно много времени.

– И чем именно вы занимаетесь? – заинтересовалась Пайн.

Рассел сделал глоток. Выражение его лица – и до того не слишком приветливое – стало еще более холодным.

– Это вас не касается – вот первый ответ, который приходит мне в голову. Если у вас нет ордера. Но даже и тогда я не обязан отвечать. А теперь расскажите о Бене.

– Он исчез.

Рассел ничего не ответил, только слегка повернул голову и стал смотреть на синее пламя.

– Вас это не слишком удивило, – заметила Этли.

Он пожал плечами.

– Бен регулярно исчезает.

Пайн решила рискнуть, рассчитывая, что Рассел поведет себя более открыто.

– Неужели его регулярно похищают и увозят на вертолете? – поинтересовалась она.

Ее слова привлекли внимание Рассела.

– Это гипотетическое утверждение или вы говорите об известном факте?

– Он в беде. В большой беде. Давайте пока ограничимся этим.

– Я готов ограничиться этим, – заявил Рассел.

Пайн оглядела комнату.

– Если бы мне пришлось составлять ваш профиль на основании того, что я увидела у вас в доме, я написала бы, что вы из богатой семьи, много путешествовали, интересуетесь геополитикой, излишне бдительны и вас беспокоит будущее вашей страны.

– Я не стану делать наш разговор длиннее, спрашивая, как вы пришли к таким выводам.

Однако Пайн продолжала:

– Серебряный набор на столе – от «Тиффани». Монограмма показывает, что это, скорее всего, семейная реликвия. Могу спорить, что он старше, чем ваши бабушка и дедушка. Значит, вы получили его по наследству. О людях, у которых имеются такие вещи, обычно заботятся и в других отношениях. Остальные мои рассуждения основаны на книгах, многочисленных замках и системе безопасности, а также детальных картах Китая и Среднего Востока на стене.

– А беспокойство о нашей стране? – поинтересовался Рассел.

– На стене висит фотография в рамке с благодарностью предыдущего президента за службу.

Казалось, теперь Рассел посмотрел на нее совсем другими глазами. Он

сделал еще глоток джина с тоником и кивнул.

– Хорошо. Не исключено, что ваш анализ верен. Что вы хотите от меня сейчас?

– У вас есть какое-то представление о том, над чем работает Бен и могло ли это привести его к неприятностям?

– Мы не работали вместе.

– Но я слышала совсем другое, – возразила Пайн.

– В таком случае ваш информатор ошибся.

– Вы никогда не обсуждали с ним рабочие вопросы?

– На то не было никаких причин.

– А он ничего не обсуждал с вами?

– Я думал, что уже ответил на ваш вопрос.

– Он живет в Александрии, а вы – здесь. Как ему удалось убедить вас играть в церковной лиге?

– Наверное, на какой-то скучной вечеринке у нас зашел разговор о церкви и баскетболе.

– Значит, вы не имеете никакого представления о другом парне?

– О каком еще другом парне? – резко спросил Рассел.

– И о защищенном пароле послании, оставленном Беном.

Теперь хозяин дома не спускал с Пайн глаз, позвякивая льдом в стакане.

– Что с вашим лицом? – спросил он после паузы.

– Налетела на дверь, – ответила Этли.

– Да, вы на что-то налетели... Может быть, на кулак.

– Издержки профессии.

– Могу я спросить, как вы оказались вовлечены в это дело? – осведомился Рассел.

– Это моя работа.

Рассел откашлялся.

– Вы работаете в Отделе национальной безопасности Бюро? Или в разведке? – Он немного помолчал. – Но, если мне будет позволено делать выводы, скажу, что вы не похожи на сотрудника Национальной безопасности или разведки.

– Значит, вы с ними знакомы. И вам известно о существовании таких отделов в Бюро. Из чего следует, что какой-то информацией вы обменивались. – Увидев, что он не намерен отвечать, Пайн добавила: – И к какой категории, по-вашему, я отношусь?

– К тем, кто не поддается контролю, – сразу ответил Рассел.

Этли показала на полки:

– У вас тут книги на русском, китайском, корейском и арабском языках. Вы говорите на всех?

– Как и многие другие в этом городе.

– Я пришла к вам, решив, что это будет кратчайший путь к решению моей задачи; я всегда стараюсь так поступать – конечно, если есть возможность.

– Сожалею, что разочаровал вас, – сказал Рассел.

– Значит, вы просто отдельно взятые игроки одной баскетбольной команды?

Рассел сделал большой глоток, прежде чем ответить на ее вопрос.

– Он хороший легкий нападающий. – Вытер рот тыльной стороной ладони. – Может сделать отличный пас после прохода и создать себе возможность для броска. Его бросок в прыжке со средней дистанции работает как часы. Тут ему следует отдать должное. Ну а я с моим ростом живу в трехсекундной зоне. Броски в прыжке с разворотом, крюки, броски от щита, борьба за подборы. Раньше я мог забивать сверху. Теперь мои колени отказываются делать такую работу.

Пайн поставила свой стакан и встала.

– Ну, спасибо за тоник.

Рассел посмотрел на нее.

– Вы действительно работаете на ФБР? – спросил он.

Она вырвала листок из блокнота и что-то написала на нем.

– Таким образом вы сможете связаться со мной, если ваше отношение к происходящему изменится.

Рассел, не глядя, взял листок и положил на стол, стоявший рядом с диваном.

– Вы заставили меня о многом задуматься, – сказал он, позвякивая льдом в своем стакане, и огонь из камина осветил его лицо, на котором появилось облегчение.

– Как жаль, что я не могу сказать вам того же... Можете меня не провожать.

Пайн не стала возвращаться к своей машине, понимая, что Рассел будет наблюдать за ней в окно. Вместо этого она свернула налево, быстро прошла по улице, на следующем углу повернула направо и заняла позицию у дерева, откуда могла наблюдать за его входной дверью.

Она ничего не получила от Рассела, если не считать очень странных флюидов.

Двадцать минут спустя появились шансы, что все может измениться.

Из дома вышел мужчина и зашагал в противоположном направлении.

Пайн быстро подошла к «Мустангу» и медленно поехала за ним.

Глава 34

Решение следовать за Расселом на машине оказалось правильным – он прошел всего два квартала, когда рядом с ним у тротуара остановился черный внедорожник, и через мгновение Рассел уже сидел внутри. Машина быстро покинула территорию вокруг Капитолийского холма и покатила по улицам города на север.

Пайн хорошо знала округ Колумбия, поскольку раньше работала здесь. Внедорожник повернул на запад, проехал через деловой район и снова направился на север, в самую богатую часть города.

Когда они въехали в Кливленд-парк, находившийся в северо-западной части Вашингтона, внедорожник сбросил скорость. Этли последовала его примеру. Даже в такой поздний час движение было напряженным, и это не могло не радовать, потому что позволяло ей слиться с потоком машин. Однако она знала законы слежки за подозреваемым и не сомневалась, что никто во внедорожнике не подозревал о наблюдении.

Когда машина с Расселом свернула к Международному центру, Пайн напряглась.

Она решила, что знает, куда они направляются.

Когда внедорожник притормозил, а потом остановился возле контрольно-пропускного пункта, ее подозрения подтвердились.

Хотя знаменитый архитектор Бэй Юймин и консультировал создателей этого сооружения, Пайн всегда считала, что больше всего оно похоже на крепость.

Но, с другой стороны, чего еще ждать от посольства Китайской Народной Республики?

Внедорожник въехал на территорию и скрылся из вида.

Пайн не могла последовать за ним, поэтому поехала дальше по улице, нашла место, где можно было развернуться, припарковалась, выключила габаритные огни и стала ждать.

Китайцы... Мог ли парень, который ее избил, быть китайцем?

И какое отношение Саймон Рассел и предположительно Бен Прист имеют к китайцам?

Этли не имела права входить на территорию посольства, даже если бы действовала как агент ФБР. С тем же успехом здание могло находиться в Пекине. Оно стояло на китайской земле – во всяком случае, так утверждали международные протоколы.

А если в дело вовлечены китайцы, то как они связаны с двумя русскими, которых она вырубил в доме Приста?

Несмотря на поздний час, Пайн набрала номер Блюм и рассказала ей, что произошло.

– Как вы думаете, почему Рассел поехал в посольство?

– Это не может быть простым совпадением – ведь он отправился туда сразу после разговора со мной. Из чего следует, что Бен Прист хотя бы частично связан с китайцами.

– Что вы собираетесь делать дальше?

– Подожду, когда Рассел вернется, и прослежу за ним.

Этли дала отбой и пригнулась, когда фары проезжавшей мимо машины скользнули по «Мустангу».

Стрелки часов показывали два часа ночи, когда черный внедорожник выехал из посольства.

По номерам Пайн определила, что это тот же автомобиль, но, к сожалению, не видела, находится ли внутри Рассел.

Однако у нее не оставалось выбора, и она поехала за внедорожником.

Машин на улицах почти не было, и Этли решила рискнуть – обогнала черный автомобиль и заглянула внутрь. Однако тонированные стекла помешали ей понять, кто сидит внутри.

Она проехала мимо дома Рассела, припарковалась и стала ждать.

Через несколько минут хозяин уже подходил к своему дому – очевидно, внедорожник остановился в паре кварталов и остаток пути Рассел прошел пешком.

Пайн раздумывала, стоит ли ей снова подойти к нему, когда Рассела окружили четверо мужчин, как только он открыл замок. Они втолкнули его внутрь и захлопнули дверь.

На мгновение Пайн застыла. Затем начала действовать.

Она резко свернула направо, потом еще раз направо и въехала в переулок, где уже успела побывать. Остановившись рядом с задним двором Рассела, перелезла через стену и мягко приземлилась в траву с другой стороны. Пригнувшись к земле, пробежала к дому и заглянула в окно. Ничего не увидела, но услышала шум. Она понятия не имела, кто такие эти люди и чего они хотели от Рассела. Однако не сомневалась, что это не полицейские. Те, показав значки, арестовали бы его на крыльце дома. Они не стали бы заталкивать Рассела внутрь.

При обычных обстоятельствах она сразу позвонила бы в 911. Но только не сейчас.

Этли проверила замок на окне, вытащила нож и сдвинула в сторону

задвигну. Окно бесшумно открылось, она влезла внутрь, сразу присела и обнаружила, что находится на кухне. Достала пистолет и вышла в коридор, воспользовавшись тем, что уже побывала в доме и знала расположение комнат.

Услышав голоса, замерла.

– Я не понимаю, чего вы от меня хотите.

Голос Рассела.

Этли достала одноразовый телефон, позвонила по 911, сообщила адрес и рассказала, что происходит в доме.

– Поспешите, – сказала она, заканчивая разговор и убирая телефон.

Потом вытащила «Беретту» из кобуры на щиколотке и двинулась по коридору с пистолетом в каждой руке. Что бы ни произошло дальше, она чувствовала, что едва ли все закончится хорошо для кого-то из участников происходящего.

Однако Пайн не умела отступать.

Через пару секунд она оказалось на перекрестке – справа гостиная, напротив кабинет Рассела.

В доме было темно, никто не стал включать лампы. Впрочем, Этли и не ждала, что вторгшиеся в дом люди станут совершать преступление при ярком свете.

Она осторожно выглянула из-за угла, чтобы понять, что происходит.

Падавший из окна свет позволил ей увидеть четверых мужчин, стоявших полукругом возле Рассела, сидевшего на стуле.

– Я не знаю, о чем вы говорите, – сказал тот. – Я не знаком ни с кем из китайского посольства.

– Забавно, вы ведь только что там побывали, – сказал один из мужчин.

– Вы приняли меня за кого-то другого.

– Что рассказал вам Бен Прист?

Рассел медленно выпрямился.

– Что я получу, выдав эту информацию?

– Что вы хотите? – спросил тот же мужчина.

– Свободный выезд, – ответил Рассел.

– Не думаю, что это возможно. Вы слишком глубоко завязли.

Послышались сирены, что заставило всех повернуться к окну.

– Дерьмо, – выругался один из мужчин.

– Ты думаешь? – отозвался другой.

– Разберись с ними, – сказал первый мужчина. – Возьми с собой парней. Ты знаешь, что делать.

Трое мужчин направились к двери, и Пайн увидела, как они что-то

вынимают из карманов.

В комнате остались только Рассел и первый мужчина.

У Этли появилась возможность рассмотреть последнего более внимательно. Немногим за пятьдесят, волосы цвета соли с перцем, длинные баки. В костюме и галстуке. Морщинистое лицо, нос сломан как минимум однажды. Он выглядел крепким, и это впечатление почти наверняка было верным.

Пайн метнулась к одному из окон и увидела, как возле дома остановилась патрульная машина. Из нее вышли два офицера. Их встретили трое мужчин.

– Дерьмо, – выдохнула Этли.

Они держали значки и удостоверения личности, как она сама тысячи раз.

Похоже, это какие-то федеральные агенты.

Полицейские проверили документы и заговорили с мужчинами.

Пайн вернулась на прежний наблюдательный пост и снова стала следить за разговором Рассела с агентом.

– Вы не можете так поступить, – сказал хозяин дома. – Это противозаконно.

– Ничто не противоречит закону, если ты сам его представляешь.

– Я требую адвоката. Немедленно.

– Мы не можем арестовать вас, Рассел. Мы делаем свою работу иначе. Поэтому не рассчитывайте, что мы зачитаем вам права. Этого вы от нас не дождетесь.

– Вы не можете меня заставить, – заявил Рассел.

– А вот здесь ваш поезд сошел с рельсов. Вопросы национальной безопасности бьют любые козыри.

– Проклятье, даже конституционные права?

– Конституция защищает всех американцев. И если потребуется принести в жертву нескольких, так тому и быть, – продолжал мужчина. – Для меня это предельно простая арифметика.

– Я хочу, чтобы вы покинули мой дом.

– О, не беспокойтесь, мы уйдем. Вместе с вами.

– Я никуда не пойду, – заявил Рассел.

– И вновь вы ошибаетесь. Как только мои люди закончат разговаривать с местной деревенщиной, мы с вами отправимся в путешествие. Нас уже ждет самолет.

– И куда он полетит?

– Это секретная информация, – ответил мужчина.

– Чепуха.

– Ладно, я дам вам подсказку. Мы вывезем вас из этой страны туда, где местные власти не станут препятствовать откровенному разговору с вами. – Он немного помолчал и добавил: – С применением любых методов.

– Вы собираетесь меня пытать? Бросьте. Вы больше не можете так поступать.

– Забавно. Я не получал подобных указаний.

– Вы всё потеряете, если так поступите, – заявил Рассел.

– Думаете, вы единственный, кого нам пришлось убеждать в последнее время? И я до сих пор в полном порядке.

Рассел побледнел.

– Послушайте, это смешно. Я американский гражданин.

– Как и я. И куда нас это привело? Вам известны вещи, которые могут навредить другим американцам. И если нам нужно что-то сделать, чтобы предотвратить утечку информации, мы это сделаем.

– Безумие какое-то... Я выйду из дома и поговорю с полицейскими.

Мужчина вытащил пистолет и направил его Расселу в голову:

– Нет, не выйдете.

– Вы намерены застрелить меня? Здесь?

Мужчина постучал пальцем по дулу пистолета.

– Глушитель. Они нас не услышат. Ваш выбор. Меня устроит любой вариант.

– Послушайте, вы не должны вставать на этот путь, – сказал Рассел.

– Боюсь, что должен.

Неожиданно мужчина упал на пол.

Рассел в изумлении уставился на него, а когда поднял глаза, увидел Пайн, державшую пистолет дулом вниз. Она ударила мужчину по голове рукоятью.

Этли поманила Рассела за собой:

– А теперь шевели ногами. Быстро.

Глава 35

– Спасибо.

Пайн посмотрела на пассажирское сиденье «Мустанга».

Они уже уехали из района, где жил Рассел. Пайн свернула к тротуару, остановилась и выключила двигатель.

Рассел все еще выглядел бледным и потрясенным, но постепенно приходил в себя.

– Я спасла вас не просто так, – резко бросила Пайн. – Теперь вам придется рассказать мне всё.

– Послушайте, я не имею права, понимаете? Я не мог рассказать им и не расскажу вам.

– Эти парни собирались вас убить. Или пытаться до тех пор, пока вы все им не расскажете.

– Может быть, – не стал возражать он.

– Тут нет никаких «может быть». Кто они такие?

– Я не знаю.

– Чепуха. Они федералы, но тот, кто вас допрашивал, сказал, что они не могут арестовать вас на территории США. Тем самым список заметно сужается. И вы это знаете.

Рассел упрямо покачал головой.

– Тот тип блефовал.

– Вы уверены?

– Да, совершенно. Это Америка, а не Москва.

– Забавно, что вы так сказали; ведь двое русских, забравшихся в дом Бена Приста, пытались меня убить.

Рассел бросил на нее быстрый взгляд, втянул в себя воздух и покачал головой.

– Послушайте, никто не собирается выкидывать меня из окна или впрыскивать нервно-паралитический газ.

Этти включила двигатель.

– Отлично, тогда я верну вас тем ребяташкам. Никаких проблем. Надеюсь, вам понравится там, куда они вас отвезут. И то, что впрыснут.

Рассел положил руку на руль.

– Нет, подождите... пожалуйста, не поступайте так.

– Я нуждаюсь в услуге за услугу – прямо сейчас.

– Что вы хотите?

– Вы побывали в китайском посольстве. И не лгите мне – я следовала за вами до самого конца, как и та четверка, что потом вас схватила. Зачем вы туда ездили?

Рассел посмотрел из окна в темноту. Он выглядел как загнанный в угол зверь, отчаянно и тщетно ищущий путь к спасению.

– Поехать к ним меня заставил ваш визит.

– Объясните, – потребовала Пайн.

– Бен Прист.

– Какое отношение он имеет к китайцам? И к русским?

– Я говорю о геополитике, а там не бывает прямых путей. Вы хорошо играете в шахматы?

– А вы проверьте.

– Союзники иногда становятся врагами. И наоборот. Статус может быть временным или постоянным. Или ситуационным. Связанным с конкретной сделкой. Одноразовым. Проклятье, на самом деле бывает все, что угодно.

– Бен говорил что-то похожее, – заметила Пайн.

– Ему ли не знать...

– Значит, вы с ним действительно работали вместе?

– Мне известно, чем он занимается. Давайте остановимся на этом.

– Я не в том настроении, чтобы останавливаться на полпути. В чем состояла работа Приста?

– У него превосходные связи. Он способен проводить операции, которые нельзя организовать по обычным каналам. Это все, что я могу вам сказать.

– Вернемся к шахматам, – предложила Этли. – Каким будет первый ход? И как нам добраться до Бена?

– Я ничего не знаю точно. Всё только в теории.

– Как вы связаны с Китаем?

– Я выполнял для них кое-какую работу, – ответил Рассел.

– Шпионили против нашей страны?

Он нахмурился.

– Не говорите глупости. У них имеются вполне законные интересы, и я сообщаю о них в нужных местах. Но вот что я вам скажу: китайцы полагают, что могут произойти какие-то значительные события. Они пока не уверены, какие именно, но у них возникли серьезные подозрения и, разумеется, опасения. Как и у меня.

– Я готова выслушать ваши теории.

– Сейчас мир находится в сложном положении. Существуют горячие

точки. Средний Восток, в особенности Иран. Россия. Северная Корея. Однако никогда ситуация не обострялась там одновременно. Некоторые люди в данных случаях искали и находили быстрый и легкий выход.

– В историю вовлечен азиат. Он может быть северным корейцем или китайцем. Он едва не убил меня.

– Это интересно, – Рассел кивнул. – Я уверен, вам известно, что наша страна ведет мирные переговоры с Северной Кореей, направленные на то, чтобы те отказались от ядерного оружия?

– Да, я знаю. И китайцев очень интересует, чем все закончится.

– Переговоры проходят не слишком удачно. Более того, в любой момент они могут прекратиться.

– И по какой же причине Северная Корея откажется от дальнейших переговоров? – спросила Пайн.

– Например, смена правительства.

Она удивленно посмотрела на Рассела.

– Где? В Северной Корее?

– А как насчет того, чтобы прямо здесь?

Глаза Этли широко раскрылись.

– Это безумие.

– Со временем я научился лишь одному: никогда не говори «никогда».

– Но как кто-то может осуществить нечто подобное у нас?

Рассел покачал головой.

– Как я назвал вас при первой встрече?

– Неконтролируемой. Подождите, вы хотите сказать, что люди, находящиеся *внутри* нашего правительства, планируют его свергнуть?

– Да, такой вариант возможен.

Пайн откинулась на спинку сиденья.

– И вы хотите сказать, что они объединятся для этого с Северной Кореей? Чистое безумие!

Рассел вытащил пачку сигарет и коробок спичек.

– Вы не против, если я закурю? Я уже давно не переживал такой стресс.

– Опустите стекло и выдыхайте дым наружу. Как вы можете играть в баскетбол и курить?

– Обычно я выкуриваю одну сигарету в месяц. Если это меня убьет, так тому и быть.

Он опустил стекло, раскурил «Мальборо», сделал затяжку и выдохнул дым в открытое окно.

– Ну, раз уж вы со мной откровенны, – сказала Пайн, – могу сообщить

вам, что Бен поменялся местами с человеком, который спустился на муле на дно Гранд-Кэйньон, а потом исчез.

– С каким человеком?

Этли показала ему рисунок в телефоне.

– Вы его знаете?

Рассел внимательно изучил рисунок и покачал головой.

– Если б я начал строить предположения, то сказал бы, что он знал о происходящем и решил помочь Бену.

– И что он мог?

– Мог захотеть донести информацию до нужного места, но не знал, как это лучше сделать... Вы упомянули вертолеты и то, что Бена похитили. Откуда вы знаете?

– Потому что я там находилась. И они использовали армейский вертолет.

– Дерьмо... Значит, задействованы высшие эшелоны власти, – с тревогой сказал Рассел.

– Насколько высокие? – спросила Пайн.

– Быть может, даже более высокие, чем мы думаем. Если они забрали Бена, не исключено, что решили обрубить концы. Или изолировать всех, как поступают с носителями вируса Эбола. Вот почему они пришли за мной.

– Однако они оставили меня в живых, – напомнила ему Пайн.

Рассел внимательно посмотрел на нее.

– Значит, вам очень повезло.

– Вы действительно думаете, что в нашем правительстве готовится переворот?

Казалось, его позабавила недоверчивость Пайн.

– Разве вы сами не сказали только что, что Бена увезли на армейском вертолете? Я знаю, что ФБР изображает из себя патриотов, но у вашего агентства серьезные проблемы, разве не так? Все вы коррумпированы, так говорят.

– Но свержение правительства...

– Люди сыты по горло округом Колумбия. Они видят в нем лишь сдерживающий фактор. А потом узнают, что диктаторские правительства надирают определенные задницы по всему миру, – и начинают хотеть того же.

– Но мы не такие, – возразила Пайн.

– То, каковы мы, устанавливают могущественные люди, которые сообщают нам, кто мы есть. Мы – плутократия и являемся таковой уже

достаточно давно. А следующий логичный шаг после плутократии – олигархия. Я не занимаюсь демагогией, лишь констатирую факты. Я видел, как это происходит во множестве мест.

– Есть ли что-то, о чем вы *можете* говорить и что позволит мне найти Бена Приста?

Рассел сделал долгую затяжку и выдохнул дым в окно.

– Вы когда-нибудь слышали про ОЗБ?

– Нет, а мне следовало? – спросила Пайн.

– Это аббревиатура. Означает «Общество за Бога».

– Звучит низкосортно.

– В реальности это группа очень серьезных людей. Они оказывают огромное влияние на решение многих мировых вопросов. Среди них есть тяжеловесы во всех областях профессиональной деятельности *со всего* мира. Нечто вроде «мозгового центра».

– Сейчас мозговые центры повсюду, – заметила Пайн.

– Но этот политически ориентирован. Он создан более восьмидесяти лет назад. Его члены активно участвуют в ТРД^[25]. Публикуют документы, устраивают презентации, работают с правительствами и компаниями по всему миру. Пытаются делать что-то хорошее, как следует из названия.

– И какое отношение они имеют к моему расследованию? – спросила Пайн.

– Бен Прист являлся членом «Общества».

Этли некоторое время молчала, осмысливая слова Рассела.

– Хорошо. Вы думаете, что его план с исчезнувшим парнем согласован с «Обществом»?

– Я не знаю. – Он пожал плечами. – Но могу утверждать, что ОЗБ *имело* отношение к нескольким случаям, когда его члены начинали говорить о серьезных недостатках, правительственных злодеяниях в некоторых развивающихся странах, ну и тому подобное.

– Но не с коррупцией в нашей стране?

– Коррупция есть коррупция, не так ли? И, насколько мне известно, члены «Общества» не стали бы уклоняться от выполнения своего долга.

– Как мне их найти?

– Им принадлежит здание в округе Колумбия на Эйч-стрит.

Пайн снова откинулась на спинку сиденья и положила руки на руль.

– Вы можете отвести меня туда? Вы – человек плаща и шпаги. А я – следователь, для которого интересы страны всегда стояли на первом месте.

– Я не знаю. Мне нужно подумать.

– Мы не можем терять время.

Рассел повернулся и снова выдохнул дым в открытое окно.

Через мгновение его отбросило на Пайн, когда нога ударила его по голове через открытое окно.

Рассел сильно ударился о руль, его швырнуло обратно, и он сполз вперед – его удержал лишь ремень безопасности.

Этли посмотрела направо и увидела азиата, но на этот раз у него в руках не было зонтика. Он уже тянулся к дверной ручке.

Пайн выжала сцепление и с силой нажала на педаль газа.

«Мустанг» рванулся вперед, точно снаряд.

Следующий перекресток автомобиль промчался со скоростью семьдесят миль в час.

– Проклятье, – сказала она.

На втором перекрестке развернулась на сто восемьдесят градусов и поехала обратно, одновременно вытащив что-то из кармана.

Вскоре увидела азиата.

Он быстро шел по тротуару.

Этли сбросила скорость, он замедлил шаг.

Она опустила стекло и подняла руку.

Азиат приготовился к нападению. И посмотрел на Пайн.

Она сфотографировала его на телефон, после чего достала пистолет.

Сейчас я прикончу сукина сына.

Однако он в одно мгновение исчез.

Пайн снова нажала на газ.

Пять минут спустя, после множества поворотов она заехала на стоянку возле «Старбакса». Остановив машину, посмотрела на Рассела. У него не было пульса. Глаза остекленели. Он умер. Этли оцупала его затылок. Его позвонки напоминали кусочки головоломки, выпавшие на пол из коробки.

Один удар в голову, проведенный в небольшое открытое окно, привел к тому, что спина сильного мужчины была сломана.

Несколько минут Пайн размышляла. Когда она приняла решение, оно ей не понравилось, но у нее не было другого выхода. Во всяком случае, так она сможет остаться агентом ФБР и избежать тюрьмы.

Пайн выехала со стоянки.

Теперь ей предстояло сделать то, о чем она раньше не могла и подумать.

Я должна избавиться от тела.

Глава 36

Этли Пайн обладала невероятной силой.

Но труп, как и следовало ожидать, был мертвым весом, и перемещать его оказалось совсем непростым делом.

Она открыла пассажирскую дверцу «Мустанга», присела, взяла тело Саймона Рассела под мышки и вытащила его из машины. Затем поставила так, чтобы спина Рассела опиралась на автомобиль, и прижала его бедром ноги к «Мустангу», одновременно придерживая торс предплечьем.

Ладно, это будет похоже на обычное силовое упражнение.

Досчитав до трех, она отпустила тело. Когда труп начал падать вперед, подхватила его, забросила на плечо и встала. Тело высокого худого мужчины оказалось в воздухе, сложившись пополам на ее широком плече.

Пайн медленно двинулась вперед.

Она тщательно продумала свой план. Нет ничего «обычного» в том, что агент ФБР несет на плече труп. Она нарушила все известные протоколы о месте преступления, а также несколько законов.

Пока Этли сидела в «Мустанге», обдумывая ситуацию и план дальнейших действий, ее мучили сомнения и чувство вины и раздирали на части внутренний конфликт, как никогда прежде. В результате Пайн решила, что ей остается только одно: двигаться дальше. Если она попытается привлечь Бюро, имея мертвое тело на руках, то снова увидит свет дня лишь после того, как достигнет возраста Блюм.

Проще всего было бросить тело Рассела в лесу, но она не могла так поступить. Его разорвут на части дикие звери, что будет не только неуважением к нему, но и помешает судебной экспертизе. Этли Пайн, следователь-криминалист, не могла этого допустить.

Она удачно выбрала место, далеко в сельской части штата Вирджиния. Здесь не было людей и камер наблюдения. Одна дорога туда и обратно. Ей пришлось довольно долго ездить, пока она не оказалась здесь. Пайн знала эту местность: несколько лет назад, когда она работала в вашингтонском отделении Бюро, ей довелось вести расследование совершенного тут преступления. Типичная территория для действий серийного убийцы. Далеко от любого жилья, вокруг полно земли, где можно похоронить жертву, полиции нет, пустые дороги, никаких свидетелей. Всё как обычно в подобных делах.

Старый дом выглядел так, словно его построили в шестидесятые.

Проволочный забор завалился, бетонное крыльцо потрескалось, краска на стенах облупилась, двор зарос сорняками.

Но у дома имелись двери и окна и никаких соседей. Пайн понятия не имела, кто раньше владел им и почему его тут построили.

Здесь пахло гниением и плесенью – время ничего не пощадило.

Этли распахнула дверь ударом ноги, внесла Рассела внутрь и положила на дощатый пол. Потом достала из кармана написанную ранее записку и засунула ее в карман его рубашки, чтобы полиция нашла ее и использовала. В ней рассказывалось, что произошло с Расселом.

Затем Этли склонилась над мертвецом.

– Мне очень жаль, Саймон. Я... я не хотела, чтобы все так закончилось. Но я доберусь до парня, который отнял у тебя жизнь. Чего бы мне это ни стоило.

Она вышла из дома, вернулась в машину и медленно покатила прочь с погашенными габаритными огнями. Выехав на шоссе, включила фары и прибавила скорость.

Через двадцать минут Пайн взяла одноразовый телефон, позвонила по 911 и сообщила место и то, что они там найдут.

Она вернулась к дому в Болстоне, когда уже начинался рассвет. Блюм в пижаме спала на диване. После коротких колебаний Пайн осторожно тронула ее за плечо.

Секретарша заморгала и села, а Этли направилась на кухню, открыла холодильник и достала пиво.

– Где вы были? – сонно спросила Блюм.

– Извините, мне не следовало вас будить.

– Всё в порядке. Я ждала вас, но задремала... Что произошло?

Пайн откупорила пиво и села на стул напротив.

– Я не уверена, что мне следует вам рассказывать.

– Почему нет?

– Тогда вы станете соучастницей.

– Боюсь, этот корабль давно отплыл, моя дорогая. И, если вам станет легче, я стала вашей соучастницей *очень* охотно.

Этли сделала глоток пива и поморщилась – ее рот все еще болел после удара азиата.

– Это длинная история.

– Я никуда не тороплюсь, – заверила ее Блюм.

Пайн последовательно рассказала ей о том, что произошло.

– Вам повезло, что азиат не убил вас прошлой ночью, – сказала секретарша, когда Пайн описала смерть Рассела от удара ногой.

– Прямо сейчас я не чувствую себя удачливой, но понимаю, что вы имеете в виду. Однако мне удалось сделать снимок. – И она показала Блюм фотографию азиата.

Внимательно ее рассмотрев, та заявила:

– Он выглядит совершенно безобидным.

– Отличное прикрытие, потому что он смертельно опасен. – Пайн сделала несколько глотков пива. – Очевидно, нужно проверить группы особого назначения.

– Не хочу выглядеть как слишком заботливая мать, но не кажется ли вам, что сейчас самое время немного поспать? Если вы не восстановите силы, то не сможете двигаться дальше.

Этли медленно поднялась на ноги.

– Мне не следовало вовлекать во все это вас, Кэрол, – грустно сказала она. – Я не имела права просить вас помогать мне. Я даже не могу сосчитать, сколько законов нарушила. Моя карьера в ФБР отправилась псу под хвост, и уже не важно, как все закончится. Проклятье, скорее всего, я попаду в тюрьму...

– Ну, это лишь один из способов взглянуть на проблему, – ответила Блюм.

Пайн удивленно посмотрела на нее.

– А другой?

– Вам удастся раскрыть дело, и вам вручат большую медаль. И приличное место, которое вы сможете занять.

Этли мрачно улыбнулась в ответ.

– Так говорит Дж. Эдгар Гувер?

– Нет, специальный агент Пайн, это в чистом виде Кэрол Блюм.

Глава 37

Когда сон легко приходил к ней?

И было ли такое вообще?

Пайн повернулась и посмотрела на часы на телефоне.

Девять утра.

Она слышала, как люди ходят по коридорам своих квартир. Гудение лифтов. Шорох шин проезжавших мимо машин.

Самые обычные звуки. Они не должны были прервать ее сон. Этли плотно закрыла шторы, и солнечный свет не попадал в спальню.

Она невероятно устала.

Однако проснулась.

Пайн встала, босиком подошла к комоду и взяла книжечку с кредитками. Там, за другими документами, лежала самая ценная ее вещь, которая значила для нее даже больше, чем значок ФБР.

Она достала старую фотографию и положила ее на ладонь. Снимок был маленьким, как и все остальные предметы в книжечке.

Моментальный снимок, сделанный на «Полароиде», столь популярном в те времена, где они запечатлены вместе с Мерси. Этли не помнила ни одной другой такой фотографии. Это было за три дня до исчезновения сестры.

Почему-то тот момент навсегда остался в ее памяти.

Они вместе с матерью и сестрой пошли в торговый центр, находившийся рядом с домом, где они жили. Мать купила им мороженое, и они уселись на шершавую скамью, пока она курила и болтала с двумя подругами.

Потом одна из подруг вытащила камеру, чтобы сфотографировать висевшее в витрине платье, которое ей понравилось. Она не могла позволить себе такую дорогую покупку, но Этли слышала, как женщина сказала, что можно купить похожую ткань и сшить такое же. Потом мать попросила у нее камеру, чтобы снять своих девочек вместе. В их семье не было фотоаппарата, вот почему Пайн не помнила о других снимках с сестрой.

Несмотря на то что мать часто находилась под воздействием наркотиков, иногда у них бывали и хорошие моменты. Этли не сомневалась, что она любила обеих дочерей, но по-своему, невнятно и неправильно. Обычно она просто не знала, что с ними делать. Она родила

девочек в девятнадцать, и едва ли ее можно было считать взрослой.

Мать сделала фотографию, и та тут же автоматически выползла из камеры. Подруга матери показала, как держать снимок за края, пока изображение медленно и чудесно проявляется на бумаге. Позже мать купила дешевую деревянную рамку и повесила снимок в комнате девочек. Почти сразу после этого в их спальню проник незванный гость и унес Мерси. А Этли стала безмолвным свидетелем страшного преступления...

Пайн пальцем провела по волосам сестры на фотографии; такого же цвета и фактуры, как и у нее. Существовал лишь один способ различить их: волосы Мерси немного вились, а у Этли были совершенно прямыми.

Возможно, в этом содержался какой-то смысл.

Пайн часто спрашивала себя, какой стала бы Мерси, повзрослев. Она не сомневалась, что девочка с большим и добрым сердцем, выросши, заботилась бы обо всех, сопереживая любому горю. И выбрала бы такую профессию, чтобы помогать людям, которые в этом нуждались.

Да, именно таким стало бы призвание Мерси.

Этли была легкомысленной и проказливой девчонкой.

Мерси – настоящим ангелом.

Но ангел исчез.

А проказница стала полицейским.

Жизнь любит забавные повороты.

Пайн отодвинула штору, распахнула дверь и вышла на балкон, выходящий в маленький зеленый сад, большую редкость в таком густонаселенном районе. Воздух был свежим, небо – безоблачным, солнце давно взошло, но она еще не чувствовала его тепло, потому что смотрела на запад.

Складывалось впечатление, что день в столичном регионе будет приятным.

А она прошлой ночью избавилась от тела.

С этими мыслями Этли вернулась в спальню, чтобы проверить новости на телефоне.

Ничего.

Она включила телевизор и прошлась по местным новостным каналам.

Саймон Рассел был прав. Переговоры с Северной Кореей только что закончились провалом, о чем и доложил ведущий с мрачным выражением лица. «Быть может, Рассел узнал об этом от китайцев», – подумала Пайн. Затем пошло сообщение о пожаре в местной школе, затем – о стрельбе и наконец об учителе, который занимался сексом с учеником. Но никто не рассказал о том, что в заброшенном доме найдено тело, о чем полиции

сообщил неизвестный, или об описании убийцы, оставленном рядом с телом. Очевидно, это событие посчитали недостаточно важным, чтобы включить в сводку новостей. Или полиция решила придержать информацию по каким-то своим причинам. Или им просто приказали люди, похитившие братьев Прист.

Она отложила фотографию в сторону и крепко проспала еще несколько часов, потом двадцать минут стояла под душем, позволив горячей воде обжечь спину в безуспешной попытке забыть вчерашнюю ночь. Надела чистую одежду, а та, от которой пахло насильственной смертью Саймона Рассела, отправилась в стиральную машину, куда Пайн положила двойную порцию порошка.

– Я приготовила ланч и заварила свежий кофе, если вас это интересует, – сказала появившаяся из кухни Блюм, которая держала в руке чашку.

– Замечательно, спасибо. Мой рот чувствует себя намного лучше.

– Как и ваше лицо, которое выглядит вполне прилично. Целительное действие льда, «Адвила» и отдыха.

Они поели сэндвичи, сидя в обеденной зоне на кухне и запивая их кофе. Окно выходило на улицу, где в это время суток кипела жизнь.

– Полагаю, на этой улице сейчас больше народа, чем живет в Шеттерд-Рок, – заметила Блюм, бросившая взгляд в окно.

– Так и есть, – ответила Пайн, проглатывая последний кусочек сэндвича и принимаясь за картофельные дольки, лежавшие на ее тарелке.

– Я успела забыть, как много людей живет на Восточном побережье.

– Одна из причин, по которой я отсюда уехала. Слишком много народу.

– И, может быть, слишком много бюрократов, пытавшихся объяснить вам, как следует работать?

– Да, и это тоже.

Этли убрала со стола, сполоснула тарелки и положила их в посудомоечную машину. Когда она вернулась в комнату, Блюм открыла лаптоп.

– Пока вы спали, я нашла организацию «Общество за Бога». Выглядит довольно любопытно. Можно считать, что у них нет сайта, но я послушала кое-какие из их выступлений и должна признать, что они произвели на меня впечатление.

– А список членов существует в природе? – спросила Пайн.

– Мне его найти не удалось. Но у них есть офис на Эйч-стрит.

– Рассел так и говорил.

– Вы собираетесь туда пойти?

– Да.

– Я хотела бы составить вам компанию.

Этли колебалась.

– Если только вы не опасаетесь, что на нас может напасть отряд ниндзя. Но даже и в этом случае я все равно пойду, но тогда мне придется прихватить пистолет. Ваше слово?

Пайн разинула рот.

– У вас есть пистолет?

В ответ Блюм достала из сумочки небольшое, но эффективное оружие.

Этли бросила на него взгляд.

– «Кольт Мустанг».

– Верно. Снаряжен патронами «девять-семнадцать» калибра девять миллиметров.

– Совсем неплохо, как резервное оружие; но его убойная сила не впечатляет.

– Зато он компактный, легкий и дьявольски точный на близком расстоянии.

– Вот уж не ожидала, что вы разбираетесь в пистолетах.

– Я из Аризоны. Оружие заложено в нашем ДНК. По слухам, я родилась с копной волос, а в моем очаровательном кулачке был зажат инкрустированный самоцветами никелированный «Дерринджер».

– Но в обойме у вашего «Кольта» только шесть патронов.

– Если мне потребуется больше шести выстрелов, чтобы справиться, значит, я ошиблась с выбором работы, – с улыбкой сказала Блюм.

Пайн оставалось лишь улыбнуться в ответ, и они вместе вышли из квартиры.

Глава 38

Они взяли «Киа». «Мустанг» уже видели несколько раз, и Пайн беспокоило, что он привлекает излишнее внимание. Если б она не использовала свой внедорожник для отвлекающего маневра, то предпочла бы поехать именно на нем. Задним умом все крепки, а решения, которые принимаются в режиме реального времени, никогда не оказываются идеальными.

Они нашли нужный им дом, построенный в древнегреческом стиле с украшенными изящными резными капителями ионическими колоннами, стоявшими по обе стороны от входа. Но он был весьма неудачно втиснут между двумя восьмиэтажными офисными зданиями из стекла и стали. Пайн припарковалась в ближайшем подземном гараже, и они вышли на улицу.

Мужчины и женщины в деловых костюмах с рюкзаками и портфелями сновали взад и вперед, без конца проверяли свои телефоны и решали деловые вопросы в тени правительственных зданий.

– Весьма энергичный город, – заметила Блюм.

– Можно и так сказать, – ответила Пайн. – А можно иначе: столица лжи и болтовни.

Они направились к штабу «Общества за Бога». Высокие двойные двери из массивного дуба выглядели достаточно прочными, чтобы выдержать прямое попадание из гранатомета.

На стене они увидели звонок и переговорное устройство, а рядом с ними – медную табличку, предлагавшую позвонить.

Так Пайн и сделала.

Им тут же ответили.

– Чем я могу вам помочь?

– Мы из ФБР. Хотим поговорить с кем-нибудь о Бенджамине Присте.

– Вы можете показать свои документы нашей камере?

Пайн заметила, что линзы направлены прямо на них.

Дерьмо.

Она показала значок, но не стала доставать удостоверение личности.

– Благодарю вас. Один момент.

Вскоре они услышали звук приближающихся шагов. Дверь распахнулась. На пороге стоял крупный мужчина с козлиной бородкой, в сером костюме с синим галстуком.

– Следуйте, пожалуйста, за мной.

Пайн и Блум молча зашагали за ним, разглядывая просторные комнаты из коридора, по которому шли. Удобная мебель, элегантные картины, многочисленные скульптуры. Вдоль стен защитные рейки, декоративные панели, пилястры, колонны, медальоны, балюстрады, фризы и фрески, способные удовлетворить самый полный список желаний любого фаната архитектуры.

Их привели в большой офис, вдоль стен которого стояли многочисленные стеллажи с книгами. Казалось, от каждой поверхности поднимается сладковатый аромат трубочного табака.

Мужчина с бородкой ушел, прикрыв за собой дверь и не сказав больше ни единого слова.

Пайн огляделась по сторонам.

– Почему у меня такое ощущение, будто я очутилась в шпионском романе шестидесятых годов? – спросила она. – Где ты, Джордж Смайли^[26], когда ты мне так нужен?

Блум обратила внимание на стопку книг, лежавших на приставном столе.

– Это арабский язык? – спросила она.

Пайн посмотрела через ее плечо.

– Да, – сказала она. – Саймон Рассел также читал на арабском языке.

– В самом деле?

Пайн и Блум вздрогнули и посмотрели на кресло с высокой спинкой, которое стояло к ним спиной.

Сейчас оно повернулось к ним, и они увидели, что на нем сидит маленький мужчина с густыми седыми волосами. Он был одет в костюм-тройку, из нагрудного кармана торчал кончик платка.

Когда мужчина поднялся на ноги, оказалось, что его рост не превышает пяти футов^[27].

– Пожалуйста, присаживайтесь, – сказал он, указывая на два стула, стоявших перед массивным письменным столом, заваленным открытыми книгами. Уселся за него, переплел пальцы и принялся изучать обеих женщин.

– Мы не знали, что в комнате кто-то есть, – сказала Пайн.

– Очевидно, – не стал спорить мужчина. – Кстати, меня зовут Оскар Фабрикант.

– Благодарю вас за то, что вы согласились нас принять.

– О, пожалуйста, называйте меня Оскар. Вы обе агенты ФБР?

Этли показала значок.

– Я – агент. А это моя помощница.

Она очень рассчитывала, что сможет довести дело до конца, так и не назвав их имен.

Фабрикант кивнул.

– А теперь перейдем к делу. Вы только что упомянули Саймона Рассела.

– Да. – Пайн была недовольна собой за то, что не дала себе труда более тщательно осмотреть комнату. Теперь мужчина знал, что существует связь между ней и мертвецом.

– А откуда вы знаете Саймона?

– Я его не знаю.

– Однако вам известны его предпочтения в чтении?

– Бен Прист рассказал мне о нем, – солгала Пайн.

– Понятно. И вы пришли сюда по причинам, связанным с Беном?

– Да. – Она оглядела офис. – Вы управляете «Обществом»?

– Я не уверен, что кто-то «управляет» этим местом. У нас все более демократично, кто-то даже скажет «хаотично», и нет никакой иерархии. – Оскар улыбнулся.

– Тем не менее нас привели именно к вам.

– Ну, я здесь дольше, чем другие. Так уж получилось, что мне приходится выполнять многие административные обязанности. Я не против. – Он устроился поудобнее в своем кресле.

– Я видела ряд выступлений вашего «Общества», – сказала Блюм. – Это очень интересно.

– Благодарю вас, – ответил Фабрикант.

– Вы имеете представление о том, где может находиться Бен? – вмешалась Пайн.

– А почему вы считаете, что мне это может быть известно?

– Он здесь работает?

– Никто здесь не работает. Мы добровольно отдаем свое время и умения.

– И какого рода деятельностью вы занимаетесь?

– Мы анализируем. Читаем. Обсуждаем. Говорим и слушаем. Путешествуем, пишем бумаги. Выступаем с лекциями. Поддерживаем некоторые политические решения. Лоббируем по важным вопросам тех, кто обладает властью. – Он повернулся к Блюм. – Мы выступаем в ТРД, что дает нам глобальную платформу. Я полагаю, что совокупное количество людей, которые нас слушают, достигает одного миллиарда в различных

социальных сетях. А это уже серьезно. Что сейчас можно сделать без социальных сетей?

– Ну, очевидно, тут есть как плюсы, так и минусы, – заметила Пайн.

Фабрикант откинулся на спинку кресла и некоторое время разглядывал визитеров.

– Ну, и как я могу вам помочь? – наконец спросил он.

– Что вы можете рассказать нам о Бене Присте? – спросила Пайн.

– Бен – наш друг. Он обладает острым умом. Путешествует по миру.

Очень интересная личность.

– Хорошо, но чем он занимается?

– Разными вещами. Некоторое время работал в правительстве...

– В каком подразделении?

– В Государственном департаменте, я полагаю.

– Именно такой ответ дают, когда хотят скрыть то, чем они на самом деле занимаются? – спросила Пайн.

– Мне нечего больше добавить, – заявил Фабрикант.

– Ладно, мы пришли к выводу, что Прист помогает людям, которые в этом нуждаются. И в данный момент – кому-то вполне определенному.

– И кому же?

– У меня нет имени, но есть фотография.

Пайн показала ему портрет из своего телефона. Она внимательно наблюдала за Фабрикантом, чтобы понять, узнает ли тот мужчину.

– Не стану утверждать, что я с ним знаком, – ответил Оскар.

Либо он был превосходным игроком в покер, либо действительно не узнал человека с экрана телефона, решила Этли.

– Вам что-нибудь известно о том, чем Прист занимался в последнее время? – спросила она.

– На самом деле нет.

Пайн огляделась по сторонам.

– У вас впечатляющий кабинет.

– Честно говоря, я считаю, что он слишком вычурный. Раньше принадлежал крупному бизнесмену, который ничем не брезговал. Он не американец, но решил построить здесь особняк, когда понял, как выгодно находиться рядом с правительством и людьми, которым нужно давать взятки.

– Некоторые вещи не меняются, – заметила Пайн.

Фабрикант кивнул.

– Тут я с вами согласен.

– Разговоры, путешествия и анализ, – проговорила Этли. – Должно

быть, это дорогое удовольствие.

– Как я уже говорил, все наши члены работают бесплатно. Естественно, мы финансируем их путешествия и другие расходы, но никто не получает заработной платы.

– Однако у вас имеются источники финансирования, – не сдавалась Пайн.

– У нас есть спонсоры.

– И кто они?

– Частные люди. И желают таковыми остаться... Вы считаете, что Бену грозит опасность?

– Скорее всего.

– Это очень печально.

– Да, конечно, – для него. – Пайн внимательно посмотрела на него. – Могу я говорить прямо?

– Мне показалось, что вы именно *так* и делаете.

– Я еще не вышла на первый уровень боевой готовности.

Фабрикант развел руки в сторону.

– Прошу вас.

– Я пришла к выводу, что в данном случае возможны международные осложнения.

– Например?

– Послушайте, я намерена рискнуть и считать, что вы действительно общество, которое стремится делать добро, и рассказать вам то, что на данном уровне обычно не делаю – ведь я вас, если быть откровенной, совсем не знаю. Но я чувствую, что у меня остается все меньше времени, и хочу получить полезную информацию на этого мерзавца.

– Я вас слушаю.

– Речь идет об эпической катастрофе, которая произойдет в самом центре нашей страны и может ее уничтожить.

Фабрикант заметно помрачнел.

– Надеюсь, это и есть первый уровень вашей боевой готовности. Мне не хотелось бы думать, что возможен переход на более высокий... – Он немного помолчал. – И что же вы имеете в виду?

Пайн посмотрела на Блюм.

– Не исключено, что речь идет о перевороте в правительстве.

Фабрикант не сумел скрыть удивления.

– Переворот? Мы живем в Америке, а не в какой-то банановой республике.

– Но эта страна началась с революции.

- Верно, но много лет назад, – возразил Фабрикант.
- Вы считаете, что история никогда не повторяется?
- На самом деле она повторяется постоянно.
- Тогда ладно, – сказала Пайн.
- Вы говорите всерьез?
- Люди, которые об этом знают, вполне серьезны.
- Вы имеете в виду людей вроде Бена Приста и Саймона Рассела?
- И, возможно, китайцев, которые в это вовлечены.
- Почему вы так решили?

Этли достала телефон. Фабрикант наклонился и посмотрел на фотографию на экране.

– И кто это такой?

– Человек, который дважды пытался меня убить. Я хотела бы знать его имя и послужной список.

– Позвольте мне позвонить тому, кто сможет помочь.

Оскар поднял трубку, произнес несколько слов и положил ее.

Пайн успела досчитать до десяти, когда в дверь постучали.

– Войдите, – сказал Фабрикант.

Дверь распахнулась, и вошел мужчина в костюме, почти такой же маленький, как хозяин кабинета.

– Покажите фотографию Филиппу, – попросил хозяин кабинета.

Тот секунду смотрел на снимок, потом перевел взгляд на Фабриканта и кивнул.

– Ты можешь сказать ей, – разрешил Оскар.

– Его зовут Сон Нам Чон.

– И кто он такой? – спросила Пайн.

– Ваш самый худший кошмар, – ответил Филипп.

– Даже если он и вправду очень опасен, ему *никогда* не быть моим самым худшим кошмаром, – резко сказала Этли.

– Он китаец? – спросила Блюм.

Филипп посмотрел на нее.

– Нет.

– А кто тогда? – спросила Пайн.

– Кореец.

– Кореец? Южный или северный? – уточнила Этли.

– Насколько мне известно, он родился на юге. В детстве оказался в Северной Корее, там его задержали и отправили в лагерь. Он сумел выжить и теперь работает на тех, кто хорошо платит. Весьма квалифицированный оперативник. И чрезвычайно опасен, если возникает

такая необходимость.

– Значит, Сон – его фамилия? – спросила Пайн.

Филипп покачал головой:

– Нет, Чон. Он уже довольно давно живет в нашей стране и изменил имя на западный манер. Чрезвычайно осторожен, у властей ничего на него нет.

– Но как такой человек вообще мог попасть в Соединенные Штаты? – спросила Блюм.

– Если вы располагаете достаточными ресурсами, возможности есть всегда, – ответил Филипп.

Пайн посмотрела на Фабриканта.

– Мирные переговоры с Северной Кореей только что закончились неудачей, – сказала она. – И этот тип появляется на американской земле. Как вы думаете, тут есть какая-то связь?

– Я не могу утверждать, что связи нет. – Оскар повернулся к Филиппу. – Благодарю, ты можешь идти.

– У Приста здесь есть кабинет? – спросила Этли, когда Филип вышел.

– Да.

– Мы можем на него взглянуть?

Фабрикант долго смотрел на нее.

– Я буду вам весьма признательна, – сказала Пайн.

– Я попробую это устроить, – ответил он. – Идемте со мной.

Глава 39

В маленьком кабинете Приста совершенно не чувствовался аромат табачного дыма, но он был так же точно завален разными предметами, как и кабинет Фабриканта. Очевидно, представители тесного круга элиты, благосклонных гениев, не отличались аккуратностью. Кроме того, Пайн отметила, что здесь нет никаких личных вещей, фотографий, сувениров из путешествий или репортажей с семейных праздников. Складывалось впечатление, что у Приста просто не было жизни помимо работы.

Ну, в этом смысле мы с ним похожи.

Книги стояли на полках и были сложены на полу. Папки с документами лежали на столах и тоже на полу. На письменном столе высились горы каких-то бумаг, книг и папок.

Почетное место на письменном столе занимал компьютер фирмы «Эпл».

Фабрикант наблюдал за Пайн, пока она вместе с Блюм осматривала кабинет.

– Прист – человек Возрождения, и у него множество интересов.

– У меня складывается впечатление, что вы здесь все такие, – заметила Блюм.

– Да, на самом деле так и есть. Однако некоторые из нас специализируются на каких-то отдельных вещах.

Пайн села за письменный стол и посмотрела на компьютер.

– Мне необходимо войти в него.

– Я не уверен, что могу разрешить вам это; к тому же не сомневаюсь, что нужно знать пароль.

– Прист оставил флешку, которая, как мне кажется, содержит нечто важное. К сожалению, данные там также защищены паролем.

– В таком случае вам не будет никакой пользы от компьютера Бена.

– Нет, тут вы ошибаетесь, – возразила Пайн.

– В каком смысле?

– Я покажу вам.

Ее пальцы застыли над клавишами, но она продолжала разглядывать вещи на письменном столе Приста.

– Что вы делаете? – спросил Фабрикант.

– Профилирую, за неимением лучшего термина.

Ее взгляд продолжал блуждать по различным предметам, пока не

остановился на кофейной чашке, в которой стояли ручки. На боку у чашки была реклама фильма.

Она напечатала *Кайзер Созе*.

Ничего не произошло. Тогда она добавила еще одно слово. А потом еще и поменяла их порядок.

Компьютер ожил.

– Как вы это сделали? – спросил Фабрикант.

– Пароли очень трудно держать в памяти. Некоторые люди используют наборы для различных приложений, что позволяет им помнить только пароль от набора. Но большинство старается совместить их с вещами, находящимися рядом. Это помогает не забывать их. – Она оглядела кабинет. – Тут нет фотографий, произведений искусства или сувениров. Никакого отображения личности человека, который здесь работает. За исключением... – Она указала на кружку. – «Обычные подозреваемые». Кевин Спейси играл персонажа с кличкой Болтун^[28]. Я попробовала очевидные комбинации вроде «Болтун это Кайзер Созе». Но я встречалась с Пристом и пришла к выводу, что он совсем непрост. Он идет собственным путем. И я попробовала изменить порядок слов, «Созе Кайзер Болтун», и – бинго.

Фабрикант беззвучно похлопал в ладоши.

– Впечатляет. Мне нравится, как работает ваша голова.

Пайн вставила флешку и подождала, когда появится иконка для пароля.

– Вы думаете, пароль будет тем же? – спросила Блюм.

– Сомнительно, но я попытаюсь. Быть может, нам повезет.

Она напечатала «Созе Кайзер Болтун», но ничего не произошло.

– Что же, не получилось.

– А вы уверены, что данные на флешке имеют отношение к вашему расследованию? – спросил Фабрикант.

– Прист потратил немало усилий, чтобы спрятать ее, так что, при прочих равных, я практически уверена.

Она снова стала нажимать на клавиши, и на экране компьютера появился список файлов Приста.

– Вы не против, если я распечатаю список его файлов? Тогда я смогу более внимательно изучить их позднее.

– Конечно. Но только список файлов, а не их содержимое. Я не могу позволить вам забрать работу Бена без его разрешения.

– Ну, я надеюсь, что однажды он вернется и сам все мне даст, – сказала Пайн.

– Все действительно настолько серьезно?

– А как вы сами считаете, если в деле замешан Сон Нам Чон?

Пайн распечатала список файлов и выключила компьютер.

Фабрикант проводил их до выхода из здания и, прежде чем закрыть дверь, протянул ей свою визитку:

– Здесь все мои контактные номера. Если что-то произойдет и вам понадобится моя помощь, обращайтесь без колебаний.

– Благодарю, – сказала Этли, забирая визитку.

– Почему вы снова не попытались начать анализировать Приста? – спросила Блюм, когда они шли по улице к подземной парковке. – Ведь это могло помочь подобрать пароль.

– Я могу попытаться, – сказала Пайн. – Но если пароль у него в голове, мы его не отыщем.

– стакан наполовину полон.

– Верно.

– Что вы думаете о людях из «Общества»? – спросила Блюм.

– Они либо те, за кого себя выдают, либо лишь витрина для какого-то жуткого дерьма.

– Они не стали бы нам помогать, если б были плохими, – сказала Блюм.

– Тут все зависит от того, как определять понятия *помощь* и *плохие*.

– Это правда.

Они подошли к «Киа» и сели в машину. Пайн выехала на улицу, свернула налево и сразу бросила взгляд в зеркало заднего вида.

– Ну вот, – сказала она.

– Что такое?

– За нами следят.

– Интересно, кто это может быть?

– Бросьте, Кэрл. Здесь не требуется трех попыток. «Общество за Бога» село нам на хвост. Господи, я никак не думала, что они будут делать это вот так, не скрываясь.

– И как вы намерены поступить? Постараетесь оторваться? – спросила Блюм.

– Не совсем.

– Почему нет?

– Я хотела бы получить кое-какие ответы.

Блюм откинулась на спинку сиденья.

– Ну, вы всегда знаете, как правильно задать вопрос.

Глава 40

Мужчина, следовавший за Пайн и Блюм, свернул вслед за ними, продолжая держаться на небольшом расстоянии.

«Киа» еще раз повернула налево, потом направо, и мужчина едва успел проскочить светофор, чтобы не отстать от них.

Вскоре он на некоторое время выпустил их из вида, но почти сразу увидел опять.

Через несколько минут «Киа» припарковалась прямо на дороге рядом с другой машиной.

Мужчина оглянулся, увидел у себя за спиной свободное место, заехал на него задом, заглушил двигатель и стал ждать.

Блюм вышла из машины.

Мужчина посмотрел на часы и откинулся на спинку сиденья.

Но уже через мгновение дверь со стороны пассажира распахнулась, и он увидел, что на него направлен пистолет.

Пайн забралась в машину и села рядом с ним.

– Пожалуй, нам лучше сразу перейти к делу, – сказала она.

Мужчина перевел взгляд с нее на Блюм, смотревшую на него через стекло со стороны водителя. Она помахала Пайн и села на заднее сиденье.

Обе узнали мужчину – именно он открыл дверь «Общества» и проводил их в офис Фабриканта.

– Вы не можете так поступать, – заявил он. – Это противозаконно.

Этли вытащила значок:

– Вот мое право остановить любого, кто ведет себя подозрительно.

– Я ничего подозрительного не делал.

– А что *делали*? – резко спросила Пайн.

– Хотел поговорить с вами.

– О чем?

– Я знаю Бена.

Этли опустила пистолет.

– Я вас слушаю. Но прежде скажите, как вас зовут.

– Уилл Кандлер.

– Хорошо, Уилл, я вас слушаю.

Кандлер откашлялся и так сильно сдвинул руль руками, что костяшки пальцев побелели.

– Он чем-то занимался. Чем-то по-настоящему опасным.

– Расскажите мне то, чего я не знаю, – предложила Пайн. – И побыстрее.

– Некоторое время назад Бен поздно засиделся в своем кабинете. Он выглядел таким взволнованным, что я спросил у него, что случилось.

– И что он ответил? – спросила Блюм.

– Сначала просто накричал на меня. Сказал, всё в порядке, бла-бла-бла. Но я настаивал. Предложил свою помощь. Я уже давно в округе Колумбия, работал в двух администрациях. У меня есть полезные контакты. К тому же я служил в разных качествах по всему миру.

– И он вам открылся?

– Кое в чем. Вы должны понимать, что Бен никогда не открывает карты. У него есть несколько друзей, но главным в его жизни давно стала работа.

– Да, я знаю; она для него важнее семьи.

– Так или иначе, Бен не стал вдаваться в детали, но сказал, что планируется нечто невероятное. И если это событие случится, оно будет иметь глобальные последствия. Насколько я понял, Бен пытался его предотвратить.

– Но он не сказал вам, о чем речь? – спросила Пайн.

– Нет.

– Если Прист узнал про заговор, люди, его организовавшие, должны были догадаться о том, что их планы раскрыты, – сказала Блюм. – И теперь они не станут пытаться довести дело до конца. – Она посмотрела на Пайн. – Ведь так?

– Не знаю, – ответил Кандлер. – Я лишь обнаружил, что стоящие у власти люди невероятно изолированы, а потому не в состоянии оценить, что можно осуществить, а что нет.

– Иными словами, они опьянены властью, – сказала Блюм.

– Да, так будет точнее, – согласился Кандлер.

Пайн подумала об армейском вертолете, который сел в Аризоне и улетел через несколько минут, забрав на борт раненых братьев Прист. А потом – о русских в доме Бена Приста. И федералах в доме Саймона Рассела. И, наконец, о Сон Нам Чоне, корейце и наемном убийце. И если переворот *запланирован*, тогда кто выступает против кого? И кто хозяева Чона?

– Возможно, мы сумеем кое-что сделать, – сказала Блюм.

Кандлер покачал головой.

– Я – ученый, а не Джейсон Борн^[29].

– Спасибо за информацию, – сказала Пайн. – Если вспомните что-то

еще, вот телефон, по которому вы можете со мной связаться.

Она написала номер на листке бумаги и протянула его Кандлеру.

– Послушайте, есть кое-что еще, – сказал он, когда они выходили из машины.

– Что? – быстро спросила Пайн, сунув голову внутрь машины.

– Мистер Фабрикант ушел сразу вслед за вами. Я слышал, как он сказал, что куда-то направляется.

– Куда?

– Я не расслышал. Но спросил у секретарши. Она отвечает за все его перемещения.

– И она знала?

– Да, знала. Она объяснила, что очень удивилась, когда мистер Фабрикант вошел в ее офис сразу после вашего ухода и сказал, что ему требуется.

– И куда же он собрался? Пожалуйста, только не говорите, что в Северную Корею.

– Нет, он летит в Москву. Сегодня вечером.

Глава 41

Все рейсы из округа Колумбия в Москву отправлялись из международного аэропорта Далласа. В тот вечер их было два: «Люфтганза» и «Турецкие авиалинии»^[30].

Пайн следила за зоной вылета «Люфтганзы», Блюм – за «Турецкими авиалиниями». Этли попыталась использовать свой значок, чтобы пройти контрольно-пропускной пункт Управления транспортной безопасности, но персонал потребовал, чтобы она показала удостоверение личности, а также удостоверение личности Блюм.

– Ладно, – сказала Пайн, когда они шли по аэропорту, – мы только что уничтожили наше прикрытие. Если кто-то из нас увидит что-то подозрительное, сразу посылаем сообщение друг другу.

– Вас поняла, – ответила секретарша.

«Люфтганза» стартовала в десять тридцать, «Турецкие авиалинии» – ровно в одиннадцать. Пайн предполагала, что Фабрикант выберет «Люфтганзу», потому что самолет сначала приземлится в Мюнхене, а оттуда полетит в аэропорт Домодедово. Рейс «Турецких авиалиний» продолжался на несколько часов дольше, но посадка была во Внукове, что существенно ближе к Москве, чем Домодедово.

Она посмотрела на часы и принялась изучать людей, расположившихся в зоне вылета.

Для маскировки Пайн надела бейсболку и очки для чтения, которые купила в аэропорту. Блюм обзавелась шляпой и тоже очками. Этли делала вид, что смотрит в книгу, которую также приобрела в магазине.

Через минуту Пайн улыбнулась. Она угадала, потому что Оскар Фабрикант решительно шагнул в ее сторону с небольшой сумкой и портфелем в руках.

Этли послала сообщение Блюм, отложила книгу, сняла очки, встала с кресла и двинулась ему наперерез. Потом достала телефон и визитку, которую он ей дал, и набрала номер его сотового телефона.

Она видела, как он роется в карманах. Нашел телефон, вынул его и посмотрел на экран.

– Быть может, нам лучше поговорить с глазу на глаз, – сказала Пайн, останавливаясь рядом.

Фабрикант заметно вздрогнул, когда увидел ее, и убрал телефон в карман.

– Ну и ну, какое совпадение, – сказала она. – Вы убегаете, я охочусь...
Фабрикант повернулся и быстро пошел прочь, пока не заметил Блюм, подходившую с другой стороны.

Он остановился, и Пайн показалось, что его маленькая фигурка начинает растворяться в плитках пола аэропорта.

Этли подошла к нему, взяла за плечо и повернула лицом к себе.

– Москва? В самом деле? Не хотите объяснить?

Фабрикант продолжал озиаться по сторонам, когда к ним подошла Блюм.

– Не сейчас, – сухо сказал он. – Может быть, когда я вернусь, если у меня возникнет желание.

Пайн достала значок.

– Вы никуда не полетите. Я официально задерживаю вас.

– У вас нет для этого никаких оснований. Я не нарушаю закон, отправляясь в Россию. Так что прошу меня простить.

Этли крепче сжала его плечо.

– Почему вы собираетесь лететь в Москву?

– По делам. По моим *собственным* делам. – Фабрикант поднял руку и попытался высвободиться, но у него не получилось. – Неужели мне придется вызвать полицию? – гневно спросил он.

– Если хотите. Но я думаю, будет лучше, если мы отойдем в сторону и поговорим.

– Мне нечего вам сказать. И я должен успеть на самолет.

– В таком случае вам стоит вызвать полицию. И тогда я смогу поболтать с ними про «Общество за Бога», место, из которого ведется шпионаж.

– Полнейшая чушь.

– Неужели? Денежные пожертвования от источников, которые вы отказываетесь раскрыть? Ваши люди, путешествующие по миру и собирающие разведывательную информацию? Кстати, один из членов замешан в заговоре против правительства, а теперь он и вовсе исчез. А как только я рассказала вам об этом, вы сразу собрались в Москву? Что же, давайте обратимся в полицию. Я уверена, что вы успеете все объяснить, а потом отправитесь на свидание с Путиным. Ведь в последнее время русские с нами совсем не ссорились, верно?

Чем дольше говорила Пайн, тем меньше становился Фабрикант.

– Где вы хотите побеседовать? – спросил он, когда та замолчала.

– Здесь есть бар. И мне не помешает выпить.

Они нашли место как можно дальше от остальных посетителей бара, к

ним подошла официантка и взяла заказ. Пайн выбрала пиво, Блюм – кока-колу, Фабрикант – бокал «Мерло».

– Так почему Москва? – спросила Этли. – Мне совершенно точно известно, что ваша поездка носит спонтанный характер и является следствием моего визита.

– Я не уверен, что должен вам что-то объяснять.

– Вы выбираете такой путь? – сказала Пайн. – У меня есть все основания задержать вас за глупость.

– У меня две степени доктора философии из двух университетов Лиги плюща, – резко ответил Фабрикант.

– Ну так ведите себя *соответственно*, – вмешалась Блюм. – Господи, мы не можем впустую тратить время.

Все молчали, пока им не принесли заказ.

После того как официантка ушла, Фабрикант вытер пот со лба.

– Ладно, послушайте: то, что вы рассказали, навело меня на мысль, что поездка в Москву необходима, – сказал он.

– Что именно? – спросила Пайн.

– Прежде всего, что *русские* побывали в доме Бена. – Он замолчал и принялся постукивать пальцами по столу.

– Оскар, мы ждем, – поторопила его Пайн.

– Давид Рот.

– Кто?

– Человек, фотографию которого вы мне показали, ту, что на вашем телефоне. Тот, кто занял место Бена. Я его *знаю*. Его зовут Давид Рот.

– Но почему вы не сказали мне сразу? – спросила Пайн.

– Потому что хотел все обдумать. Более того, именно по этой причине я намерен лететь в Россию.

– Но почему? – удивилась Пайн. – Разве Рот – русский?

– Нет. Но он много знает о России.

– Откуда *вы* его знаете?

– Он хорошо известен в определенных кругах.

– В каких именно?

Фабрикант выпрямился и посмотрел в глаза Пайн.

– Давид Рот является одним из главных инспекторов по ОМП.

Пайн и Блюм переглянулись.

– Рот инспектирует оружие массового поражения? – переспросила Пайн.

– У него легендарное прошлое, – продолжал Фабрикант. – Дело в том, что его отец, Герман Рот, был одним из ведущих инспекторов во время

первой проверки, которую наша страна проводила вместе с Советским Союзом в девяностых годах. Обе стороны договорились об уменьшении ядерных арсеналов, а для этого требовались реальные проверки на местах. Именно тогда произошел развал Советского Союза, однако инспекции продолжались, и сокращение арсеналов завершилось к две тысячи первому году. Со временем Давид занял место отца.

– Но зачем эксперту по ОМП спуститься на муле на дно Гранд-Кэньон? – спросила Пайн.

– Понятия не имею, – ответил Фабрикант. – Но это вызывает тревогу.

– Я бы сказала, что это преуменьшение года. Я же говорила, что речь идет о правительственном перевороте внутренними силами.

– А вы уверены, что в заговоре участвуют только *внутренние* силы?

Пайн, собравшаяся сделать глоток пива, медленно опустила бутылку.

– Что вы имеете в виду?

Фабрикант огляделся по сторонам и понизил голос:

– Русские пытались повлиять на результаты последних выборов, используя самые разные инструменты: средства массовой информации, внедрение фальшивых сведений, попытки давления на избирателей и так далее.

– Все это задокументировано, – заметила Этли.

– Да, но не исключено, что это лишь первый шаг.

Она подалась вперед.

– Вы хотите сказать, что их план включает в себя *несколько* шагов?

– Все, что делают русские, рассчитано на большие сроки, – ответил он. – В этом отношении они похожи на китайцев. А американцы склонны мыслить короткими периодами. Взгляните на наш бизнес, к примеру. Он существует лишь на протяженности одного квартала, поскольку Уолл-стрит считает, что так правильно.

– То есть вы хотите сказать, что вмешательство в последние выборы могло быть лишь первым залпом? – вмешалась Блюм.

– Давайте взглянем на проблему так: они атаковали наш демократический процесс выборов, но вследствие этого произошло кое-что еще, – ответил Фабрикант.

– Что?

– Многие американцы перестали верить властям. А также Конгрессу и средствам массовой информации. – Он указал пальцем на Пайн: – И ФБР.

– И к чему это нас ведет?

– История показала, что, когда люди перестают верить властям, правительства часто свергаются, – сказал Оскар.

– Но здесь подобные вещи невозможны, – возразила Блюм. – Вы сами сказали, что у нас не банановая республика.

– Ну, так говорят про себя все страны, пока с ними не *случается* что-то подобное

– О какой вовлеченности русских идет речь? – спросила Пайн.

Фабрикант пожал плечами:

– Точно не знаю. Но некоторые американцы, занимающие высокопоставленное положение, восхищаются русскими. Они считают, что их модель управления эффективнее в ряде важных аспектов. И они такого же мнения о китайцах, способных принимать решения и мгновенно их выполнять. В то время как демократия беспорядочна и неэффективна; к тому же она часто впадает в ступор. Что делает диктатуру более привлекательной формой правления.

– Но только не для меня, потому что тогда нам пришлось бы расстаться со свободой, – заявила Пайн. – Я предпочитаю беспорядочность и недостаточную эффективность.

– Но вы уже *частично* расстались со свободой, – парировал Фабрикант. – Ради компенсаций, которых никогда бы не получили. Я не стану утверждать, что согласен с таким подходом. Более того, я его противник. Но эти идеи не настолько безумны, чтобы другие в них не верили. Мало того, я смело могу утверждать, что многие из тех, кто стоит у власти, поддерживают диктатуру.

– Значит, вы считаете, что русские перешли от удаленных атак на информационные системы к работе с некоторыми американскими партиями с целью превратить нашу страну в нечто напоминающее Россию? – спросила Блюм.

– Лаконично, но точно во всех принципиальных аспектах, – ответил Фабрикант.

Пайн и Блюм еще раз переглянулись.

– Итак, по поводу вашего путешествия в Москву? – сказала Пайн.

– Я намерен проверить свою теорию. Я провел там значительное время, и у меня имеются серьезные контакты в критически важных местах. Возможно, мне удастся получить какие-то ответы.

– И что будет, если ваша теория окажется верной? – спросила Блюм.

– Тогда я вернусь и попытаюсь помешать ее реализации.

– Однако мы можем прочесть о свержении правительства уже в завтрашних газетах, – заметила Этли.

– Но мы все равно должны попытаться, – сказал Фабрикант.

– Я не намерена сдаваться, – заявила Пайн. – Просто считаю, что

нужно действовать максимально быстро.

– И как вы предлагаете это сделать? – спросил Фабрикант. – Я не могу вбежать туда и закричать о заговоре и попытках свержения правительства при помощи русских. В таком случае я просто исчезну.

Этли посмотрела на часы.

– Ладно, вы всё еще успеваете на свой рейс, – сказала она. – У вас есть мой телефон, а у меня – ваш. Будем поддерживать связь.

Казалось, Фабриканта удивило ее поведение.

– Благодарю вас.

– Еще рано меня благодарить. Мы не знаем, что принесет нам завтрашний день.

Они встали и направились к выходу из кафе, где столкнулись с двумя мужчинами в форме.

И тут все договоренности были нарушены.

Глава 42

АДМИНИСТРАЦИЯ АЭРОПОРТА. ВАШИНГТОНСКОГО

Так было написано на блестящих значках.

Их было двое; стройные, мускулистые, мощные предплечья с выступающими венами, холодные взгляды. Каждый держал руку у ремня с кобурой, возле рукояти пистолета.

Тот, что справа, посмотрел на Этли.

– Специальный агент Пайн? – спросил он.

Она наклонила голову, оглядывая полицейского с головы до ног. Потом посмотрела ему в лицо.

– В чем дело?

– Мы получили инструкции задержать вас, – вмешался второй полицейский.

– От кого инструкции и на каком основании вы хотите меня задержать?

– Нам не сообщают подобные детали, мэм; мы лишь должны задержать вас до того момента, когда за вами приедут.

– И где вы намерены меня держать? – спросила Пайн.

– У нас имеется специальное место. – Он посмотрел на Фабриканта и Блюм. – И ваших друзей тоже.

– Я должен успеть на самолет, – сказал Фабрикант.

Первый полицейский покачал головой, снял фуражку, открыв короткую стрижку, вытер лицо и снова надел фуражку.

– Ничего не можем поделать. Извините.

– В ваших инструкциях говорится «друзья и знакомые»? – уточнила Пайн. – «Остановить и задержать»?

– Мы делаем то, что нам говорят, мэм. Пожалуйста. Следуйте за нами. – Он указал на дверь, которая находилась слева от него.

Войти в нее можно было только при помощи специальной карты-пропуска.

Этли посмотрела на дверь, потом окинула взглядом аэропорт, где было полно людей.

– Ладно, идем, – сказала она.

Они все вместе подошли к двери, где один из офицеров вставил

карточку, открыл дверь, и они оказались в пустом коридоре.

– Куда теперь? – спросила Пайн. – У вас здесь есть камера?

– Верно.

– Могу я сделать телефонный звонок?

– Я так не думаю.

– Почему?

– Мы лишь выполняем инструкции.

– Вы слишком часто это повторяете, – заметила Этли.

– Потому что это правда.

– Могу я поговорить с вашим начальством?

– Зачем? У вас есть жалобы?

– Да, есть, но, если подумать, лучше я направлю их непосредственно вам.

Пайн нанесла ему с разворота удар ногой в голову, сразу сбив с ног. Когда он попытался подняться, она провела мощный выпад локтем в голову. Полицейский рухнул на пол и остался неподвижно лежать.

Когда его напарник потянулся к пистолету, Блюм уже успела вытащить свой и направить ему в голову.

– Держите руки так, чтобы я могла их видеть, и у нас не возникнет проблем. Если вы попытаетесь отобрать у меня пистолет, то сразу станете очень, очень мертвым.

Она приняла стойку Уивера, чтобы у него не осталось ни малейших сомнений в том, что она способна выполнить свою угрозу.

– Вы совершаете большую ошибку, – прорычал полицейский.

– Господи, вы напали на полицейского! – воскликнул Фабрикант.

– Все верно, она так и сделала. А теперь опустите пистолет, – сказал полицейский Блюм.

– Ни за что, – ответила та.

– Пожалуйста, сделайте, как он сказал, – взмолился Фабрикант. – Нас могут застрелить.

– Если я опущу пистолет, они нас *обязательно* застрелят, – ответила Блюм.

Пайн достала оружие и направила его на полицейского.

– На колени, – сказала она. – И я не буду повторять дважды.

Мужчина опустился на колени.

Как только он это сделал, Пайн тут же ударила его по голове рукоятью пистолета. Мужчина застонал от боли, потерял сознание и упал вперед.

С помощью Блюм они уложили полицейских рядом и сковали их пластиковыми наручниками.

– Возвращает к приятным воспоминаниям о том, что произошло на стоянке в Теннесси, – заметила Блюм. – Мужчины совершают глупые поступки. Этому просто нет конца.

– Господи! – вскричал Фабрикант. – Вы атаковали двух полицейских офицеров. – Потом он сердито добавил: – И сделали меня соучастником. Я могу сесть в тюрьму.

– Я бы не стала из-за этого беспокоиться, – сказала Пайн.

– Но я видел, как вы на них напали. Вы не сможете это отрицать.

– Она имела в виду совсем другое, – сказала Блюм.

– В таком случае поясните, потому что я вас не понимаю.

– Она имела в виду, что они не настоящие копы, – сказала Блюм.

– О чем вы говорите? – прорычал Оскар и указал на лежавших на полу мужчин. – Видит бог, они же в форме. Они нас задержали.

– Не имеет значения, – сказала Пайн. – Они фальшивки.

– Но откуда вы знаете? – не унимался Фабрикант.

Блюм указала на грудь одного из них:

– У него нет личного знака с именем. Большая ошибка номер один. Ни один полицейский не забудет надеть значок. Более того, тебе не разрешат заступить на дежурство, если у тебя его нет. Существует несколько причин, по которым это необходимо.

– И у них неправильная обувь, – добавила Этли, указывая на мокасины мужчин. – На дежурстве нельзя носить ничего похожего. – Затем она указала на ствол, торчавший из кобуры одного из них. – Не говоря уже о том, что ни один коп не надевает на пистолет глушитель.

– Три страйка, и ты вылетел, – сказала Блюм.

Ошеломленный Фабрикант посмотрел на нее.

– Значит... они собирались...

– Выстрелить нам в голову из пистолетов с глушителями, – спокойно заявила Блюм.

– Ладно, вам нужно поспешить, чтобы не опоздать на рейс, – сказала Пайн Фабриканту. – Постарайтесь выяснить все, что получится. И дайте мне знать как можно скорее.

– А что вы сделаете с ними? – Он указал на лежавших на полу мужчин.

– Рано или поздно их найдут, – ответила Пайн. – И я очень надеюсь, что у них будут большие неприятности из-за того, что они выдавали себя за полицейских аэропорта. Не моя проблема – и это хорошо, потому что мои возможности ограничены.

Фабрикант кивнул, еще раз посмотрел на скованных мужчин и

выбежал в дверь. Пайн и Блум последовали за ним и зашагали в противоположном направлении.

– Ну что ж, похоже, все развивается по худшему сценарию. Очевидно, эти парни имели доступ к данным Агентства транспортной безопасности, если им стало известно, что мы прошли через контрольно-пропускной пункт.

– Они действовали быстро.

– Ты действуешь быстро, если у тебя есть ресурсы. Но если ты спешишь, то ошибаешься в мелких деталях. Именные значки, обувь и глушители. Впрочем, последняя ошибка уже очень серьезная.

– Благодарение Господу за большие ошибки. Теперь мы сможем прожить еще один день, – сказала Блум.

– День еще не закончился, – напомнила ей Пайн.

Глава 43

Пайн разобрала «Глок» и «Беретту» и принялась тщательно чистить каждую деталь. Блюм уселась напротив за кухонным столом.

– Позвольте угадать: это ваш способ ухода от стресса? – спросила она.

Этли не подняла глаз. Она чистила ершиком дуло «Глока».

– Помогает сконцентрироваться. Что, в свою очередь, ослабляет напряжение, – согласилась Пайн. – Если ты плохо ухаживаешь за своим оружием, это может стоить жизни.

Блюм пила чай, осматривая кухню.

Было ранее утро следующего дня; после рассвета прошло совсем немного времени, но в окна начал просачиваться свет.

Обе женщины выглядели усталыми и растрепанными. Обе явно спали не слишком хорошо.

– Когда я была молодой, то могла легко представить, как я радостно готовлю на кухне, а под ногами у меня бегают шестеро детишек, – сказала Блюм.

Пайн подняла голову.

– Но вы же это сделали, верно?

– О да, дети у меня есть. Но ничего похожего со мной не происходило. Мы жили в трейлере размером с эту кухню. Скотт, мой бывший муж, не мог позволить себе даже спаренный передвижной дом. К тому же он был слишком занят в день зарплаты – пропивал деньги. Если получал.

– Как же вы сумели вырастить детей?

– Я умела хорошо шить. Меня научила бабушка. Я продавала платья в магазин в городке, где мы жили. И еще пекла торты. И убирала дома, когда дети уходили в школу. А в свободное время даже работала водителем такси. Я делала все, что было в моих силах, чтобы вырастить детей.

– Но вы были молоды, когда начали работать в ФБР.

– Я вышла замуж в девятнадцать, специальный агент Пайн. И все мои дети родились к тому моменту, когда мне исполнилось двадцать восемь. Все это время я постоянно была беременна. – Прежде чем Этли успела спросить, как можно родить столько детей за такой короткий промежуток времени, Блюм добавила: – Однажды у меня родились близнецы.

Когда она произнесла слово «близнецы», Пайн снова принялась чистить оружие. Однако секретарша еще не закончила.

– А потом пришло время, когда дети пошли в школу, и я ответила на

объявление, в котором предлагали место в ФБР. Прежде я никогда не работала в офисе. Или на правительство. Но мне была ужасно нужна эта работа.

– Почему?

– Она считалась престижной. Это же Эф-Бэ-Эр. Но я не знала, возьмут ли меня туда. Я прошла курс в колледже. За два года получила диплом младшего специалиста. А еще я взахлеб читала. И очень внимательно следила за новостями во всем мире. Мне казалось, что я обладаю высокими этическими принципами, просто мне никак не удавалось себя проявить.

– Но почему вы сомневались, что получите работу? – спросила Пайн.

– Я знала, что на эту должность претендовало много женщин, обладавших более высокой квалификацией, чем я. И, да, тогда офисную работу делали исключительно женщины. Мужчины вели расследования, а женщины заполняли бумаги и готовили кофе. – Она немного помолчала. – Другая проблема состояла в том, что Скотт занимался всякой дрянью. Практически на грани нарушения закона. Я не сомневалась, что Бюро тщательно меня проверит. Сама я никогда не совершала противоправных действий, но если бы они заглянули в прошлое Скотта, то могли бы решить, что я его соучастница, или пошли бы по пути наименьшего сопротивления и выбрали одну из сотен других женщин, у которых не было таких проблем.

– Но вы получили работу. Должно быть, они поговорили с вашим мужем, – сказала Пайн.

– Так и было. И Скотт совершил благородный поступок. Он сказал им, что я не имею ни малейшего отношения к его делам. И дал мне самые лучшие характеристики. Как и все остальные, к кому они обращались. Ну, вы знаете, обычные дела: трудолюбивая, честная, патриотически настроенная...

– Значит, ваш бывший в конце концов повел себя благородно.

– Не совсем.

Пайн отложила инструменты и посмотрела на Блюм.

– Как так?

– Через неделю после того, как я получила работу, Скотт подал на развод. Оказалось, что он встречался с богатой шлюхой на тридцать лет его старше. Он вдохновенно лгал ей, и, как многие другие женщины – к величайшему сожалению, – она полностью попала в его сети. Он был красивым, тут следует отдать ему должное. И обаятельным. И ужасным козлом, когда начинал прикладываться к бутылке. Так или иначе, но он ушел к ней, переселился в большой дом и стал водить ее «Ягуар». Но из-за

того, что все деньги принадлежали ей, я не получала алиментов. От него приходили смехотворные суммы, и всегда с опозданием. Во время развода Скотт сказал, что дал мне хорошие рекомендации и взял на себя ответственность за свои действия, чтобы я получила работу и смогла содержать детей самостоятельно, потому что он уже собирался уйти.

– Как вам удалось удержаться от искушения застрелить его? Я серьезно.

– Временами я была к этому близка, – призналась Блюм. – Но не могла оставить детей без присмотра.

– Тем не менее вы говорите, что сейчас далеки от детей. А ведь вы всем пожертвовали ради них.

– Мне очень нравилось в Бюро, однако платили там совсем мало; впрочем, льготы и пособия были хорошими. В результате, чтобы сводить концы с концами, я пошла на вторую работу. А иногда мне приходилось работать еще в двух местах. Из чего следовало, что я почти не занималась детьми и пропускала важные события в их жизни. Выступления, каникулы, спортивные соревнования и однажды выпускной вечер. Они обижались. Я совершенно точно это знала, ведь они не раз говорили мне об этом открытым текстом. Возможно, винили меня за то, что их оставил отец... впрочем, он никогда не обращал на детей особого внимания.

– Должно быть, вам было тяжело.

Блюм допила чай.

– Да, *нелегко*. Но они были моими детьми, и я их любила. Несмотря ни на что.

– А что стало со Скоттом?

– Он потратил все шлюхины деньги и нашел другую. А потом стал толстым и лысым, и его прежний бизнес накрылся. Затем появились проблемы со здоровьем. Насколько я знаю, сейчас он находится в каком-то государственном доме для престарелых на Восточном побережье. Он звонил мне оттуда несколько раз.

– И что сказал?

– Что ему одиноко и хотелось бы с кем-нибудь поговорить.

– Как смело с его стороны...

– О, я с ним поговорила. Это уже не имело никакого значения. Он оставался отцом моих детей. К тому же Скотт расплатился за свою паршивую жизнь. Должно быть, он внес меня в свой контактный лист, потому что около полугода назад мне позвонили из заведения, в котором он находится. Сказали, что у него началось раннее слабоумие. Он перестал помнить то, что было вчера.

- Может быть, это не так уж и плохо, – заметила Пайн, глядя в сторону.
- Ну, почему же? У него были и хорошие воспоминания.
- Я имела в виду *плохие*.

Блюм внимательно посмотрела на нее.

– Я сумела поведать вам историю всей своей жизни за десять минут. А вы?

– Вы же сказали, что читали мое досье. И как оно вам? – спросила Этли.

– Всегда лучше услышать из первых уст.

Пайн пожала плечами и ничего не ответила.

– В тот раз, когда вы зашли в офис после пробежки, на вас была жилетка. Татуировки на дельтовидных мышцах. Близнецы и Меркурий. Это связано с *двойняшками*. И вы опустили глаза, когда я сказала, что родила близнецов. – Блюм посмотрела на Пайн. – А еще слова «Без Пощады» на ваших предплечьях.

– У многих людей есть татуировки.

– У многих людей обычные татуировки. «Люблю тебя, мама», акула или роза. Но не у вас. Ваши татуировки имеют смысл. Важный для вас.

– Вы психолог? – тихо спросила Этли, смазывая пружину спускового крючка.

– Нет, но, в отличие от большинства людей, я хороший наблюдатель. И *слушатель*.

– Я в порядке. Благодарю. – Пайн принялась собирать пистолеты.

– Дэниел Джеймс Тор?

Руки Этли слегка дрогнули, и металлические детали звякнули, стукнувшись друг о друга.

– Хотите поговорить? – спросила Блюм.

– Нет. Почему у меня должно возникнуть такое желание?

– Потому что мы вместе прыгнули в пропасть, – ответила Блюм. – Вот только нам еще не удалось приземлиться на дно каньона, и никакой игры слов. Я считаю, что у меня появились кое-какие права и привилегии в отношениях с моей соучастницей в преступлениях. Если вы со мной не согласны, я вас пойму. Но такова моя позиция; просто я хочу, чтобы вы о ней знали.

Пайн закончила собирать «Беретту» и вернула оба пистолета в кобуру.

Блюм терпеливо ждала.

Снаружи начался легкий дождь.

– Я проверила, рейс Фабриканта стартовал вовремя, – сказала Этли, бросив взгляд на часы. – Скоро его самолет сядет в Мюнхене.

- Будем надеяться, что он узнает что-нибудь полезное.
- Пайн рассеянно кивнула и некоторое время молчала.
- Полиция считала, что это сделал отец. Забрал мою сестру, – после долгой паузы заговорила она.
- Не хочется быть бесчувственной, но вы уверены, что он невиновен?
- Отец прошел тест на детекторе лжи. Как только выяснилось, что Мерси исчезла, он был уже сломленным человеком. Мои родители развелись. Отец покончил с собой.
- Он оставил записку?
- Мне об этом ничего не известно. Мой отец не был склонен к планированию. Он действовал, повинуюсь импульсам.
- Он мог покончить с собой из чувства вины, – осторожно предположила Блюм.
- Я так не думаю. То есть я хочу сказать, что он не испытывал вины за то, что причинил вред Мерси. Он не мог смириться с тем, что был слишком пьян, чтобы защитить ее.
- Почему вы так уверены?
- Я прошла реконструкцию памяти, под гипнозом. Отец ни разу не возник в моих воспоминаниях, зато появился Дэниел Джеймс Тор.
- Вы помните, как он похитил вашу сестру?
- Вот только я не знаю, действительно он это сделал или мое сознание само пришло к такому выводу, – ведь мне было известно, что он находился поблизости в то время, и я хотела наконец выяснить, что случилось с сестрой.
- Я понимаю вашу дилемму.
- Вы знали о Торе?
- Конечно. Я *работала* в Бюро, когда его взяли в Сиэтле. Он убивал женщин и молодых девушек и на Юго-Западе тоже. Одну во Флагстаффе.
- А еще одну в Фениксе и одну в Хавасу-Сити. Эти три места образуют треугольник.
- Блюм задумчиво кивнула.
- Верно. Теперь я вспомнила. Он создавал математические закономерности. Так его и поймали. Какой идиот...
- Пайн покачала головой.
- Конечно, у Тора отсутствуют некоторые хромосомы, но он совсем не идиот.
- Значит, вы с ним встречались?
- Верно.
- И как прошел ваш разговор?

– Плохо.

– Он признался в похищении вашей сестры?

– Нет. Я на это и не рассчитывала. Во всяком случае, не во время первой встречи.

– Первой? Вы намерены поехать к нему в тюрьму еще раз?

– Таков мой план.

– И какова цель?

– *Правда.* Называйте меня наивной, но это единственная цель, которую я преследую с самого начала.

– А если вы ее так и не узнаете? Потому что я не представляю, чтобы такая мразь, как Тор, когда-нибудь выдал свою тайну. Зато могу представить, как он развлекается, завязывая вас узлами. Что еще ему там делать?

– Тут я готова рискнуть.

Прежде чем Блюм успела ответить, загудел сотовый телефон, и Этли посмотрела на пришедшее сообщение. Его прислал Курт Феррис.

Уходите немедленно. Они знают, где вы находитесь. Будут у вас через десять.

– Пора сваливать! – рявкнула Пайн.

Она и Блюм схватили сумки, которые так и не распаковали, и побежали к парковке.

Через шестьдесят секунд «Мустанг» выскочил из подземного гаража и помчался на юг. Пайн свернула на следующем перекрестке и поехала обратно, пока не оказалась в трех кварталах от дома, где находилось их временное жилище, после чего остановила машину возле начала одного из переулков.

– Что вы делаете? – спросила Блюм.

– Хочу кое-что проверить.

Минуту спустя к дому подкатили четыре черных внедорожника, и внутрь вбежали двадцать бойцов в полном снаряжении.

Блюм посмотрела на Этли.

– Вы именно это хотели увидеть?

Та кивнула, и они уехали подальше.

– Курт не написал мне, кто за нами придет, – сказала Пайн. – Я подумала, что это может быть Бюро.

– Мы едва успели, – сказала Блюм. – Интересно, как им удалось узнать, где мы остановились?

– У военной разведки повсюду глаза и уши. К тому же в здании полно камер. К счастью, Курт сумел узнать об опасности и предупредить нас.

- У Большого Брата утечки? – заметила Блюм.
- Большой Брат подсел на стероиды. И они собираются преследовать нас по полной программе.
- Ну и кем вы хотите быть? – неожиданно спросила Блюм.
- Пайн удивленно на нее посмотрела, выезжая на автостраду и вдавливая педаль газа в пол.
- Что?
- Вы хотите быть Тельмой или Луизой?^[31]

Глава 44

Они расплатились наличными за номер в мотеле в округе Стаффорд, штат Вирджиния, примерно в часе езды к югу от округа Колумбия, и устроились в маленьком дешевом номере, вновь оставив сумки нераспакованными, как делали в течение всей поездки.

Блюм села на одну из двух кроватей.

– Как вы думаете, у Курта будут неприятности? – спросила она. – Из-за того, что он позволил нам у него остановиться?

– Я сказала ему, чтобы ссылался на неведение. Я – его подруга, которая попросила разрешения остановиться в его доме, пока он в отъезде. Курт не знал, чем я собиралась заниматься на самом деле.

– Но как ему удалось узнать, что за нами выслали целый отряд? – спросила Блюм.

– Курт работает в Отделе уголовного розыска ФБР. Естественно, у него полно друзей среди военных, в том числе в разведке. Должно быть, они сообщили ему, или он сам узнал через сети, которые регулярно прослушивает.

– А как, по вашему мнению, к этой истории относится ФБР?

Пайн села на другую кровать, сняла туфли и легла.

– Трудно сказать. Они знают, что я солгала относительно своей поездки, им известно, что я продолжаю расследование после того, как мне приказали его прекратить. И им уже наверняка сообщили про двух парней в аэропорту Далласа.

– Как вы думаете, Бюро сумело связать Саймона Рассела с последними событиями? – спросила Блюм.

– Тут все на уровне предположений. Они вполне могут не знать про армейский вертолет, который увез Приста и его брата... Проклятье, вполне возможно, что они вообще не занимаются этим делом.

– Но почему?

– Национальная безопасность кроет все. Весьма вероятно, что их отозвали точно так же, как они отозвали меня.

– Как может выглядеть свержение правительства? – задумчиво спросила Блюм.

– В других странах президент или группа генералов захватывают средства массовой информации и заявляют: вследствие – сюда вставляем любую идиотскую причину – вводится военное положение, выборы

откладываются из-за присутствия повсюду врагов нации, в том числе в высших эшелонах власти. Это оправдывает отказ от демократических норм. Затем президент сообщает, что остается на должности пожизненно. Посмотрите, что происходит в Китае. Или, например, генералы вводят танки в столицу и говорят всем, что теперь они отвечают за страну и спасут ее. А гражданам остается лишь исполнять приказы. Или группа советников высшего звена устраивает хунту. Или несколько миллиардеров, которым надоело выбрасывать деньги на содержание консервативных партий, выбирают более прямой путь к осуществлению своих целей.

Блюм посмотрела на нее.

– Ну и что мы можем сделать? Реально?

– Для меня это новая территория, Кэрол. В Куантико не читали курс о том, как противодействовать свержению правительства США. Может быть, им следует его ввести.

– Каким будет наш следующий шаг?

В ответ Пайн открыла страницу с названиями файлов Бена Приста.

– Нам необходимо отыскать пароль к флешке. Он может находиться в названии других файлов с его компьютера.

Этли открыла лэптоп, сидя на кровати и положив рядом телефон с названиями файлов, выведенными на экран.

– Прист уже показал нам, что относится к категории людей, которые связывают пароли с личными вещами, – сказала она.

– А на что еще он мог опираться, придумывая пароли? – спросила Блюм.

– Возможно, на что-то у себя дома...

– Что лежало вместе с баскетбольным мячом и спортивной фуфайкой?

– Что еще может быть? – продолжала размышлять Пайн. – У него есть брат с детьми. Значит, у Бена Приста имеются племянники. Подождите минутку, вы же ходили на ланч с его женой. Вы узнали...

– Конечно, узнала. Их зовут Билли и Майкл. – Блюм еще немного подумала. – Билли одиннадцать лет, Майклу – девять.

Пайн записала эти сведения на листок бумаги.

– Еще какие-то детали? – спросила она.

– Билли любит обычные лыжи и водные, он питчер^[32] в команде Малой лиги. А еще ужасно боится, что ему предстоит ходить на свидания, когда он станет старше. Майкл – самый главный читатель в семье, занимается лакроссом и часто выводит мать из себя. И еще играет на бас-гитаре. Оба проводят много времени в социальных сетях, не выпускают из рук сотовые телефоны – в особенности Билли – и считают, что

единственная цель в жизни их отца состоит в том, чтобы быть их личным банкоматом. Возможно, это связано с тем, что он постоянно работает.

– И вы столько всего узнали во время ланча с женщиной, с которой только что познакомились?

– Матери легко идут на обмен информацией. Мы делаем это исключительно эффективно. И с большими подробностями. Она тоже много узнала про моих детей.

Пайн делала заметки, пока Блум говорила.

– Хорошо, вы дали мне много идей для поиска паролей.

Она работала несколько часов, используя программу для создания диаграммы на основе подсказок Блум, а также названия файлов из компьютера Приста.

После того как последний вариант не сработал, Пайн разочарованно вздохнула.

Блум, задремавшая на своей кровати, проснулась через минуту. Дождь барабанил по крыше одноэтажного мотеля.

– Не вышло, как я понимаю, – сонно сказала секретарша.

– Судя по всему, семья его брата не настолько для него важна, чтобы стать основой для пароля, а в названиях файлов нет никаких подсказок касательно его работы.

– Я ужасно хочу есть, – заявила Блум. – Когда мы ехали сюда, я видела на улице кафе.

Они припарковались за зданием кафе и вошли внутрь. Сделав заказ, сидели и пили кофе, а за окном шумел дождь.

Блум выглянула в окно.

– Господи, неужели здесь всегда так? – проворчала она. – Скоро я начну подумывать о самоубийстве... Мне просто необходимо солнце.

– У них идет дождь, но бывает и солнце. А потом наступает осень и выпадает снег, – отозвалась Пайн.

– Вот уж спасибо... – Блум содрогнулась. – Так вот почему вы перебрались на Юго-Запад? Из-за погоды.

– Я почти что уехала в Монтану или Вайоминг.

– Господи, вы знаете, как много снега там выпадает? – с ужасом спросила Блум.

– Погода не имела для меня решающего значения.

– Что же тогда?

– Я уже говорила. Люди – точнее, их отсутствие. – Она посмотрела на Блум, которая поднесла к губам чашку с кофе. – Я не люблю толпы.

– А как вы определяете толпу?

– Ну, когда есть еще кто-то, кроме меня.

– Ну, тогда я сожалею, что создаю вокруг вас *толпу*, – немного обиженно сказала Блюм.

– На самом деле, Кэрол, я рассматриваю нас как одну единицу, поэтому когда говорю «меня», то включаю вас, и наоборот.

– Вы знаете, когда у меня в доме было шестеро детей, из них трое в пеленках, я мечтала побыть одна, хотя бы несколько минут. Я жила с ощущением, что в каждую секунду моей жизни кто-то зовет меня и требует, чтобы я что-то сделала.

– А теперь? – с любопытством спросила Пайн.

– Я живу одна. Просыпаюсь одна. Ем одна. Ложусь в постель одна. – Она посмотрела на Пайн над чашкой с кофе. – И я никому такого не посоветовала бы. Никому. Толпа там или нет... Иногда дело просто в другом человеческом существе, которое греет тебе ноги в постели или приносит аспирин, когда у тебя жутко болит голова. И я говорю совершенно серьезно.

Принесли их заказ, и они, погрузившись в собственные мысли, молча принялись за еду.

– О чем вы думаете? – спросила Блюм, когда они закончили есть.

– О расследовании. О моей карьере. Можно ли сказать, что и то и другое закончилось?

– А вы никогда не думали о карьере вне Бюро? – спросила Блюм.

– Нет.

– Я Лев. По знаку Зодиака. Мы – упрямые фанатики контроля с небольшой добавкой доброты. Но мы адаптируемся. Я думаю, вы тоже сумеете. Кстати, вы, случайно, не Лев? Или у вас другой знак?

Пайн смотрела на нее, но не отвечала.

– Я спросила... – начала Блюм.

Она смолкла, увидев, что Этли вскочила на ноги и бросила на стол деньги.

– Уходим.

– Что такое? – спросила секретарша, когда они быстрым шагом возвращались в мотель.

– Вот мой ответ на ваш вопрос: я Козерог.

Глава 45

Исписанные возможными паролями листочки бумаги валялись по всей кровати Пайн. Блюм активно помогала ей, подсказывая слова, которые Этли вносила в программу.

– Когда вы скачали ваше программное обеспечение? – спросила секретарша.

– Как только у меня не получилось отыскать пароль вручную, – ответила Пайн, пальцы которой летали по клавишам лэптопа. – Я постоянно получала новые пароли, и всякий раз терпела неудачу. Но будет легче, как только нам удастся сузить параметры поиска. Может быть, в конце концов мы справимся с этой задачей.

Блюм положила рядом с Этли последний листок.

– Ну вот, думаю, это всё.

– А теперь проверим наше везение.

– Не говорите так.

– Почему?

– Потому что мне не везло последние двадцать лет, – заявила Блюм.

Пайн нажала последнюю клавишу на лэптопе.

– Ну, всё.

Программа начала перебирать возможные варианты.

– Что заставило вас вспомнить о Козероге? – спросила Блюм.

– Я пыталась понять, почему Прист выбрал такое название для несуществующей компании. Я не знала, Козерог ли он сам, однако это была единственная ниточка для продолжения попыток разгадать пароль. Но пока вы не заговорили о Львах, я о нем даже не думала. Так что, если у нас получится, заслуга будет принадлежать вам. – Она замолчала и посмотрела на экран. – Проклятье...

Последний вариант пароля оказался правильным, и экран ожил.

– Получилось, – сказала Пайн.

– И каков же пароль? – спросила Блюм.

Этли посмотрела на экран.

– Нечто невероятно сложное, но все, за исключением букв у и м, связано со знаком Козерога.

– А на что указывают буквы у и м?

– Вероятно, Билли и Майкл. Уильям – полное имя Билли. Из чего следует, что Прист считал важными своих племянников – во всяком случае,

включил их имена в пароль.

– Проклятье, а это еще что такое? – спросила Блюм.

На экране появилась картинка. Пайн принялась просматривать одну страницу за другой, и все они оказались техническими рисунками. Она остановилась на одной зловещей диаграмме и нажала на несколько клавиш, чтобы увеличить ее, потом прочитала надпись на соседней странице.

– Это... *по-корейски*.

– Вы понимаете, что там написано?

– Нет, но я могу довольно быстро найти перевод.

Этли записала несколько букв на листок, затем перешла на перевод с корейского онлайн и ввела туда буквы. Компьютер выдал перевод почти мгновенно.

– *Расщепляющиеся* материалы, – медленно проговорила Пайн. – Расщепляющиеся? Это связано с ядерным топливом.

Блюм села на кровати.

– Боже мой... Северная Корея собирается сбросить на нас атомную бомбу? – пробормотала она.

– Если так, то тогда понятно участие Давида Рота. И Сон Нам Чона. Быть может, это план Б Северной Кореи на случай, если мирные переговоры не увенчаются успехом? Нанести по нашей стране ядерный удар?

– Но если Северная Корея планирует нечто подобное, как объяснить похищение братьев Прист на военном вертолете? – спросила Блюм.

Этли пожала плечами.

– Может быть, им стало известно об этом плане и они решили отследить его до первоисточника?

– Значит, нам следует показать нашу находку... ну, я не знаю, директору ФБР? – спросила Блюм.

– Нет никаких доказательств, что все это – правда. Если мы отправимся в ФБР с тем, что у нас есть, то можем попросту исчезнуть.

– Люди в нашей стране не исчезают просто так.

– Скажите это братьям Прист. – Пайн немного подумала. – Но даже если у нас и будут доказательства, я не уверена, что нам следует их предъявлять.

– Что вы имеете в виду?

– Заместитель директора сделал все, чтобы снять меня с расследования. Он никогда не поступил бы так, не получив одобрения своего босса и босса своего босса. На самом деле это может идти сверху, Кэрол. – Она посмотрела на Блюм. – Я имею в виду *самый* верх.

Несколько секунд обе женщины молчали, осмысливая огромность такого варианта развития событий.

– Но мы должны *что-то* сделать, – наконец сказала Блюм.

Пайн согласно кивнула.

– Для начала нужно найти Давида Рота.

– Как?

– Последний раз его видели в Гранд-Кэньон. Подождите минутку... В файле есть что-то еще. – Она перелистнула еще несколько страниц, пока не нашла нечто новое. – Похоже на карту. А здесь указаны широта и долгота.

– Агент Пайн, это очень похоже на Гранд-Кэньон. – Блюм побледнела.

– Дерьмо, так и есть. – Этли, продолжавшая смотреть на карту, побледнела еще сильнее. – Как вы... как вы думаете, могли ли северные корейцы каким-то образом поместить ядерный заряд в каньоне?

– А Прист с Ротом об этом узнали...

Пайн кивнула.

– Тогда понятно, зачем Рот хотел попасть в Гранд-Кэньон, – чтобы найти бомбу.

Ее телефон загудел. Пришло текстовое сообщение.

– От Оскара Фабриканта. Он в России.

– И что пишет?

Этли прочитала сообщение:

– «Проверьте смерть Фреда Уормсли. Он был очень близок к Роту и отцу Рота».

Пайн вышла в Интернет и нашла нужную статью.

– Так... здесь сказано, что некоторое время назад тело Фреда Уормсли нашли в Потомаке, рядом с островом Трех Сестер. Полиция предполагает, что он упал в воду, когда находился на мемориальном бульваре Джорджа Вашингтона, течение затащило его на глубину, и он утонул.

– Но Фабрикант, очевидно, думает иначе, – заметила Блюм.

– Не исключено, что Давид Рот с ним солидарен. – Этли обратила внимание на другую часть истории. – Уормсли работал в Управлении национальной безопасности и занимал там очень высокое положение. Вот почему полиция проводила более тщательное расследование, чем обычно. В любом случае они пришли к выводу, что это был несчастный случай, но теперь я начинаю думать, что на них надавили, чтобы они закрыли дело.

Блюм погрузилась в размышления.

– Ладно, Рот был экспертом по ОМП, – наконец заговорила она. – Он узнал о заговоре северных корейцев – возможно, от Уормсли. А тот, в свою очередь, получил информацию по своим каналам в УНБ. Затем его убили –

возможно, Сон Нам Чон. После этого Рот вошел в контакт с Пристом. Каким-то образом им удалось выяснить, что ядерный заряд спрятан в Гранд-Кэньон. Тогда Рот под видом Приста решил спуститься вниз с целью проверить, так ли это, но чтобы никто не знал, что он в курсе дела. Может быть, он пытался обезвредить заряд?

– Ну, я не знаю... – ответила Пайн. – Но почему Рот обратился именно к Бену Присту?

– Может быть, они были давно знакомы. И Прист ему помогал.

– Но если Рот знал, что в Гранд-Кэньон находится ядерный заряд, почему он не обратился в правительство? – спросила Пайн.

Блюм снова задумалась.

– Может быть, опасался, что, если Северная Корея узнает, что у нас появились подозрения касательно их планов, они просто его подорвут. Может быть, Рот пытался незаметно его разрядить. Тут я строю предположения. Я понятия не имею, как работает атомное оружие.

– Я тоже. Мне лишь известно, каковы бывают последствия взрыва.

– Хорошо, что будем делать дальше?

– Я полагаю, пришло время возвращаться на Запад.

– Слава богу, – обрадовалась Блюм. – А то мне уже начинает казаться, что мой загар побледнел. – Она смущенно улыбнулась. – Извините, дурная шутка. Я начинаю так себя вести, когда нервничаю.

Этли уже вводила какие-то цифры в компьютер.

– А что, если долгота и широта обозначают место, где заложен ядерный заряд? Может быть, Рот пытался кое-что сказать тем, кто найдет мертвого мула. Дж. и к.? Эти буквы могут быть наводкой на тайную пещеру для тех, кому известна легенда.

– Слишком много вопросов, на которые нам требуются ответы, – заметила Блюм.

– И эти ответы находятся в одной из самых глубоких дыр в земле, – сказала Пайн.

Глава 46

В одиннадцать часов утра по кредитной карте были куплены два билета в один конец из Национального аэропорта Рональда Рейгана, Вашингтон, до Флагстаффа, штат Аризона. Самый быстрый рейс предлагал «Американ эйрлайнс» с посадкой в Фениксе, откуда самолет почти сразу отправлялся во Флагстафф. Дата вылета – через три дня после приобретения билетов.

Номер кредитной карты Кэрол Блум заметили все заинтересованные стороны. Были собраны ударные отряды, в аэропорт Рейгана отправили группу разведки, чтобы детально изучить обстановку на месте и подготовить все необходимое для ареста Блум и Пайн до того, как они поднимутся на борт самолета.

Однако люди, стоявшие во главе операции, испытывали некоторое беспокойство: ведь Блум вполне могла появиться одна. Поэтому два других аэропорта, а также железнодорожный и автобусный вокзалы в округе Колумбия также были взяты под наблюдение.

Второй отряд на всякий случай отправился во Флагстафф. Кроме того, дома Пайн и Блум, а также офис в Шеттерд-Рок уже некоторое время находились под наблюдением.

Теперь им оставалось только ждать.

* * *

– Куда вы хотите поехать? – Водитель такси с подозрением посмотрел на Пайн и Блум.

Это был черный мужчина лет шестидесяти в фетровой шляпе; на широкой груди болтались очки на цепочке, ворот клетчатой рубашки открывал грудь, заросшую седыми волосами.

– Харперс-Ферри, Западная Вирджиния, – ответила Пайн.

– Леди, вы же знаете, что находитесь в Вирджинии, а не в *Западной* Вирджинии? – спросил таксист.

– Я умею читать карту, – ответила Пайн.

– А вам известно, как далеко отсюда до Харперс-Ферри?

– Примерно сто миль. Вы сможете проделать весь путь за два часа.

– Черт подери, что вы такое говорите? Послушайте, мэм, я не езжу

в Западную Вирджинию.

Пайн показала ему пять купюр по пятьдесят долларов. Она воспользовалась кредиткой приятеля, чтобы снять с его счета наличные.

– Здесь двести пятьдесят долларов. Вы все еще не ездите в Западную Вирджинию?

Водитель задумался.

– Однако мне придется возвращаться, – заявил он.

– Тем не менее вы гарантированно получите более пятидесяти долларов за час. Я сомневаюсь, что для вас это невыгодно.

Блум достала из кошелька еще сто долларов.

– А это компенсация за бензин, – добавила она. – И за то, что вы невероятно симпатичный человек.

– Должно быть, вам обеим очень нужно добраться до Харперс-Ферри. Зачем?

– Я слышала, что это место имеет интересную историю, – заявила Пайн.

– И у вас нет машины?

До того как купить по кредитке билеты на самолет, Блум отвезла «Мустанг» в аэропорт Рейгана и оставила на долговременной стоянке, чтобы добавить достоверности тому, что они собираются лететь во Флагстафф.

– Мы приехали в гости из другого города, – сказала Пайн.

Таксист кивнул.

– Ладно. Дело в том, что я готов взять ваши деньги, но вам будет намного дешевле поехать на автобусе или на поезде.

– Я не люблю толпу, – ответила Пайн. – Вы берете заказ или нет? Если, конечно, не можете заработать больше в другом месте.

Мужчина посмотрел на их вещи.

– И это всё? У вас нет другого багажа?

– Да, больше ничего у нас нет. – Пайн кивнула.

Он пожал плечами и надел очки.

– Ладно, леди, поехали.

Они добрались до железнодорожного вокзала в Харперс-Ферри чуть больше чем за два часа. Городок находился на границе двух Вирджиний. Деревянный вокзал был построен в викторианском стиле и выкрашен в красный цвет. В качестве фундамента использовали старые военные сооружения.

Они заплатили обещанные деньги, и таксист достал из багажника их сумки.

– Надеюсь, вы насладитесь *историей*, – сказал он, похлопав по карману, в который положил купюры.

– Может быть, у нас появится своя история, пока мы будем здесь находиться, – сказала Блюм.

Водитель усмехнулся и легонько толкнул ее в плечо костяшками пальцев.

– Тогда вперед!

Он уехал, а через тридцать минут на вокзал с ревом ворвался поезд «Амтрак кэпитол лимитед».

Они заранее купили билеты за наличные на другой станции. Когда женщина в кассе попросила предъявить удостоверение личности, Пайн показала ей значок.

– ФБР, под прикрытием, – тихо сказала она. – Я сопровождаю ценного свидетеля. Надеемся поймать очень плохих парней. Никому про нас не рассказывайте.

Кассирша, женщина в почтенном возрасте, посмотрела на Блюм и улыбнулась.

– Вы благородно поступаете, милая. Я никому не скажу ни слова.

Блюм улыбнулась в ответ.

– Мы все делаем, что можем.

Поезд отошел от платформы, опоздав всего на пару минут.

Они купили билеты в спальном вагоне с собственной ванной и душем. Положив сумки, уселись на голубой диванчик и стали смотреть в окно на проплывавшие мимо картины Западной Вирджинии. Вскоре будет Мэриленд, затем Пенсильвания и Огайо, потом Чикаго, где им предстояло пересесть на Главный Юго-Западный поезд. Они придут в Аризону задолго до того, как самолет, на который они купили билеты, вылетит из аэропорта Рейгана.

Пайн оглядела купе.

– Я никогда прежде не ездила на поезде. А вы?

– Однажды, – ответила Блюм. – Вдоль калифорнийского побережья. Мне было шестнадцать, и я первый раз покинула дом, ехала в гости к тете. Я тогда получила огромное удовольствие. Чувствовала себя свободной как птица. А три года спустя стала мамой, и мне удавалось поспать не более двух часов за ночь.

Они пообедали в вагоне-ресторане. Блюм заказала бокал вина, Пайн, как всегда, пиво. Обе женщины легли спать не раздеваясь: Этли – на верхней полке, Кэрол – на нижней. Мерное покачивание поезда помогло Пайн быстро заснуть, и она не проснулась до шести утра.

Они проехали Питтсбург в полночь, в Чикаго поезд прибыл в девять часов утра. Они вышли из вагона и позавтракали в кафе на вокзале, огромном здании на западном берегу реки Чикаго.

Пайн и Блюм предстояло убить шесть часов до отхода Главного Юго-Западного поезда.

Пока они ели, секретарша смотрела телевизор, висевший на стене.

– О господи, – пробормотала она.

Пайн взглянула на экран и увидела фотографию Оскара Фабриканта. Внизу шла бегущая строка: АМЕРИКАНСКИЙ УЧЕНЫЙ НАЙДЕН МЕРТВЫМ В МОСКВЕ. ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО ЭТО САМОУБИЙСТВО.

Пайн и Блюм переглянулись.

– Он не стал бы кончать с собой, – тихо сказала Пайн.

– Как они его нашли? – спросила Блюм.

– Должно быть, узнали, что он встречался с нами. Может быть, от двух фальшивых полицейских. – Этли ударила ладонью по столу. – Мне не следовало его отпускать. Он уже тогда был мертвецом.

– Вы не могли его остановить, – сказала Блюм.

– Взяли бы с собой.

– Но мы не можем брать с собой всех, с кем сталкиваемся, чтобы защитить их. Все мы в конечном счете погибнем. Но это так ужасно... – Блюм содрогнулась.

Пайн посмотрела на нее.

– Я считаю, что будет лучше, если вы останетесь здесь, Кэрл. Снимите комнату в отеле и поживите тут несколько дней.

– Если я воспользуюсь своей кредитной карточкой, они постучат в мою дверь через час. – Она указала на экран. – И я не хочу, чтобы обо мне написали бегущей строкой, будто я покончила с собой.

– Но вы можете найти место, где берут наличные, – возразила Этли.

Блюм упрямо покачала головой.

– Я не позволю вам сделать это в одиночку, агент Пайн. Вы сами сказали: мы – единое целое, команда. И я считаю, что очень неплохо работаем вместе.

Пайн долго смотрела на нее.

– Вы так не думаете? – спросила Блюм и нахмурилась.

– Я давала клятву, а вы – нет. Давала подписку, понимая, какая опасность мне может грозить. А вы – нет.

Блюм махнула рукой.

– О, вам не следует об этом беспокоиться. Я знаю, что не являюсь

специальным агентом, как вы, но я работаю в ФБР и обещаю на совесть выполнять свои обязанности. И собираюсь сдержать слово. Кроме того, я вырастила шестерых детей, не потеряв ни одного. Так что можете не сомневаться: я сумею помочь и вам.

Пайн улыбнулась.

– Вы однажды уже спасли мне жизнь. В аэропорту.

Блюм наклонилась над столом и похлопала Этли по руке.

– И если потребуется, сделаю это снова. Мы с вами две крутые женщины в мире мужчин. Вы можете назвать мне более уважительную причину, чтобы держаться вместе?

Улыбка Пайн стала еще шире.

– На самом деле не могу.

Глава 47

Главный Юго-Западный поезд № 3 вышел из Чикаго с двумя локомотивами П43 и девятью пассажирскими вагонами и покатил на Юго-Запад Соединенных Штатов. В нем находилось четырнадцать человек обслуживающего персонала и сто тридцать пассажиров. Максимальная скорость, которую он развивал на длинных участках пути, достигала девяноста миль в час. Однако средняя была немногим больше пятидесяти пяти миль в час, и поезду предстояло преодолеть две тысячи двести миль до Лос-Анджелеса, сделав тридцать одну остановку в восьми штатах.

Пайн и Блюм устроились на своих местах, когда поезд выезжал из центра Чикаго.

– Как вы думаете, грозит ли опасность кому-нибудь еще из «Общества за Бога»? – спросила Блюм.

– Я никого не могу вычеркнуть, – ответила Пайн. – Но, надеюсь, они сообразят, что происходит, и постараются затаиться.

– Может, имеет смысл позвонить кому-то в ФБР? – продолжала секретарша. – Тому, кому можно доверять? Я хочу сказать: если атомная бомба находится в Гранд-Кэньон, они должны об этом узнать.

Пайн не стала отвечать сразу.

– Нет, Кэрол, – наконец заговорила она. – Если Рот, инспектор по ОМП, узнал о ядерной бомбе в каньоне, что он должен был сделать в первую очередь? Или Бен Прист, если уж на то пошло? Я хочу сказать, что не верю в их предательство.

На лице Блюм появилось недоумение.

– Им следовало немедленно обратиться к властям, – сказала она.

– Однако они этого не сделали. Армейский вертолет увез обоих братьев Прист. Парни, как мне показалось, похожие на федералов, собирались забрать Саймона Рассела, чтобы подвергнуть его пыткам. Затем нас едва не убили два фальшивых копа в аэропорту. И мы видели, что люди, выглядевшие как военные, ворвались в дом Курта Ферриса.

– Иными словами, вы считаете, что наши люди оказались плохими парнями, – сказала Блюм.

– Я понятия не имею, известно ли им про атомную бомбу, – быть может, они лишь пытаются предотвратить утечку, чтобы не началась всеобщая паника. Но прямо сейчас наше правительство похищает направо и налево американских граждан и совершает странные и отвратительные

поступки. Складывается впечатление, что эти люди забыли о том, что такое закон.

– Господи, с тем же успехом мы могли бы находиться в Северной Корее или Иране, – пробормотала Блюм.

– Или в России, – добавила Пайн. – Потому что они также вовлечены в эту историю. – Она помолчала, на лице у нее появилось недоумение. – Вот уж не думала, что русские и северные корейцы такие хорошие союзники, что работают вместе, чтобы заложить атомную бомбу на территории Америки. Неужели они хотят начать третью мировую войну? Если так, то победы им не видать. Как и любой другой стране, которая захочет выступить против нас.

– Но как могли северные корейцы или русские доставить сюда ядерный заряд так, что никто об этом не узнал? – спросила Блюм. – Seriously, разве такое возможно?

– Полагаю, они привозили его по частям в течение длительного времени. А потом собрали в пещере, находящейся в стороне от обычных туристических маршрутов, о которой никто не знает. Ведь туристы не проходят через контрольно-пропускной пункт или магнитометр, когда собираются спуститься вниз.

– Так вы считаете, что широта и долгота показывают, где именно расположена пещера? – спросила Блюм.

– Да. – Пайн кивнула.

– А что мы будем делать, когда вернемся в Аризону?

– Я и сама пока не знаю. Но нам предстоит долгая поездка на поезде, чтобы принять решение.

Этли вышла из купе и отправилась в вагон, где продавали закуски и напитки. Она купила пиво и чипсы и села в одиночестве в вагоне с большими окнами, отведенном для туристов.

Потом решила позвонить и взяла телефон.

– Алло?

– Привет, Сэм, это Этли.

– Этли, у тебя новый номер?

– Да, я путешествую. И пользуюсь другим телефоном. Как дела?

– Всё в порядке. Ты скоро вернешься?

– Да, я уже на пути домой. Как прошел концерт?

– Что?

– Карлос Сантана.

– О, хорошо. Просто классно. Чувак еще способен зажигать. Я взял с собой приятеля. Но с тобой было бы гораздо веселее.

– Я рада это слышать. Кстати, Сэм, есть какие-то новости о Ламберте или Райсе?

– Нет; только то, что они перебрались в Юту.

– Их уже кем-то заменили?

– К сожалению, нет. Нам придется работать за них, пока не придут новые люди. А как твое расследование?

– Мне удалось продвинуться вперед. Однако выяснилось, что все немного сложнее, чем я думала.

– Ну, надеюсь, ты сумеешь поймать тех, кто убил мула. Я все еще не могу поверить, что кто-то мог поступить так жестоко... Ну что мог несчастный мул кому-то сделать?

– Я с тобой согласна. Ты дежуришь в ближайшие две ночи?

– Да. Но если ты захочешь куда-нибудь сходить, когда вернешься, я попробую поменяться сменами. Впрочем, может быть, ничего не получится – нам не хватает людей.

– Нет, дело не в этом. Я... я подумала, что было бы неплохо побродить по каньону ночью.

– Ладно, только дай мне знать заранее, и я позабочусь, чтобы мы там встретились. – Сэм рассмеялся. – И прихвачу для тебя пиво.

– Хорошо, звучит очень привлекательно.

– Но ты ведь не собираешься туда в одиночку? – неожиданно спросил он.

– Знаешь, я уже взрослая девочка и пару раз гуляла там одна.

– Но это все равно не самый разумный поступок.

– А я и не говорю, что я – разумная девочка, Сэм.

Позднее Пайн и Блюм отправились в вагон-ресторан, чтобы поесть. Им пришлось сидеть с двумя другими пассажирами, и они не смогли поговорить.

В половине первого ночи поезд остановился в Лоуренсе, штат Канзас. Два пассажира вошли, но никто не вышел. Через пять минут поезд тронулся. Но не прошло и нескольких минут, как он снова начал тормозить.

– Еще одна остановка? – пробормотала Блюм, успевшая задремать.

Пайн села и загрузила в телефоне расписание движения поезда.

– Следующая остановка в Топике, примерно через полчаса, – сказала она.

– Тогда почему поезд останавливается?

Этли уже выхватила пистолет.

– Хороший вопрос.

Через минуту послышался скрежет, и поезд затормозил так резко, что

их отбросило на стену.

Еще один толчок.

А потом могучий Юго-Западный поезд застыл на месте.

Глава 48

– Что случилось? – спросила Блюм, потирая плечо, ушибленное о стенку.

– Я думаю, мы на что-то налетели, – ответила Пайн и быстро надела туфли. – У вас пистолет сверху? – прошептала она.

– Нет.

– Тогда доставайте его, – резко сказала Этли.

– Но вы не думаете?..

– Я не знаю наверняка, так что ответ – «да».

Пайн отодвинула занавеску и выглянула в окно, но было слишком темно, чтобы что-то разглядеть.

Она услышала звук шагов – кто-то быстро шел по коридору. Этли приоткрыла дверь купе и увидела спешившего куда-то проводника.

– Что случилось? – спросила она.

– Я не уверен, мисс... Оставайтесь в купе. Как только ситуация прояснится, вам сообщат по громкой связи.

Он быстро зашагал дальше и вскоре скрылся из виду.

Пайн слышала шорох открывающихся внешних дверей вагона; через несколько мгновений свет в поезде дважды мигнул и погас, и все погрузилось в темноту.

В соседних купе кричали люди.

Этли достала из сумки фонарик, сказала Блюм, чтобы та оставалась на месте, а сама выскользнула в коридор.

И хотя поезда иногда на что-то налетают, Пайн совсем не нравилась возникшая ситуация. Она не верила в совпадения.

Пайн медленно двинулась по коридору, изредка направляя луч фонарика вперед и в окно, пытаясь что-то разглядеть в канзасской ночи. Однако она ничего не видела, и никто не делал объявлений по громкой связи. Свет не загорался, поезд продолжал стоять на месте.

В остальном все шло хорошо.

Пайн напряглась, когда услышала новый звук.

Плакал ребенок.

Поезд внезапно дернулся, тут же снова остановился, и Этли с трудом устояла на ногах.

Снова слышались крики.

Пайн побежала в ту сторону, откуда они доносились. Как только

оказалась рядом, нажала на кнопку открывания двери. Та с шипением открылась, и Пайн перешла в следующий спальный вагон.

Она посветила фонариком вдоль коридора, но сначала ничего не увидела.

А затем луч поймал маленькую фигурку.

Это была девочка лет шести, застывшая посреди прохода и сжимавшая в руках потрепанную куклу.

Девочка выглядела напуганной и негромко плакала.

Пайн убрала пистолет, отвела луч фонарика от лица малышки и поспешила к ней.

– Ты в порядке? – спросила она, опускаясь на колени рядом с девочкой. – Где твои родители?

Девочка покачала головой, всхлипнула и вытерла нос куклой.

– Я не знаю, – сказала она и снова всхлипнула. – Мама пошла в туалет. А... потом стало совсем темно. Я стала искать мамочку. Но... я не знаю, где она.

– Ладно, мы ее найдем. Как тебя зовут?

– Дебби.

– Хорошо, Дебби. Мы обязательно отыщем твою маму. Ты знаешь, в какую сторону она пошла?

Дебби огляделась.

– Я не знаю. Здесь так темно... – Она снова заплакала.

Этли взяла ее за руку.

– Так, я пришла оттуда, и никого по пути не встретила. Значит, твоя мама направилась в противоположную сторону. Пойдем посмотрим.

Они прошли по коридору до самого конца, где находился туалет.

– Как зовут твою маму?

– Нэнси.

Пайн постучала в дверь.

– Нэнси? Вы здесь? Ваша дочь Дебби со мной.

– Мамочка! Мамочка! – закричала Дебби.

И принялась колотить в дверь.

Пайн открыла ее и заглянула внутрь. Там никого не оказалось.

Она посмотрела на Дебби.

– Ты уверена, что мама пошла в туалет?

Девочка кивнула.

– Так она сказала. В нашей комнате его нет. Она велела мне ждать ее в купе. А потом стало темно.

– Давай поищем еще, Дебби; я уверена, твоя мама где-то рядом.

Они прошли в следующий вагон, где встретили две пожилые пары, ощупью пробиравшиеся в темноте.

– Вы знаете, что случилось? – спросил мужчина, сжимавший руку женщины – Пайн решила, что это его жена.

– Возможно, поезд натолкнулся на что-то, – ответила Этли. – Вы не видели здесь молодую женщину? У меня ее дочь. Они потеряли друг друга.

– О, бедняжка, – сочувственно заговорила одна из женщин. – Но мы никого не видели. Мы сами только что вышли из купе.

– Я слышал, как кто-то совсем недавно прошел мимо, – вмешался другой мужчина. – Но не видел, кто.

– Спасибо, – сказала Пайн. – Вам лучше вернуться в купе. Здесь вы можете упасть и получить травму.

Она и Дебби перешли в следующий вагон, и Этли начала беспокоиться. А что, если мать девочки ушла в другую сторону? Что, если она вернется и не найдет дочь? Женщина может запаниковать.

Затем у нее за спиной послышался какой-то шум. Пайн резко обернулась, положив руку на кобуру, но почти сразу расслабилась, когда из темноты выступила Блюм.

И тут же напряглась снова, когда поняла, что Кэрол не одна.

Кто-то находился у нее за спиной. Невысокий мужчина, потому что Блюм почти полностью закрывала его от Пайн.

В следующее мгновение он отступил немного в сторону.

Сон Нам Чон держал Блюм за шею.

И сжал руку, когда увидел, что Этли потянулась к пистолету.

– Это будет очень неразумно. Подумайте о вашей подруге.

– Я сожалею, агент Пайн, – сказала Блюм. – Он напал на меня неожиданно.

– Что... такое? – спросила Дебби. – Кто этот мужчина?

– Один мой знакомый, Дебби, – ответила Этли.

– Он... делает ей больно?

Чон засунул руку в карман и вытащил пистолет.

Дебби закричала и отпрянула назад. Пайн шагнула вперед, закрыв собой девочку.

– Она ищет маму, – сказала она. – И не имеет никакого отношения к происходящему. Мы пойдем с вами. Но она должна остаться здесь.

Однако Чон и не думал соглашаться.

– Она всего лишь ребенок, – добавила Этли. – И ничего не может вам сделать.

Чон оглядел Пайн с головы до ног и коротко кивнул.

Пайн повернулась и посмотрела на Дебби.

– Ладно, я думаю, твоя мама в соседнем вагоне. Но я хочу, чтобы ты оставалась здесь до тех пор, пока она не придет за тобой, или один из проводников. Он будет в форме. Ты знаешь, как они выглядят, верно?

Дебби посмотрела на Пайн снизу вверх и кивнула.

– Ты... ты меня оставишь? – спросила она, схватив Этли за руку.

– Совсем ненадолго. Мы должны сходить кое-куда с этим мужчиной.

– Он плохой?

– Дебби, я просто хочу, чтобы ты оставалась здесь, хорошо? Ты ведь храбрая девочка и сделаешь это для меня?

Наконец Дебби кивнула, но в ее глазах стояли слезы.

Пайн посмотрела на куклу у нее в руках.

– Как зовут твою куклу?

– Гермiona.

– Как подругу Гарри Поттера?

Дебби снова кивнула.

Пайн присела перед ней на корточки и обняла.

– Я вернусь, чтобы проверить, как у тебя дела, – сказала она.

– Обещаешь? – спросила Дебби.

– Обещаю.

Потом Этли встала и посмотрела на Чона.

– Пошли, – сказала она.

Глава 49

Они вернулись в свое купе, так никого и не встретив по дороге, хотя слышали голоса людей.

Пайн шла первой, за ней следовали Блюм и Чон, который закрыл за ними дверь.

– Садитесь, – приказал кореец.

Женщины сели на нижнюю полку.

– Достаньте пистолет и положите на пол, – велел Чон, направив оружие в голову Пайн.

Она выполнила приказ.

– Подтолкните ко мне ногой, – сказал он.

Этли так и сделала. Он наклонился, поднял «Глок» и положил его на маленький металлический столик, находившийся у него за спиной. Пайн заметила, что рядом лежит пистолет Блюм.

– И второй пистолет, пожалуйста, – сказал Чон. – Я знаю, что у вас есть запасное оружие.

Пайн достала пистолет из кобуры на щиколотке и толкнула его по полу в сторону корейца. Тот убрал его себе за спину.

– Как вы узнали, что мы в этом поезде? – спросила Пайн.

– Это единственный поезд, идущий в Аризону. И вы оказались единственными пассажирами, заплатившими за билеты наличными. Судя по всему, вы скрыли свои имена от кассира. Поэтому она просто назвала вас Джейн и Джуди Доу. Настоящий красный флаг.

Пайн состроила гримасу.

– Вам каким-то образом удалось остановить поезд. Вы поставили на железнодорожные пути машину или сделали что-то другое?

– Не имеет значения.

– Хорошо, чего вы от нас хотите?

Чон засунул руку в карман и что-то оттуда достал.

– Этого человека.

Он бросил Этли листок бумаги, она поймала его и осветила его лучом фонарика.

Это была фотография Давида Рота.

Пайн и Блюм посмотрели на Чона.

– Я не знаю, где он, – сказала Этли.

И вновь кореец так быстро нанес удар, что она даже не успела

поставить блок, и ее отбросило на стену.

Когда Блюм встала и попыталась его атаковать, он просто схватил ее запястье и выворачивал его до тех пор, пока она не вскрикнула и не упала на пол, задыхаясь от боли.

Пайн медленно села и вытерла кровь с губ.

– Я не для того проделал весь этот путь, чтобы слушать ваше вранье. Мне доподлинно известно, что вы *знаете* ответ на мой вопрос, – заявил Чон.

– Я тоже ищу Рота, – сказала Этли, сплевывая кровь. – Но не нашла его. Пока.

– У вас есть предположения насчет того, где он может находиться? – спросил Чон.

– Думаю, да.

– Где?

Пайн посмотрела на лежавшую на полу Блюм.

– Если я расскажу вам, вы ее отпустите?

Кореец покачал головой.

– Она не маленькая девочка.

Блюм медленно поднялась и села рядом с Пайн.

– Вот и отлично, потому что я никуда не уйду. – Она стряхнула пыль с одежды, сложила руки на коленях и вежливо сказала: – А теперь скажите этому милому человеку, где, по-вашему, находится мистер Рот, агент Пайн.

Та не ответила.

– Ну, тогда эта честь достанется мне. – Кэрл посмотрела на Чона. – Мы считаем, что мистер Рот во Флагстаффе. Туда мы и направляемся. Правда, вы и сами знаете, потому что проверили наши билеты.

– А почему именно во Флагстаффе?

– Там есть офис ФБР. Самый крупный из всех, расположенных рядом с Гранд-Кэньон. Мы считаем, что он собирается сдать власть.

– Зачем ему сдаваться? – резко спросил Чон.

– Мы думаем, что он напуган. Он не хочет умирать. И считает, что ФБР сможет его защитить.

– А оно сможет? – наконец заговорила Пайн, глядя на Чона.

– Вы *меня* спрашиваете? Это же ваш работодатель, а не мой, – холодно ответил тот.

– Не имеет значения, – сказала Этли, повторив недавнее заявление корейца. – Я хочу знать *ваше* мнение.

Чон обдумал ее слова.

– Сомневаюсь, что кто-то способен его защитить. И менее всего –

ваши люди.

– Ну, значит, хотя бы по одному вопросу мы пришли к согласию. Зачем он вам нужен?

– Я полагаю, это очевидно.

– Не для меня. Если только вы не хотите забрать ядерный заряд.

Чон оценивающе посмотрел на нее.

– Мир сложно устроен, агент Пайн. Гораздо сложнее, чем вы полагаете.

– Я думаю, что доставка ядерного заряда на территорию Соединенных Штатов и убийство моих сограждан – предельно простая вещь. Это безумие! У вас есть все основания действовать со мной заодно.

– И почему же? – осведомился Чон.

– Если произойдет ядерный взрыв, Северная Корея перестанет существовать. Мы вернем ее в каменный век.

– Совершенно с вами согласен.

Пайн хотела сказать что-то еще, но лишь в изумлении на него уставилась.

– Вы... вы согласны? – вновь вступила в разговор Блюм.

– Конечно, – ответил Чон. – Зачем еще я здесь?

– Почему бы вам не объяснить нам все? – сказала Пайн. – Потому что я не вижу в происходящем ни малейшего смысла.

– Моя задача не в том, чтобы что-то объяснять. И если вы мне не поможете, тогда... – Он пожал плечами.

– Что тогда? Вы нас убьете? Зачем?

– Если я оставлю вас в живых, вы заметно усложните мою задачу.

– Пожалуй, я вас понимаю, – сказала Пайн.

– Ваша честность вызывает уважение.

– Вы кажетесь слишком милым для такого рода работы, – заметила Блюм.

– Ваши наблюдения обманывают вас, мэм, – сказал Чон. – Я совсем не милый человек. Вовсе нет. И вам, к несчастью, предстоит это узнать на собственном опыте.

И тут поезд сдвинулся с места.

Это застало всех врасплох, и Чон слегка качнулся назад. Пайн же наклонилась вперед, опустив голову между коленями, словно ее сейчас стошнит.

Ее пальцы сомкнулись вокруг металлической трубы. Она видела, как проводник с ее помощью опустил верхнюю полку, а потом засунул в специальный кронштейн, когда закончил подготовку к ночлегу.

Пайн резко выпрямилась и нанесла два быстрых удара подряд: сначала по руке Чона, выбив из нее пистолет, затем – в челюсть, и его отбросило к противоположной стене.

Кореец прижал одну руку лицу, а другую к спине – в этот момент Этли нанесла ему мощный удар ногой, и его швырнуло на окно вагона.

Он оттолкнулся от стекла и метнулся вперед. Одновременно Пайн бросилась к своему пистолету, который упал на пол со столика после того, как Чон его задел. Скользнула по полу, схватила оружие, ударившись о стену, повернулась и выстрелила.

Пуля не попала в корейца, но разбила окно.

Чон метнулся к Пайн и ногой выбил пистолет из ее руки, одновременно ударив кулаком в бок – в результате у нее вновь отнялась левая сторона, и она начала задыхаться.

Дерьмо, все начинается снова.

Противник выпрямился, чтобы нанести смертельный удар ногой в голову, когда его самого отбросило назад, и он схватился за голову.

Блюм ударила его трубой.

Из рассеченного лба хлынула кровь. Кореец повернулся, чтобы прикончить Блюм, когда Пайн ударила его сзади коленом в основание спины, отшвырнув на разбитое стекло.

Когда поезд начал набирать скорость, она обхватила ногами ноги Чона, соединив их вместе, одновременно руками прижала его руки к бокам и наклонилась вперед, толкнув лицом на стекло. А потом завела правую руку под правую лопатку корейца и резко надавила вперед и вверх. Тело более низкого Чона стало медленно подниматься, и он уже едва касался пола большими пальцами ног. Это было совсем не просто, поскольку Этли не могла развести ноги, чтобы получить надежную опору и более эффективно поднять Чона. Однако она понимала: если его ноги получат хотя бы дюйм свободы, он мгновенно убьет их обеих.

Пайн могла бы попросить Блюм взять один из пистолетов, но не хотела ставить ее перед необходимостью хладнокровно убить корейца выстрелом в голову. К тому же существовала вероятность, что она промахнется и пуля заденет Пайн или пройдет через тело корейца и прикончит ее – ведь она плотно к нему прижималась.

Этли не могла долго удерживать Чона – у нее просто не хватило бы сил. Но она быстро придумала, как с ним справиться.

– Кэрол, – выдохнула Пайн. – Окно... уплотнитель.

Блюм потребовалось несколько мгновений, чтобы понять, что имела в виду Этли. Затем она бросилась вперед, схватила красный рычаг и рванула

его вверх.

Чон, понявший, что они пытаются сделать, начал отчаянно вырываться, резко откинул голову назад и попал Пайн в челюсть. Она быстро отвернула лицо и поморщилась. Однако сумела удержать его, продолжая прижимать к разбитому стеклу, пока Блум вытаскивала резиновый уплотнитель.

Как только Кэрол справилась с этой задачей, она схватилась за край стекла и с силой толкнула его. Стекло вышло из пазов и выпало наружу. В купе ворвался ветер, который принялся трепать занавески.

Пайн знала, что наступил момент истины. Теперь, когда стекло исчезло, она практически лишилась рычага давления. Чон продолжал отчаянно вырываться, но его ноги не касались пола и он не мог получить опоры для удара.

Внутренний свет в поезде включился – и тут же снова погас.

Этли, не ослабевая хватки, продолжала медленно, дюйм за дюймом, поднимать более низкого корейца. Ее тело, руки и ноги стали подобны трубе, которая медленно, но неумолимо выталкивала Чона все дальше в сторону окна. В ее сознании возник чудовищный образ удава, пожирающего свою жертву, и Пайн была совсем недалеко от истины. Если не считать того, что она хотела выбросить корейца, а не проглотить.

Этли все больше наклонялась вперед, пока верхняя часть тела корейца не оказалась на самом краю окна. Иными словами, Чон уже наполовину вывалился наружу.

Как и сама Пайн.

Поезд уже ехал со скоростью двадцать миль в час, но продолжал набирать ее.

На Чона и Этли обрушились порывы сильного ветра; оба, не обращая на него внимания, смотрели вниз. Пайн видела не только спину корейца, но и проносившийся мимо ландшафт. Местность была плоской как блин. Лоуренс, штат Канзас, остался далеко позади, и они быстро удалялись от него.

Этли достигла границы зоны собственной безопасности и понимала, что у нее есть всего несколько дюймов, а потом она вылетит наружу. Вес Чона и угол, под которым она его держала, требовали предельного напряжения всех мышц, и Пайн не сомневалась, что совсем немного, и они вместе вывалятся в окно. И хотя поезд не успел набрать большой скорости, удар о землю, скорее всего, отбросит их под колеса. А это будет означать мгновенную смерть для обоих.

Пайн уже начала задыхаться, когда почувствовала за спиной Блум,

которая схватила ее сзади за талию и потянула назад, давая ей столь необходимый дополнительный вес.

Этли приготовилась. Она уже почувствовала, что кореец начал высвобождать правую руку, а ее силы почти иссякли. Она досчитала до пяти.

Давай, Этли. Удержи штангу. Всего пять секунд. Еще пять секунд, и ты получишь золото.

Она охнула и громко вскрикнула, когда Юго-Западный поезд рванул вперед, включив двойные двигатели на полную мощность. Внезапное ускорение едва не выбросило всех троих наружу, но Блюм резко отклонилась назад, и ее вес компенсировал увеличение скорости.

Три...

Пайн понимала, что должна выбрать правильный момент для последнего усилия. Она не могла позволить Чону схватить ее за руки или ноги. Она так устала, что, если кореец останется в купе, обе могут попрощаться с жизнью. Пайн хотела, чтобы они с Блюм сохранили в целости все свои позвонки.

Она так сильно наклонилась вперед, что едва дышала из-за ветра, хлеставшего в лицо.

Два...

Пайн напрягла все связки и сухожилия, приготовившись отпустить корейца; она чувствовала, как бьется сердце Чона возле ее груди.

И свое собственное.

Один...

Этли отпустила ноги Чона и толкнула его в спину.

Почувствовала, как его оказавшиеся на свободе руки мечутся в воздухе. Корейцу каким-то образом удалось повернуться боком, и он попытался ухватиться за края окна.

Свет в поезде снова зажегся. Пайн оказалась лицом к лицу со своим врагом.

Она видела его черты, в то время как ветер продолжал атаковать их тела. Наверное, на ее лице было такое же выражение.

Ужас.

Внезапно Чон протянул руку и сжал ее развевавшиеся на ветру волосы – как раз в тот момент, когда Пайн перестала удерживать его ноги.

Он вырвал часть волос с корнем, хотя его ноги уже танцевали в пустоте.

Пайн отпрыгнула назад, когда он попытался достать ее ударом ноги в лицо.

А потом ветер подхватил его, и кореец оказался за окном, полностью потеряв равновесие.

Мгновение казалось, будто он парит в воздухе, но уже в следующую секунду Чон исчез, точно пассажир самолета, потерявшего герметизацию. Его рвануло в сторону, и он пропал из виду.

Пайн повалилась назад на протянутые руки Блюм.

Несколько минут обе женщины лежали на полу, дрожа и задыхаясь.

Наконец они медленно начали подниматься, а свет в поезде погас и снова зажегся.

Через несколько секунд дверь их купе сдвинулась в сторону, и к ним заглянул проводник. Увидев, что в окне нет стекла, а занавески бешено треплет ветер, он отшатнулся и воскликнул:

– О господи!

Пайн села на нижнюю полку.

– Нам нужно другое купе. – Она сделала глубокий вдох. – Здесь разбилось окно.

Глава 50

Уинслоу, штат Аризона.

Не Флагстафф.

Пайн и Блюм вышли на станции примерно с часовым опозданием. Здесь же имелся отель. Этли решила, что кто-то мог ждать их во Флагстаффе, и, вполне возможно, встреча с ними не доставит им ни малейшего удовольствия.

Вопреки тексту известной песни, они приехали сюда вовсе не для того, чтобы расслабиться.

Однако, если уж продолжать аналогии с темой «Иглз», они заметили женщину, проезжавшую мимо в «Форде»-пикапе^[33].

Пайн помахала рукой, и Дженнифер Ядзи остановилась у тротуара.

Этли и Кэрол положили сумки в кузов и уселись плечом к плечу в кабине.

– Спасибо, что заехала за нами, Джен, – сказала Пайн, познакомив ее с Блюм.

– Никаких проблем. Что у тебя с лицом? – спросила Дженнифер, глядя на распухший подбородок и рассеченную губу Этли.

– Налетела на дверь.

– И почему я тебе не верю?

– Как Джо-младший?

– По-прежнему доводит нас до трясушки.

– Жаль слышать, – посочувствовала Пайн.

– Ты хочешь поехать домой или в офис?

– Нет, ни то ни другое. И я рассчитываю, что Кэрол сможет пожить некоторое время у вас с Джо, если вы не против.

Ядзи вопросительно посмотрела на Блюм, потом перевела взгляд на Пайн.

– Никаких проблем. Я удивилась, когда узнала, что ты приехала на поезде. Никто не говорил мне, что ты уехала. Где была?

– На Востоке. И если ты не против, я хотела бы взять на время ваше альпинистское и туристическое снаряжение.

– Снова уезжаешь?

– Собираюсь в каньон.

– В одиночку? – удивилась Ядзи.

– Таков план.

- Но почему?
- У меня отпуск. И я там уже довольно давно не была. Хочу немного размять мышцы.
- Я могу пойти с тобой, – предложила Ядзи.
- В свободное время?
- Ну, Джо может...
- У него его еще меньше, чем у тебя.
- Но ты же прекрасно знаешь, что там опасно путешествовать в одиночку.
- Я хотела составить ей компанию, – сказала Блюм. – Но не уверена, что сейчас способна на такие подвиги. Мои колени и бедро ведут себя не лучшим образом. Я буду лишь задерживать ее.
- Я не стану спешить и постараюсь соблюдать осторожность, – пообещала Этли. – Я ведь не собираюсь за один день пройти от одного края каньона до другого. Думаю, я проведу там несколько дней.
- Твой поход как-то связан с мулом, которого там убили? – спросила Ядзи. – И с пропавшим мужчиной?
- Ты об этом слышала?
- Ну, мы ведь не в Нью-Йорке живем. Конечно, люди исчезают здесь не так уж редко, но изуродованный мул – совсем другое дело.
- Нет, ничего такого; я просто хочу немного проветрить мозги.
- Когда ты планируешь выйти?
- Сегодня вечером.
- Ты только что вернулась. И это была долгая поездка. Мы можем спокойно пообедать и расслабиться перед тем, как ты отправишься в каньон.
- Не думаю, что у меня есть время для отдыха, Джен.

* * *

Позднее в тот же день Пайн сидела на диване, в подвале дома Ядзи в Туба-Сити.

Она уже посмотрела новости, в которых сообщалось, что Главному Юго-Западному поезду подали сигналы, требовавшие немедленной остановки. Затем возникли перебои в электрическом снабжении вагонов, несколько пассажиров получили ушибы, но никто серьезно не пострадал. Товарные поезда используют те же самые рельсы, поэтому сигнальная

система очень важна, чтобы исключить возможные столкновения. О разбитом окне ничего не рассказали.

Однако возле путей было обнаружено тело, сообщили в новостях, но пока установить личность потерпевшего не удалось.

Пайн сомневалась, что когда-нибудь это смогут сделать. Но зато теперь она могла не сомневаться, что Сон Нам Чон мертв.

Она одолжила у Ядзи необходимое снаряжение и проверила список, содержащий около восьмидесяти пунктов. В него входили надежные туристические ботинки с хорошим сцеплением с почвой, трекинговые палки, налобный фонарь, шляпа с широкими полями, солнцезащитный крем, аптечка, соленая еда, свисток и сигнальное зеркальце, спальный мешок, облегченный брезент и теплая одежда. Кроме того, она взяла с собой многоразовый пузырь для поддержания водного баланса в организме, который приводился в действие при закусывании мундштука. Все вместе весило менее двадцати пяти фунтов.

И, конечно, пару своих пистолетов. Конечно, они добавляли веса, но Пайн решила, что они станут самыми важными предметами из всех, что она захватила с собой.

Если она хотела вернуться обратно живой.

Блум, остававшаяся на втором этаже в дополнительной спальне, спустилась вниз и села рядом с ней на диване.

– Какой маршрут вы выберете?

– Либо «Сияющий ангел», либо Южный Кайбаб – я еще не решила.

– Вы уже поняли, где находится место с указанными координатами? – спросила Блум.

– Настолько, насколько это возможно. Отсюда определить точнее не получается.

– Что только подтверждает: идти туда в одиночку не следует.

– Но я не могу вызвать отряд агентов ФБР, Кэрл. На самом деле я никого не могу взять с собой, учитывая, что наше правительство по уши завязло в этой истории.

– Я могу...

– Нет, Кэрл, не можете.

Блум отвела взгляд.

– То, что произошло в поезде... – начала она.

– Вы спасли мне жизнь. У меня не было никаких шансов справиться с корейцем в одиночку.

– Это было честно; ведь я подвергла вашу жизнь опасности, когда позволила ему захватить меня врасплох.

– Я полагаю, никто не сумел бы победить его в одиночку, – сказала Пайн.

– Хорошо еще, что мы сумели вызволить девочку.

– Да, Дебби была сильно напугана. Маленьким детям необходимы родители.

– Так и есть, – сказала Блум, глядя на Пайн, но та продолжала смотреть в пол. – А если там действительно окажется атомная бомба, что вы будете делать?

– Надеюсь, мне удастся отыскать Давида Рота и он поможет мне ее обезвредить, – ответила Пайн.

– Его уже довольно давно не могут найти. Не исключено, что он мертв.

– Может быть. Однако я все равно должна попытаться.

– Вы же понимаете, что там могут быть и другие уроды, кроме покойного Сон Нам Чона, которые хотят заполучить Рота.

– Да, я понимаю, Кэрл.

– И они способны прийти к такому же выводу, что и мы, и думают, будто он все еще в каньоне.

– Из чего следует, что у меня будет там компания, – сказала Пайн.

Глава 51

«Пивная точка».

Впечатляющий вид отсюда послужил причиной такого названия.

Пайн успела пройти почти милю по маршруту Южный Кайбаб и за это время спустилась на шестьсот футов ниже южного края, который находился на высоте 7200 футов над уровнем моря. Там было прохладно и пахло соснами. Но она знала, что все стремительно изменится, когда она окажется ниже. На южном краю выпадало около шестидесяти дюймов снега в год, а возле «Призрачного ранчо» – менее одного.

Дженнифер Ядзи довезла ее до начала тропы.

– Перед нашим уходом позвонил Джо, – сказала она, когда Пайн выгружала снаряжение.

– Вы ему не говорили...

– Нет. Но он рассказал мне кое-что, о чем вам будет интересно узнать.

– О чем? – спросила Пайн, надевая рюкзак.

– Джо сказал, что федералы что-то ищут в каньоне.

– Что именно?

– Они спрашивали про вас, – добавила Джен.

– Какое агентство?

– Вот тут и начинаются странности. Вопрос остался открытым.

– Но как такое может быть? Разве они не показали Джо значок и документы? – спросила Пайн.

– Очевидно, нет. Поэтому он им ничего не сказал. – Джен немного помолчала и улыбнулась. – Ну, он в любом случае не сказал бы, не посоветовавшись сначала с вами.

– Передайте ему мою благодарность, – попросила Пайн, взяв в руки трекинговые палки. – Что-нибудь еще?

– Сегодня утром в аэропорту Гранд-Кэньон приземлился военный вертолет. Джо слышал об этом от рейнджеров.

– Необычная активность.

– Но вы не удивились, – заметила Ядзи.

– Нет.

– Если у вас неприятности...

– Скажем так: я ушла с радаров. И люди, которые должны быть моими союзниками, сейчас ими не являются.

Ядзи заметно встревожилась, услышав последние слова Пайн.

– Послушайте, Этли, я не знаю, что происходит, но если сотовая связь внизу будет работать, позвоните нам, если вам потребуется помощь.

– Вы сделали для меня более чем достаточно, Джен.

– Вы всегда были для нас настоящим другом, и мы о вас беспокоимся, – сказала Ядзи.

Пайн обняла ее.

– Мы скоро встретимся, – сказала она, очень рассчитывая, что так и будет.

Однако сейчас Этли не стала бы делать на себя ставку.

Когда свет фар пикапа Ядзи исчез в темноте, она повернулась и зашагала по тропе.

Обычно те, кто *не* хотят идти пешком до дна каньона, спускаются по Кайбаб, пересекают западную часть тропы Тонто к «Индийскому саду», потом снова поднимаются к «Сияющему ангелу» и южному краю. По эмпирическому правилу, гласящему, что час спуска вниз соответствует двум часам подъема, Кайбаб хорошо подходил для фазы спуска. В нем не было тени и питьевой воды только в самом начале. После пересечения тропы Тонто и поворота на «Сияющий ангел» можно отдохнуть в «Индийском саду», попить воды и быстро продолжить подъем к краю.

Однако сейчас тень не являлась существенным фактором, и Пайн решила спуститься по тропе до самого дна. Она выбрала именно это время, потому что здесь не должно было быть других туристов. И до сих пор она никого не встретила. В том числе парковых рейнджеров, что ее вполне устраивало – насколько она знала, они получили указание задержать ее.

По этой тропе требовалось пройти семь миль, чтобы добраться до лагеря «Сияющий ангел», расположенного рядом с «Призрачным ранчо». По тропе «Сияющего ангела» идти пришлось бы более девяти миль. Однако из-за топографии и других условий спуск занимал от четырех до пяти часов.

Пайн решила двигаться быстрее – в соответствии со своим амбициозным планом она рассчитывала добраться до места за три часа. При других обстоятельствах она не стала бы так рисковать в темноте – ведь, как и на всех маршрутах, ведущих вниз, в каньон, здесь было полно внезапных спусков и подъемов, искривленных участков и поворотов. И хотя за тропой регулярно ухаживали, ее едва ли можно было назвать ровной, и Пайн совсем не хотелось сделать неудачный шаг и свалиться вниз. Но она хорошо знала местность и старалась держаться ближе к ее внутренней части. Она не опасалась столкнуться с туристами, поднимающимися наверх, – значит, ей не придется подходить к краю,

чтобы пропустить их.

Этли слегка касалась складными трекинговыми палками тропы, налобный фонарик освещал путь, длинные ноги шагали легко и уверенно, и она быстро добралась до перевала Кедров у отметки в 1,5 мили. Здесь находилась рекомендуемая точка поворота для дневных туристов, в особенности летом. Поскольку все маршруты начинались со спуска, у туристов складывалось ложное впечатление о легкости задачи. Путь обратно всегда оказывался более сложным.

Температура воздуха опустилась до двадцати градусов, но Пайн все еще чувствовала, как по спине у нее сбегает струйки пота, и старалась поддерживать постоянную скорость. На шее у нее была надета полоска из бычьей кожи, смоченная водой. Она слышала звуки трещоток, когда змеи уползали прочь, уловив колебания почвы под ее ногами, и стук копыт крупных млекопитающих, при ее приближении убежавших в противоположном направлении. Один раз случайно наступила в навоз, оставшийся после утреннего подъема. Пайн знала, что не встретит по дороге мулов, потому что сойдет с тропы до того, как караван утром отправится от «Призрачного ранчо» наверх. Однако вьючные мулы спускаются вниз на рассвете. Впрочем, это также не станет для нее проблемой, поскольку она уже будет на дне каньона.

Пайн ела на ходу соленую пищу, делая одновременно небольшие глотки воды, чтобы утолить жажду.

По мере того как она спускалась, температура воздуха становилась выше.

Этли миновала отметку с жутковатым названием «Точка скелетов», спустившись на тысячу четыреста футов с момента выхода на тропу. Она слегка напряглась и замедлила шаг, когда услышала шаги – кто-то шел ей навстречу. Дальше тропа превращалась в зигзаг с длинными участками, возвращавшими ее назад, но в конце концов должна была привести ее на плато Тонто.

Пайн уже миновала телефон экстренного вызова, откуда можно позвонить рейнджерам, если с тобой что-то случилось. Больше подобных мест не будет до самого дна каньона.

Хотя при солнечном свете это было гораздо заметнее, но Этли всегда поражало то, как тропа здесь меняла цвет – лежавшая в ее основе скала превращалась из красной в темно-коричневую.

Через мгновение она увидела в темноте два налобных фонарика.

Двое мужчин.

Пайн инстинктивно потянулась к «Глоку».

Однако мужчины, один молодой, а другой постарше – возможно, отец и сын, – прошли мимо, помахав ей рукой и устало улыбнувшись.

Их путешествие близилось к концу. А ее только начиналось.

Примерно через три мили она добралась до короткого туннеля, высеченного в скале, и вошла в него. Идеальное место для засады, и ее рука снова легла на рукоять пистолета.

Пайн миновала туннель – и тут же оказалась на подвесном мосту Кайбаб, известном под более популярным названием Черный. Кроме всего прочего, это был мост для мулов, единственный, которым пользовались животные, с высокими боковыми ограждениями из металлической сетки и дощатым полом. В Гранд-Кэньон имелся еще лишь один мост, находившийся поблизости, – «Сияющий ангел», построенный для параллельной тропы. Его также называли Серебряным – из-за того, что он был полностью металлическим.

Мулы не любят металл, и они отказывались на него входить. Кроме того, по мосту была пущена линия водопровода с одного края на другой, и Пайн подумала, что он недостаточно прочен, чтобы одновременно выдержать десять мулов весом в полторы тысячи фунтов с всадниками на спинах, в то время как Черный мост с такой задачей справлялся.

Перед тем как выйти на Кайбаб, Этли могла свернуть на запад, дойти по Речной тропе до Серебряного моста и перебраться на другой берег Колорадо, но ей больше нравился Черный. Впрочем, была и другая причина, по которой она выбрала именно этот путь.

Перейдя мост, Пайн посмотрела вниз на мутную ревущую воду Колорадо. Местные жители называли ее истинной *colorado*, потому что на испанском это слово означает «рыжий». Без сложной системы дамб, построенных вокруг каньона, могучая Колорадо превратилась бы в некоторые моменты засушливого лета в серию мелких луж. Но дамбы регулировали поток, чтобы река не пересыхала, а также использовали ее для получения гидроэлектроэнергии. Кроме того, быстрым течением наслаждались любители плотов, но без контроля некоторые участки Колорадо стали бы такими опасными, что их было бы невозможно пройти на плоту.

К тому же система дамб была полезна и в некоторых других отношениях. За ними собирался ил, что приводило к очистке воды ниже по течению. Благодаря пронизывающему воду солнечному свету там буйно росли водоросли, которые придавали Колорадо зеленый цвет, особенно заметный с высоты.

Пайн перешла мост и через несколько минут оказалась возле

песчаного Лодочного пляжа, где остановилась и посмотрела на усыпанное звездами небо. Еще одна причина, по которой она выбрала Черный мост, – Этли приходила сюда всякий раз, когда появлялась возможность, чтобы «смотреть на небо»; какая-то часть ее сознания верила, что это принесет ей удачу. С другой стороны, она считала, что при такой работе ты сам отвечаешь за свою удачу; нужно только тщательно все подготовить, а потом безупречно сделать.

Но тебе еще не приходилось сталкиваться с ядерными зарядами, Пайн.

Она пошла дальше. Местность становилась все более заиленной, а почва рыхлой – побочный результат действия потоков воды. Пайн то и дело поскользывалась; казалось, будто она идет по пляжу – настолько ненадежной была почва под ногами. Совсем не то, что ей требовалось после быстрого спуска, но не могла же она пролететь последний участок пути по воздуху.

Чтобы добраться до «Призрачного ранчо», ей следовало просто держаться тропы, сворачивавшей на север. Но она не собиралась идти к ранчо, где, вне всякого сомнения, мирно спали туристы, набираясь сил перед обратным восхождением; ее маршрут лежал дальше, вдоль берега.

Устье реки Сияющий Ангел было уже совсем рядом. Когда Пайн подошла к нему, она сняла туфли, закатала брюки, шагнула в неглубокую воду, села на камень и позволила прохладной воде сделать ей чудесный массаж ног. Речка заканчивалась именно здесь, и ее воды уходили в Колорадо на равном расстоянии от двух мостов.

Река Сияющий Ангел была самым подходящим местом, если у вас возникало желание искупаться. А скорость течения Колорадо, даже на тех участках, где оно казалось медленным, на самом деле достигала четырех миль в час, и лишь немногие пловцы могли с ним справиться. К тому же вода была глубокой и холодной. Несколько молодых людей утонули пару лет назад, когда попытались переплыть Колорадо возле Лодочного пляжа.

Сияющий Ангел также служил источником воды для бассейна на «Призрачном ранчо». Пайн видела старые фотографии. Он находился между амфитеатром и домом, и его выкопали вручную во время Великой депрессии. Однако ей так и не удалось выяснить, когда и почему бассейн засыпали, задолго до ее приезда сюда.

Кроме того, рядом с амфитеатром находился лагерь рейнджеров. Этли встала с камня, прошла немного дальше и пересекла речку по пешеходному мостику. Оказавшись на другой стороне, вытерла ноги и надела носки и кроссовки. Кеттлер сказал, что он дежурит сегодня ночью, из чего

следовало, что сейчас Сэм где-то неподалеку. Всегда приятно знать, что рядом находится такой надежный человек, как он.

Но в самый последний момент, еще раз тщательно все обдумав, Пайн решила, что не может так поступить. Это была ее работа, и Кеттлер не имел к ней никакого отношения. Именно она, а не он, должна смотреть в лицо опасности. И если ей не суждено выбраться отсюда живой, не следует тащить его за собой.

– Будь осторожен, Сэм, – сказала она в темноту. – И если я не вернусь, не забывай меня. Во всяком случае, хотя бы некоторое время.

Ладно, Пайн, кончай разводить мелодраматические глупости. Тебе необходимо отыскать ядерный заряд.

И да поможет мне Бог.

Глава 52

Пайн прошла мимо отдельного загона для мулов, которых использовали парковые служащие, хотя не смогла разглядеть внутри животных. Там же находилась установка по переработке сточных вод. Этли направилась на запад, оставив лагерь и «Призрачное ранчо» на севере. В темноте она увидела далекие очертания палаток и даже услышала ночные разговоры тех, кто еще не заснул. Некоторое время шла вперед, и ее трекинговые палки ритмично постукивали по земле. Пайн пользовалась ими даже на ровных участках, зная, что колени, спина и бедра поблагодарят ее позже.

Через некоторое время она замедлила шаг, а потом остановилась и присела на обломке скалы, предварительно убедившись, что там нет змей и скорпионов. Шум реки маскировал шаги любого, кто захотел бы к ней подойти; это ей не нравилось, но тут она ничего поделать не могла. Здесь приходилось с многим мириться – в каньоне природа была полновластной хозяйкой, люди лишь приходили сюда в гости.

Пайн выключила фонарь на лбу, поела и выпила воды, восполнив баланс электролитов в организме и удовлетворив требования желудка. Она знала, где расположены источники воды в тех местах, куда лежал ее путь, и взяла с собой фильтр. Потом снова сбросила кроссовки и растерла ноги, не снимая носков. Спуск вниз был достаточно трудным, но Этли находилась в хорошей форме и не слишком устала. Однако подъем, в особенности если она захочет выдержать такой же темп, потребует несравнимо более серьезных усилий.

Оставалось надеяться, что не придется устраивать спринт, спасаясь от плохих парней, которые будут ее преследовать.

Пайн посмотрела на светящийся компас, потому что находиться в каньоне в темноте все равно что оказаться в воде ночью. Земля и море во многом похожи, и без приборов тут не обойтись. К тому же она отошла от реки и больше не могла ориентироваться по берегу.

Этли взглянула на часы, на которых также имелся термометр. Почти двадцать шесть градусов, из чего следовало, что день будет невероятно жарким. Впрочем, ничего удивительного для этого времени года. Как-то раз она шла вдоль берега Сияющего Ангела и, когда оказалась в «Индийском саду», находившемся примерно на середине пути, где, кроме питьевой воды, туалетов и тени, был термометр, обнаружила, что тот показывает

сорок градусов. Рядом висел плакат с надписью: ВАШ МОЗГ НА СОЛНЦЕ.

На дне каньона было почти сорок девять градусов, и Пайн пришла туда, покрытая потом и обезвоженная, хотя ела и пила воду и энергетические напитки всю дорогу. Ей пришлось пролежать на отмели у берега почти полчаса, прежде чем у нее появились силы встать на ноги.

Этли огляделась в темноте по сторонам, радуясь окружавшей ее красоте: деревья, цветы, животные, скалы необычной формы – все, что невозможно увидеть в других местах, как бы сильно ты ни старался. Однако здесь человека подстерегало множество опасностей, грозивших смертью. И это следовало помнить.

Пока она сидела, воздух начал медленно прогреваться, и Пайн подумала, что иногда в каньоне начинаешь чувствовать себя так, будто оказался в конвекционной печи. Жар атакует со всех сторон, даже изнутри. Она посмотрела вверх. Хотя максимальная ширина Гранд-Кэньон составляла восемнадцать миль, небо казалось сжатым высокими стенами.

Этли указательным пальцем отследила Млечный Путь. Созвездия ее успокаивали. Они всегда оказывались на своих местах, когда она поднимала голову, и были подобны наблюдавшему за ней другу.

Если б только...

Она отдыхала около часа, потом снова посмотрела на небо.

По опыту Пайн знала: ночь в каньоне наступает очень быстро, а рассвет приходит медленно. В обоих случаях причиной тому были массивные стены. Как если б ты находился в море и тебя окружали небоскребы высотой в пять тысяч футов.

Этли достала из кармана куртки распечатку карты, той, что была на флешке, и направила на нее налобный фонарь. Она уже примерно определила местоположение пещеры, которую, как она рассчитывала, искал здесь Рот. Затем убрала карту и несколько минут изучала показания компаса, после чего сделала кое-какие математические выкладки.

Закончив, еще немного посидела, стараясь полностью принять окружающий мир и подготовиться к тому, что ждало ее впереди.

Однажды Пайн прогуливалась по берегу реки и среди илистых отложений на дне Колорадо заметила какой-то металлический предмет. Ей удалось вытащить его при помощи одной из трекинговых палок, и она увидела цилиндр, с которого вода смыла почти все буквы. Но кое-какие остались. Изучив их более внимательно, Этли поняла, что нашла банку пива «Хейнекен», однако не смогла определить, как долго та пролежала в воде после того, как упала с проплывавшего мимо плота. В тот день на дне каньона было почти тридцать восемь градусов. Пайн откупорила

«Хейнекен» и выпила его. Это было самое холодное и вкусное пиво, которое она когда-либо пробовала...

Пайн заставила себя вернуться к своей главной задаче. Если где-то неподалеку находится ядерный заряд, как Рот собирался вытащить его отсюда – если у него был именно такой план? Он спустился вниз на муле далеко к западу от моста, по которому можно перебраться на другой берег реки. А тропа Северный Кайбаб, ведущая к северному краю, находилась почти в четырнадцать миль от той, что брала начало у «Призрачного ранчо».

Пайн посмотрела на запад. Там находилась тропа Отшельника, но она была в плохом состоянии по сравнению с Кайбабом или «Сияющим ангелом», и парковая служба пометила на карте, что тропа не используется. Однако и тут Пайн предстояло решать ту же проблему: Рот – на северном берегу Колорадо, а тропа Отшельника – на южном. И ни малейшей возможности пересечь реку, чтобы на нее попасть.

А насколько вообще тяжел атомный заряд? И можно ли вынести проклятую штуку в руках? Разве они не весят тысячи фунтов?

Однако у Рота мог быть совсем другой план. Может быть, он рассчитывал обезвредить заряд, но никуда не уносить его, а позже предупредить о нем власти.

Пайн посмотрела на небо.

Например, его мог увести вертолет.

Ниже по реке находилась вертолетная площадка, которую туристы называли площадкой Уитмора. Главным образом ею пользовались те, кто прилетал из Вегаса. Но она находилась на западном краю каньона, рядом с Блэк-Кэньон, примерно в сотне миль от того места, где сейчас сидела Пайн. Рот не смог бы добраться туда с ядерным зарядом в руках.

Значит, вертолет, появившийся здесь после наступления темноты, должен спуститься со стороны одного из краев, уйти вниз, пролететь между стенами каньона, приземлиться в заранее оговоренном месте, взять Рота и бомбу и вернуться на базу, где бы она ни находилась. Если их заметят, парковая служба может прислать собственный вертолет или сообщить местным или федеральным властям, чтобы те выяснили, что происходит.

Но тут потребуется вертолет, спроектированный для ночных полетов над неровной ограниченной территорией. Возможно, подойдет военный? Вроде того, что увез братьев Прист? Быть может, именно по этой причине они использовали военный вертолет? Они также искали ядерный заряд? И заодно ли с ними Рот? Может быть, следует подняться наверх и рассказать о том, что ей стало известно?

Но Пайн понимала, что не может так поступить. С самого начала ее собратья-федералы вели себя в этом деле странно. Два парня в аэропорту, если они являлись федералами – а она подозревала, что так и было, – собирались их убить.

Я не могу доверять собственным коллегам.

Это причиняло ей душевную боль.

Пайн подошла к тому месту, где нашли Салли Белль. Земля была сравнительно ровной, и тут вполне мог приземлиться вертолет. Она огляделась по сторонам, пытаясь найти следы полозьев или потоков воздуха от работающего винта. Проблема состояла в том, что растительность могла выпрямиться, а следы мог замести ветер и смыть дождь.

Она ничего не нашла.

Посмотрела на запад, потом на север.

Кто-то мог бы подумать, что каждый дюйм каньона уже обследован, но Этли знала, что подавляющее большинство туристов видели его лишь с южного края – иными словами, видели всего четыре процента. Туристы, спускавшиеся на дно, получали разрешение разбить лагерь в определенных местах, их предупреждали, что они должны ходить только по отмеченным тропам, и почти никто не осмеливался нарушать правила. Даже любители прогулок на плотках не заплывали дальше боковых каньонов из-за неровной почвы, а также обилия змей и других кусачих существ, которых повсюду было полно. Один из рейнджеров рассказал ей, что он проработал здесь тридцать лет, но побывал лишь в небольшой части каньона.

Пайн чувствовала, как ее покидает надежда на удачный исход. Неужели ее план провалится, столкнувшись с реальностью? Неужели она действительно рассчитывала, что спустится, проведет здесь несколько часов и найдет Рота, пещеру и атомную бомбу?

Однако Этли отбросила предательские мысли и решила перегруппироваться.

Боковой каньон. Да, именно туда должен был направиться Рот. И это сходится с координатами, которые она получила после изучения флешки.

Пайн посмотрела на часы – до рассвета остался час. Она встала и зашагала вперед.

Каньон выравнивался ближе к берегам Колорадо – об этом, естественно, позаботилась река, – но стоило отойти от воды, как тут и там возникали подъемы и спуски и со всех сторон появлялись небольшие каньоны.

Тридцать минут спустя Пайн подошла к одному из них, исследовала

его, насколько это было возможно, потом достала из рюкзака прибор ночного видения и принялась изучать окружающую местность.

И почти сразу присела на корточки. Достав из кобуры «Глок», направила прибор ночного видения на вход в боковой каньон.

Она услышала шорох шагов по камням.

Опыт подсказал ей, что это не турист, вышедший на прогулку. Кто-то старался двигаться не привлекая внимания, не говоря уже о том, что ни один турист в здравом уме не станет заходить в боковой каньон посреди ночи.

Этли скользнула вправо и заняла позицию за валуном.

Десять секунд спустя из темноты вышли трое мужчин.

Она прекрасно рассмотрела их через прибор ночного видения и сразу поняла, что это не рейнджеры.

Пайн видела множество рейнджеров, но те никогда не носили бронежилеты и боевые шлемы и не держали в руках штурмовые винтовки «М4».

Глава 53

Мужчины подходили все ближе, и Пайн спряталась подальше за валун. Она безмолвно выругалась, потому что именно в этот момент в Гранд-Кэньон начался рассвет, который здесь был необыкновенно красивым, и она побывала в разных местах каньона, чтобы снова увидеть это поразительное, уникальное зрелище.

Теперь же, впервые в жизни, она его ненавидела.

Глядя на то, как двигаются боевики, Этли пришла к выводу, что перед ней настоящие профи. Они работали как единое целое, расходились в разные стороны, один в центре, двое по флангам, эффективно поддерживали связь сигналами рук, отслеживали взглядами все четыре стороны света, методично и ничего не пропуская.

Она не сомневалась, что очень скоро они ее заметят.

У них также имелись приборы ночного видения, но более продвинутые модели. Кроме того, все трое были в камуфляжной, а не в военной форме. Никаких знаков отличия или нашивок с именами.

Но выглядели они как военные.

По мере того как свет становился ярче и начал заливать все вокруг, боевики стали убирать приборы ночного видения.

Ее «Глок» против штурмовых винтовок. Схватка будет короткой. «Интересно, – подумала она, – где они меня похоронят, если вообще станут тратить на это время и силы?»

Должно быть, они пришли к такому же выводу, что и Пайн: Рот находится здесь, в одном из боковых каньонов.

И это позволило ей понять кое-что еще.

Они узнали о плане Рота... от Бена Приста. После усиленного допроса? А как насчет бедняги Эда, чей единственный грех состоял в том, что он был родным братом Бена и беспокоился о нем?

Пайн сосредоточилась на приближавшихся «М4», одновременно доставая телефон. Одна из крупных компаний сотовой связи поставила башню в каньоне, и клиенты иногда могли пользоваться ее услугами. Этли была клиентом данной компании.

«Нет сигнала» – увидела она надпись на экране.

Заметка на будущее: если выберешься отсюда живой, не забудь отказаться от этого бездарного провайдера.

Пайн застыла, когда мужчина, шедший по центру, поднял руку и взял

маленькое устройство связи, прикрепленное к бронежилету. Произнес несколько слов и выслушал ответ.

Очевидно, он пользуется спутниковой системой связи. Наверное, у него получилось бы даже в Сибири или в Антарктике.

Если эти парни не были американскими военными или не относились к военизированным частям ЦРУ, Этли даже представить не могла, кто они такие. И то, что они, скорее всего, служили той же стране, что и она сама, не слишком ее успокаивало. В доме Саймона Рассела также побывали федералы, которые собирались отвезти его туда, где пытки разрешены законом.

Учитывая все эти факты, Пайн считала, что, если она просто выйдет и покажет им значок ФБР, они сразу выстрелят ей в голову, а потом сделают контрольный выстрел. На всякий случай.

Командир тройки убрал устройство связи и жестом дал указание двум своим товарищам. Все трое развернулись и вышли из бокового каньона.

Этли облегченно вздохнула и посмотрела на небо.

Она понимала, что ее спас рассвет. Они боялись света не меньше, чем она, и, должно быть, всю ночь вели поиски.

«Интересно, где у них лагерь? – подумала Пайн. – Или их каждый раз доставляет сюда и забирает вертолет?» Обычно такие вещи не разрешал закон и инструкции парковой службы.

Наверное, решила она, закон и инструкции отменил кто-то, занимающий очень высокий пост.

По спине у нее пробежал холодок.

На всякий случай Пайн подождала еще тридцать минут и только после этого вышла из своего убежища. Затем разбила лагерь под прикрытием большого выступа скалы, дававшего неплохую тень.

Она знала, что очень скоро здесь станет ужасно жарко. Некоторое время назад Этли нашла источник воды, наполнила флягу и второй резервуар, предварительно отфильтровав воду. Сейчас она уселась в тени, поела и выпила воды, но не слишком много. Жара подкрадывается неожиданно. Сначала тебе становится тепло, потом начинает тошнить, кружится голова, и ты теряешь ориентацию. Пройдут часы, а иногда и дни, прежде чем ты придешь в себя. Пайн не могла позволить себе такой роскоши.

Присутствие трех парней с «М4» подсказало ей, что они не знают, где Рот. И они не искали ее, поскольку не могли знать о том, что она тут появится. Возможно, они также пытаются найти атомную бомбу? Но какой в этом смысл? Рот является уважаемым инспектором по ОМП. Почему он

не действует *вместе* с правительством, чтобы убрать отсюда эту мерзость? В общем, какая-то мутная история получается, совсем как воды реки Колорадо...

Этли стойчески терпела усиливающуюся жару, проваливаясь в сон на короткие промежутки времени и стараясь поддерживать водный баланс.

Какая-то ее часть хотела отправиться на поиски Рота при дневном свете. Но здравый смысл заставил остаться на прежнем месте. Если жестокая жара до нее не доберется, это смогут сделать три парня со штурмовыми винтовками. Лучше вести поиски ночью.

День прошел; в каньоне быстро стемнело, как и всегда.

В последний раз Пайн проснулась в девять, посмотрела на небо и нахмурилась.

В это время года муссоны собирали энергию во время жаркого дня и влагу с юго-востока и устраивали впечатляющие грозы. И сейчас у Этли складывалось впечатление, что ночью ей предстоит пережить настоящую метеорологическую катастрофу.

Пайн надела водонепроницаемое пончо и плотно застегнула рюкзак на все молнии. Она взяла его с собой – если оставить рюкзак на земле, он сразу подвергнется атакам белок, мышей и других грызунов. А они со временем прогрызут даже сталь. Именно по этой причине парковая служба в лагерях предлагала туристам подвешивать вещи на высоких металлических планках.

Пайн едва успела забраться в укрытие, когда темное небо озарили первые зигзаги молний, а от последовавших за ними раскатов грома, казалось, содрогнулся весь каньон.

После второго удара грома начался дождь. Точнее, на землю обрушились водяные пули, и их скорость была так высока, что, попадая на кожу, они вызывали сильную боль.

Валун над головой Пайн обеспечивал некоторую защиту, пока не поднялся ветер и дождь не начал падать практически горизонтально; она тщетно пыталась спрятать лицо от потоков воды. Температура воздуха немного упала, но не так, как наверху, где могла опуститься на десяток градусов за несколько минут. Этли потела, хотя промокла насквозь.

Гроза закончилась за полчаса, и небо прояснилось.

Теперь можно приниматься за работу. Сверившись с компасом, Пайн зашагала к цели.

Через час она остановилась перед входом во второй боковой каньон.

Приближалась полночь, и Этли включила прибор ночного видения. Местность стала неровной, и здесь не было проверенных троп и

предупреждавших об опасности знаков. Более того, Пайн сильно сомневалась, что тут вообще в последние годы бывали туристы.

Она медленно шла дальше, стараясь не упустить появления змеи или опасных участков под ногами. Ей совсем не хотелось где-нибудь застрять, чтобы ее тело обнаружили через несколько недель, месяцев или даже лет. Люди исчезали в каньоне, а потом кто-нибудь находил скелеты. И если ты здесь умрешь, очень быстро появятся стервятники. Может быть, еще пока ты жив. Зачем терять время, когда хорошая трапеза уже готова?

Пайн всю ночь ждала появления парней с «М4», но, к счастью, они ей больше не встретились.

Этли углубилась в каньон настолько, насколько это было возможно. Приближался рассвет.

Результат: ничего. Ни пещеры, ни расселины, ни Давида Рота, ни ядерного заряда.

Она прошла еще немного и разбила лагерь перед следующим каньоном, который намеревалась исследовать. Он был защищен от любопытных глаз, к тому же местность здесь поднималась, что давало ей хороший обзор. Этли позавтракала, выпила воды и немного поспала. Проснувшись через несколько часов, снова задала себе вопрос: не продолжить ли поиски при свете дня?

И тут услышала у себя над головой шум вертолетов.

Пайн посмотрела вверх и узнала обычный вертолет, на котором возили туристов. По закону, они не должны были опускаться ниже краев каньона, но кто-то все равно мог ее заметить. В результате она решила, что продолжит поиски только после наступления ночи.

Этли сидела в своем лагере, жевала орехи и вяленое мясо, запивая их отфильтрованной водой. Ей было жарко, она понимала, что теряет вес, и все тело у нее болело – ведь ей приходилось спать на камнях.

Пайн прислонилась спиной к камню, закрыла глаза и попыталась расслабиться. Теперь, когда ее дни и ночи поменялись местами, изменился и весь жизненный ритм. Но тут она ничего поделать не могла.

В рюкзаке у нее лежал телефон, но толку от него не было никакого – здесь также отсутствовал сигнал. Надпись «Нет сети» на экране оставалась неизменной с самого начала ее путешествия.

В тени Этли решила снять часть одежды и осмотреть свои обнаженные, если не считать татуировок, руки. Провела пальцем по имени Мерси, повторила контуры каждой буквы. И вспомнила тот день – точнее ночь, – когда сделала их. Татуировки на плечах появились у нее через несколько месяцев.

Художник знал свое дело и не стал возражать, когда она объяснила, чего хочет. И не задавал лишних вопросов.

«Если вы хотите, – сказал он, – значит, так тому и быть. Это ваша кожа, а не моя».

Его звали Донни. Он был высоким и слишком худым. Позднее татуист рассказал ей, что много лет назад подсел на метамфетамин.

«Убивает аппетит, это я знаю наверняка. Даже больше, чем сигареты. От зависимости я сумел избавиться, но аппетит так и не вернулся».

Пайн проверила свои припасы. Ей предстояло долгое путешествие обратно к «Сияющему ангелу», потом нелегкий подъем – ведь усталость накапливается. Она могла осмотреть еще один каньон сегодня ночью. Потом придется возвращаться.

«Ну, – подумала Этли, дожидаясь наступления темноты, – в третий раз мне должно повезти, не так ли?»

Глава 54

Впервые с того момента, как она заметила парней с «М4», прибор ночного видения позволил ей увидеть кое-что интересное. Пайн проснулась еще при свете дня и решила заняться исследованием бокового каньона. Солнце стояло высоко в небе, и его лучи проникали в самые глубины Гранд-Кэньон, словно свет от прожектора мощностью в триллион ватт, брошенного в океан.

И прямо сейчас свет отражался от чего-то находившегося в боковом каньоне.

Она посмотрела налево, потом направо, чтобы запомнить ориентиры. Ей очень хотелось начать поиски прямо сейчас, но стояла ужасающая жара, ветра практически не было, а путь ей предстоял дальний. Кроме того, день еще не закончился. Ей показалось, что она смотрит на какой-то металлический предмет, но явно не на банку с пивом. Во всяком случае, Этли очень на это надеялась.

Она продолжала изучать непонятный предмет, стараясь запомнить мельчайшие детали. Ночью все выглядит иначе, и Пайн не хотела потерять это место в темноте. К счастью, справа от металлического предмета скалы имели необычную форму.

Этли вернулась в свой лагерь, поела и попила воды, а потом стала думать о том, как после наступления ночи она найдет Рота.

И бомбу.

Возможно, я ошибаюсь и меня опять ждет неудача. Ну, и чем я буду заниматься после того, как меня вышвырнут из Бюро?

Проблема состояла в том, что ничего другого Пайн делать не умела. Она была агентом ФБР. Дайте ей ограбление банка, похищение или даже серийного убийцу – и она найдет преступника.

Но здесь все иначе.

Этли закрыла глаза и тут же их открыла.

Нет, это не сон. Нас ждет конец света, если бомба взорвется.

Она заставила себя заснуть, но мысленно поставила будильник и проснулась в одиннадцать вечера, готовая к новым поискам.

Пайн перебралась через несколько крупных валунов, когда услышала грохот, заставивший ее на мгновение замереть, но потом двинулась дальше. Выбралась на плато, огляделась по сторонам, потом посмотрела вниз. По ее прикидкам, она поднялась на тысячу футов.

Необычные скалы, на которые Этли обратила внимание днем, теперь предстали перед ней в окулярах прибора ночного видения, и она постаралась добраться до них как можно скорее. Быть может, там сверкнул Священный Грааль? Или там находится нечто, не имеющее отношения к ее поискам?

Пожалуйста, Господи, если я нахожусь в зоне приема, сделай так, чтобы это было первым из перечисленного.

Она напряглась и остановилась, когда оказалась ближе к непонятному предмету.

Свет действительно отражался от чего-то металлического.

Это был шест. Длинный складной шест, опиравшись на круглый валун, выше Пайн и в три раза шире, чем она.

По мере того как Этли приближалась к нему, она отметила нечто удивительное. Со скалы свисала камуфляжная сеть, и только теперь, оказавшись совсем рядом, она сумела ее заметить, потому что сеть идеально сливалась с окружающим ландшафтом.

Пайн взялась за ее край, потянула, а затем заглянула внутрь.

И ахнула.

Пещера. Этли посмотрела на свой компас. Это место соответствовало координатам, которые она получила с флешки. Неужели ей удалось отыскать Рота? И бомбу?

Она вернула сеть на место, сделала шаг назад и огляделась по сторонам, но не увидела никаких следов пребывания здесь людей. Однако кто-то прикрыл вход в пещеру маскировочной сетью. Секунд тридцать Пайн размышляла, что делать дальше.

Она ничего не слышала, даже намек на шорох шагов, никто не пытался включить устройство связи. До нее не доносилось тяжелого дыхания.

Она совсем ничего не слышала, пока в нее сзади не ударил свет.

– Очень медленно повернитесь ко мне, – заговорил мужской голос. – И не позволяйте своим рукам опуститься к оружию, иначе мы откроем огонь.

– Я агент ФБР, – сказала Этли. – Сейчас я покажу вам свои документы и значок.

Следующие слова ошеломили ее, как один из мощных ударов Чона.

– Не трудитесь, агент Пайн. Повернитесь и держите руки подальше от оружия. Быстро!

Этли медленно повернулась, держа руки на уровне груди, но не выше. Она не собиралась выхватывать пистолет и устраивать здесь «перестрелку у корраля О-Кей»^[34]. Но поднимать руки, показывая, что сдается, в ее

планы не входило. Она являлась агентом ФБР. И не станет сдаваться, кем бы ни оказались эти люди.

Пайн повернулась и убедилась, что это действительно те трое парней с «М4».

– Что вы здесь делаете? – рявкнула она.

– Не думаю, что вы можете задавать вопросы с позиции силы, – сказал мужчина.

– У меня есть федеральный значок, неужели для вас этого не достаточно? – осведомилась Пайн. – Вы ведь, парни, из армии.

– Вы так решили из-за того, что мы в камуфляже?

– Не только. Вы в АБФ, армейской боевой форме.

Он пожал плечами.

– Проклятье, форму можно купить на интернет-аукционе.

– Но только не оперативный камуфляж. Он появился совсем недавно.

И вы вооружены «М4», – добавила она.

Мужчина сделал шаг в ее сторону.

– Что *вы* здесь делаете? – спросил он.

– Полагаю, то же самое, что и вы. Кое-кого ищу.

– И кого же?

– Вы и в самом деле хотите поиграть в эту дурацкую игру? – поинтересовалась Пайн.

– И кого же вы ищете? – снова спросил он.

– Скажем так: «поцелуй меня в зад». А теперь позвольте *мне* задать вопрос: как вы меня нашли?

– Мы *нашли* вас в первый же день, когда вы сюда спустились. И с тех пор следили за вами.

– Чушь. Я заметила вас, когда вы поднимались по склону каньона. Вы ушли, потому что начался рассвет.

– Мы повернули обратно, когда уже могли столкнуться с вами, – спокойно сказал мужчина. – Вы спрятались за валуном, направив в нашу сторону пистолет. Вероятно, вы тогда подумали, что один «Глок» против трех «М4» – не самый лучший размен. Для вас.

Глянув на небо, Пайн спросила:

– У вас есть возможность вести постоянное спутниковое наблюдение?

– Нет, просто мы умеем отслеживать людей. – Он указал на свое оружие. – В вас когда-нибудь стреляли из такой винтовки?

– Нет, и у меня нет ни малейшего желания узнать, каково это. И так, вы следили за мной. Зачем?

– Ну, это очевидно. Если вам известно, где Рот, то вы приведете нас к

нему. Я получил приказ перехватить вас. Вот почему мы здесь.

– Ладно, вы меня перехватили. Какова остальная часть приказа?

Боец пожал плечами и начал было улыбаться, но передумал.

Пайн посмотрела на его спутников. Все они выглядели лет на тридцать и определенно участвовали в боевых действиях и убивали; возможно, даже получали ранения. Крепкие парни, из тех, кого в схватке лучше иметь на своей стороне.

Вот только складывается впечатление, что они не на моей стороне.

– Вам рассказали, что здесь происходит? – спросила Этли. – Что здесь происходит *на самом деле*?

– Мы знаем достаточно, чтобы делать свою работу, – ответил мужчина. – Большого нам не требуется.

– Иными словами, вы готовы засунуть головы в песок, – сказала Пайн.

Она ни разу не посмотрела в сторону камуфляжной сетки, отчаянно рассчитывая, что они ее не заметили.

– Вам придется пойти с нами, мэм.

– У вас есть вертолет? – спросила Пайн. – Именно он доставляет вас сюда, а утром забирает? Так можно сэкономить много времени; лазать по каньону – занятие утомительное.

– Просто идите с нами.

– Никуда я с вами не пойду, – холодно ответила Этли. – Я федеральный агент, и вы не можете мне приказывать. Так что проваливайте обратно в ад, пока я не вызвала подкрепление.

Мужчина посмотрел по сторонам, слегка покачал головой, и в его глазах появилось насмешливое выражение.

– Я очень сомневаюсь, что у вас есть хоть какая-то поддержка. И ваш телефон не работает.

– Проваливайте к дьяволу, – сказала Пайн.

– У нас есть другой приказ – на случай если вы откажетесь следовать за нами.

– Что, застрелить меня? Я – агент ФБР.

– Нет, мэм, в данный момент вы – враг нашей страны.

– Проклятье, с чего вы взяли? Мы служим *одной и той же* стране.

– Вы пойдете с нами или нет? Последний шанс.

Двое боевиков подняли «М4» и прицелились: один – в голову Пайн, другой – в торс.

Уцелеть невозможно.

– Это безумие! – рявкнула Этли. – Я – федеральный агент. Опустите оружие и отойдите в сторону. Прямо сейчас.

– Никак нельзя, мэ. Последний шанс. Три секунды.

Пайн застыла на месте. Они действительно собирались застрелить ее, прямо здесь и сейчас, на дне Гранд-Кэньон.

Она потянулась к «Глоку», надеясь, что успеет сделать один выстрел.

Прощайте все, кому не все равно. Я иду к тебе, Мерси.

Дерьмо.

Раздался выстрел. Следом – второй.

Все произошло так быстро, что Этли показалось, будто она получила две пули.

Двое парней, стоявших за спиной своего командира, вздрогнули, пошатнулись, и оба упали вперед.

Командир начал поворачиваться, поднимая «М4».

– Нет! – крикнула Пайн, вытаскивая пистолет. – Бросай оружие, или я буду стрелять!

«М4» коротко залаял, и Этли, как только луч лазерного прицела совместился с шеей командира, нажала на спусковой крючок.

Противник упал.

Пайн, чувствуя, как у нее отчаянно дрожат руки, медленно опустила «Глок».

В двадцати ярдах от нее стоял Сэм Кеттлер, потрясенно глядя на нее. На спине у него был рюкзак, в руке он держал пистолет.

Этли посмотрела на три тела. Двоих застрелил Кеттлер, одного – она.

– Дерьмо, – прошипела Пайн. – Это наши парни. Во всяком случае, я так думала...

Кеттлер подбежал к ней.

– Но они выбрали странный способ это показать. Они же собирались тебя убить.

Этли посмотрела на него.

– Что ты здесь делаешь? – спросила она.

Кеттлер показал на лежавших на земле мужчин в камуфляжной форме.

– Я видел вертолет, который приземлялся здесь в течение трех ночей подряд, и в конце концов решил выяснить, что происходит. Собрал рюкзак, пошел по их следу, пока не оказался здесь и не увидел, что они собираются тебя застрелить. – Он посмотрел на пистолет в ее руке и покачал головой. – Проклятье, что здесь вообще делали американские солдаты?

– Это длинная история. – Пайн протянула руку и сжала его плечо. – Спасибо, что спас мне жизнь.

– Ну, а ты спасла меня, – сказал Кеттлер. – Тот парень уже приготовился меня прикончить. Если б не ты, он не промахнулся бы, и я

получил бы пулю из «М4».

Она сняла руку с его плеча и оперлась о валун.

– Ты в порядке? – спросил Кеттлер.

– Сейчас буду, – ответила Этли, делая глубокие вдохи и выдохи.

Он бросил на нее быстрый взгляд.

– А что *ты* здесь делаешь? Ты ведь не просто решила прогуляться, верно?

– Я ищу пропавшего мужчину. Они тоже его искали.

– Ты думаешь, он где-то здесь? Но почему?

– И вновь это длинная история. – Пайн посмотрела на тела. – Нужно что-то с ними сделать. Мы не можем их здесь оставить. – Она огляделась по сторонам. – Однако мы находимся на месте преступления, и нам нельзя ничего трогать... – Потерла лоб. – Необходимо вызвать команду. И сделать так, чтобы здесь ничего не трогали. Я... я должна... – Мысли Пайн смешались; она почувствовала, что ее начинает тошнить.

Кеттлер шагнул к ней и сжал руку.

– Сейчас тебе нужно глубоко дышать и понемногу прийти в себя, – сказал он. – Ты ведь едва не погибла, Этли.

– Я только что застрелила американского солдата, Сэм!

– Ну а я только что застрелил двух.

Пока Пайн приходила в себя, Кеттлер заметил маскировочную сеть, сдвинул ее в сторону и увидел вход в пещеру.

– Проклятье, а она откуда взялась? – пробормотал он.

– Может быть, это именно то, что я ищу, – ответила Пайн.

– Ну, я пока могу отнести туда тела.

– Я помогу.

– А потом мы вызовем подкрепление, – предложил Кеттлер.

– Нет. Сначала мы должны кое-что найти.

– Что именно?

– Скоро узнаешь.

Глава 55

Они отнесли тела в пещеру и сложили их в углу. Пайн искала удостоверения личности, но не нашла никаких документов, а на форме отсутствовали знаки отличия.

– Ты уверена, что они из регулярной армии? – спросил Кеттлер.

– Сейчас я уже ни в чем не уверена.

Она посветила фонариком вокруг себя. Пещера оказалась большой. Высота потолка, по прикидкам Пайн, достигала пятнадцати футов. В дальней части, где царил полная темнота, мог находиться проход в следующее помещение, но уверенности в этом у Этли не было.

– Ладно, а теперь ты должна рассказать мне, что происходит, – сказал Кеттлер.

Короткими предложениями, содержащими известные ей сведения, Пайн рассказала ему почти обо всем. Когда она смолкла, у Сэма на лице застыло такое выражение, будто его сейчас стошнит.

Он огляделся по сторонам.

– Ядерный заряд? Ты издеваешься?

– К сожалению, нет.

Кеттлер посветил фонариком в углы пещеры.

– Ну, здесь его нет.

– Но он может оказаться там, – сказала Этли, указывая в заднюю часть пещеры. – Направь туда луч фонарика, у тебя он более сильный.

Сэм так и сделал – и они увидели высеченный в скале проход.

Шагнули в туннель и осторожно двинулись по нему вперед. Пайн шла первой.

Вскоре она обо что-то споткнулась.

Кеттлер направил луч фонарика вниз, и она услышала, как он втянул в себя воздух.

– Растяжка, – сказал Сэм.

– И она связана с СВУ?^[35] – дрогнувшим голосом спросила Пайн.

– Нет.

– Почему ты так уверен?

– Потому что иначе мы оба были бы мертвы.

Они сделали еще несколько шагов и собрались войти в следующую пещеру, которая выглядела больше первой, когда слышали голос:

– Еще один шаг, и он станет для вас последним.

– Мистер Рот? – позвала Пайн.
Несколько мгновений никто не отвечал.

– Кто вы такие?

– Специальный агент ФБР Этли Пайн. Со мной парковый рейнджер Сэм Кеттлер. Я расследую смерть мула и исчезновение Бена Приста. Луч фонарика ударил ей в лицо.

– Покажите ваши значки.
Они медленно достали значки.

– Послушайте, мистер Рот, я понимаю, почему вы нам не доверяете. В данный момент я сомневаюсь, что могу верить собственному агентству.

– Я хочу, чтобы вы повернулись и ушли отсюда. Немедленно! В противном случае вас ждут очень неприятные последствия.

– Мистер Рот, мы пришли, чтобы помочь. Я совершенно уверена, что вам необходима помощь, – сказала Пайн.

– Я же сказал, чтобы вы уходили. Прямо сейчас.
Этли посмотрела на Сэма.

– А как насчет трех тел, которые мы только что сюда затащили? – спросила она.

Рот долго молчал.

– Трех тел? – наконец спросил он.

– Мы застрелили троих боевиков, которые вас искали. Они собирались нас убить, хотя я показала им значок ФБР. И я не сомневаюсь, что они намеревались убить и вас. Мы только что спасли вам жизнь.

– Это... это просто...

– Такова *ситуация*, мистер Рот. И мы должны ее принять. Бен Прист кое-что мне рассказал.

– Вы знаете Бена?

– Да. И думаю, что его похитили наши военные.

– Они схватили Бена? – выпалил Рот после небольшой паузы. – Как?

– Это долгая история. Дело в том, что все пошло не так.
Он продолжал светить фонариком им в лица.

– Как вы сумели найти пещеру?

– Координаты были на флешке, которую я нашла в доме Бена.

– Но как вы вообще узнали про меня? – спросил Рот.

– Бен вас не сдавал, если вы об этом. Мне рассказал Оскар Фабрикант. Я вышла на него, потому что Бен был членом ОЗБ. Вы знакомы с этой организацией?

– Да. Что еще вам рассказал Оскар?

– Что его беспокоит возможное вмешательство русских.

– Да, они вовлечены в это, – сказал Рот. – Но вы должны уйти. Сейчас я уже никому не доверяю.

– Я не могу, мистер Рот. Я здесь, чтобы сделать свою работу. И выследить тех, кто убил Фабриканта.

Вновь последовала долгая пауза.

– Он... Оскар мертв?

– Его тело обнаружили в Москве. Говорят, он покончил с собой, но я знаю, что это не так.

– Оскар мертв? Я... не могу поверить.

– Вы не могли бы перестать светить нам в лицо? – попросила Пайн.

Свет исчез.

– Вы готовы поверить нам, мистер Рот? Мы нужны друг другу, чтобы довести это дело до конца.

Он не ответил.

– Пожалуйста. Что мне сделать, чтобы вы нам поверили?

– Что происходит, по вашему мнению? – спросил Рот.

– Я считаю, что здесь находится ядерный заряд, – ответила Пайн. – А поскольку я должна всеми силами защищать Гранд-Кэньон, это плохо.

Снова наступило долгое молчание.

– Если окажется, что вы не та, за кого себя выдаете, это будет последнее, что вы сделаете в жизни, – с угрозой сказал Рот.

– Меня это устраивает, – сказала Пайн.

– Выйдите из туннеля.

Они с Кеттлером вошли в пещеру, и внезапно все вокруг залил свет лампы, работавшей на батарейках. Должно быть, Рот ее только что включил.

Теперь они смогли его рассмотреть. Лицо Рота было покрыто грязью, и он выглядел совершенно истощенным.

Пайн бросила ему свой значок и удостоверение личности. Он изучил их и бросил обратно.

– Все, что я вам говорила, правда, – сказала Этли.

Рот задумчиво кивнул.

– Я вам верю, – ответил он. – Сам не знаю, в чем причина, но я и прежде полагался на свою интуицию, а сейчас у меня нет другого выхода.

– Это вы поставили растяжку в туннеле? – спросил Кеттлер.

– Да. Чтобы узнать, когда кто-то войдет в пещеру.

– Значит, вы вооружены?

– Можно считать, что я очень неплохо вооружен, – заявил Рот.

И он посветил на стоявший рядом с ним металлический предмет

прямоугольной формы, четыре фута в длину и три в высоту.

Пайн и Кеттлер инстинктивно отпрянули назад.

– Так это... и есть атомная бомба? – спросила Этли.

Рот кивнул.

– И вы секунду назад подтвердили, что не замешаны в заговоре.

– Каким образом?

– Вы оба были готовы бежать, спасая свои жизни.

– А кто вел бы себя иначе рядом с атомной бомбой? – спросила Пайн.

– Это не совсем обычный ядерный заряд.

– Он недостаточно большой, чтобы быть атомной бомбой, – вмешался Кеттлер. – Это то, что называют ядерной бомбой в чемодане?

Рот покачал головой.

– Это тактический ядерный заряд. Но достаточно мощный. По моим подсчетам, он эквивалентен почти трем килотоннам тротила. Для сравнения, атомная бомба, сброшенная на Нагасаки, обладала мощностью в двадцать килотонн тротила. Самый крупный ядерный заряд, подорванный Советами – Царь-бомба, – имел мощность пятьдесят мегатонн, но это произошло очень давно. Если б Советы могли сделать оболочку из обедненного урана, а не свинца, им удалось бы вдвое увеличить мощность бомбы.

Он похлопал по металлическому ящику.

– Но для такого размера это самый мощный тактический ядерный заряд из всех, что мне доводилось видеть. Он мог бы уничтожить большую часть каньона, и все тут стало бы радиоактивным на несколько тысяч лет.

– Оно может сдетонировать? – с опаской спросила Пайн, делая еще один шаг назад.

– Я так не думаю.

– Значит, вам удалось его разрядить?

Рот покачал головой.

– На самом деле его нельзя *разрядить*. Это совсем не похоже на голливудский фильм с таймером, ведущим обратный отсчет, и героем, решающим, какого цвета провод следует перерезать. Если возникает опасность, что ядерный заряд сдетонирует, единственное, что вам останется, – позаботиться, чтобы не началась цепная ядерная реакция; тогда произойдет обычный мощный взрыв, но он не будет атомным.

– Но как он сюда попал? – спросила Пайн.

Рот жестом предложил им подойти ближе и указал на металлическую панель.

– Видите гравировку?

Пайн и Кеттлер наклонились, чтобы посмотреть.

– Надпись на корейском? – спросила Этли.

– Верно. – Рот кивнул.

– Ну, тогда многое становится на свои места, – сказала Пайн. – На флешке Приста было описание северокорейской атомной бомбы.

– Именно я дал его Присту вместе с координатами этой пещеры.

Пайн напряглась.

– Значит, Северная Корея *пытается* взорвать каньон? И мирные переговоры были им нужны, чтобы отвлечь нас?

– Нет, конечно, они не пытаются взорвать Гранд-Кэньон, – последовал неожиданный ответ Рота.

Этли изумленно посмотрела на него.

– Но вас искал человек по имени Сон Нам Чон, – упрямо сказала она. – Он работал на Северную Корею.

– Вполне возможно, но корейцы не устанавливали здесь ядерный заряд. – Рот немного помолчал. – Это сделали *мы*.

Кровь отхлынула от лица Пайн.

– Мы? – вскричала она.

– Ну, точнее, могущественные люди, входящие в правительство США.

– Проклятье, откуда вы можете это знать? – резко спросил Кеттлер. – Наши люди доставили сюда ядерную бомбу? Бред!

– Я согласен с вами, это настоящее безумие, – сказал Рот. – Тем не менее все было именно так.

– Но как вы можете быть уверены? – спросила Пайн.

– Потому что я узнал материалы, из которых сделана бомба. Это русское производство.

– Но вы же сами показали нам надпись на корейском языке.

– Россия многие годы снабжала Северную Корею материалами для создания ядерной бомбы. Часть использовали для этой бомбы.

– Но как вы можете быть уверены? – снова спросила Пайн.

В ответ Рот из стоявшей рядом сумки достал отвертку на батарейке, быстро отвинтил верхнюю панель цилиндра, поднял ее и перевернул.

– На каком языке написан текст внутри панели, как вам кажется? – спросил он.

– Это кириллица, – ответила Пайн, внимательно разглядывая надпись. – Русский язык.

Рот отложил панель в сторону.

– Вы правы. Здесь написано, где сделана бомба, и серийный номер детали. А вот тут он повторяется.

– Но если Россия снабжает Северную Корею ядерными материалами, логично предположить русский след. В таком случае почему вы уверены, что ее подложили сюда не северные корейцы?

– Потому что эта штука должна послужить поводом для уничтожения Северной Кореи. А я очень сильно сомневаюсь, что они хотят стать причиной собственной гибели.

Глава 56

Пайн и Кеттлер переглянулись, а потом посмотрели на бомбу. Наконец Этли перевела взгляд на Рота.

– Вы должны объяснить нам, – сказала она.

– Все довольно просто. Русские снабдили нас тактическим ядерным оружием, а мы поместили его сюда.

– Но за каким дьяволом наша страна хочет взорвать Гранд-Кэньон? – спросила Пайн.

– *Эта бомба не может взорваться* – вот главная причина, которая указывает на то, что Северная Корея не доставляла ее сюда.

– Откуда вы знаете, что она не может взорваться? – спросила Пайн.

– Потому что в ней отсутствуют критически важные компоненты.

– Какие именно? – спросил Кеттлер.

– Постараюсь объяснить вам на пальцах. – Рот показал на металлический ящик. – Перед вами то, что называют атомной бомбой или термоядерным оружием. На самом деле оно создает разрушающую силу таким же образом, как солнце энергию. Обычная детонация называется первичной стадией. Она вызывает цепную реакцию, в результате которой происходит взрыв, и в эпицентре возникает температура в несколько миллионов градусов. Тепло и энергия отражаются в урановый сердечник, после чего начинается вторая стадия, уничтожающая урановый контейнер. Освобожденные нейтроны сливаются, и происходит термоядерный взрыв. Вы поняли?

Кеттлер поскреб щеку.

– Проклятье, если это упрощенная версия для дураков, то я не хочу слышать полный вариант.

– Части, которые остаются, – добавил Рот, – включают в себя дейтрид лития-6, функциональный отражатель и соответствующую оболочку. Без этих элементов у вас в руках будет лишь груда урана и атомы водорода, которые не смогут начать цепную реакцию.

– Но тогда какого черта эту штуку притащили сюда? – спросил Кеттлер.

– Чтобы у нас появилась причина напасть на Северную Корею, – ответила Пайн. – Именно это имел в виду Сон Нам Чон, когда согласился со мной, что, если произойдет ядерный взрыв, Северная Корея будет уничтожена. Он пытался найти бомбу и помешать реализации плана.

– Однако он не мог знать *настоящий* план, – вмешался Рот. – Бомба не взорвалась бы – тем не менее ее использовали бы против Северной Кореи.

– Но если в ней не хватает критически важных компонентов, разве не появятся подозрения, что это фальшивка? – спросила Пайн.

– А кто это узнает? – возразил Рот. – Журналистам не позволят вскрыть бомбу и изучить начинку. Экспертам же скажут, что все важные компоненты изъяли, чтобы не допустить возможный взрыв. Я могу представить, как сойдет с ума пресса, когда станет известно о находке в одной из пещер Гранд-Кэньон. Бомбу поднимут на вертолете и покажут в прямом эфире.

– И что они будут делать после того, как сообщат о ней средствами массовой информации? – спросил Кеттлер.

– Думаю, устроят презентацию в ООН с графиками и слайдами, а также предоставят документы, объясняющие, как именно Северная Корея сумела доставить бомбу в каньон. Конечно, сфабрикованные, но внешне они будут выглядеть убедительно и внушать доверие.

– Но покажется ли *убедительным* сам факт того, что Северная Корея осмелилась доставить атомную бомбу на территорию США? – спросила Пайн. – Они же должны понимать, что мы уничтожим их, если правда выйдет наружу.

– Наша сторона легко развеет подобные сомнения – достаточно будет сказать, что, если бы бомба взорвалась, не осталось бы никаких доказательств того, кто ее доставил и откуда, – ответил Рот. – Но если бы стало известно, что Северная Корея *пыталась* взорвать атомную бомбу в самом сердце величайшего заповедника Соединенных Штатов, но мы сумели предотвратить катастрофу, война была бы неизбежна.

– И многие люди погибли бы во время этой войны, – сказала Пайн.

– Да, война была бы долгой и кровавой, а человеческие жертвы сравнимы со Второй мировой и Корейской войнами. Погибли бы миллионы. Сотни тысяч в первый день.

– Господи, – пробормотал Кеттлер. – А я думал, что войны в Ираке и Афганистане были ужасными...

– Все войны ужасны, когда доходит до человеческих жизней, – сказал Рот. – Я уверен, что какие-то зануды в правительстве подсчитали «точное» количество жертв во всех категориях и привели причины, объясняющие их необходимость в подобном конфликте. – Он покачал головой. – Боже мой, в какое ужасное время мы живем...

– Но почему нам потребовалась помощь русских? – спросила Пайн.

– Как я уже говорил, русские длительное время помогали Северной

Корее вооружаться. У них есть «законный» доступ к делящимся веществам, которые были необходимы нашему правительству для осуществления этого плана. Панель с надписью на корейском языке и все остальное? Нам не пришлось их фальсифицировать, ведь мы сумели получить настоящие детали. Без России нам пришлось бы искать аналогичный материал или попытаться создать фальшивое оружие, которое выглядело бы так, будто его сделали в Северной Корее. Однако ядерное оружие доступно только научной элите. На этой арене совсем немного игроков, все они хорошо известны, и производителя определить совсем не сложно. Вот почему, если бы мы обратились за помощью к третьей стороне, минуя Россию, остался бы след, который привел бы к нам, что сделало бы этот план невыполнимым.

– Хорошо, но зачем русским нам помогать? – спросила Пайн. – Какая им-то выгода?

– Это позволило бы им вступить в партнерство с единственной мировой сверхдержавой. И они поднялись бы почти до нашего статуса. Кроме того, Россия хочет играть роль лидера на Дальнем Востоке, но у них нет никаких шансов противостоять экономической мощи Пекина. Вот почему они ищут другие способы оказывать влияние и иметь право голоса в регионе. Полагаю, Россия получила бы свою награду. Может быть, после победы в войне часть Северной Кореи отошла бы к ним.

– Как во время Второй мировой войны разделили Германию? – спросила Пайн.

– Да. И у Северной Кореи есть кое-какие природные ресурсы – антрацит, к примеру, – которые Россия могла бы использовать, чтобы поддержать экономику Дальнего Востока. – Рот немного помолчал, задумчиво глядя в сторону. – Кто знает, возможно, это могло бы послужить началом грандиозной сделки между нами и Россией по разделу мира... вспомните причины холодной войны, хотя Америка и Россия являлись тогда врагами.

– Мы и сейчас должны оставаться врагами, – сказала Пайн.

– Однако складывается впечатление, что сейчас все обстоит иначе, – заметил Рот.

– Должно быть, Северная Корея что-то заподозрила. И они послали сюда Чона, чтобы тот выяснил, что происходит. Точнее, нашел вас.

– Ну, у них были на то самые серьезные причины – ведь речь идет об их выживании.

– Как вы оказались вовлеченным во все это?

– Фред Уормсли был близким другом моего отца. И моим также. А еще – наставником.

- Я слышала, что он утонул.
- Он не утонул, его убили. И я здесь из-за него.
- Что вы имеете в виду?

– Перед его смертью мы с Фредом тайно встретились. Он занимал очень высокий пост в ОЗБ, и его привлекли к реализации этой безумной миссии. Казалось бы, при проведении подобных операций должно быть множество утечек. Насколько мне известно, Фред оказался единственным, кто был против. Однако он сделал вид, что охотно участвует в операции, чтобы иметь возможность знать все ее детали. Но кто-то его сдал.

– И вы продолжили его сражение, – заметила Пайн.

– После того как Фред рассказал мне все, что знал, я отправился на поиски ядерного заряда. К счастью, ему было известно, где его спрятали, и он успел передать мне информацию. В противном случае, учитывая размеры Гранд-Кэньон, я не смог бы отыскать бомбу.

– А Бен Прист? Как он с этим связан?

– Бен много лет сотрудничал с ЦРУ. Потом перешел в разведку Министерства обороны. Когда я инспектировал ОМП в разных странах, он находился «за сценой», добиваясь максимального доступа для моей команды, и мы стали хорошими друзьями. А потом Бен начал работать на себя. Мне так и не удалось понять, чем он занимался, но у него появилась репутация человека, способного помогать людям, оказавшимся в трудном положении, который к тому же прекрасно разбирался в геополитике. Когда я рассказал ему о заговоре, Бен не раздумывая согласился помочь. Он сразу понял безрассудство этого плана и считал, что людей, придумавших его, следует остановить. Любой ценой.

– Даже если это будет стоить жизни ему и брату, – заметила Пайн.

– А при чем тут мул? – спросил Кеттлер.

– На самом деле мул являлся главной причиной, по которой я обратился к Бену. Понимаете, как только Фред Уормсли рассказал мне, где находится ядерный заряд, я вспомнил, что Бен говорил мне про свои планы спуститься на муле на дно Гранд-Кэньон. Я не мог заполучить собственного мула. Для этого нужно зарезервировать место на год вперед. Таким образом, мы с Беном придумали план, чтобы я занял его место и спустился вниз. Это было идеальным решением.

– Да, теперь оно выглядит вполне разумным, – сказала Пайн.

– Кроме того, мы с Беном спускались в каньон перед тем, как я воспользовался мулом, – добавил Рот.

– Зачем? – спросил Кеттлер.

Рот указал на груды снаряжения и защитного оборудования,

сложенного рядом с ядерным зарядом, вместе с едой и несколькими камерами для воды.

– Нельзя вскрыть ядерный заряд при помощи отвертки и очков для плавания. Кроме того, мне требовались еда, водяные фильтры и прочие припасы. Я не мог взять это с собой открыто – ведь для тех, кто путешествует на муле, существуют ограничения по объему и весу. Мы с Беном спрятали всё поблизости от «Призрачного ранчо». В ночь, когда я «исчез», мне пришлось перевезти снаряжение на муле как можно ближе к пещере; потом я уже на руках отнес его сюда.

– Проклятье, но зачем было убивать мула? – спросил Кеттлер.

– Мул упал со скалы и то ли захромал, то ли сломал переднюю ногу. Но, если честно, я с самого начала собирался его убить. Однако я прихватил обезболивающее, чтобы он не мучился.

– Но зачем? – настаивал Кеттлер.

Рот развел руки в стороны.

– Я не мог взять его с собой. И мы находились довольно далеко от «Призрачного ранчо». Несчастное животное не сумело бы туда вернуться. На него напали бы и убили хищники. Я не хотел, чтобы мул страдал.

– И вы вырезали на его шкуре буквы дж. и к., – сказала Этли. – Зачем?

– Я не рассчитывал, что выберусь отсюда живым, агент Пайн. Остаться в одиночестве в Гранд-Кэньон – довольно глупый поступок. – Он посмотрел на Кеттлера. – Уверен, что вы предупреждаете туристов, чтобы они этого не делали – не спускались вниз без сопровождения и не сходили с тропы.

– Конечно, – подтвердил Сэм.

Рот посмотрел на Пайн.

– Только Бен знал, что я здесь нахожусь. Если б с ним что-то случилось, как вы мне рассказали, я остался бы совершенно один. И если б я умер из-за укуса змеи, падения или обезвоживания, кто-нибудь должен был узнать, что это связано с чем-то, что спрятано в пещере.

– Значит, вы знали о предполагаемой экспедиции Джордана и Кинкейда и о пещере, которую они якобы нашли?

– Да. Более того, я слышал о них от местных жителей, когда спускался вниз с припасами.

– Моя секретарша родилась здесь и также знала эту историю.

– Больше мне ничего не удалось придумать – только две буквы, которые указывали на пещеру, находящуюся в каньоне.

– Не самая лучшая подсказка, – заметила Пайн. – Мне просто повезло, что моя секретарша слышала эту историю и сумела связать ее с мулом и

буквами.

– Ну не мог же я просто написать: «Эй, народ, в пещере спрятан атомный заряд», – начал оправдываться Рот. – Я рассчитывал, что мула найдут люди, которые будут спускаться следующими. И постарался извлечь максимум из того, что у меня имелось.

– Но потом вы перевернули мула так, чтобы он оказался на том боку, где вы вырезали буквы, – сказала Этли. – Зачем?

– Из-за любителей падали, которые разорвали бы его шкуру. И тогда никто не увидел бы оставленной мной подсказки.

Пайн с недоумением посмотрела на него.

– Но три солдата находились у самого входа в пещеру, – сказала она. – Я думала, что они пришли, чтобы забрать ядерный заряд, после того как сорвались мирные переговоры. А потом средства массовой информации устроили бы настоящий цирк.

– Уверен, что так все и произошло бы, – Рот кивнул. – Вот только ядерный заряд находился в другой пещере.

– Что? – вскричала Этли.

– Я не мог оставить его там, где он был спрятан, агент Пайн, и перенес сюда.

– Вы его перенесли? – поразились она. – Как?

В ответ Рот вытащил из угла нечто напоминающее высокотехнологичный рюкзак, к которому было прикреплено что-то вроде экзоскелета.

– Заряд не такой тяжелый, как можно предположить. Они затратили немало усилий, чтобы уменьшить его размеры, что впечатляет и ужасает одновременно. Это рюкзак моей собственной конструкции. Бен разобрал его, доставил вниз во время одного из своих спусков на дно каньона и спрятал в тайнике. Я перенес в нем все необходимое в пещеру от того места, в которое привез на муле. А следом переправил и ядерный заряд.

– Но как вы узнали про эту пещеру?

– Все очень просто. Много лет назад, когда мне было немногим больше двадцати, я довольно часто спускался в каньон. Однажды сошел с туристической тропы и наткнулся на эту пещеру. Впрочем, тут не было ничего особенного; как вы знаете, здесь много пещер. Но когда я понял, что она находится недалеко от той, куда поместили ядерный заряд, я придумал план, и мне оставалось лишь перенести бомбу сюда. Собираясь в свою экспедицию, я прихватил с собой складной шест, чтобы с его помощью закрывать камнем вход в пещеру.

– Но зачем вам было жить все это время в пещере? – спросила Пайн.

– Вы провели здесь много дней, – добавил Кеттлер. – Вам требовалась вода.

– Да, – сказал Рот. – Неподалеку есть источник, и я взял с собой фильтры. А еще несколько солнечных аккумуляторов. Я выставлял их наружу, чтобы они заряжались. – Он сделал паузу. – К сожалению, мне приходилось ставить их на открытом месте, пока я сам находился внутри. Однако я использовал камуфляжную сеть, чтобы спрятать вход. А когда отходил от пещеры, то задвигал валун, чтобы никто ничего не заметил и не застал меня врасплох, когда я возвращался.

– Значит, все это время вы здесь работали? – спросила Пайн.

– Разборка и сборка ядерного заряда, в особенности в одиночку, – медленный и сложный процесс.

– Меня удивляет, что они не оставили возле исходной пещеры круглосуточную охрану, – сказала Пайн. – В таком случае ни вы, ни кто-то другой не сумел бы унести бомбу.

– Они не могли, – ответил Рот. – Если б солдаты охраняли пещеру в каньоне, это вызвало бы подозрения и их план не сработал бы. В данном случае время решало все.

– Вероятно, финальная фаза операции должна была начаться сразу после срыва мирных переговоров, – предположила Этли. – После чего они довели бы дело до конца.

– Если б кто-то заметил вооруженных солдат возле пещеры до этого, они не могли бы заявить, что случайно натолкнулись на тайник с ядерным зарядом, – сказал Рот и широко улыбнулся. – Хотел бы я посмотреть на их лица, когда они вошли в пещеру и обнаружили, что атомная бомба исчезла.

– Значит, вы перенесли ее в эту пещеру... А солдаты искали бомбу и вас.

– Вы все точно описали, – подтвердил Рот.

– Они следили за мной, рассчитывая, что я приведу их к вам, – со вздохом сказала Пайн. – Так я и сделала.

– К счастью, вам удалось остановить их до того, как они до меня добрались. – Рот содрогнулся. – Тем не менее мы очень близко подошли к краю пропасти.

– Мы всё еще очень близки к самому краю, – сказала Пайн и глянула на ядерную бомбу. – А что вы собирались делать дальше?

– Я собирался все задокументировать. Затем завалить камнями вход в пещеру, выбраться из каньона и рассказать о том, что мне удалось узнать, не раскрывая местонахождения ядерного заряда. Я как раз заканчивал, когда появились вы.

– Но рано или поздно они могут прийти сюда и отыскать заряд. И довести свой план до конца. А если вы начнете выступать или попытаетесь их в чем-то обвинить, они скажут, что вы сошли с ума, или назовут предателем. Или вы просто исчезнете.

– Но я все равно не сумел бы выбраться отсюда с ядерным зарядом, – возразил Рот.

– Возможно, мы сможем использовать вертолет парковой службы? – предложил Кеттлер.

Пайн покачала головой:

– Нет. Я уверена, что они отслеживают все подобные варианты. И, судя по всему, приказали парковой службе сидеть тихо. Вспомни про Ламберта и Райса.

– Но нельзя же просто оставить заряд здесь, – возразил Сэм. – Возможно, он и не взорвется, но в нем ведь есть радиоактивные элементы...

Рот кивнул.

– Да, в ядре. Если устройство будет повреждено, можно ждать чего угодно.

Этли подошла к бомбе и осмотрела ее.

– Вы сказали, что его предоставили заговорщикам русские?

– Да.

– Дело в том, что на их месте я захотела бы чего-то больше неопределенных обещаний северокорейского угля.

Рот подошел и встал с ней рядом.

– Что вы имеете в виду?

– Вы не находили здесь чего-то такого, что не можете объяснить?

– Объяснить?

– Вы знаете ОМП, мистер Рот. Нет ли здесь какой-то странности или чего-то вам незнакомого?

Рот посмотрел на металлический контейнер.

– Ну, вот это. – Он показал на ряды маленьких заклепок на металлических панелях. – Они на всех четырех сторонах. Я предположил, что они нужны для укрепления конструкции. Но на самом деле в них нет необходимости.

Пайн ощупала стенку изнутри, потом постучала по ней костяшками пальцев.

– Там пусто, – сказала она.

Рот посмотрел на стенку и нахмурился.

– Честно говоря, я не обратил на это внимания, – признался он.

Этли направила на заклепки луч фонарика и принялась внимательно изучать каждую.

– Здесь по одной заклепке на каждой стороне, которая отличается от остальных, – сказала она, когда закончила осмотр. – Вы можете срезать часть металла вот здесь?

Рот сделал, как она просила, и они увидели за стенкой небольшое электронное устройство.

– Проклятье, а это еще что такое? – спросил Рот.

– Какая у вас машина? – поинтересовалась Пайн.

– «Мерседес» S-класса. Но какое это имеет отношение к данному устройству? – удивился он.

– Вы знаете о маленьких круглых дисках, вставленных в раму, которая идет по периметру вашего автомобиля?

Он еще раз посмотрел на электронное устройство, которое находилось внутри бомбы.

– Камеры. Вы хотите сказать, это нечто вроде камеры?

– Да. – Этли подняла кусочек вырезанного им металла. – Это линза, замаскированная под заклепку. Вероятно, есть и подслушивающее устройство.

– Но зачем? – спросил Кеттлер.

– Когда я работала в вашингтонском офисе, мне пришлось вести одно расследование, где речь шла о русской шпионской сети, – сказала Пайн. – Тогда мне даже пришлось слетать в Украину. Нас предупредили, что номер в гостинице будет находиться под наблюдением, и мы вели себя соответствующим образом. Я спала в одежде и никогда не пользовалась телефоном в комнате. Даже ни разу не говорила громко. Русские любят использовать самые разные приборы для слежки. Когда мы строили там посольство, мы допустили ошибку, пригласив русских субподрядчиков. В результате посольство превратилось в одну большую камеру и передатчик. К счастью, мы вовремя об этом узнали.

– Но зачем русским устанавливать в бомбу приборы для наблюдения? – спросил Рот.

– Для того чтобы записать, как *наши* люди, а вовсе не северные корейцы, привезли и установили бомбу в каньоне. Я не сомневаюсь, что результаты съемки уже загружены в их базы данных.

– Дерьмо господне, – пробормотал Кеттлер. – Ты хочешь сказать...

– Я хочу сказать, что если мы начнем войну на основании фальшивых улик и убьем миллионы людей...

– ...то у русских будут неопровержимые доказательства того, что мы

сами в этом виноваты и лгали всему миру, – закончил за нее Кеттлер.

Пайн кивнула.

– Они называют это *kompromat*. Как вы думаете, насколько эффективно они смогут нас шантажировать? И что попросят за молчание?

Рот опустил на землю рядом со стеной пещеры.

– Все, что захотят, – сказал он.

– Верно.

Тут Рот с ужасом посмотрел на устройство.

– Как вы думаете, они даже сейчас продолжают следить и вести запись?

– Это крайне маловероятно. Здесь нет Интернета и сотовой связи. Кроме того, сигнал спутника едва ли способен миновать такое количество камней.

– Но как тогда они получили компрометирующую информацию?

– Они позаботились об этом задолго до того, как ядерный заряд оказался в этой пещере. Сначала ведь его доставили в Америку, а потом привезли сюда. Они могли записать аудио и видео американских официальных лиц в момент передачи устройства; затем – наших парней, возможно в военной форме, которые грузили заряд в самолет, улетающий в Аризону, и позднее – в вертолет, доставивший его сюда. Множество аудио- и видеозаписей, ставящих нашу страну в исключительно тяжелое положение. – Этли посмотрела на ядерный заряд. – Но чтобы у нас не осталось никаких сомнений, давайте отключим все записывающие устройства.

Рот снова воспользовался пилой и с помощью Пайн и Кеттлера срезал остальные устройства со стенок бомбы. Пайн сложила их в рюкзак.

– Что мы будем делать теперь? – спросил Рот.

– Вопреки тому, что вы говорили ранее, – уверенно ответила Этли, – мы вынесем заряд из каньона.

– Зачем?

– Потому что теперь, когда нам известно о записывающих устройствах, мы можем использовать эту информацию в качестве рычага давления.

– Как? – удивился Рот.

Не успела Пайн ответить, как они услышали какой-то новый звук.

– Что это такое? – спросил Кеттлер.

Они побежали в первую пещеру, где шум стал еще более отчетливым.

– Вертолет, – напряженно сказал Рот.

– И я не думаю, что он летит к нам на помощь, – добавила Этли.

Глава 57

Пайн выглянула наружу через маскировочную сеть.

– Над скалой появился свет, – сказала она. – Должно быть, они знают, что именно здесь находилась их команда, перед тем как исчезла.

Они подождали несколько минут, пока вертолет не поднялся над скалами, а потом скрылся из вида.

– Ладно, пора уходить, – сказал Кеттлер, принимая на себя командование. Подбежал к мертвецам и забрал у них две винтовки «М4» вместе с обоймами. – У тебя есть прибор ночного видения? – спросил он у Пайн; та кивнула. – Тогда следи за вертолетом и светом. Они сделают несколько кругов. Если ничего не найдут, полетят в другое место.

– Ты основываешься на собственном опыте?

– Армия не склонна изменять своим привычкам.

Этли заняла пост у выхода из пещеры.

Рот повернулся к Кеттлеру.

– Но мы не можем выбраться из каньона с ядерным зарядом. Он слишком тяжелый, а путь неблизкий. Даже перетащить его сюда из другой пещеры было очень нелегко.

– Мы справимся, если будем нести его по очереди, – ответил Кеттлер. – И воспользуемся вашим особым рюкзаком.

– А как же агент Пайн?

– Бросьте. Она сильнее нас обоих, вместе взятых. Всё, уходим.

Они побежали в другую пещеру, и Кеттлер помог Роту положить ядерный заряд в большую камуфляжную сумку. Потом он снял свой рюкзак.

– Я понесу первым. Покажите мне, как работает подъемное устройство.

Рот помог Кеттлеру надеть на себя аппарат, потом объяснил, что он должен подойти к ядерному заряду и присесть на корточки, и прикрепил заряд к подъемному устройству.

– Теперь экзоскелет при помощи блоков, аккумуляторов и системы распределения нагрузки возьмет на себя половину веса, – сказал Рот. – Таким образом, вам придется нести около семидесяти фунтов. Это не так уж много.

– Мой рюкзак в армии весил восемьдесят. Так что никаких проблем. – Кеттлер медленно поднялся на ноги и кивнул. – Все нормально.

Они направились к выходу из пещеры.

– Какова ситуация? – спросил Сэм у Этли, которая по-прежнему занимала позицию у входа.

– Вертолет пошел на очередной заход, – ответила она. – Ждите.

Примерно через тридцать секунд они услышали шум приближающегося вертолета. Потом он снова начал удаляться.

– Похоже, улетел, – сказала Пайн.

Кеттлер объяснил ей свой план.

Она посмотрела на часы.

– Сейчас два ночи. У нас нет никаких шансов подняться наверх до наступления рассвета, в особенности если мы будем нести эту штуку. К тому же нас могут поджидать у конца каждой тропы.

– У основных – да, но, скорее всего, не у боковых проходов или второстепенных тропинок, – возразил Кеттлер, имевший в виду места, которыми иногда пользовались рейнджеры.

– И что это значит? – спросил Рот.

Пайн посмотрела на него.

– За ними не ухаживают постоянно, – пояснила она. – Поэтому передвигаться по ним значительно сложнее.

– Труднее, чем по тропе, по которой я спустился на муле? – спросил Рот.

Кеттлер кивнул.

– Да, намного, – ответил он. – А самый подходящий и ближайший для нас путь на самом деле представляет собой комбинацию двух тропинок. Они начинаются на северном краю, рядом с Лесной служебной дорогой. Это не просто примитивная тропа, а скорее граница, и идти по ней будет совсем нелегко. Впрочем, она не сравнится с тропой Нанковип. Я прошел по ней дважды, и это было очень сложно. Существенная ее часть находится всего в нескольких дюймах от пропасти глубиной в тысячи футов. Определенно она не для слабаков. И та, по которой мы пойдем, временами ее напоминает.

– А у нас есть необходимое снаряжение? – спросила Пайн.

Сэм указал на свой рюкзак.

– Веревки и карабины. Думаю, нам стоит связаться друг с другом веревками.

Этли посмотрела на Рота.

– А вы умеете это делать? – спросила она.

– Да, со мной все будет в порядке, – ответил тот. – Я ведь говорил, что мне уже доводилось путешествовать по каньону.

– Может быть, – сказал Кеттлер. – Но не по таким тяжелым тропам, по которым мы пойдём.

Они связались веревками и двинулись на восток по тропе, постепенно поднимавшейся вверх. Рот оказался между Пайн и Кеттлером, которые здесь уже ходили.

– Ты как, пока выдерживаешь груз? – спросила Пайн у Кеттлера.

– Да.

– Хорошо, но каждые два часа мы будем меняться.

Они двигались вдоль берега Колорадо, пока не добрались до ручья, впадавшего в реку. Кеттлер отыскал первую пирамиду из камней, связанных между собой проволокой и отмечавших вход на тропу. Они прошли небольшое расстояние, пока не оказались у начала подъема, где ручей падал со значительной высоты. Пайн видела, что Рот с трудом выдерживает выбранную ими скорость и необходимость идти по неровной местности.

Пробежав вперед, она догнала Рота и сказала:

– Ладно, это может быть слишком рискованным, так что поступим разумно.

Этли позвала Кеттлера, и тот быстро к ним присоединился. Несмотря на возражения Рота, они воспользовались веревкой, чтобы помочь ему с подъемом, а также преодолеть часть ручья, вышедшего из берегов. Пайн взялась за его ремень, они вместе перебрались через последнее препятствие, и он, весь мокрый, лег на землю, пытаясь восстановить дыхание.

– Ладно, – сказал Рот. – Очевидно, я переоценил свои альпинистские способности. И мне уже далеко не двадцать лет. Если честно, подъемы, которые мы преодолевали с Беном, дались мне ценой серьезных усилий.

– Не беспокойтесь, мы поможем вам отсюда выбраться, – сказала Пайн.

Через полчаса, когда Рот достаточно отдохнул, она надела на плечи рюкзак с зарядом, и они двинулись дальше. В некоторых местах тропа осыпалась у них под ногами, в других и вовсе отсутствовала.

Пайн заметила, что на лице Рота появилось беспокойство, которое росло по мере того, как тропа становилась круче и извилистее. Она похлопала его по плечу после того, как они прошли особенно сложный участок.

– Вы отлично справляетесь, мистер Рот.

– Меня зовут Давид. Учитывая ситуацию, в которой мы оказались, думаю, нам пора называть друг друга по именам.

– Я Этли, а он – Сэм.

Рот слабо улыбнулся, но тревога не покинула его лицо.

Они шли довольно быстро. Пайн посмотрела на часы и обнаружила, что до рассвета осталось совсем немного.

– Что это за звук? – с беспокойством спросил Рот.

– Водопады, – ответил Кеттлер. – Это шумит река; здесь она поворачивает и сливается с ручьем, который мы пересекли, а потом впадает в Колорадо. Внимательно смотрите под ноги – будет скользко.

Они прошли через широкую долину; затем начались неприятные подъемы и спуски, которые им приходилось преодолевать.

– Сэм, – позвала Пайн, – я думаю, нам пора остановиться и отдохнуть.

Кеттлер оглянулся на Рота, который уже едва держался на ногах.

– Да, ты права, – кивнул он.

Они разбили лагерь, постаравшись максимально спрятаться за скалами. Ядерный заряд прислонили к камню, как можно дальше от края пропасти.

После того как они поели и напились воды, Рот заснул в тонком спальном мешке, который разложил для него Кеттлер. Они находились на северо-западной стороне каньона, и рассвет наступал здесь чуть позже, чем на восточной.

Пайн и Кеттлер сели, прислонившись к скале и держа в руках «М4».

– Ты думаешь, с ним все будет в порядке? – спросил Кеттлер.

– Я не знаю. Он старше нас на пятнадцать или даже двадцать лет и не привык к серьезным нагрузкам. К тому же давно здесь находится. Ты и сам знаешь, что такое длительное пребывание в каньоне отнимает много сил. Однако он сумел донести заряд от одной пещеры до другой. А это настоящий подвиг.

– Верно.

– Если хочешь немного поспать, я могу постоять на посту, – предложила Этли.

Сэм покачал головой.

– Я в порядке.

Они замолчали.

– Значит, от нас зависит судьба мира? – спросил Кеттлер.

– Похоже на то.

– Я определенно на это не подписывался, когда шел работать в парковую службу, – заметил Кеттлер.

– Ну, а я подписывалась, – сказала Пайн.

Он улыбнулся.

– Я рад, что ты здесь, Этли. Если б тут были только мы с Ротом, я сошел бы с ума.

– Нет, ты делал бы то же самое, что и сейчас: постарался довести дело до конца. – Она помолчала. – Но если б здесь не было *тебя*, я точно сошла бы с ума.

Сэм посмотрел на окружавшие их скалы.

– Тебе известно, что в каньоне существует пять экологических жизненных зон? – спросил он. – Столько же, сколько от Мексики до Канады?

– Ты – настоящий источник информации о Гранд-Кэньон, – заметила Пайн.

– Если я куда-то направляюсь, то стараюсь побольше узнать об этом месте. Так уж я устроен.

– Мы можем попытаться пройти еще немного, пока не начнется жара?

– На этой тропе практически нет тени. И скоро станет *очень* жарко. Мы с тобой справились бы, но я сомневаюсь, что это по силам Роту. И если мы поднимемся выше, там будет негде укрыться. К тому же дальше тропа становится еще круче.

– А если снова появится вертолет, он нас легко заметит...

– Значит, дальше пойдем ночью? Отсюда мы с Ротом доберемся до верха примерно за шесть часов. До следующего восхода.

Оба посмотрели в темноту.

– У меня такое ощущение, будто мы снова сидим в моем «Джипе», – заметил Кеттлер.

– Вот только пива у нас нет.

Сэм открыл рюкзак и вытащил банку.

– Ты меня разыгрываешь, – удивленно сказала Пайн.

Кеттлер открыл банку и протянул ей. Она сжала ее в руках.

– Холодная... Как тебе это удалось?

– Я же говорил, что оставляю рюкзак на станции рейнджеров, когда мне не нужно дежурить, на случай чрезвычайной ситуации или если захочу в одиночестве полазать по горам. Одна банка пива всегда находится в «охлаждающем рукаве» с питанием от батареек. Нечто вроде поблажки самому себе. Когда я был на Среднем Востоке, взвод всегда рассчитывал на вечернее пиво. – Он помолчал, и его улыбка исчезла. – Единственное, чего мы тогда ждали... Ну, если не считать возвращения домой.

– Конечно, Сэм. – Этли сделала большой глоток и протянула ему банку. – Проклятье, теперь мне нужна сигарета.

Он улыбнулся, сделал глоток, взглянул на банку; на лице у него

появилось задумчивое выражение, а потом он и вовсе помрачнел.

– Что? – спросила Пайн, внимательно посмотрев на него.

Кеттлер пожал плечами.

– Черт возьми, почему бы и нет... С тем же успехом могу и рассказать.

– О чем?

Он протянул ей пиво.

– Я командовал пешим патрулем, который отправили в небольшую деревушку в сотне кликов^[36] от Фаллуджи. Мальчишка, не больше десяти или одиннадцати лет, вышел из дома, точнее из глиняной хижины. Я мог бы опрокинуть ее ударом ноги. Мы угостили его конфетами. С нами был переводчик, и мы спросили у мальчишки, не слышал ли он что-нибудь про «Аль-Каиду». Он ничего не знал – так он нам сказал. А потом появилась ужасно разозленная пожилая женщина; оказалось, что это была его бабушка. Она схватила мальчишку и велела нам убираться. Она кричала, постепенно распаляясь все сильнее, и вокруг стали собираться молодые мужчины из деревни. Ну, и мы начали отходить. Я находился позади, на фланге...

Кеттлер замолчал. На лбу у него появились капельки пота, но Пайн догадалась, что жара тут ни при чем.

Она протянула ему банку пива.

– Вот, выпей.

Сделав глоток, он продолжил:

– Оглянувшись, я увидел у мальчишки в руках «калашников». Вероятно, его бабушка прятала автомат под одеждой. Дьявольская штука. Сама старуха держала в руках гранату. – Он снова замолчал, и на его лице застыло удивление. – Проклятый автомат был больше мальчишки. Но я сразу понял, что он умеет с ним обращаться. – Сэм облизнул губы. – Мои парни ничего не заметили.

Догадываясь, куда он ведет, Пайн положила ладонь на его руку и почувствовала, какая она горячая.

– Я посмотрел на него и его бабу. Никогда... – Кеттлер снова облизнул губы и с трудом сглотнул. – Никогда в жизни я не видел такой жуткой злобы. Они видели меня в первый раз, но уже ненавидели изо всех сил. И мальчик, и его бабушка.

– Они ненавидели то, что ты представлял, и то, почему ты там оказался, Сэм.

– Я выстрелил мальчишке в ногу, – продолжал Кеттлер. – Я не хотел его убивать. Просто собирался помешать ему прикончить меня и моих парней. Должно быть, пуля отскочила от кости и перебила бедренную

артерию. Это был настоящий гейзер. Он умер почти мгновенно. Просто упал на землю и...

– Ты не должен, – сказала Пайн, сжимая его плечо. – Не нужно продолжать.

Сэм упрямо покачал головой.

– Бабушка посмотрела на него и закричала, потом взглянула на меня, по ее лицу текли слезы. Она уже собиралась вырвать чеку из гранаты и швырнуть ее в нас... – Он помедлил лишь секунду. – И я выстрелил ей в голову. – Он замолчал и посмотрел на Этли. – Хочешь знать, почему?

Она ничего не ответила, и Кеттлер принял ее молчание за согласие.

– Я решил, что она не захочет жить. И убил ее. Я вел себя как Бог, но ведь я им не был. Я не Бог. В тот момент я вообще ничего не понимал.

– Ты сделал то, чему тебя учили. Ты спас своих парней.

– Да, меня учили убивать детей и их бабушек... Не на это я подписывался, Этли. Правда. Ни за что на свете. С тех пор прошло десять лет, но мне до сих пор снятся кошмары. Я снова и снова нажимаю на спусковой крючок. А они снова и снова умирают.

– У тебя не было других вариантов, Сэм. Ты оказался в жуткой ситуации.

Кеттлер посмотрел на нее.

– Помнишь тот вечер, когда я приехал к тебе с пивом? – спросил он.

– Да?

– Ко мне снова пришел тот же кошмар. Я проснулся весь в поту. И потом... подумал, чтобы позвонить и просто... тебя увидеть. Это... помогло.

– Я рада, Сэм.

С минуту они молчали. Тишину нарушали лишь шум ветра и плеск воды в реке.

Этли сняла куртку и показала ему татуировку на предплечье.

– Мерси была моим близнецом.

– *Была?* Что с ней случилось?

– Однажды ночью, когда нам было по шесть лет, в нашу спальню вошел чужой мужчина и забрал ее. Мне так и не удалось узнать, что с ней случилось.

– Господи, Этли... Мне так жаль...

– Наверное, я пошла работать в Бюро именно по этой причине. – Она посмотрела на Кеттлера. – Чтобы другие люди могли рассчитывать на справедливость, потому что... Мерси ее так и не дождалась.

Сэм взял ее ладонь и сжал.

– Не могу себе представить лучшего способа провести жизнь.

– Обычно я об этом не говорю. Почти как ты. – Она огляделась по сторонам. – Но теперь я поняла: какого дьявола? Завтра наступит не скоро, если вообще наступит.

Кеттлер задумчиво кивнул.

– Я думал, что смогу справиться сам. Но... – Он покачал головой. – Я собираюсь обратиться к психологу. Здесь неподалеку есть отделение Министерства по делам ветеранов. Мне необходимо разобраться с моей проблемой. Я приехал сюда, рассчитывая, что работа здесь мне поможет, но ничего не получается.

– Психолог может помочь, Сэм. Правда.

– Ну, нужно попробовать... – Кеттлер вздохнул и отвел взгляд. – А ты сама не думала обратиться к психологу? Относительно сестры и всего остального.

Пайн не ответила.

Глава 58

Самое жаркое время дня миновало, но они так и не увидели вертолет. И ни одной команды в камуфляжной форме с винтовками «М4». Причина не вызвала сомнений: эффективно прятаться при дневном свете невозможно.

Пошел дождь, и Кеттлер с Пайн смогли по очереди поспать. Когда погода снова изменилась и небо очистилось, они разбудили Рота и поели, запивая еду водой, чтобы хватило сил для последнего штурма северного края каньона.

Когда они снова связались веревками, Кеттлер положил руку на плечо Давида.

– Ладно, вот что я предлагаю. Нас ждет несколько довольно крутых подъемов, но мы сумеем их преодолеть. Затем – долгий и непростой путь, с которым мы тоже справимся. Следующий участок в несколько миль – плоский. Потом мы повернем на восток, где тропа раздваивается. Там снова появятся подъемы и спуски, и тропа будет более неровной, чем западная, но зато не такая длинная. Тебе нужно лишь наблюдать за мной, и еще до наступления рассвета мы выйдем на обычную мощеную дорогу. Звучит неплохо?

– А как же заряд? Сейчас моя очередь его нести, – сказал Рот.

– Мы с Этли решили, что сами с этим справимся.

– Но так нечестно, – возразил Рот.

– Ты довольно долго находился в каньоне. А мы – нет. Это отняло у тебя много сил. Каждый должен отвечать за себя и думать о том, что лучше для отряда и миссии. Наверняка твоя команда поступает аналогично, когда инспектирует ОМП.

Рот положил руку ему на плечо.

– Так и есть. И... спасибо.

Кеттлер поднял рюкзак с зарядом, и они покинули лагерь.

Временами Рот заметно сдавал, и даже Пайн приходилось черпать силы из внутренних резервов. Она восхищалась Кеттлером, который двигался, как безупречно отлаженная машина. Даже с тяжелым зарядом он умудрялся тащить за собой остальных, облегчая им подъем, но усложняя задачу себе.

На развилке они свернули на восток и вскоре подошли к участку крутых подъемов.

Кеттлер обернулся к Роту и поднял руку, призывая всех остановиться.

– Я... в порядке, – задыхаясь, сказал тот.

Сэм вернулся к нему.

– Да, но мне нужно передохнуть, – сказал он. – У меня немного сводит икры. И Этли возьмет рюкзак.

– Ладно, если ты так считаешь, – ответил Рот, сразу опускаясь на землю.

Пайн одобрительно посмотрела на Кеттлера.

А затем нахмурилась.

Вамп-вамп-вамп.

Неожиданно появился вертолет.

– Выключить налобные фонарики, – приказал Сэм.

Они тут же выполнили его команду.

Кеттлер схватил Рота за руку и увлек за собой под сосны. Пайн, не теряя времени, присоединилась к ним.

Они присели на корточки и застыли, пока мощный луч шарил по крутому склону, точно светящийся паук, скользящий по траве.

Пайн вдруг поняла, что перестала дышать. Утешало лишь то, что вертолет не мог здесь приземлиться.

Но тут она представила, как сверху по ним открывают огонь, если прожектор их обнаружит, сжала «М4» и подумала, как лучше всего отстрелить хвостовой пропеллер, если до этого дойдет.

Казалось, вертолет висел над ними целую вечность, хотя часы Этли показали, что прошло всего несколько минут. Потом он стал набирать высоту, перевалил через хребет и скрылся из виду.

На всякий случай они не двигались еще несколько минут. Наконец, убедившись, что вертолет не вернется, выбрались из своего временного убежища.

– Ты готов идти дальше? – спросил Кеттлер.

– Готов, – ответил заметно потрясенный Рот.

Сэм помог Пайн надеть заряд, и они возобновили подъем.

Вскоре тропа стала еще круче уходить вверх.

И снова пошел дождь, заливавший им лица. Когда Рот сделал очередной шаг и наступил на камень рядом с краем обрыва, тот начал сползать вниз, и часть намочшей тропы обвалилась.

Рот вскрикнул, взмахнул руками и рухнул.

Его вес потянул за собой Пайн – та упала на землю лицом вниз. Тяжелый рюкзак ударил ее по спине, и она задохнулась.

Между тем Рот болтался над пропастью на веревке, обвязанной вокруг

его пояса, вращался и пытался за нее ухватиться. В результате его постоянно перемещавшийся вес тащил Этли все ближе к краю тропы, и она отчаянно цеплялась за камни, землю и кусты, пытаясь замедлить движение.

А находившийся с другой стороны веревки Кеттлер изо всех сил пытался помешать им всем упасть в пропасть.

Рот продолжал дико размахивать руками, и лицо Пайн уже нависло над пропастью. Она совсем не хотела свалиться вниз, поэтому прижала ладони к скале и сильно в нее уперлась, чтобы отодвинуться от края, как будто пыталась отжаться с весом в тысячу фунтов.

– Дерьмо! – Этли чувствовала, что ее силы на пределе.

– Сейчас я постараюсь создать противовес, – крикнул Кеттлер. – Если окажусь на краю тропы рядом с тобой, все свалится вниз. Но как только мне удастся стабилизировать ситуацию, мы найдем решение. Просто держись.

Пайн стиснула зубы и кивнула, чтобы показать, что поняла.

Затем посмотрела вниз. Рот раскачивался примерно в пятнадцати футах под ней, а дальше их ждало бесконечное падение к верной смерти.

– Давид! – крикнула она. – Перестань двигаться! Мы сейчас решим проблему. Но то, что ты дергаешься, нам мешает.

Рот, следует отдать ему должное, сразу замер.

Этли напрягла все мышцы, вцепилась в выступ скалы и попыталась немного отодвинуться от края, но ей мешал мертвый вес Рота. Если б она не обладала такой силой, то уже свалилась бы вниз вслед за Давидом. Сейчас дополнительный вес заряда даже помогал ей уравновесить массу Рота. Однако его тяжесть на спине оказывала неприятное давление.

– Ладно, Этли, – крикнул Кеттлер, – сейчас я брошу тебе веревку с карабином. Закрепи ее у себя на поясе. Не оборачивай, только пристегни.

Она снова кивнула и посмотрела туда, где находился Сэм.

Он намотал веревку, связывавшую его с Пайн, вокруг массивной скалы на противоположной стороне тропы, что позволило стабилизировать вес Рота. Потом поднял другую веревку с карабином на конце, чтобы она ее увидела, и крикнул:

– Лови!

Карабин упал рядом с ее левой рукой. Она подсоединила его к другому карабину на прочной веревке, которая обхватывала ее пояс.

– Хорошо, – сказал Кеттлер, внимательно наблюдавший за ней.

Затем взял другой конец веревки и, контролируя ту, что удерживала его, несколько раз обмотал ее вокруг скального выступа и тщательно завязал.

Пайн поняла, почему он хотел, чтобы она только закрепила карабин. Мертвый вес Рота и без того оказывал мощное давление на ее тело, и, если б она обмотала вокруг себя еще одну веревку, а потом что-то пошло бы не так, две веревки могли задушить ее, словно сжавший тело удав. А теперь, если вес Рота потащит ее вниз, дополнительная веревка помешает им рухнуть в пропасть, навстречу смерти. Оставалась лишь одна проблема: Пайн оказалась зажатой с двух сторон – между скалой и землей.

Кеттлер подбежал к ней с дополнительной веревкой с карабином.

– Ты держишься? – спросил он, коснувшись ее руки.

Она кивнула, но лицо ее искажала боль.

– Только я не смогу делать это вечно.

– Тебе не придется. – Он заглянул за край тропы. – Давид, сейчас я спущу веревку вниз. Пристегни ее карабин к тому, который у тебя, ты меня понял?

Рот кивнул, и Кеттлер спустил ему веревку.

Давид схватил ее и со второй попытки сумел пристегнуть карабин.

Кеттлер вернулся к выступу скалы с веревкой в руках, пристегнул ее к той, что уже была намотана вокруг камня, и убедился, что она натянута. Затем снова подошел к краю тропы.

– Давид, ты надежно прикреплен к скале. А теперь я разъединю веревку, которая связывает тебя и Этли.

– Нет! – закричал Рот. – Не надо, я упаду!

– Ты никуда *не* упадешь. Скала, к которой я тебя прицепил, весит около пяти тысяч тонн. Она послужит надежным противовесом. Я должен освободить Этли, чтобы она помогла мне вытащить тебя наверх. Когда я отсоединю одну веревку, ты опустишься на несколько дюймов, но не упадешь, понятно? Сейчас тебя удерживают две веревки.

– О господи, о, пожалуйста, господи... – донеслись до них стоны Рота.

– Давид, – крикнула Пайн, – мы не дадим тебе упасть, поверь нам! Это хороший план. И другого у нас нет, ты понял?

– Ладно, – после паузы согласился Рот.

Кеттлер посмотрел на Этли.

– Готова отстегнуть карабин?

– Моя спина уже давно готова, – проворчала она.

Ей пришлось приложить немало усилий, чтобы справиться с карабином веревки, соединявшей ее с Ротом.

Тот вскрикнул, почувствовав, что опускается, но веревки его удержали, и он успокоился.

Пайн судорожно выдохнула.

– Мне нужно снять проклятую бомбу, – сказала она. – Скорее!

Кеттлер помог ей избавиться от рюкзака.

Некоторое время она лежала, тяжело дыша.

– Этли, мне нужна твоя помощь, чтобы его вытащить, – сказал Кеттлер, и она услышала тревогу в его голосе.

Сильный дождь так и не прекратился.

Она понимала его беспокойство. Если вертолет вернется, им всем конец.

– Да, я знаю. Просто дай мне пару секунд, – ответила Пайн.

– Ладно, но мы не можем долго ждать.

Сэм пристегнул их к скальному выступу, затем протянул Этли перчатки, которые достал из рюкзака; сам он уже надел другую пару.

– Ладно, *почти* олимпийская чемпионка, посмотрим, на что ты способна.

Пайн сумела ответить ему слабой улыбкой, потом надела перчатки и потеряла ладони.

– Давай сделаем это, – сказала она.

Они присели на корточки, ухватились за веревку и принялись тянуть. Дождь не унимался, земля стала влажной, у них скользили ноги, пальцы с трудом удерживали вес, и Рот несколько раз опускался вниз. Но Пайн была невероятно сильной, как и Кеттлер. И они вместе, дюйм за дюймом, поднимали Рота из пропасти, пока его голова не появилась над краем тропы.

Сэм быстро завязал веревку, чтобы снова не потерять с таким трудом завоеванные дюймы. Потом они с Пайн подошли к краю, присели на корточки и с двух сторон ухватили Рота под мышки.

– Раз, два, три, тянем, – сказал Кеттлер.

Через мгновение верхняя часть тела Давида оказалась на тропе.

– Еще раз, – сказал Кеттлер.

И вскоре Рот повалился на землю рядом с ними. Они втроем лежали без движения в течение нескольких драгоценных минут, тяжело дыша и не обращая внимания на сильный дождь.

Затем поднялись на ноги, отвязали веревки от скалы и собрались идти дальше. Теперь пришла очередь Кеттлера нести заряд.

– Б-благодарю вас, – сказал Рот, когда они возобновили подъем.

– Не спеши с благодарностями, – ответила Пайн. – Мы еще не добрались до верха.

Примерно через двадцать минут Сэм оглянулся назад.

– Теперь тропа выравнивается, – сказал он. – А потом мы подойдем к

краю.

Пайн посмотрела на небо, а потом на часы.

– Сколько нам еще осталось? – спросила она у Кеттлера.

– Около двух часов.

– Тогда поспешим. Рассвет здесь наступает быстро.

Она вынула из кармана телефон и с радостью обнаружила, что тот работает. Набрала номер, отчаянно надеясь, что у нее все получится. После третьего гудка ей ответил сонный голос.

– Это Этли. Ты сказала, что, если мне понадобится помощь, достаточно попросить. Ну, так я прошу.

* * *

Примерно через два с половиной часа они добрались до северного края. Кеттлер поднял руку, они сразу остановились, и Рот, тяжело дыша, опустил на землю.

Сэм поставил бомбу на землю, вернулся к Этли и Давиду и развязал все веревки. Затем присел на корточки и огляделся по сторонам.

– Ну, и каков наш план? – спросил он. – Мне не нравится, что мы на открытом месте. Вертолет может приземлиться здесь где угодно.

Пайн посмотрела на небо и увидела, что свет уже начал пробиваться сквозь мрак, еще царивший над каньоном. Тут же решила, что, если вертолет действительно появится и приземлится, они откроют огонь по топливным бакам.

– Я уже вызвала помощь, – сказала она. – Скоро она будет здесь.

– Будем надеяться, что она *успеет*, – сказал Кеттлер.

Через тридцать минут темноту разрезал свет двух фар, но они двигались по дороге, а не по воздуху. Кеттлер направил «М4» в сторону приближавшегося автомобиля.

– Опустить оружие, – быстро сказала Пайн, когда машина подъехала так близко, что она сумела ее разглядеть. – Я их знаю.

Рядом с ними остановился «Шевроле Субурбан», из которого вышли Джо и Дженнифер Ядзи.

Джо Ядзи-старший был крупным, плотным мужчиной, с сединой в длинных черных волосах и сильно обветренным, дочерна загоревшим лицом – он всю жизнь прожил в этих краях. Джо слегка хромотал. Пайн знала, что он получил ранение в бедро, которое так и не зажило.

Ядзи был в полицейской форме; в правой руке он держал помповое ружье, опущенное стволом вниз.

– Этли? – позвала Дженнифер.

– Мы здесь, – ответила Пайн, и все трое вышли из тени на дорогу.

– Агент Пайн? Вы в порядке? – Кэрол Блюм выбралась с заднего сиденья и поспешила к ним.

– Мы все в порядке.

Они встретились посреди дороги. Пайн представила Рота и Кеттлера Джо, Дженнифер и Блюм.

Блюм сжала руку Этли.

– Я знала, что вы его найдете, – сказала она.

– Ну, у меня ничего не получилось бы без помощи Сэма.

Блюм положила руку на плечо Кеттлера и одними губами произнесла: «Спасибо вам».

Джо Ядзи сурово посмотрел на Пайн.

– Я не желаю знать никаких подробностей, Этли. На самом деле ты вообще ничего нам не говорила.

– Я очень хотела бы рассказать вам все, и надеюсь, что так и будет. Но сейчас мне нужно очень многое сделать. И у нас совсем нет времени.

– Куда вас отвезти?

– В Туба-Сити, и как можно быстрее.

Джо выглядел удивленным.

– Туба-Сити? Почему?

– Потому что он обладает суверенитетом. И мы должны кое-что взять с собой.

Они с Кеттлером подбежали к обочине, подняли с земли бомбу, вместе принесли ее и поставили рядом с внедорожником.

Джо с подозрением посмотрел на необычное устройство.

– Проклятье, а это еще что такое?

– Это, – ответила Пайн, – наш мешок с золотом на конце радуги.

Глава 59

Они поехали на север, к озеру Джейкоб, затем свернули направо и дальше на восток, к Мраморному каньону, чтобы затем направиться на юг, в Туба-Сити. Это был самый короткий маршрут, тем не менее поездка заняла почти три часа по трассе 89А.

К тому моменту, когда они приехали на место, солнце давно взошло.

На границе Туба-Сити Джо Ядзи повернулся к Пайн.

– Что теперь? – спросил он.

Этли сидела на заднем сиденье, у него за спиной.

– К полицейскому участку, – сказала она.

Джо кивнул и направил внедорожник в сторону участка.

– Ты можешь мне хоть что-то рассказать? – спросил он, увидев, что его жена с тревогой смотрит вперед. – Потому что я не хочу лишиться карьеры из-за чепухи, о которой ничего не знаю.

– Я лишь могу сказать, что наше правительство задумало кое-что отвратительное и я пытаюсь ему помешать.

Джо кивнул и посмотрел на нее в зеркало заднего вида.

– Федералы плохо обходятся с людьми? – уточнил он. – Ладно, это я могу понять. И что же ты пытаешься сделать, учитывая, что ты сама из их числа?

Пайн указала на Рота.

– Он нашел некоторые доказательства, которые являются жизненно важными для моего расследования.

Джо бросил оценивающий взгляд на Давида в зеркало заднего вида.

– А улики находятся в большой штуке, которая лежит в багажнике моего внедорожника? – уточнил он.

– Частично. – Рот кивнул.

– И речь идет о *ваших* людях, не о нас?

– Да, – подтвердил тот.

– Приятно слышать, – сказал Джо. – Потому что мы не хотим входить в продолжительный контакт с *вашим* правительством.

Дженнифер быстро посмотрела на Пайн.

– За исключением тех, кто здесь присутствует, – добавила она.

– Мы лишь пытаемся сделать всё правильно, – сказала Пайн.

– Вы всегда так говорите, – заявил Джо и повернулся к Кеттлеру. – И какова роль парковой службы в этой истории?

– Я делаю то, что говорит мне агент Пайн, – ответил Кеттлер.
– Умный мужчина, – заметила Дженнифер, с шаловливой улыбкой глядя на Этли.

Однако Джо оставался серьезным.

– В то время, как земля навахо *является* суверенной, мы не можем гарантировать тебе убежище, если ты на него рассчитываешь. Ты – федеральный служащий. И парковый рейнджер. И этот парень... – он указал на Рота. – Я не знаю, кто он такой, но он точно не навахо.

– Я не прошу убежища или защиты, Джо, – ответила Пайн.

– Тогда что?

– Просто поверь мне. Ты сам все увидишь. Я обещаю.

Ядзи хотел что-то сказать, когда его жена положила руку ему на плечо и кивнула.

– Мы верим тебе, Этли, – сказала она.

Джо долго смотрел на жену, потом снова повернулся к дороге.

И они поехали дальше.

* * *

Полицейский участок стоял посреди равнины и занимал здание красно-коричневого цвета с круглой основной частью и архитектурными украшениями в виде крытых деревянных галерей.

Когда их компания вошла внутрь, персонал и полицейские офицеры посмотрели на них с любопытством, а кое-кто даже с подозрением.

– Официальное дело, – коротко сказал Джо Ядзи, не останавливаясь.

Пайн, Рот и Кеттлер привели себя в порядок в туалете.

Дженнифер приготовила горячий кофе и кое-какую еду, которую купила в автомате, когда они вышли из машины.

Блюм помогла ей раздать кофе и закуски. Затем, прикоснувшись к руке Этли, сказала:

– Я ужасна рада вас видеть, агент Пайн.

– Мы несколько раз сумели избежать серьезной опасности, Кэрол, – ответила Пайн. – Мы справились. Но теперь нам предстоит самая трудная часть.

Они пили кофе и ели в маленьком кабинете Джо Ядзи, а он и его жена за ними наблюдали.

– Я хочу знать, что происходит, – сказал Джо, когда они закончили. –

Прямо сейчас. Вы в моей стране, и здесь действуют мои правила. Поэтому помощи больше не будет, пока вы не расскажете мне всё.

Пайн перевела взгляд с Ядзи на его жену.

– Я ничего вам не говорила, – сказала она. – И если кто-то станет задавать вопросы, вы ничего не знаете.

Дженнифер с беспокойством посмотрела на мужа, но тот не сводил глаз с Пайн.

– Я никогда ничего никому не говорю, – решительно заявил он.

Пайн сделала глубокий вдох.

– В багажнике вашего внедорожника лежит ядерный заряд, – сообщила она.

– Боже мой, – выдохнула побледневшая Дженнифер.

Рот шагнул вперед.

– Он не снаряжен. И не может взорваться, – заверил он всех.

– Это вы так говорите, – резко сказал Джо. Затем повернулся к Пайн и с яростью продолжил: – Ты заставила меня привезти проклятую атомную бомбу на землю навахо? В полицейский участок? С моей женой в машине?

– Оружие не может сдетонировать, – твердо сказала Пайн и указала на Рота. – Он занимается этим дерьмом профессионально. Неужели ты предпочел бы, чтобы я оставила его в каньоне?

– И что ты собираешься с ним делать? – взволнованно потребовал ответа Джо. – Проклятье, оно здесь не останется!

– На самом деле я собираюсь отвезти его в свой офис, – спокойно продолжала Пайн.

– В свой офис?

– Да, я так сказала, – подтвердила она.

Джо с нескрываемым отвращением покачал головой.

– Ядерное оружие... Дьявольщина, когда вы наконец прекратите это дерьмо?

– Я хотела бы дать тебе хороший ответ, Джо, но не могу. А сейчас мне требуется несколько минут наедине с моими спутниками.

Ядзи посмотрел на жену.

– Хорошо. Можете сидеть здесь, сколько вам нужно. Я выйду к своему внедорожнику. И если рядом появится черный вертолет, я его собью. Ты не против? – резко спросил он.

– Флаг в руки, Джо, – сказала Этли.

После того как они с Дженнифер ушли, Рот повернулся к Пайн.

– Ты сказала, что хочешь отвезти заряд в свой офис. Зачем?

– Потому что во время переговоров нужно иметь боеприпасы, и могу

спорить, что надежнее ядерного оружия нет ничего на свете.

Рот побледнел.

– Что ты собираешься сделать?

– Вы можете доверять агенту Пайн, мистер Рот, – сказала Блюм. – Она знает, что делает.

– Но вы должны понимать, что мы имеем дело с Голиафом, – со вздохом сказал Рот.

Блюм улыбнулась.

– Ну, тогда, *Давид*, у вас исключительно удачное имя.

Глава 60

– Ты сошла с ума?

Клинт Доббс, глава ФБР по Аризоне, говорил так, словно с ним только что случился удар или паническая атака, или и то и другое сразу.

– Нет, я так не думаю, сэр, – спокойно ответила Пайн в трубку.

– Проклятье, где ты была все это время? – потребовал ответа Доббс.

– В отпуске, который вы мне посоветовали взять, сэр.

– Проклятье, ты не отвечала на мои звонки и письма по электронной почте.

– Там, где я была, нет Интернета и не работают сотовые телефоны, сэр. Я только что вернулась.

– Ты понимаешь, как долго отсутствовала?

– Да, сэр, с точностью до дня.

– И ты хочешь встретиться со мной в твоём офисе в Шеттерд-Рок? – не в силах скрыть удивления, спросил Доббс.

– Да, сэр, и вам следует захватить с собой подкрепление, как я уже говорила. Причем я имею в виду элитный отряд по освобождению заложников, в полном вооружении и бронезилетах.

– Ты забыла, что такое дисциплина, Пайн. Я *не* поеду в Шеттерд-Рок. Зато тебе следует явиться в Феникс.

– Я бы так и поступила, сэр, но в моем офисе находится предмет, который нельзя перевозить.

– Проклятье, ты о чем?

– Просто верьте мне, сэр.

– Я не вижу для этого ни одной причины, – заявил Доббс. – Мне о тебе многое успел рассказать заместитель директора.

Этли сделала глубокий вдох.

– Я думаю, что заместитель директора вовлечен в то, что здесь происходит.

«Именно по этой причине я звоню тебе, а не ему», – добавила она про себя.

– Проклятье, что ты несешь? Подобные разговоры будут стоить тебе значка, Пайн.

– А зачем еще он вмешался и позвонил вам, сэр, и потребовал, чтобы вы сняли меня с расследования, сэр? Разве это не показалось вам исключительно необычным поступком с его стороны? Я хочу сказать: какое

дело заместителю директора до мертвого мула?

Доббс довольно долго ничего не говорил.

– Пайн, во что еще ты вляпалась? – наконец спросил он.

– В нечто более серьезное, чем я могла представить, сэр. Вот почему мне необходима ваша помощь и поддержка. Я не справлюсь сама. И если этого не сделает заместитель директора, мне нужно, чтобы вы прикрыли мне спину, сэр.

– А зачем мне брать с собой подкрепление? – спросил Доббс после небольшой паузы.

– Я полагаю, что у меня может появиться компания, – ответила Пайн.

– Компания? Что ты имеешь в виду? Преступники? Банда?

– Тут все зависит от определений, сэр, но *эта* компания может оказаться куда опаснее.

– Послушай, Пайн, мне уже даже не смешно. Если ты думаешь...

Она перебила его:

– Сэр, я не стала бы вас просить, если б ситуация не была критической. Когда вы прибудете сюда, то сразу поймете, что происходит. Речь идет о национальной безопасности. И не только нашей страны, но и всего мира. – Она немного помолчала. – Я пытаюсь сделать свою работу, сэр, как агент ФБР. Я давала клятву. И намерена исполнить ее до конца.

Она снова услышала его тяжелое дыхание в трубке.

– Значит, это не розыгрыш? – спросил он наконец.

– Никогда в жизни я не была серьезнее, сэр.

– Значит, ты не ушла в отпуск?

– Я бы не назвала это отпуском, сэр.

– Твоя карьера поставлена на карту, Пайн.

– На карту поставлено гораздо больше, чем моя карьера, сэр.

Последовала короткая пауза.

– Я буду у вас через три с половиной часа.

– И не забудьте про подкрепление, о котором я просила.

Но Доббс уже повесил трубку.

Этти вздохнула.

Ну, пока все идет нормально.

* * *

Пайн и Блюм сидели во внедорожнике Ядзи, который стоял чуть в

стороне от их офиса в Шеттерд-Рок. Было важно, чтобы они прибыли туда одновременно с Доббсом и его людьми.

– Вы с Сэмом благополучно доставили груз в офис? – спросила Этли.

– Никаких проблем. Мы вошли через гараж, и никто нас не видел. – Блюм замолчала на несколько секунд. – Хотя, должна сказать, меня несколько тревожит легкость, с которой мы пронесли ядерное оружие в здание, где работают федеральные агенты.

– И вас никто не остановил?

– Только один агент Иммиграционной и таможенной полиции, которого я знаю. Я сказала, что это новый комод для офиса. Он даже помог нам его донести.

Этли напряглась, когда мимо них на высокой скорости проехал черный внедорожник, остановился у входа в офис, и двери машины одновременно распахнулись.

Клинт Доббс – рост около шести футов, редящие волосы, немного за пятьдесят, широкие плечи, толстая шея, небольшое брюшко – вышел со стороны заднего пассажирского сиденья. За ним последовали пять агентов.

– Дерьмо, он привез с собой недостаточное количество людей, – сказала Пайн. – Никакого элитного отряда, серьезного оружия и брони. Только костюмы и пистолеты. Ну почему некоторые люди ничего не хотят слышать?

Она врубила передачу и нажала на газ. Машина рванула вперед и со скрежетом затормозила возле тротуара.

Мгновенно появившиеся пистолеты были направлены на внедорожник, пока Пайн и Блюм не вышли из машины. Этли перебрала сумку через плечо.

Доббс выглядел так, словно его хватил апоплексический удар.

– Проклятье, что ты вытворяешь? – спросил он.

Пайн решительно подошла к нему.

– Я ждала вашего появления, сэр. – Она посмотрела на агентов. – Я просила группу с тяжелым вооружением и бронезиловыми. Неужели больше с вами никто не приехал?

– Со мной пять агентов. А чего ты хочешь? Войны?

– Именно. Но мы имеем то, что имеем. Путей к отступлению нет. Пойдемте.

Пайн решительно зашагала в сторону здания.

Доббс скептически посмотрел ей вслед, потом его взгляд переместился на Блюм, и в глазах появилось узнавание.

– Я вас знаю, не так ли? – спросил он.

– Кэрол Блум. Я была вашей секретаршей во Флагстаффе.

– Вы правы. – Он огляделся. – Сожалею, что вам пришлось работать с агентом, карьера которого подходит к концу.

– О, не нужно меня жалеть, мистер Доббс, – ответила Блум. – Агент Пайн принадлежит к тем сотрудникам, которыми ФБР следует гордиться. Когда вы узнаете, что она сделала, то поймете, что ее карьера далека от завершения.

– И что *именно* она делает? – спросил Доббс.

– Спасает мир, ни больше ни меньше.

Кэрол поспешно последовала за Пайн, предоставив Доббсу недоуменно таращиться ей вслед. Тот поманил за собой своих людей.

– Ну, пошли, что ли? – сказал он и устало огляделся по сторонам. Вокруг царили тишина и покой, и это его слегка умиротворило. – Война, черт меня задери, – пробормотал Доббс.

Когда все оказались в ее офисе, Пайн отключила систему безопасности, а когда последний агент вошел внутрь, тщательно заперла за ним дверь.

– Ладно, – сказал Доббс. – А теперь выкладывай, какого дьявола здесь происходит.

– Сначала я попрошу вас пройти в мой кабинет.

Они последовали за ней, и Пайн снова закрыла дверь. Потом она подошла к шкафу, распахнула дверцу и указала на массивный предмет в брезентовом футляре, стоявший внутри.

– Что это? – спросил Доббс.

В ответ Этли расстегнула молнию.

– Проклятье, что *это* такое? – снова спросил он.

– Тактическое ядерное оружие.

Доббс и его люди одновременно сделали шаг назад.

– Какого дьявола! – рявкнул он. – Ядерное оружие?!

– Его спрятали на дне Гранд-Кэньон.

– Спрятали? Кто спрятал? – потребовал ответа Доббс.

– О, наконец-то мы переходим к самому главному, не так ли? – Пайн закрыла дверцу шкафа.

– Ты мне все *расскажешь* – после того, как я позвоню в Вашингтон и сообщу, что в полевом офисе ФБР находится ядерная бомба.

– Сэр...

Он подошел к ней и наставил на нее указательный палец:

– Больше ни одного слова. Боже мой, Пайн, из всех возможных провалов, что мне доводилось видеть в жизни, это просто...

– Ради бога, Клинт, неужели вы не можете немного помолчать и дать ей все объяснить? – раздраженно спросила Блюм. – Пусть говорит.

Доббс бросил на нее свирепый взгляд.

– Клинт? Вам следует обращаться ко мне...

– Я полагаю, что ухожу в отставку, поэтому пусть будет «Клинт». – Кэрол выжидательно посмотрела на Пайн. – Специальный агент Пайн?

Та взглянула на Доббса.

– Я полагаю, вы видели сообщение службы Национальной безопасности о мертвом муле и исчезнувшем в каньоне мужчине?

На лице Доббса появилось обиженное выражение.

– Я не читаю про подобные вещи, – заявил он.

Прежде чем Пайн успела ему ответить, со стороны лестницы донесся топот ног, а потом у всех возникло ощущение, будто по коридору прокатилась прибойная волна. Через несколько мгновений они услышали, как внешнюю дверь выносят тараном.

– Проклятье, это еще что такое? – вскричал Доббс, а его люди разом повернулись к единственной оставшейся двери, отделявшей их от неизвестного врага.

Пайн вытащила и навела на дверь пистолет. Потом посмотрела на остальных агентов и подняла свое оружие.

– Джентльмены?

Они переглянулись, выхватили пистолеты и встали рядом с Пайн, направив стволы в сторону двери. Даже Доббс достал оружие.

– Что здесь происходит, Пайн? – прошипел он.

– Начинается война, сэр, – ответила она.

Глава 61

По внутренней двери нанесли такой мощный удар, что ее сорвало с петель, и внутрь тут же ворвалась дюжина солдат в касках, вооруженных «М4» и «М16».

Доббс свободной рукой вытащил жетон и рявкнул:

– Здесь федеральные агенты, опустить оружие!

Ни одна из штурмовых винтовок даже не дрогнула. Боевики с оружием в руках образовали стену по всей ширине комнаты, встав плечом к плечу и направив винтовки на агентов, стоявших напротив.

– ФБР! – снова крикнул Доббс. – Я же сказал, опустить оружие!

И вновь ни один ствол даже не дрогнул.

– Кого вы представляете? – резко спросил Доббс, в то время как его люди нервно сжимали в руках пистолеты.

Двенадцать автоматических штурмовых винтовок в руках солдат в бронежилетах против семи полуавтоматических пистолетов в руках агентов в костюмах в замкнутом пространстве – в исходе схватки сомнений быть не могло.

Внезапно солдаты расступились, и вперед вышел мужчина лет пятидесяти, одетый в темный костюм, белую рубашку, полосатый галстук и туфли с ободранными носами. Очевидно, он командовал отрядом.

Доббс сосредоточился на нем.

– Мы из ФБР, и вам следует немедленно опустить оружие; в противном случае у вас будут очень серьезные неприятности, – мрачно заявил он.

– Я собирался сказать вам то же самое, – ответил мужчина.

Из соседней комнаты послышался шум. Через мгновение в комнату ворвались пятеро агентов Иммиграционно-таможенной службы с «AR-15» и направили их на вооруженный штурмовыми винтовками отряд и мужчину в костюме. Половина солдат в бронежилетах наставила оружие на пятерку агентов, другая продолжала держать под прицелом Доббса и его агентов.

– Федеральные агенты! – выкрикнул командир третьего вооруженного отряда. – Оружие на землю! Немедленно!

Три группы вооруженных людей оказались в патовой ситуации.

Доббс торжествующе посмотрел на мужчину в костюме.

– Ладно, вы окружены. Так что вам лучше сложить оружие.

– Ничего подобного. Мы здесь для того, чтобы забрать этих женщин. – Он указал на Пайн и Блюм.

– За что? – спросил Доббс.

– За предательство интересов Соединенных Штатов.

Один из агентов таможенной службы шагнул вперед.

– Чепуха. Этли Пайн не предательница. А теперь, черт подери, скажите, кто вы такие.

Мужчина достал телефон, набрал номер и что-то тихо сказал. Затем протянул телефон агенту таможенной службы.

– Ваш директор хочет с вами поговорить.

Агент заморгал.

– Директор?

– Гарольд Сайкс, директор МВБ. Да, он на линии.

Агент взял телефон.

– Кто это? – Он встал по стойке «смирно», явно узнав голос главы Министерства внутренней безопасности. – Да, сэр. Что? Нет. Я хочу сказать, что она агент ФБР. Я ее знаю. Нет, я не говорю... Но предатель... Я... нет, сэр... Да, сэр, прямо сейчас, сэр.

С опустошенным лицом он вернул телефон мужчине в костюме и беспомощно посмотрел на Пайн.

– Мне очень жаль, Этли.

– Все нормально, Дуг, мы разберемся.

Тот медленно повернулся к своим людям.

– Ладно, уходим.

– Сэр? – сказал один из них.

– Я сказал, мы уходим! – рявкнул Дуг.

Через несколько секунд отряд покинул поле битвы, оставив в комнате людей в броне и агентов ФБР. Мужчина в костюме повернулся к Доббсу. Тот вытащил свой телефон.

– Ладно, теперь я позвоню моему директору, ублюдок.

Мужчина улыбнулся.

– Будет лучше, если я позвоню его боссу, генеральному прокурору США, чтобы тот приказал вам передать этих женщин нам.

Доббс посмотрел на Этли.

– Пайн и Блюм не могут быть предателями, – заявил он.

– Ваше мнение по данному вопросу никого не интересует.

Доббс заставил себя успокоиться.

– Ладно. Покажите мне подписанный генеральным прокурором США обвинительный акт, и мы арестуем их прямо сейчас, зачитаем права и

отвезем в федеральную тюрьму, после чего ими займется судебная система.

Мужчина энергично затряс головой.

– Речь идет о национальной безопасности, а не о суде.

– Мне плевать на то, что они неправильно перешли улицу, – взорвался Доббс и указал на Пайн и Блюм. – Эти женщины являются американскими гражданами. Они невиновны до тех пор, пока не доказано обратное. И они имеют право на надлежащее судебное разбирательство. Я уверен, что вам это известно, если, конечно, *вы* американец, в чем, если честно, я начинаю сомневаться.

– Ладно, пора заканчивать. Опустите оружие.

– И не подумаю! – рявкнул Доббс. – Отправляйтесь в ад!

– Я могу позвонить генеральному прокурору, и он отдаст вам приказ.

– Вы можете позвонить даже треклятому президенту, но мой ответ не изменится, – холодно ответил Доббс.

– Вы перешли все границы, – прорычал мужчина в костюме.

– Я перешел границы? – воскликнул Доббс. – Мы – федеральные агенты!

– Я же сказал, что мы здесь закончили, – мужчина в костюме терял терпение. – Опустите оружие, или мы откроем огонь. Это ваш последний шанс.

Агенты ФБР нервно переглядывались, прекрасно понимая, что будет бойня. Однако они не сдавались и не опускали оружие.

– Очень хорошо, – проговорил мужчина, качая головой и отступая за бронированную стену. – Вам не удастся сказать, что я вас не предупредил.

И тут вперед выступила Пайн.

– Ладно, шоу тестостерона продолжалось достаточно долго, – сказала она. – Пора приступить к переговорам.

Мужчина недоверчиво посмотрел на нее.

– Переговоры? Вам нечего предложить.

В ответ Этли подошла к шкафу, распахнула дверцу и показала ядерный заряд:

– У меня есть *это*.

– Но как *это* оказалось здесь? – резко спросил мужчина в костюме.

– Некоторые люди решили поступить правильно, – спокойно ответила

Пайн.

Мужчина бросил на нее презрительный взгляд.

– Кто? Давид Рот?

– Я не стану ничего вам говорить, – заявила Этли.

– Вы все предатели! – завопил мужчина.

– Или *патриоты* – во всяком случае, с моей точки зрения, – возразила Пайн.

Мужчина посмотрел на Доббса.

– Теперь вы понимаете, почему мы должны их забрать? У них ядерная бомба.

– А откуда вы знаете, что это ядерная бомба? – спросила Пайн. – Отсюда *это* похоже на обычный металлический ящик.

Мужчина побледнел и бросил взгляд на Доббса, который мрачно смотрел на него.

– Да, откуда вам известно, что там атомная бомба? Я и сам не знал, пока Пайн мне не сказала.

– *Русский* ядерный заряд, – добавила Этли.

– *Русский!* – воскликнул Доббс, бросив на нее быстрый взгляд, и снова повернулся к мужчине в костюме. – Так они русские?

– Нет, они американцы, работающие вместе с русскими, – ответила Пайн. – Я самолично вырубил двух русских, которые забрались в дом Бена Приста. – Она посмотрела на мужчину в костюме. – Только вас, парни, классно поимела Москва. По полной программе.

– Проклятье, о чем вы говорите? – вскричал мужчина.

Этли поставила на стол рюкзак, с которым была в каньоне, вытащила из него устройства наблюдения и бросила перед собой.

– Ваши русские *друзья* поместили многочисленные камеры и подслушивающие устройства внутрь ядерного заряда, – сказала она.

Наступившая тишина была такой глубокой, что Пайн показалось, будто она слышит не только биение своего сердца, но и стук сердец всех собравшихся у нее в кабинете агентов.

– Откуда мне знать, что вы не лжете? – спросил мужчина.

Этли бросила ему одно из устройств.

– Должно быть, вы слепо верите своим московским друзьям. – Следом она швырнула ему кусок панели, который срезал Рот. – Могу спорить, что старина Путин сейчас сидит где-то и улыбается.

Мужчина взял «жучок» и кусок металла, подошел к заряду и приложил его к отверстию в оболочке. Потом приставил сверху кусок металла.

Все идеально сошлось.

Он посмотрел на заряд с другой стороны и увидел в металле такие же отверстия. Пайн показалось, что она услышала, как он выругался.

– Значит, у русских есть доказательства того, что мы поместили ядерный заряд в Гранд-Кэньон, – сказал он, повернувшись к Пайн. – И что из этого следует? Разве игра не закончена?

– Нет, потому что наша сторона еще не «обнаружила» ядерный заряд и не приняла решения начать войну с Северной Кореей, – сказала Пайн.

– А почему это имеет значение?

– Не начинать войну и не убивать миллионы людей из-за фальшивых доказательств, которые вы собирались предъявить всему миру, во много раз лучше, чем совершить столь чудовищное деяние. К тому же замысел русских, основанный на шантаже, теряет свою силу.

Блюм шагнула вперед.

– И вы получаете возможность придумать правдоподобное объяснение данной истории.

Мужчина скептически на нее посмотрел.

– И каким оно будет?

– Вот таким: вы подложили недействующий ядерный заряд в пещеру, потому что исследовали альтернативные методы хранения, а также проверяли факторы окружающей среды.

– Повторите еще раз, – попросил мужчина.

– Я поступала так со старыми монетками, когда была ребенком. Прятала их в ямки, которые выкапывала на заднем дворе. Если подумать, это куда разумнее, чем доверять русским, когда собираешься уничтожить Северную Корею. Я хочу сказать: кто поверит, что мы *так* глупы?

Мужчина тупо посмотрел на нее, но не ответил.

– Или вы можете заявить, что все улики, которые у них есть, фальшивые, – добавила Блюм. – Складывается впечатление, что нынче это весьма популярная тактика.

Мужчина покачал головой.

– Нет. Ничего не получится. – Он многозначительно посмотрел на вооруженных людей, которых привел с собой. – Вы все пойдете с нами, пока мы окончательно не разберемся в ситуации. Немедленно!

– Есть еще одна вещь, которую вам следует знать, – сказала Пайн. – У нас имеется *электронное* подтверждение того, что вы здесь говорили.

Мужчина вздрогнул и огляделся по сторонам.

– Что?

– В моем офисе ведется видео- и аудионаблюдение, – продолжала Пайн.

– И почему у вас стоит такая система? – скептически спросил мужчина в костюме.

– Я поставила ее после того, как на меня набросился один болван. А когда я надрала ему задницу, он заявил, что это я на него напала. С тех пор я сделала так, чтобы в моем кабинете никогда не дошло до «он сказал, она

сказала». Так что информация уже загружена в надежно защищенное облако.

– А где доказательства, что вы не блефуете?

– Вся прелесть в том, что вам не суждено это узнать.

Блюм снова вышла вперед.

– И еще я хочу, чтобы вы знали: я уже довольно долго работаю с агентом Пайн. И ни разу на моей памяти она не блефовала.

Мужчина перевел взгляд с Блюм на Пайн.

– И что вы предлагаете? – спросил он.

– Если что-нибудь случится со мной, госпожой Блюм, Давидом Ротом или кем-то еще, связанным с данным делом, или с людьми, которые находятся в моем кабинете – а под «случится» я имею в виду все, начиная от заусенца до увольнения и убийства, – ваше участие в этой истории станет известно всему миру.

Несколько долгих моментов мужчина не сводил с Пайн глаз, затем взглянул на средства наблюдения и записи, которые все еще держал в руке, и на бомбу. Потом снова на Этли – и на лице у него появилась покорность судьбе.

Пайн все поняла.

– Другой возможности для всех нас выйти из сложившейся ситуации я не вижу, – продолжала она. – Полагаю, у вас хватит ума это понять.

Миновало еще несколько секунд тишины; все стояли, затаив дыхание.

– Хорошо. – Мужчина в костюме кивнул. – Что-нибудь еще?

– Бен и Эд Присты?

Мужчина нервно облизнул губы.

– Что вы хотите? – быстро спросил он.

– Проклятье, я очень надеюсь, что они живы, – сказала Пайн. – Иначе вам придется ответить за их смерть.

– Они живы, – после некоторых колебаний ответил он.

– В таком случае я хочу, чтобы их вернули живыми и здоровыми, с соответствующей компенсацией за неприятности, которые вы им устроили. И я это проверю, так что вам лучше со мной не связываться.

– Договорились. До тех пор, пока вы не нарушите... конфиденциальности.

– Кроме того, вы должны много денег семье Оскара Фабриканта. И заодно передайте тонну наличности «Обществу за Бога». Я думаю, всем нам необходимо быть намного добрее. А еще мы знаем про Фреда Уормсли. Так что его семье также причитается существенная финансовая компенсация за его патриотическую службу стране.

– Хорошо. Что-то еще? – напряженно спросил мужчина.

Пайн помрачнела.

– В пещере Гранд-Кэньон находятся три тела. Это *ваши* парни.

– Вы убили наших людей? – Мужчина не сумел скрыть изумления.

– Ну, у меня не оставалось выбора, поскольку они пытались убить меня. Но я хочу, чтобы вы забрали их тела и передали семьям. И если они *действительно* были военными, позаботьтесь об их родных. Кроме того, в их послужном списке не должно ничего говориться про участие в этой операции. И похороните их со всеми положенными почестями.

– Как великодушно с вашей стороны, – с сарказмом заявил он.

– Они погибли, выполняя приказ, который почти наверняка отдали *вы*. Лично у меня не было с ними никаких разногласий. Я с большим удовольствием пристрелила бы *вас*.

– Я буду иметь это в виду, – раздраженно сказал мужчина. – На случай, если мы встретимся еще раз.

Этли посмотрела на него, и на ее губах появилась улыбка.

– Вы могли захватить меня вместе с братьями Прист. Или просто пристрелить. Однако не сделали этого.

– Могу лишь сказать, что я не повторяю свои ошибки дважды, – заметил он.

Пайн не сводила с него глаз.

– Вы хотели, чтобы я продолжала расследование, – сказала она.

– Но, Пайн, зачем им это было нужно? – спросил Доббс.

– Они надеялись, что я помогу им найти Рота и бомбу.

– Мы могли просто взять вас и заставить рассказать, где находится Рот, – возразил мужчина.

– Позднее вы так и пытались поступить – в аэропорту и в квартире, где я остановилась, – но у вас не получилось. Однако вы *знали*, что ядерный заряд находится в пещере в Гранд-Кэньон. Вот только не в той, куда его спрятали ваши люди. Вот вы и решили использовать меня втемную, чтобы я отыскала для вас бомбу. Вы рассчитывали, что ваши люди схватят меня, как только я ее найду. И снова у них ничего не вышло.

Насмешливое выражение исчезло с лица мужчины; теперь он смотрел на Пайн с невольным восхищением.

– Может быть, я надеюсь, что наши пути больше *не пересекутся*, – сказал он.

Она показала на шкаф:

– И вам следует забрать эту штуку. Не думаю, что у Бюро есть страховка на случай транспортировки ядерного оружия.

– Я уже включил этот пункт в список того, что нам следует сделать, – язвительно сказал он. – Теперь всё?

– Нет, еще кое-что. Возможно, самое главное.

– И что же? – спросил он.

Пайн собралась с силами.

– Прекратите верить русским, – выпалила она. – Они нам *не* друзья.

Мужчина бросил на нее странный взгляд и повернулся к своим людям.

– Возьмите заряд. Мы уходим, – сказал он.

Они тут же опустили оружие; четверо поспешили к шкафу и взяли бомбу. Затем все вышли из кабинета.

Последним остался мужчина в костюме.

– Вы нанесли непоправимый ущерб нашей стране, – заявил он, глядя на Пайн.

– Нет, я считаю, что спасла ее. Вместе с несколькими миллионами жизней. И мне жаль, что вы и остальные идиоты, стоящие за этим заговором, не отправитесь за решетку до конца жизни. А теперь проваливайтесь из моего кабинета и офиса!

Мужчина быстро вышел, после чего шестеро агентов и одна секретарша ФБР облегченно вздохнули. Все опустили оружие, чувствуя, как у них отчаянно дрожат руки, – ведь им пришлось слишком долго занимать боевую стойку.

Бледный Доббс повернулся к Этли.

– Проклятье, что это сейчас было, Пайн?

– Если коротко, американцы вели себя очень плохо, сэр.

Блюм шагнула к Доббсу.

– Раз уж тут речь зашла о просьбах, нам необходимо заменить двери, и агенту Пайн нужен новый стул.

Доббс фыркнул и посмотрел на Пайн.

– Ты ведь не блефовала с ублюдком? – спросил он. – Насчет того, что в твоём офисе все записывается?

Этли выдвинула ящик стола, показав ему маленькую металлическую коробочку. Затем нажала на кнопку, и наружу выскользнул диск. Пайн взяла его и протянула Доббсу.

– Агенты ФБР не блефуют, сэр. Во всяком случае, когда речь идет о важных вещах. Я со всем уважением советую вам забрать его и извлечь максимальную пользу.

Доббс снова кивнул, спрятал диск в карман и повернулся к Блюм.

– Проклятье, купите все новое для этого кабинета, Кэрл. И для вашего. И пришлите мне счет.

– Благодарю вас, старший специальный агент Доббс.

Доббс и его люди ушли. В кабинете остались только Пайн и Блюм. Этли уселась на свой расшатанный стул, а Кэрол – на краешек стола.

– Ну, слава богу, все закончилось, – заметила Блюм.

– В самом деле?

– По крайней мере, на сегодня.

– С этим я, пожалуй, соглашусь. – Пайн кивнула. – И кстати, вы не можете уйти в отставку. Вы мне нужны.

Блюм снисходительно улыбнулась.

– А я и не собираюсь, агент Пайн. В отличие от вас, я *блефовала*.

Глава 62

– И как прошла встреча с психологом?

Было десять вечера. Пайн с Кеттлером сидели в его «Джипе» у нее на парковке и пили пиво.

– На самом деле, совсем неплохо, – сказал он, делая глоток из бутылки. – Это находится совсем недалеко отсюда. И мне нравятся индивидуальные сеансы. Групповые намного хуже.

– Не стану спорить. Знаешь, дальше станет легче, Сэм.

– Ты думаешь?

– Уверена. – Она потянулась к нему и взяла за руку. – Я верю в тебя. Парень, который вывел нас из Гранд-Кэньон, способен на все.

– О, кстати, Колсон и Гарри вернулись на свою прежнюю работу.

– Да, я предполагала, что так может случиться.

– Ну, а как все закончилось с ядерным зарядом и остальными проблемами? – спросил Кеттлер.

– На данный момент все хорошо. Но кто знает, как сложится дальше...

Несколько минут они сидели молча, глядя на небо, полное звезд.

– Если мне станет лучше... – начал Сэм.

– Когда тебе станет лучше, – поправила Этли.

– Верно. Когда мне станет лучше, мы можем снова встретиться и выпить пива?

– В твоём «Джипе»? Обязательно. Тот вечер занял уверенное место в тройке лучших.

– А какими были два других?

– Наше свидание в пиццерии Тони. – Пайн немного помолчала. – И сейчас.

Он улыбнулся, но его улыбка быстро потускнела.

– Спасибо, Этли. За все.

– Не думаю, что я так уж много сделала.

– Ты сделала больше, чем все остальные, вместе взятые, – заверил ее Кеттлер.

Она улыбнулась.

– Это очень мило с твоей стороны, Сэм.

– Ну, а ты посещала терапию? – спросил он.

– В некотором смысле, – ответила Пайн, допила пиво и сказала: – Мне пора в постель. Завтра будет трудный день.

Она поцеловала его в щеку и приподнялась, собираясь выйти из «Джипа».

– Я не псих, Этли, клянусь, – выпалил он.

Пайн наклонилась к нему, погладила по щеке и нежно улыбнулась.

– Разве ты еще не понял, Сэм? Мы все немного сумасшедшие. Наша сила в численности.

* * *

Пайн и Блюм слетали на Восточное побережье, чтобы забрать «Мустанг» с долговременной стоянки в аэропорту Рейгана. И заодно навести Пристов в Бетесде.

Бен Прист выздоравливал в доме брата.

Когда они приехали туда, дверь им открыла Мэри Прист. И хотя они предупредили о своем визите, Мэри с удивлением посмотрела на Кэрл Блюм.

– Знаю, дорогая, – сказала та, похлопав ее по руке. – Я чувствовала себя ужасно, когда мне пришлось обмануть вас, но это было необходимо, чтобы вернуть вашего мужа.

В ответ Мэри обняла обеих женщин и заплакала.

Когда они вошли в дом, чтобы взглянуть на Бена, навстречу им выскочили мальчики, Билли и Майкл, находившиеся в комнате дяди. Эд сидел у его постели и ждал гостей.

Обоих братьев сильно избили, но они уже начали поправляться. Бен выглядел хуже, чем брат, – бледный и худой, лицо измученное.

Мэри закрыла за собой дверь, чтобы не мешать. Пайн присела на край постели, а Блюм осталась стоять рядом.

– Вы спасли нам жизнь, Этли, – сказал Эд.

– После того, как подвергла вас опасности, – напомнила она.

– Но сейчас все хорошо?

– До следующего раза, когда лидеры нашей страны захотят сделать какую-нибудь глупость, – ответил Бен и повернулся к Пайн. – Я слышал про Саймона и Оскара.

Пайн медленно кивнула.

– Полагаю, парни, которые стоят за этим, назовут их гибель сопутствующими потерями. Я же считаю это убийством. Ну, виновник в смерти Саймона расплатился по всем счетам. А лучшее, что я смогла

сделать для Фабриканта, – это получить деньги для его семьи и «Общества».

– Сначала, когда ко мне пришел Давид Рот, я подумал, что он безумен, – признался Бен. – Но потом понял, что с ума сошли некоторые члены нашего правительства.

– И вы помогли ему поступить правильно, – сказала Пайн.

– Нам просто повезло, что я давно заказал экскурсию на муле в каньон. И у нас все получилось.

– Чего нельзя сказать о бедной Салли Белль, – заметила Пайн. – Зато для остального человечества все закончилось хорошо.

Бен протянул руку, и Этли ее пожала.

– Я недооценил вас, – признался он. – Я считал себя профессионалом, а вас – любителем. Оказалось, что все наоборот.

– Я никогда не смогу понять мир, в котором вы живете, Бен. И никогда не захочу его понять.

– Я и сам начинаю приходить к такому же выводу. Как Давид?

– Насколько мне известно, он отправился в давно ожидаемый отпуск в место, где земля повсюду плоская.

– Я думаю, он заслужил это во всех смыслах.

Пайн посмотрела на братьев.

– И вы получили возможность провести время как одна семья. Никогда не принимайте это как должное. У многих людей нет семьи, которой они могли бы насладиться.

Блюм бросила пронизательный взгляд на Пайн, но промолчала.

* * *

На этот раз Пайн и Блюм потратили целую неделю, чтобы проехать на «Мустанге» через всю страну. Они часто останавливались, чтобы взглянуть на Америку так, как ни одна из них прежде не имела возможности на нее посмотреть.

Они сидели в небольшом кафе в Арканзасе, ели жареное мясо и пили сладкий охлажденный чай за столиком для пикника, а рядом дети в шортах и футболках играли в пятнашки.

– Знаешь, у нас действительно красивая страна, – сказала Пайн.

– На самом деле это много стран в одной, и каждая наделена собственной необычной красотой и сражается с собственными

проблемами. – Блюм откусила кусочек соленого огурца, предварительно окунув его в острый соус. – Но повсюду в основе лежит человечность, и... я даже не знаю, как сказать; наверное, общие *ценности*. Нечто вроде клея, скрепляющего нас вместе. – Она смолкла и улыбнулась. – Напоминает моих шестерых детей.

– В каком смысле? – спросила Пайн.

– Я не могу вспомнить ни одного дня, чтобы они не поссорились, пока росли. Кто-то кого-то начинал дразнить. Или кто-то кого-то стукнул. Или какая-нибудь парочка устраивала соревнование, кто кричит громче. А в это время двое других играли – и отлично проводили время. Но на следующий день *они* были готовы прикончить друг друга.

– И что, по-твоему, это значит? – спросила Пайн.

– Можно только надеяться, что, когда кто-то из них заболит, или серьезно пострадает, или будет по-настоящему нуждаться в сочувствии, все придут к нему на помощь. Ну, а в остальном, боюсь, рассчитывать не на что. Жизнь несправедлива, и люди себя обманывают, если думают, что кто-то взмахнет волшебной палочкой и все начнут мирно играть в песочнице. Очевидно, мы устроены иначе. – Она снова замолчала, чтобы сделать глоток чая. – Но, должна сказать, несмотря на вопли и драки, они были замечательными. И я не поменяла бы их ни на что другое.

Они вернулись в машину, опустили верх и поехали на запад.

– Я могла бы к этому привыкнуть, – сказала Блюм. – Может быть, нам следует устраивать такие поездки каждый год.

– Тельма, – сказала Пайн.

– Что?

– Я буду Тельмой. А ты – Луизой.

– Ну, ты и Джина Дэвис примерно одного роста. И я даже не знаю, сколько людей говорили мне, что я похожа на Сьюзен Сарандон, – добавила Блюм с довольной улыбкой.

– Значит, мы готовы начать?

– Настолько готовы, что я могу закричать от радости.

Блюм так и сделала, размахивая руками, словно находилась на каком-то спортивном соревновании.

Этли Пайн никогда так не смеялась за всю свою жизнь.

Глава 63

Пайн сидела в обновленном кабинете, подгоняя настройки своего эргономического кресла – настоящего произведения искусства, – способного на все, кроме разве что полетов. Впрочем, нельзя исключать, что где-то имелись соответствующие рычаги управления. Она провела ладонью по красному дереву нового письменного стола, посмотрела на новый ковер, а потом – на новую массивную дверь.

И перевела взгляд на стену, где так и остались вмятины.

Блум считала, что они должны играть роль сдерживающего фактора, и Пайн охотно с ней согласилась.

Она просматривала заголовки новостей на экране своего ноутбука. Страна шумела из-за серьезных изменений, произошедших в правительстве. Некоторые высокопоставленные лидеры неожиданно заявили об отставке. В том числе верхушка генералов Пентагона, глава Службы национальной безопасности и генеральный прокурор США, каждый давал собственные объяснения. Но ни в одном из заявлений не упоминалось участие в заговоре, направленном на уничтожение Северной Кореи.

Другие получили новые назначения, которые многих застали врасплох. Часть ключевых советников Белого дома также ушли в отставку, объяснив свое решение тем, что они хотят больше времени проводить с семьей. А президент неожиданно объявил, что, возможно, не станет участвовать в следующих выборах. Наконец, возобновились мирные переговоры с Северной Кореей, но теперь в них главную роль играли Южная Корея и Япония.

Даже по нынешним стандартам это был исключительный новостной цикл. Очевидно, Доббс с максимальной пользой использовал диск. Пайн ожидала, что в самое ближайшее время его назначат заместителем директора. «Проклятье, – подумала она. – Может быть, он станет кандидатом в президенты».

Зазвонил ее офисный телефон.

– Да, госпожа Блум?

– Специальный агент Пайн, вас хочет видеть джентльмен.

– По какому поводу?

– Он из Вашингтона, округ Колумбия, с запросом.

– Хорошо.

Дверь распахнулась, и в сопровождении Блум в кабинет вошел мужчина лет тридцати, который вел себя чрезвычайно самоуверенно. Острые черты лица, пристальный взгляд, синий костюм, накрахмаленная белая рубашка и солидный галстук, из нагрудного кармана выглядывает платок.

Пайн встала.

– Чем я могу вам помочь? – спросила она.

– Меня зовут Уолтер Тиллман. Я работаю на федеральное правительство.

– Так говорят многие, однако это далеко не всегда оказывается правдой. Могу я посмотреть на ваши документы?

Он достал бумажник и показал удостоверение личности с фотографией.

– Хорошо, что вы хотите? – спросила Пайн.

– Передать вам официальное приглашение в округ Колумбия.

– Зачем?

– Чтобы встретиться с некоторыми людьми, которые хотят с вами поговорить, – ответил Тиллман.

– Зачем? – повторила Пайн.

Он дернулся, и его взгляд помрачнел.

– Они считают вас талантливой и хотят, чтобы вы работали непосредственно на них.

– У меня уже есть работа.

Он окинул взглядом небольшой офис.

– Послушайте, без обид, но вы сидите в тесном кабинете в жуткой глуши.

– Нет, я нахожусь в местном офисе ФБР, в красивой Аризоне, рядом с единственным уникальным природным заповедником мирового значения, который имеется в нашей стране.

– Однако должность, которую вам предложат, будет значительно более престижной; вы перейдете на новый уровень и будете получать намного больше денег.

– Я не для того пошла работать в ФБР, чтобы разбогатеть. И меня не интересует престиж.

– Я не уверен, что вы меня поняли. Вас хотят видеть в округе Колумбия. На самом высоком уровне.

– И я отклоняю это предложение.

Тиллман окончательно отказался от соблюдения норм вежливости.

– Вы считаете себя особенной, не так ли? Из-за того, что сделали? –

прорычал он.

Этли посмотрела на две вмятины на стене и подумала, как же ей трудно отказаться от желания сделать третью.

– Вот что я вам скажу, Уолт. В тот день, когда ваши парни приберут собственное дерьмо, к моему удовлетворению, я подумаю о вашем предложении. Но я не настолько глупа, чтобы задыхаться от счастья из-за подобных перспектив. Что-нибудь еще?

– Нет, пожалуй, это все, – мрачно ответил он.

– Хорошо, потому что мне нужно уходить. Госпожа Блюм вас проводит.

И в тот же миг, словно она дожидалась этого момента, Кэрол распахнула дверь.

Пайн достала из шкафа пистолеты и убрала «Глок» в кобуру на поясе, а «Беретту» спрятала на лодыжке. Потом взяла со стула синий пиджак, прошла мимо Тиллмана и сказала Блюм:

– Я вернусь через пару дней.

– Удачного путешествия, специальный агент Пайн.

Этли вышла из кабинета, спустилась в гараж, надела солнечные очки, сняла брезент с машины и убрала его в багажник. Потом включила двигатель «Мустанга» и выехала на солнце.

Ей предстояла долгая поездка, и она заранее наслаждалась каждой милей и минутой, которые ей предстояло провести за рулем.

Старинный автомобиль взревел, мощный восьмицилиндровый двигатель быстро разогнал «Мустанг». Пайн помчалась из Аризоны по диагонали, через юго-восточный угол Юты, и выехала на шоссе, шедшее вдоль берега реки Колорадо, чтобы вскоре свернуть на восток к Скалистым горам.

Она остановилась лишь однажды – чтобы купить еды и зайти в туалет. Ела Пайн в машине, поглядывая на огромное небо, усыпанное звездами.

– До скорой встречи, Сэм, – сказала она, отсалютовав бутылкой с водой.

Этли ехала все дальше, рассчитывая прибыть во Флоренс, тюрьму особо строгого режима, за десять минут до полуночи. Она вышла из машины, надела пиджак и прикрепила к поясу значок ФБР.

К тому моменту, когда она сдала оружие и ее повели по коридору в комнату для посетителей, до полуночи оставалась одна минута.

Пайн села на тот же стул и посмотрела на ту же самую стену из поликарбоната, дожидаясь, когда его приведут.

В точности как во время ее предыдущего визита, Дэниела Джеймса

Тора сопровождали с полдюжины охранников. Они приковали его к столу и ушли, оставшись стоять за дверью, – всё как и в первый раз.

Тор повернул голову, сложил скованные руки перед собой и с любопытством посмотрел на Этли. Она решила, что именно оно заставило его согласиться на новую встречу.

Она достала из кармана фотографию.

И мгновение на нее смотрела.

Мерси не отводила глаз.

Затем Пайн прижала фотографию к стеклу так, чтобы Тор увидел смотревшую на него Мерси.

– Где моя сестра? – спросила она.

Моя благодарность

Мишель. Главная героиня этой книги обладает яркими, выдающимися способностями и характером, которые ставят ее в один ряд с самыми лучшими представителями ее профессии, и я уверен, что она тебе понравится.

Майклу Пичу, который превзошел самого себя.

Линдси Роуз, которая не упускает ни одной детали.

Энди Доддсу, Ниди Пагалиа, Бену Севьеру, Брайану Маклендону, Карен Козтолник, Бет де Гузман, Альберту Тангу, Бриджит Пирсон, Элизабет Коннор, Брайану Лемусу, Джэроду Тейлору, Бобу Кастильо, Энтони Гоффу, Мишель Макгонигал, Шерил Смит, Эндрю Дункану, Джозефу Бенинкейсу, Тиффани Санчес, Моргану Свифту, Стефани Сирабиан, Мэтью Балласту, Джордану Рубинштейну, Дейву Эпштейну, Рейчел Хейрстон, Карен Торрес, Кристоферу Мэрфи, Али Катрону, Трейси Дауд, Марте Буччи, Рене Корнблаху, Лукасу Фосету, Томасу Луи, Шону Форду, Лауре Эйзенхард, Мэри Урбан, Барбаре Славин, Кирше Макнамаре, и всем в «Гранд сентрал паблицинг» за то, что они не стоят на месте.

Арону и Арлин Прист, Люси Чайлдс, Лизе Эрбах Вэнс, Фрэнсис Жале-Миллер, Джону Ричмонду и Джулиане Надор за то, что они постоянно рядом со мной.

Митчу Хоффману, так упрямо убеждавшему меня написать эту книгу, что я сдался, а потом уже не мог остановиться.

Энтони Форбсу Ватсону, Джереми Треватану, Трише Джексон, Кейти Джеймс, Алексу Сандерсу, Саре Ллойд, Клэр Эванс, Саре Арратун, Стюарту Дуайру, Джонатану Аткинсу, Анне Бонд, Линн Уильямс, Натали Маккорт, Стейси Гамильтон, Саре Маклин, Шарлотте Уильямс и Нилу Лэнгу из «Пан Макмиллан» – вы лучшие в своем деле. И я с нетерпением жду первых отзывов.

Правин Нейдо и команде «Пан Макмиллан» из Австралии за то, что вы великолепно издаете мои книги.

Каспиану Деннису и Сэнди Вайолетт за то, что они такие замечательные юристы и друзья. Я всегда с нетерпением жду нашего ежегодного ужина, посвященного окончанию путешествия. И потрясающего мороженого на десерт!

Стивену Маату и всей команде «Бруна» за помощь в путешествии по Голландии.

Бобу Шулле за потрясающую читку книги.

Марку Стивену Лонгу за редактуру.

Моему близкому другу доктору Хане Эриксен за информацию про путешествия по Гранд-Кэньон. Эпизод про «Хайнекен» написан исключительно для тебя!

Специальному агенту ФБР (в отставке) Бобу Алмеру за то, что он обеспечил меня тонной информации про Бюро. И его дочери Венди Нори, познакомившей нас.

Дане Шиндлер за потрясающую исследовательскую работу и верную дружбу.

Энн и Пою Бюэльсбах за то, что поделились со мной своим опытом путешествия на мулах и невероятно интересной информацией про Каньон.

Победителям благотворительных аукционов Кэрол Блум (Амелиа айленд бук фестивалз осорз ин скулз), Сон Нам Чону (Роберт Ф. Кеннеди хьюман райтс), Колсону Ламберту (Прожект Кешер) и Давиду Роту (Марк Твен хаус и мьюзеум). Надеюсь, вы получили удовольствие от своих героев, и спасибо за поддержку этих замечательных начинаний.

Бенджамину Присту, с запоздалым подарком на бар-мицву.

Майклу Батлеру за то, что помог превратить «Колумбийскую розу» в надежную пищущую машинку.

notes

Примечания

1

Примерно 180 см и 183 см. – *Здесь и далее прим. пер.*

2

Детская считалка.

3

193 см.

4

Примерно 127 кг.

5

Служба национальных парков.

6

Amazon Echo, известный также как «Алекса» (по кодовому слову инициализации), – смарт-динамик разработки корпорации Amazon.com; центральный узел системы домашней автоматизации.

7

«Пурпурное сердце» – военная медаль США, вручаемая всем американским военнослужащим, погибшим или получившим ранения в результате действий противника.

8

Соотв. 67,6 км и 6706 м. Последняя цифра представляется сильно завышенной, поскольку максимальная глубина Гранд-Кэньон достигает 1,6 км, а его средняя высота над уровнем моря – 2100 м (Южный откос) и – 2400 м (Северный откос).

9

Американская идиома, обозначающая человека, любящего проводить анализ чужих ошибок задним числом; намек на болельщиков, ругающих своих квотербек на следующий после воскресного матча день (квотербек – разыгрывающий игрок, ключевая позиция в нападении любой команды по американскому футболу).

10

Колоноскопия – медицинский эндоскопический диагностический метод, во время которого врач осматривает и оценивает состояние внутренней поверхности толстой кишки; пропофол – короткодействующее снотворное средство, предназначенное для внутривенного введения.

11

Английское слово *shattered* переводится как «расколотый», «разбитый вдребезги».

12

Посттравматическое стрессовое расстройство.

13

No Mercy – «нет милосердия», или «нет пощады» (*англ.*); имя сестры Этли Пайн – Мерси – означает «милосердие».

Куантико, штат Вирджиния, – место расположения, в частности, Академии ФБР.

15

Специальный руководящий агент.

16

Уалапай – племя индейцев, проживающих в горах на северо-западе штата Аризона.

17

Марка виски.

Управление уголовных расследований.

19

Миллениалы, или поколение Y, – родившиеся после 1981 г., характеризующиеся прежде всего глубокой вовлеченностью в цифровые технологии.

Известная американская фирма-производитель и поставщик спортивной одежды и экипировки.

Дон Риклс (1926–2017) – американский сатирик, актер телевидения, кино и эстрады, телеведущий.

Priest (*англ.*) – священник.

23

По государственной шкале зарплат – доход в 75–100 тысяч долларов в год.

24

Соответственно 48-й размер и приблизительно 2,01 м.

«Технологии, развлечения, дизайн» (ТРД) – американский частный некоммерческий фонд, известный прежде всего своими ежегодными конференциями, проводящимися с 1984 г.

Джордж Смайли – английский разведчик, персонаж серии романов Дж. Ле Карре.

27

Т. е. до 152 см.

Кевин Спейси (р. 1959) – американский актер, кинорежиссер, сценарист, продюсер; речь идет о его роли в детективном фильме Б. Сингера «Подозрительные лица» (1995). По ходу фильма выясняется, что «слабое звено» банды по кличке Болтун и есть ее главарь Кайзер Созе.

Джейсон Борн – американский разведчик, агент ЦРУ, персонаж серии романов Р. Ладлэма.

Относительно расписания международных рейсов из Вашингтона в Москву – явные ошибки автора.

Тельма и Луиза – героини одноименного фильма Р. Скотта (1991), в котором они, отправляясь на отдых, совершают преступления, после чего вынуждены пуститься во все тяжкие.

Питчер – подающий в бейсболе, лидер команды обороны.

Обыгрывается текст песни *Take It Easy* группы «Иглз».

Одна из самых известных перестрелок в истории Дикого Запада.

Самодельное взрывное устройство.

36

Клик – неформальная единица длины в армии США, равная 1 км.

Table of Contents

[Дэвид Болдаччи Где моя сестра?](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Глава 19](#)

[Глава 20](#)

[Глава 21](#)

[Глава 22](#)

[Глава 23](#)

[Глава 24](#)

[Глава 25](#)

[Глава 26](#)

[Глава 27](#)

[Глава 28](#)

[Глава 29](#)

[Глава 30](#)

[Глава 31](#)

[Глава 32](#)

[Глава 33](#)

[Глава 34](#)

[Глава 35](#)

[Глава 36](#)

[Глава 37](#)

[Глава 38](#)

[Глава 39](#)

[Глава 40](#)

[Глава 41](#)

[Глава 42](#)

[Глава 43](#)

[Глава 44](#)

[Глава 45](#)

[Глава 46](#)

[Глава 47](#)

[Глава 48](#)

[Глава 49](#)

[Глава 50](#)

[Глава 51](#)

[Глава 52](#)

[Глава 53](#)

[Глава 54](#)

[Глава 55](#)

[Глава 56](#)

[Глава 57](#)

[Глава 58](#)

[Глава 59](#)

[Глава 60](#)

[Глава 61](#)

[Глава 62](#)

[Глава 63](#)

[Моя благодарность](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

9
10
11
12
13
14
15
16
17
18
19
20
21
22
23
24
25
26
27
28
29
30
31
32
33
34
35
36